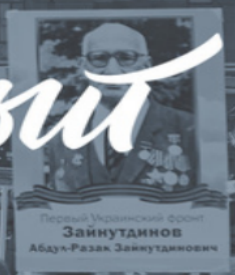
Народная книга

Бессмертный полк



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Каждый год на сайте «Бессмертного полка» (moypolk.ru) появляются десятки тысяч новых семейных историй. Письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградных документов… Из таких вот историй складывается прошлое, настоящее и будущее России.

Сегодня мы представляем вам Книгу Народной Памяти, в которой собрана лишь небольшая часть таких историй. Главные персонажи здесь – простые люди, а авторы – они сами и их потомки… Книга Народной Памяти – это война в лицах и судьбах, это наша с вами история войны.

Ваш «Бессмертный полк»

- Автор-составитель Виктория Шервуд
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ От создателей сборника
  - ○ Роман Сенчин
  - ○ Часть первая
    - ■ На войне как на войне
    - ■ Объяснение в любви
    - ■ Морской конвой и механик Евграфов
    - ■ Ходил в разведку как на работу
    - ■ Командир батареи
    - ■ Предсказание
    - ■ Последний ветеран полка
    - ■ «Как я ходил в партизаны»
    - ■ Вещий сон
    - ■ Рана наяву и выстрел во сне
    - ■ Разведка боем
    - ■ За пять дней до капитуляции
    - ■ Молитва ребенка
    - ■ Впереди орудий
    - ■ «Будь тем доволен, что есть…»
    - ■ Похороненный заживо
    - ■ Дядя Ларывон
    - ■ Питомец «Ребячьей академии»
    - ■ Несломленная яблоня
    - ■ Командир взвода танков
    - ■ Мой дед отражал атаки «тигров» и «пантер»

- Сын полка
- Летать хотелось – романтика!
- Парень из нашего города
- На войну с Красной площади
- В застенках концлагеря
- Месть партизана
- Отца ждал трибунал
- Они венчались не в церкви
- Водитель полуторки
- Спасла «мертвая зона»
- До Берлина оставалось 60 километров…
- На нас обрушился шквал огня!
- Стрелок Ваня
- Военный путь мотоциклиста
- Встреча на Курской дуге
- «Время собирать камни»
- Вся жизнь была связана с армией
- От Ленинграда до Японии
- Революционер, криминалист, фронтовик
- Командир пулеметного расчета
- Мама охраняла Черчилля
- Огонь батареи
- Дом, который построил прадед
- От пианино к пулемету
- Я был партизаном…
- На батарее – сплошь девчонки!
- Фотография в альбоме
- Праздничная ночь
- Разведчик, сапер, инженер
- Алюминиевая ложка
- В живых осталась одна Вера
- Профессия спасла жизнь
- По Красной реке
- Я выполнил задание
- Военный романс
- На фронт попал еще мальчишкой
- Подруги-москвички, бойцы-снайперы
- В поисках немцев
- Мой батя – командир!
- Снайпер Мария Кошкина
- Простите, что плохо слушали
- Страшный бой с батальоном смертниц
- Дело разведчиков
- Воздушный рабочий войны

- Ген героя
- Последний сеанс
- Учитель идет на войну
- «Умирать в конце войны совсем не хотелось»
- Счастливый случай
- Военно-полевой роман
- Пропавший без вести
- Дневник бойца
- Жажда жизни
- Героями не рождаются
- Самый дорогой подарок
- Отца спасла похоронная команда
- «Будем жить!»
- В прятки со смертью
- Дед полка
- От Орла до Праги
- Жизнь и смерть снайпера
- Трудности перевода
- «Шумел сурово брянский лес…»
- Небо стало для него призванием
- Художник, не рисующий войну
- Девушка в военной шинели
- И затряслись стены замка
- Здравствуй, дед!

○ Часть вторая

- По рельсам войны
- Бойцы Комсомольского полка
- Я родилась в Бутырской тюрьме
- Невские мосты на дороге Победы
- Медсестра из Кобоны
- Ребенок угасал на глазах у матери
- От бомбежек мы не прятались
- Игры со смертью
- «За всё судьбу благодарю…»
- Пять килограммов надежды
- Председатель колхоза
- Стахановке – ложку каши
- Несколько раз вывозили на расстрел
- Желтые кувшинки на реке
- Моя героическая мама
-
- С надеждой на победу
- На женских плечах
- Донос соседки привел в партизаны

- Белое золото
- Звериное царство
- Ботаники вступают в бой
- За себя и за ушедших на фронт
- Боевые подруги
- История – жизнь, а жизнь – история!
- Мои родители были репрессированы
- Партизанский обоз и его герои
- Польские и немецкие коровы
- Ожившие страницы
- Труд под названием «война»

- notes
  - 1
  - 2

Автор-составитель Виктория Шервуд Бессмертный полк. Истории и рассказы. Народная книга

© Авторы, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

***

Руководитель проекта «Народная книга» *Владимир Чернец*
Координатор проекта «Народная книга» *Владимир Гуга*
Интернет-поддержка проекта «Народная книга» *Татьяна Майорова*

***

Организаторы проекта сердечно благодарят за оказание организационной и информационной поддержки своих партнеров:

Межрегиональное историко-патриотическое движение «Бессмертный полк», Официальный сайт движения «Бессмертный полк», сайт МИПОД «Бессмертный полк»

Межгосударственную телерадиокомпанию «МИР» и лично руководителя Службы интернет-вещания Марию Чегляеву

Штаб «Бессмертного полка» города Маркса Марксовского муниципального района

Газету «Воложка», город Маркс

Движение «Бессмертный полк» в городе Экибастузе (Казахстан)

Городскую газету «Голос Экибастуза» (Казахстан)

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Дмитровская центральная межпоселенческая библиотека» и лично Анну Шахову

Межрегиональный некоммерческий интернет-проект «Подвигу жить в веках!»

Фонд памяти полководцев Победы и ее председателя Наталью Ивановну Коневу

Руководство муниципального образования «Комендантский аэродром» и петербургскую писательницу Альбину Скородумову

Главного редактора газеты «Полезно пенсионерам» Светлану Васильеву

Предисловие

«*…Нашла фамилию дедушки в донесении о безвозвратных потерях. Читаю и плачу. Сама от себя такого не ожидала. Я ведь даже фотографии его не видела. Да что я… отец никогда его не видел: дедушка погиб за месяц до рождения сына…*» Это строки из письма, которое пришло на почту «Бессмертного полка». И таких историй много. Люди, которые и не думали заниматься поиском, вдруг находят своего фронтовика в паспорте воинского захоронения или в списках «подворного опроса». И приходит понимание, что есть некая невидимая нить, связывающая поколения. Сжимается сердце, словно случилось все это только вчера – война, разруха, голод… Словно все это – часть тебя самого, часть твоей жизни, твоей судьбы.

Одна из важнейших жизненных ценностей – ПАМЯТЬ. Сколько раз ее пытались и пытаются исковеркать.

На одном из полей сражений поисковики подняли погибшего и незахороненного солдата, при нем оказался медальон с фамилией и адресом… Вдове сообщили, в каком бою и когда погиб ее муж. Через много лет она смогла избавиться от клейма жены «без вести пропавшего», то есть «предателя, изменника». Но женщина все эти годы верила, ждала и помнила, что ее муж – герой, защищавший Родину. Страдала от осуждения окружающих, страдали ее дети. Но память оказалась сильнее пропаганды, бюрократии и времени. Сколько таких судеб? Миллионы.

На сайт «Бессмертного полка» приходят сотни фотоотчетов о праздновании 9 Мая. Тысячи фотографий: колонны «Бессмертного полка», люди с цветами и портретами… Но есть и другие снимки: пожилой человек скромно стоит в стороне с выцветшей фотографией в руках, а иногда и фотографии нет, только фамилия, имя и отчество, написанные на листке бумаги. Он словно боится или стесняется присоединиться к общему празднику. Десятилетиями людям вбивалось в голову: «Твой отец пропал без вести, а кто знает, что там было на самом деле?» Нельзя было говорить про «Вяземский котел», про операцию «Марс»… Еще 20–30 лет назад нельзя было писать про войну в Афганистане, «не рекомендовали афишировать» потери в «первой чеченской войне»… Кто знает, может быть, завтра вновь создадут единую для всех историю, в которую вновь не впишутся судьбы миллионов семей. Но сейчас есть возможность найти, нащупать ту самую незримую нить, которая связывает нас с таким далеким и в то же время недавним прошлым. Мы можем воссоздать историю по рассказам наших родных и близких. Еще живых и уже

ушедших очевидцев тех событий. Право на личную, семейную ПАМЯТЬ – это благо, которое сегодня есть у нас. Так же, как и возможность поделиться ей с другими.

Каждый год на сайте «Бессмертного полка» (moypolk.ru) появляются десятки тысяч новых семейных историй. Письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградных документов… Пройдут десятилетия, представители новых поколений, праправнуки воинов и работников тыла, будут читать эти истории. И кто-то спустя пятьдесят, сто лет вновь напишет: «…Читаю и плачу. Сама от себя такого не ожидала…». Это и есть реальная, не придуманная история семьи. Из таких вот историй складывается прошлое, настоящее и будущее России.

Сегодня мы представляем вам Книгу Народной Памяти, в которой собрана лишь небольшая часть таких историй. Главные персонажи здесь – простые люди, а авторы – они сами и их потомки. Составители сборника сознательно не искали знаменитых артистов, популярных политиков. Главный критерий отбора – жизнь и судьба простого человека: солдата, труженика тыла… Книга Народной Памяти – это война в лицах и судьбах, это наша с вами история войны.

Ваш «Бессмертный полк»

Сергей Лапенков, Сергей Колотовкин и Денис Бевз (Томск), Юрий Пургин, Вячеслав Сметанников и Александр Копейка (Алтайский край), Ксения Карпычева (Благовещенск), Светлана Некрасова (Архангельск), Елена Поротикова (Астрахань), Ирина Конева (Белгород), Вячеслав Черепахин (Волгоград), Максим Толстов (Урюпинск), Юлия Арсеньева (Вологда), Елена Салтыкова (Зима, Иркутская обл.), Сергей Якушев (Калининград), Павел Селезнев (Калуга), Наталья Назарова (Монреаль, Канада), Игорь Вариченко (Петропавловск-Камчатский), Татьяна Думенко (Кемерово), Максим Кутрунов (Прокопьевск), Татьяна Яковчук-Жигулина (Тольятти), Владимир Щербаков (Рязань), Наталья Донских (Сеул, Корея), Сергей Рогов (Горно-Алтайск), Анна Маркова (Кострома), Татьяна Патанина (Красноярск), Сергей Харшин (Ачинск), Андрей Воронцов и Ярослав Фомин (Курган), Евгений Голуб (Ленинградская обл.), Михаил Чураков (Луга), Светлана Иванова (Переславль-Залесский), Вероника Крылова (Москва), Руслан Шабаев (Московская область), Екатерина Игнашева (Мурманская область), Антон Иванов (Рыбинск), Евгений Рожков (Великий Новгород), Ирина Рудковская (Новосибирск), Надежда Рипинская (Орел), Татьяна Богатенкова (Оренбург), Татьяна Артюнина (Псков), Вадим Курилов (Уфа), Владислав Кан-оол (Тува), Всеволод Пименов (Абакан), Анна Отмахова (Пермь), Евгений Головин (Хакасия), Оксана Ачкасова

(Чебоксары), Григорий Кунис, Наталья Дмитриева и Игорь Дмитриев (Санкт-Петербург), Олеся Глушкова (Первоуральск), Елена Яценко (Новоуральск), Елена Сухих (Нижний Тагил), Денис Ражин (Лесной, Свердловская область), Александр Дядюк (Ставропольский край), Евгения Тайцай (Кисловодск), Денис Ушаков (Пятигорск), Ольга Ванюшкина (Ульяновск), Иван Коваленко (Симферополь), Андрей Булавинцев (Ялта), Светлана Чуйко (пос. Провидения, Чукотка), Алексей Мирошниченко (Ярославль), Петр Пицко (Брест, Республика Беларусь), Юлия Клинкович (Республика Казахстан), Алена Смирнова (Кыргызстан), Софья Парфенова (Австрия), Ксения Тимбай и Мария Плотникова (Австралия), Ирина Гончарова (Антверпен, Бельгия), Полина Босилкова (Болгария), Яна Заугарова (Берлин), Бория Зильберберг (Гамбург), Натан Гринберг (Израиль), Игорь Братушка (Кипр), Кристина Бутусова (Дублин, Ирландия), Ефим Тойбин и Марина Иванникова (США), Татьяна Дале (Норвегия), Елена Тимофеева (Пекин, Китай), Марина Федорцова (Джакарта, Индонезия), Анна Мантере (Хельсинки, Финляндия)

От создателей сборника

Дорогие читатели!

С каждым годом все больше участников акции «Бессмертный полк» выходят на улицы, чтобы почтить память своих прошедших через войну героических родных. Этот парад – яркое свидетельство сплоченности и единства нашего народа. Еще одно свидетельство – этот сборник, в создании которого приняли участие самые обычные люди.

Материал книги «Бессмертный полк» собирался с 22 июня по 30 ноября 2016 года. За это время организаторы проекта получили сотни текстов, фотографий, фронтовых писем, оперативных карт, наградных свидетельств, похоронных извещений и других важных документов, свидетельствующих о жизни и подвигах бойцов «Бессмертного полка». Но главное, это человеческие истории. В них – настоящая правда о войне. Правда, ставшая предметом гордости детей, внуков и правнуков победителей. Авторы историй, попавшие в сборник, – люди разных профессий, разного возраста. Еще живы, к счастью, ветераны, которые рассказывают о войне от первого лица. Есть среди них и такие, кто перешагнул столетний рубеж. Но большинство авторов пишут о старшем поколении – родителях, дедах и прадедах. О том, как учились воевать, преодолевали страх, как встречались с врагом лицом к лицу. Как голодали и работали на износ в тылу, как ценой своей жизни спасали других.

Герои книги – мальчишки, которые рвались на фронт, добавляя себе возраст. Семнадцатилетние девчонки, обивавшие пороги военкоматов, чтобы получить возможность защищать Родину. Безвестные труженики тыла, солдаты, пропавшие без вести, даже жертвы культа личности, которые оставались патриотами. Матери, спасавшие своих детей в нечеловеческих условиях. Дети-партизаны, для которых риск стал образом жизни. Дедушки, отправлявшиеся на передовую. Наивные, бесстрашные, романтичные, лишенные иллюзий, молодые и старые, наши родные, на долю которых выпало огромное испытание под названием Война. И огромный труд. Без них не было бы нашей страны и нас с вами.

Они уходят от нас в Вечность. Но народная акция «Бессмертный полк» продлевает им жизнь, побуждает нас, потомков, вспоминать о своих родителях, дедах и прадедах, об их славных делах.

К сожалению, объем сборника не позволил включить в него все истории – много достойных текстов осталось за кадром. Все

истории «Бессмертного полка», в том числе не вошедшие в сборник, опубликованы на соответствующей странице проекта «Народная книга» на сайте nk.ast.ru.

Спасибо всем партнерам, участникам, читателям проекта «Бессмертный полк. Народная книга»! Но главное – спасибо всем авторам, которые внесли свой вклад в нашу общую историю, в историю «Бессмертного полка». Наш парад продолжается!

Роман Сенчин
Хочу поделиться с вами…

«Бессмертный полк» появился как нельзя вовремя – ветераны, которых, к сожалению, остается всё меньше, видят, что Победа не стирается из народной памяти, не теряет своей великой ценности.

Подобные шествия происходили и раньше, но эпизодически, локально. Тогда ветераны были рядом с нами, они жили в каждом доме, и казалось, что так будет всегда. Но время неумолимо. Несколько лет назад умер последний на планете ветеран Первой мировой, так же в недалеком уже будущем мы проводим последнего ветерана Второй мировой, Великой Отечественной. Но эта война и эта Победа не должны стать событием отдаленного прошлого. И главный способ не сдать их в архив истории – живая память.

Мои родители появились на свет в Сибири во время войны. Мама в 1943-м, отец – в 1944-м. Один мой дед, отец мамы, Павел, был инвалидом – повредил глаз еще в детстве, поэтому на фронт не попал; другой дед, Петр Платонович, оказался в Красноярске в 1942-м или 1943-м с тяжелейшим ранением – осколком была пробита насквозь грудь.

Красноярские госпитали являлись одними из самых восточных в стране, туда направляли в основном тех, кто вряд ли уже встанет в строй.

Моя бабушка, баба Наташа, мама отца, была санитаркой в том госпитале, где лежал Петр Платонович. Там они познакомились, а позже поженились. У них родились двое сыновей… Петр Платонович умер, когда старшему, моему отцу, было 13 лет. Умер от раны: отец запомнил, что каждый день баба Наташа делала деду перевязку – рана так и не заросла…

Откуда он родом, как жил до войны, долго ли воевал, отец не знает: был мал расспрашивать. Позже, уже после смерти бабы Наташи, взрослым мужчиной, корил себя. Да и не принято, говорит теперь, семидесятилетний, было расспрашивать в то время. Дед имел какие-то награды (в то время юбилейных еще не вручали, значит, боевые), ими играли сыновья…

О ранении дед как-то сказал коротко в разговоре не с сыновьями, а с фронтовиками, но отец услышал: «Мина шмякнулась рядом, и – вот…» Осталось несколько фотокарточек, среди которых две, где он в форме, но разобрать звание, род войск – невозможно.

В общем-то типичная история… Только сейчас по-настоящему

возникла потребность узнать, найти, собрать. Это стало делом не горстки энтузиастов, а поистине всего народа. Большей части народа, вернее.

Выходят сборники писем с фронта и на фронт, публикуются солдатские дневники, которые, как доказали историки, вести никто не запрещал, но требовалось, конечно, не писать в них военные тайны; публикуются биографии воинов, и не только героев, но и рядовых «рабочих войны».

Героями были, по большому счету, все. И выражение «всенародный подвиг», это правда… Вспоминаю, один свой уже давний разговор с летчиком, ветераном войны. О боевых вылетах, как я его ни пытал, он почти ничего не рассказал, морщился, уходил от этой темы. Зато подробно описал, как ездил на военный завод на Урале за новыми самолетами.

Их группа добралась на поезде, поселилась в гостинице-казарме и стала ждать вылета обратно на фронт. Прошел день, другой, третий… Летчики стали возмущаться: «Когда? Там бои, а мы здесь прохлаждаемся!» Кто-то из заводского начальства сначала успокаивал, что вот-вот, а потом сказал: «Пойдемте». И завел летчиков в цех. И дальше ветеран заговорил со слезами в голосе, да и на глазах, помню, выступили слезы, поползли по морщинам: «А там пацаны за станками лет двенадцати на ящиках стоят… Девчата с кувалдами… Мы заткнулись и больше не торопили…»

И потому, когда я вижу на шествии «Бессмертного полка» портреты людей с медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Труженику тыла» – становится особенно… нет, не радостно, а тепло, что ли… Победу добывали не только солдаты, весь народ можно назвать участником той войны.

Отец Елизаветы Емельяновой, моей жены, Анатолий Федорович, воевал. Ушел на фронт в неполные шестнадцать лет, подделав год рождения. Был высокий, рослый, сибирский парень из знаменитого села Сухобузимское. Был артиллеристом, встретил Победу восемнадцатилетним лейтенантом. Потом всю жизнь прожил с документами, по которым был на три года старше.

У жены хранятся несколько фронтовых писем Анатолия Федоровича. И по ним видно, что это совсем мальчишка, почти подросток. Подросток, который командует взрослыми мужиками, видит смерть и получает пули (был два раза ранен).

Наша семья участвовала в шествии «Бессмертный полк». Мы не обсуждали – идти или нет. Это наш долг.

Увеличили фотокарточки; я раздобыл рейки, распилил кусок

ДВП, ошкурил края, а дочки наклеили на них белую бумагу, на бумагу – фотокарточки, ниже красивыми, большими буквами написали – «Емельянов Анатолий Федорович», «Сенчин Петр Платонович».

Прошли в Москве. От Белорусского вокзала до Замоскворечья.

Не знаю, как там было в голове колонны, а у нас – трудно сказать, в середине или ближе к хвосту (людей без всякой метафоричности собралось море) – царила торжественная печаль. Печаль не только по погибшим, а по тому поколению, что уходит… Не было выкриков типа: «Можем повторить!» Иногда пели песни военных лет, но не боевые, а – «Бьется в тесной печурке огонь», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат»… Транспаранты люди несли в основном самодельные, сделанные, как и мой, своими руками.

Очень трогательны (хотя это не то слово, конечно) были старушки, судя по всему одинокие, которые держали в руках просто потрескавшиеся, изломанные карточки. Нет у них возможности сделать, или купить, или где-то взять транспарант, не знают, где увеличивают фотографии. И вот они идут в огромной колонне, медленно, отставая, отходя в сторону, чтоб передохнуть. Дочери, а может, и вдовы солдат…

Поразила моральная и нравственная самоорганизация сотен тысяч людей – а когда мы оказались на Красной площади и Москворецкой набережной, стало ясно, что людей действительно сотни тысяч, – ими, кажется, владело единственное чувство: благодарность к тем, кто отстоял страну. Настоящую благодарность не проявляют бурно, ее не выкрикивают… И еще – всех связывала Память. Даже совсем молодых, даже детей, многие из которых наверняка никогда не видели своих дедов и прадедов.

Оглядываясь вокруг, радуясь в душе, что людей так много, я не мог отделаться от жуткого ощущения огромной утраты: миллионов прервавшихся родов, пресекшихся фамилий. Одни погибли в боях, другие – во время блокады Ленинграда, третьи – в концлагерях, четвертые – на оккупированных территориях, и так далее, так далее…

В этой толстой книге лишь малая часть историй, рассказов о своих близких, погибших и выживших в той страшной войне, что пришли на сайт «Бессмертного полка». Есть и свидетельства участников – ветеранов войны и труда – но немного. Их, тех, кто победил, всё меньше и меньше.

И тут хотелось бы обратиться к молодым людям, у кого живы бабушки и дедушки. Не обязательно воевавшие, трудившиеся в тылу. Военное поколение – это очень широкий слой людей.

Дыхание войны, следы войны чувствовались еще многие и многие годы после Салюта Победы.

Поторопитесь, расспросите старых людей о прошлом, о том, каким было их детство, из чего складывалась их жизнь, какие были радости, разузнайте вроде бы малозначительные мелочи, детали. Всё это окажется очень важно не только для вас, но и для той великой истории нашей страны, что собирается, сшивается из человеческих историй.

Почти в каждом рассказе, вошедшем в эту книгу, есть фраза вроде такой: «Хочу поделиться с вами…» Несколько смущенная интонация, но это правильно – о сокровенном, о родном нужно говорить сокровенно. Тем ценнее ваш рассказ. И каждому – не только тем, чьи рассказы вошли в эту книгу, но и всем приславшим, – хочется сказать: «Спасибо, что поделились. Спасибо».

Часть первая
На фронте

На войне как на войне

Сегодня мне 95 лет, я ветеран ВОВ. Во время Великой Отечественной был командиром артиллерийской батареи. Награжден пятью орденами: орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени и двумя орденами Отечественной войны II степени. Имею 20 правительственных медалей, в том числе две международные – от правительств Монголии и Чехословакии.

Марк Маркович Сегаль

Оглядываясь назад, могу сказать, что самое яркое, что было в моей жизни, то, что отложилось в памяти, – это, конечно, Великая Отечественная война.

Она для меня началась буквально с первых часов. В июне 1941 года я уже служил в армии на Украине, был младшим политруком. Наша часть называлась ВНОС (выявление, воздушное наблюдение, оповещение, связь). Мы вели наблюдение за «воздухом» и докладывали начальству о том, в каком направлении и в каком количестве летят самолеты. Стояли мы недалеко от границы с Румынией – союзником Германии.

22 июня – мой день рождения. Я сидел на скамеечке с очаровательной девушкой, говорили о жизни, книгах, строили планы. Вдруг около пяти часов утра над головой – гул. Над нами – низко-низко самолеты с крестами. Война. Я поспешил в свою

часть…

В том, что война будет, я не сомневался. И не только я. За месяц до вторжения у меня на руках был официальный документ о том, что война неизбежна. Мы только не знали точную дату. Так что шока по этому поводу не было. Удивило другое: несмотря на то что у нас было больше боевой техники, технических возможностей, оружия, мы терпели поражение за поражением. И только потом уже появилось серьезное сопротивление. Мы научились воевать.

Уроки мужества

Было ли мне страшно? Конечно! Особенно когда мы попали в окружение, надо было из него выходить, и мы лицом к лицу встречались с немцами. Через каждые десять – двадцать метров шли наши солдаты, переодетые в гражданскую одежду. Мы – на одном берегу, немцы – на другом. Встретились на мосту. Вот где страшно было! Немец увидел меня и радостно так спрашивает: «Desertieren?» Прошло время, и ситуация изменилась, теперь мы наступали.

Если говорить о мужестве, бесстрашии, то уроки такого мужества, иногда отчаянного мужества, нам давали женщины на войне, особенно санитарки.

Марк Сегаль в годы войны

Помню такой эпизод. Мы были в заграждении, немцы от нас – на расстоянии в триста метров, шла перестрелка. Между нами и врагом, чуть не посредине, лежит наш раненый солдат. От нас до него – метров сто пятьдесят. А как вытащить? Светло, не подползешь. И наша санитарка, Галей ее звали, стала на нас кричать: «Почему вы здесь, когда он там раненый лежит?» И полезла его спасать. Мы ее стянули в окоп за ноги. Объяснили, что дождемся ночи. Солдата спасли.

Разное на войне было. Воевал я на Юго-Западном, Воронежском, Центральном, на 1-м и 3-м Украинских фронтах, был и на Забайкальском фронте. Два моих брата полегли в войну: старший – под Сталинградом, второй – под Ленинградом.

Победу встретил в Праге, 8 мая 1945 года. Знаете, когда мы ехали, нам навстречу шли машины с немцами, румынами, венграми. Там совсем мальчишки были – 16–17 лет. И мы поднимали руки, приветствуя друг друга, потому что обе стороны, хотя и не было никаких официальных актов о капитуляции, знали: война закончилась. В Праге нас встречали цветами. Вы не представляете, какая была радость!

Мы пробыли в столице Чехословакии больше двух месяцев. Даже успели съездить на автомобиле в Австрию и посмотреть Вену. А что? Молодые были, любопытные. Гулять так гулять! Потом нас перебросили на Забайкальский фронт, и войну я закончил в Порт-Артуре, 14 августа 1945 года.

Мексиканский киллер

В мирное время серьезно занялся филологией. Со школы неплохо знал немецкий язык. И когда в плен попадали немцы, то их первичной «обработкой» занимался именно я. Выяснял фамилию, звание, номер части. Языки мне всегда нравились, однако, когда демобилизовался (еще год прослужил в Китае), то первым делом поехал в Москву – поступать в Институт внешней торговли. Опоздал на несколько дней. Председатель приемной комиссии увидел мои ордена и сказал: «Идите к министру внешней торговли Анастасу Микояну, он поможет».

А я… не пошел к Микояну и уехал в Ленинград, поступил в Первый ленинградский государственный педагогический институт. Тогда их в Ленинграде было два. Проучился четыре года, окончил вуз с красным дипломом. И в этот момент поступила заявка из Института имени А. И. Герцена – прислать выпускника. Выпускников было трое, но после сложного тестирования выбрали именно меня. Я проработал в пединституте (уже потом он стал университетом) шестьдесят лет, являюсь автором целого ряда оригинальных научных и научно-методических работ и одним из создателей первого в нашей стране учебника английского языка с аудиоподдержкой.

Знаю английский, немного французский, немецкий. Моя специализация – теоретическая фонетика и страноведение (Великобритания и США). Очень долго занимался методикой изучения иностранных языков. В нашем институте была создана

лаборатория устной речи – ЛУР. Работа была очень интересная, к тому же она давала возможность много ездить по нашей стране, выезжать на Запад и в США.

Я влюблен в путешествия! «Пропахал» почти всю Европу, неоднократно был в Англии, объездил 20 штатов в Америке. Пять раз был в Израиле, где прошел по стопам Христа.

Путешествия – это новый мир, новые люди. Знаете, в Техасе со мной произошел забавный случай. Возле мексиканской границы заглянул в бар. Кроме меня, там был типичный мексиканец: сапоги, шляпа, усы. Долго меня разглядывал, потом, видимо, разглядывать надоело, подсел ближе. На ломаном английском языке спросил, откуда я. С гордостью ответил: Россия, Санкт-Петербург. Он оживился: в первый раз, мол, вижу русского. Выпили мы с ним. И он вдруг говорит: «Марк, я мексиканский киллер. Убиваю людей за деньги. Но ты, Марк, очень хороший парень, поэтому я убью тебя бесплатно». И мы расхохотались. На том и расстались…

Меня часто спрашивают – хотел бы я эмигрировать? И я всегда отвечаю им так: «Никогда! Здесь – мой дом, город, родной университет. Здесь моя жизнь…»

Марк Маркович Сегаль

Объяснение в любви

О моем папе, Элконине Михаиле Борисовиче (1.11.1924—10.01.2010)

В течение всей своей жизни я пыталась найти ответ на вопрос «Почему мы называли наших родителей поколением динозавров, которое вымирает», причем называли с восторгом, восхищением, уважением. Почти у всех девочек и мальчиков, с которыми я училась в школе, были потрясающе интересные родители. Вначале мне казалось, что это из-за того, что школа привилегированная, единственная в городе английская школа, и народ в ней был соответственный. Но время идет, и я все лучше и лучше понимаю, что дело совсем не в этом. Просто наши отцы 17—20-летними мальчишками по шли на войну и сумели пройти ее, не сломавшись. После войны, в мирное время они чувствовали себя такими счастливыми своим честным, добрым, заслуженным счастьем, что их радостное состояние распространялось на всех, кто был рядом с ними.

В настоящее время много говорят о негативном влиянии войны на характер человека. Пытаются объяснить какие-то травмы психики, которые люди получили на разных войнах. Слава богу, мы тогда ничего этого не знали, а наши отцы излучали такое тепло, словно они пытались «миром дома своего» компенсировать себе страшные годы, которые они провели на войне.

Интересно, что папа о войне рассказывал очень просто, без пафоса. То расскажет, как он научился паковать походную сумку, когда я не могла разумно запихнуть книжки в свой неподъемный портфель, то расскажет, как они держали хлеб свежим, завернув его в бумагу, чтобы до следующей стоянки он, не дай бог, не перестал быть вкусным. С папой рядом хлеб действительно был всегда вкусным. Единственное, что его всегда огорчало, это, если я не доедала хлеб, а оставляла его на тарелке. Он меня не стыдил, но молча доедал за мной.

Они были какие-то другие, наши отцы. Из какого-то другого мира. А уж как самозабвенно любили своих дочек (это, правда, не мешало им любить наших мам!). Их любовь была сильной, доброй. Они ее не скрывали, не стеснялись обнимать и целовать наших мам у нас на глазах. Это казалось нормой, хотя и резко контрастировало со сдержанностью нашей той жизни.

«У тебя какие-то странные родители, – часто говорили мне учителя в школе. – Не ругают за оценки, разрешают проспать пару

уроков. Какой ты вырастешь при таком воспитании?» Забегу чуть-чуть вперед и скажу: выросла нормальным, ответственным человеком, прошла через сумасшедший конкурс и поступила на филфак, была непоследней студенткой, уже больше 40 лет работаю в том же университете и «сею разумное, доброе, вечное».

Картинка получилась лубочная, но в ней ни слова неправды. Да, любили, любили меня родители до умопомрачения, потом так же любили мою дочь, свою внучку. И ничуть они нас своей любовью не испортили. Наоборот! Когда я начала писать о папе, я вдруг поняла, что в моем восприятии папа и мама были едины, а я была словно в «защитной броне» их любви.

О войне папа рассказывал многое и разное: про то, как часто не успевали подвезти патроны или велели «взять высоту» – домик на железнодорожных путях. А папа издали видел две большие и одну маленькую фигуры. Прежде чем стрелять, он пополз туда посмотреть. Стариков с девочкой спас, а его самого ранило. Но и тут папу спас его ангел-хранитель. Можно не верить в ангелов, но чем тогда объяснить то удивительное везение, которое сопутствовало папе по жизни. Я не говорю, что он не видел горя. Много видел: его любимого папу арестовали в 1939 году, а расстреляли в войну. Его могила не найдена, о судьбе ничего не известно, и такая неопределенность хуже самой горькой правды. С 15 лет мой папа стал единственным мужчиной в семье, где остались только его мама и сестра.

И все же у него был какой-то очень сильный ангел-хранитель. Моя бабушка по маминой линии говорила, что «рука дающего никогда не оскудеет». Я долго не понимала, что значит «оскудеет». Бабушка объяснила: «не останется пустой». Так она учила меня не быть жадной. И, словно по бабушкиной поговорке, за любой папин поступок ему воздавалось сторицей. А он любил делиться, отдавать, помогать людям. И тут тоже произошло чудо, вернее, несколько чудес. Хотя папу и ранило, когда он пытался спасти людей из домика на пригорке, и вокруг шел кровавый бой, папин друг сказал ему, что вернется за папой ночью и дотянет его как-нибудь до дороги, где его подберет какая-нибудь машина и отвезет в госпиталь. Друг вернулся, до дороги папу дотянул, машина его подобрала, и в госпиталь папа попал. И снова чудо: в госпитале папе хотели ампутировать ногу, так как уже началась гангрена, но доктор, делавший обход, сказал, что если найдут где-нибудь кислородный баллон, то, может, и получится спасти ногу. Баллон нашли, хоть и не сразу. А пока искали, молодая медсестричка сказала папе, что вы ходит его, что будет бороться и не даст лишить его ноги, пока в городе не найдут баллон. Она не спала несколько ночей, меняя папе повязки, и все получилось.

Позднее она рассказала папе, что загадала, что если ей удастся спасти папу от ампутации, то и ее жених вернется с вой ны живым. Так и вышло, словно папин ангел помог и ей. А после этого опять «не оскудела рука дающего», и папа встретил мою маму. Он впервые увидел ее в свои 6 лет, потом в семнадцать встретил ее 21 июня 1941 года на вечере в музыкальном училище, хотел подойти и познакомиться, но она пользовалась слишком большим успехом, и папа решил, что сделает это позже. А следующая их встреча произошла уже в консерватории в конце 1947 года, когда им обоим было по 23 года. Снова папу защитил его ангел. Когда они встретились вновь, папа уже не стал ничего выжидать. Прошло немногим больше года, и родилась я.

Виктория Тюменева (жена М. Элконина)

Вместе они прожили более пятидесяти лет, рука об руку шли по жизни, вместе выступали на сцене: она – пианистка, а он – альтист. Вместе дома растили дочку, потом внучку. Расстались только на девять лет, когда в 2001 году умерла мама, а папа умер в 2010-м. Хочется надеяться, что там они встретились.

Странно, но папа считал, что война ему дала очень многое. На ней он очень многое понял, встретил настоящего друга. Во время войны по-новому высветились его отношения с его сестрой и мамой. Сестра даже «пожертвовала» ему свой аттестат зрелости.

Дело в том, что папа не успел закончить школу и получить аттестат перед войной, а когда он демобилизовался в 1947 году, уже не было времени идти в вечернюю школу и досдавать оставшиеся экзамены, надо было зарабатывать и получать профессию. В консерваторию его взяли без экзаменов, закрыв глаза на тетин аттестат. В то время пришедшим из армии старались всячески помочь вернуться к нормальной жизни. Так папа и стал музыкантом, поскольку в детстве он учился в музыкальной школе.

Во всех рассказах папы о войне никогда не было ни тени хвастовства, ни намека на героизм, но в них угадывалось его редкое уважение к человеку, любому, неважно, большому или маленькому, главным во всем этом была папина уверенность, что нет ничего на свете ценнее жизни человека.

У него это, видимо, было от его отца. Когда-то мы смеялись, что папа делал много ошибок, когда писал. А он, ничуть не смущаясь, отвечал, что его учили дома бабушка и дедушка (они были учителями), а в школу они с сестрой несколько лет вообще не ходили. Ну я, конечно, засыпала его вопросами: А как это? Почему? Можно ли мне так? И папа рассказал, как он, впервые пойдя в первый класс, вернулся из школы и с восторгом стал рассказывать про то, как они были в школе на линейке вместе со взрослыми пионерами и даже «голосовали» за то, чтобы поймать, посадить и расстрелять самого… – не помню кого, но имя было какое-то исторически известное из окружения Ленина – Сталина.

Его дедушка побледнел и резко сказал: «Ты больше никогда не будешь голосовать за смерть или за увольнение кого-то. Не ты дал человеку жизнь – не тебе ее отбирать. Так же стыдно лишать человека куска хлеба. Запомни это, хоть ты еще маленький!»

С этого дня ни папа, ни тетя в школу не ходили. Папин дедушка считал, что в этой школе ничему хорошему научиться нельзя, раз они отвергают базовые человеческие ценности. В этом он был тверд. Школа, кстати, была знаменитая, немецкая: то ли

Петершуле, то ли Аннашуле, но для папиного дедушки это значения не имело.

Много лет прошло с тех пор. Я уже была взрослой, когда однажды вечером папа рассказал мне удивительную историю.

Дело было в самом начале войны. Он воевал на Ленинградском фронте (попал туда, прибавив себе год или два), был на самых страшных фронтах, на Невском пятачке, где боевые действия практически не останавливались. Папа, правда, говорил, что к ночи все затихало, и многие ложились спать, но кто-то дежурил и «держал врагов на прицеле». Жили бок о бок. Папа часто вспоминал запах немецкой тушенки. Когда ветер был в их сторону, то доносился этот запах, и очень хотелось есть.

Михаил Борисович Элконин

О блокаде папа говорил редко. Может быть, потому, что не хотел вспоминать, как на всех ленинградцев свалилось испытание голодом, а он сам, будучи семнадцатилетним мальчишкой, лежал на кровати и ничего не хотел делать. Его мама и сестра буквально «вытолкали» его на фронт, чем спасли ему жизнь. Весь его класс – он учился в капелле и пел в хоре мальчиков – умерли в блокаду от голода, а он с приятелем, прибавив себе по году, ушли на фронт, были в самой страшной ленинградской мясорубке, оба были ранены, но выжили. Потом приятель стал дирижером, а папа вернулся в Ленинград, в свою музыкальную школу, поступил

в консерваторию по классу альта и стал музыкантом. Окончив консерваторию, он несколько лет поступал по конкурсу в знаменитый оркестр Ленинградской филармонии и наконец с седьмого раза поступил и всю свою жизнь проработал в оркестре Мравинского. Папе не все давалось сразу, но он добивался своего. Он мечтал играть в белоколонном зале под хрустальными люстрами, и его мечта исполнилась. Этот оркестр имеет прямое отношение к моему рассказу и той удивительной истории, которую я услышала от папы.

Мы остановились на том, что на Ленинградском фронте по ночам все затихало, и казалось, что все было как в мирной жизни. Папа пошел за куст. Он смеялся, когда рассказывал мне эту историю: «Стою я за кустом и слышу звук струн с другой стороны куста. Оглянулся – немец, такой же смешной, такой же «бесштанный», как и я, в очочках, глаза за стеклами огромные, грустные. Мы с ним встретились взглядами и повернулись друг к другу спинами». После этого папа перестал смеяться, потому что, видимо, хотел объяснить мне что-то очень важное для него. «Понимаешь, – сказал он, – одно дело война, когда враг далеко от тебя, и ты стреляешь, но не видишь, в кого ты стреляешь. Совсем другое дело, когда человек рядом: он такой же, как и я. Не помню, был ли я с оружием, да это было не важно. Я просто повернулся спиной и пошел, не ускоряя шага. Не знаю, почему, – но я был уверен, что он не выстрелит. Я часто потом задавал себе вопрос, мог ли бы выстрелить я. Думаю, что не смог бы. У нас обоих была одинаковая судьба: мы оба мальчишками попали на фронт. В чем мы могли быть виноватыми друг перед другом?»

Папа редко говорил о войне. Казалось, что в этих воспоминаниях скрывался для него какой-то вопрос, а может быть, и ответ. У него была своя философия и очень свои жизненные подходы, отступать от которых он не хотел.

Когда закончилась война и через много лет, когда стали появляться фильмы, где пулеметной очередью звучала немецкая речь, а в фильмах о любви, где кто-то один из пары был немец или немка, никогда и нигде не воевавшие, заканчивались гибелью героев или их расставанием, папа только пожимал плечами и говорил, что ненависть не может длиться вечно. Самое странное из всего этого было то, что папа, несмотря ни на что, любил немецкий язык, говорил, что он очень музыкальный и певучий. Папа любил Германию, Австрию, Вену и Зальцбург. Они с оркестром много раз выступали там. На гастролях в Германии он много бродил по Берлину, любил Дрезденскую галерею. Однажды, приехав с гастролей по Финляндии, он с удивлением сказал мне: «Представляешь, на финском кладбище я видел

русские могилы, и гид сказал, что финны за ними тоже ухаживают». Это было ему понятно и близко.

У папы был всегда «мир внутри него». Поэтому меня не удивило то, что случилось потом. Папа был на гастролях, кажется в Дрездене. Перед приездом их оркестра пресса много писала и о Мравинском, и о великой русской музыкальной школе. Даже печатали какие-то довоенные школьные снимки юных музыкантов. По этим снимкам папу, видимо, и узнал его немец. В какой-то вечер после концерта к папе за сцену пришел пожилой немец. Форма его очков показалась папе знакомой и как-то всколыхнула его память. «Это ты?» – спросил тот по-немецки. «А это ты?» – спросил папа. «Я тебя узнал по школьному снимку. И вообще, ты не изменился» – сказал немец. У папы с юности была удивительная внешность и очень красивые рано поседевшие волосы.

Слава богу, времена тогда уже изменились. Ведь раньше папу могли бы и расстрелять, если бы об этой встрече стало известно тогда же. Тот парнишка в очках из-за куста тоже стал музыкантом. В тот вечер они много говорили. Говорили о том, что успели сделать в жизни, которую они могли друг у друга отнять. Оба они честно провоевали от звонка до звонка, сделав максимум возможного для своей страны. Но внутри эти люди были абсолютно мирными и мечтали об абсолютно мирных делах.

В этой же поездке по Германии папа нырнул в бассейн в отеле и раненой ногой разбил фонарь под водой. У него из пятки вынули семь или восемь осколков стекла, ровно столько, сколько у папы в ноге сидело металлических осколков от военного немецкого снаряда. Вина конструкторов бассейна было совершенно очевидна, и папе в Германии предложили подать на них в суд с требованием компенсации. «Господи, если бы вы только знали, как я хочу, чтобы был, наконец, мир в наших странах, – сказал папа. – Не буду я больше ни с кем воевать, а тем более в мирное время». Денежная компенсация могла быть большой, а им в то время платили копейки за концерты. Но это был бы не папа, если бы он ее потребовал. В этом он был весь: не помнил зла, легко прощал, был открыт для добра и больше всего на свете ценил человеческую жизнь.

Папа умер в 2010 году. Ему было 86 лет. Через пару лет у нас в квартире раздался телефонный звонок: звонил внук «папиного немца», сказал мне по-английски, что дед его умер, и что в оставленном им списке людей, которым он просил сообщить о своей смерти, было имя моего папы.

Людмила Михайловна Элконина

Морской конвой и механик Евграфов

Евграфов Виктор Михайлович (1893–1971)

…Мой дед, Виктор Михайлович Евграфов, умер, когда мне исполнилось восемь лет. Перед его гробом несли алую бархатную подушечку с наградами, которую бабушка сшила из какого-то своего наряда. Орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Знак Почета и множество медалей, с ними мне тоже посчастливилось познакомиться при его жизни.

Дед никогда не рассказывал о войне, не вспоминал о подвигах.

Но я-то знаю, что он воевал! Это то немногое, что мне удалось запомнить из его рассказов: историю про конницу Буденного, где ему посчастливилось бить белых, и про кобылу Мамзель. Я не мальчик, мне скучны описания баталий и даже то, что у дедушки была настоящая шашка, не трогает мою душу. Но его кобыла Мамзель прочно засела в памяти. Именно кобыла – не лошадь.

У машинного люка теплохода «Грознефть», дед – второй справа. 1927 г.

Великорусский оркестр теплохода «Грознефть. 1928 г.

На верхнем ярусе Пизанской башни. Италия. 1933 г.

Сам из рязанских, сын сапожника, дед после полной и окончательной победы большевиков, убрав шашку и попрощавшись с Мамзелью и Семеном Михайловичем Буденным, приехал в Нижний и поступил мотористом на пароход. Позже, в 1926 году, он окончил Ленинградский морской техникум. Каким бравым он был тогда! Какими бравыми были они все! Какое счастье, что у меня осталась папка с пожелтевшими фото, свидетелями того времени!

В 1936 году – последнее фото после долгого перерыва. Ни одного нет до 1948 года. Не до съемок было – война. Начавшаяся

для многих в сорок первом, для моего деда она началась раньше. С Испании.

Виктор Михайлович Евграфов. 1937 г.

Ему в 1936 году было уже 43 года – не восторженный юноша. Все просто: возил повстанцам оружие. Когда он уходил в «испанский» рейс, беременная жена – моя бабушка, которой об этом было сказано перед самым отходом судна, – прощалась с ним, словно навсегда. Все знали, что в Испании неспокойно, и

недоумевали – что забыли наши сухогрузы в стране диктатора Франко, охваченной огнем гражданской войны? Идти в Испанию было опасно.

Мой дед был в полном смысле слова Дедом, по-судовому выражаясь, то есть старшим механиком. Отвечал за работу судовых систем и механизмов. Дед на судне – второй человек после капитана, его боятся и уважают. По словам знакомых, моего Деда боялись многократно, настолько же и уважали. Дисциплина у него была железная, как на судне, так и на берегу. Это мы, домашние, имели возможность прочувствовать на себе. Даже я, дедова любимица, не смела ослушиваться и возражать.

Всю Великую Отечественную войну мой дед так и проработал по специальности. Его не пустили на фронт, у него была бронь. В последние дни перед началом блокады жену с двумя сыновьями отправил в эвакуацию и ушел в очередной рейс. Ходил в том числе и северными морскими конвоями.

«Морской конвой – формирование, состоящее из группы передвигающихся по единому маршруту военных кораблей для защиты от неприятеля транспортов, перевозящих стратегические грузы. Конвой сопровождает конвоируемые корабли, которые имеют недостаточную мощь вооружений для самозащиты или совсем не имеют вооружений (транспорты, танкеры, грузовые суда)» – сухо сказано в «Википедии».

Переход из Англии в Мурманск или Архангельск занимал около двух недель, две тысячи морских миль, но какой ценой давались эти мили? Самолетам Люфтваффе требовалось всего полчаса, чтобы подняться с аэродромов Норвегии и нанести удар с воздуха. А под водой не дремали немецкие подводные лодки. Тем не менее этот опасный путь был самым коротким, а во время войны фактор времени был важен для армии как никогда. «PQ» назывались конвои, идущие на восток, в Россию, и «QP» – те, что двигались в обратном направлении. Это был единственный театр военных действий, где бок о бок сражались с фашистами советские, английские и американские моряки. Сегодня, когда во многих странах пересмотрены и переписаны итоги Второй мировой войны, ценность и героизм северных конвоев не подвергается сомнению. Оставшиеся в живых английские и американские их участники у себя на родине до сих пор считаются героями.

Конвои шли в Советский Союз с тоннами ценных стратегических грузов, продовольствия, обмундирования. Каждый шестой истребитель, каждый пятый бомбардировщик для Красной армии, две трети всех грузовиков, локомотивы, железнодорожные вагоны – все это не могло бы появиться без грузов конвоев. Везли

они и огромное количество заводского оборудования, деталей, медикаментов. В обратный путь конвои шли из Советского Союза груженные сырьем.

Моряки торгового флота просто делали свою работу, но часто платой за нее становилась жизнь. Погода в северных морях редко бывает хорошей даже летом, а конвои как раз летом и не шли – фактор белых ночей препятствовал обеспечению безопасности перехода. Суровые условия зимы и осени на море заставляли людей постоянно существовать на пределе возможностей. Тысячи моряков, военных и гражданских, нашли последний приют в холодных водах северных морей, ведь температура воды здесь не поднимается выше восьми градусов по Цельсию. При любых обстоятельствах, даже когда рядом тонули товарищи из экипажа разбомбленного сухогруза, невзирая на потери, конвой обязан был идти, не останавливаясь. В этом был залог успеха, только таким образом можно было дойти до порта.

Если первые конвои прошли в пункт назначения достаточно успешно, то последующим пришлось несладко; германское командование быстро сообразило, какое подспорье получает Красная армия морским путем. О трагической судьбе конвоя PQ-17 – самого фатального из всех конвоев – много написано и рассказано. Он был практически полностью разгромлен в июле 1942 года, из 34 судов 23 потоплены. Из состава судовых команд погибли одновременно 153 человека. В связи с возросшей угрозой, правительства США и Великобритании после этого приостановили отправку конвоев. Советскому командованию пришлось срочно увеличивать численность авиации, которая вела разведку, прикрывала конвои с воздуха, наносила удары по базам, аэродромам и силам флота противника в море. Советские подводные лодки развертывались у вражеских баз и на вероятных путях перехода немецких крупных надводных кораблей. Только после этого конвои возобновили, причем в составе торговых судов увеличилось число советских сухогрузов. Всего в советские порты прибыл 41 конвой и ушло из них 36. Жертвами врага стали более ста военных кораблей и гражданских судов.

В 1943 году прошел последний северный морской конвой. Но до победы дед продолжал возить в Союз грузы по ленд-лизу, теперь уже из портов Америки во Владивосток. Я и сейчас при случае, когда нужно найти какое-то специфическое слово, пользуюсь дедовым англо-русским словарем, собственноручно им подписанным: «Куплено в Филадельфии, США, 1944 год».

После войны дед пришел домой только в конце 1945 года. Уже бабушка с сыновьями вернулась из эвакуации, а его всё не было. В Ленинграде 9 Мая 1945-го стояла чудесная погода, мой

девятилетний папа смотрел, как празднуют и веселятся на набережной Невы люди, но его отца не было среди них. Дед, как опытный механик, в это время в Германии участвовал в демонтаже и приемке оборудования.

Об этом мало пишут и говорят, но, пользуясь правами победителя, мы вывезли из поверженной Германии множество станков и механизмов, вывели большое количество судов. В соответствии с решениями Потсдамской конференции между союзниками был произведен раздел военного и вспомогательного германского флота. В числе прочего в качестве компенсации за утраченные в войну советские суда наша страна получила, например, два парусника, до сегодняшнего дня составляющие гордость русского флота: четырехмачтовый барк «Падуя», переименованный русскими в «Крузенштерн», и барк «Коммодор Енсен», носящий теперь имя Георгия Седова.

Перевозя в Советский Союз немецкое оборудование, дед имел много возможностей вывезти что-то и для себя лично, но я не помню у нас дома каких-то особых трофейных богатств. Никаких тебе сервизов и патефонов, шелков и прочего. Только одни небольшие немецкие часы с боем, неустанно много лет гремевшие на всю квартиру каждые полчаса, приводя в исступление гостей, остававшихся у нас ночевать. Мы же привыкли и совсем их не замечали.

После войны дед еще долго ходил в море, а выйдя на пенсию, перешел на работу механиком-наставником в Балтийское морское пароходство.

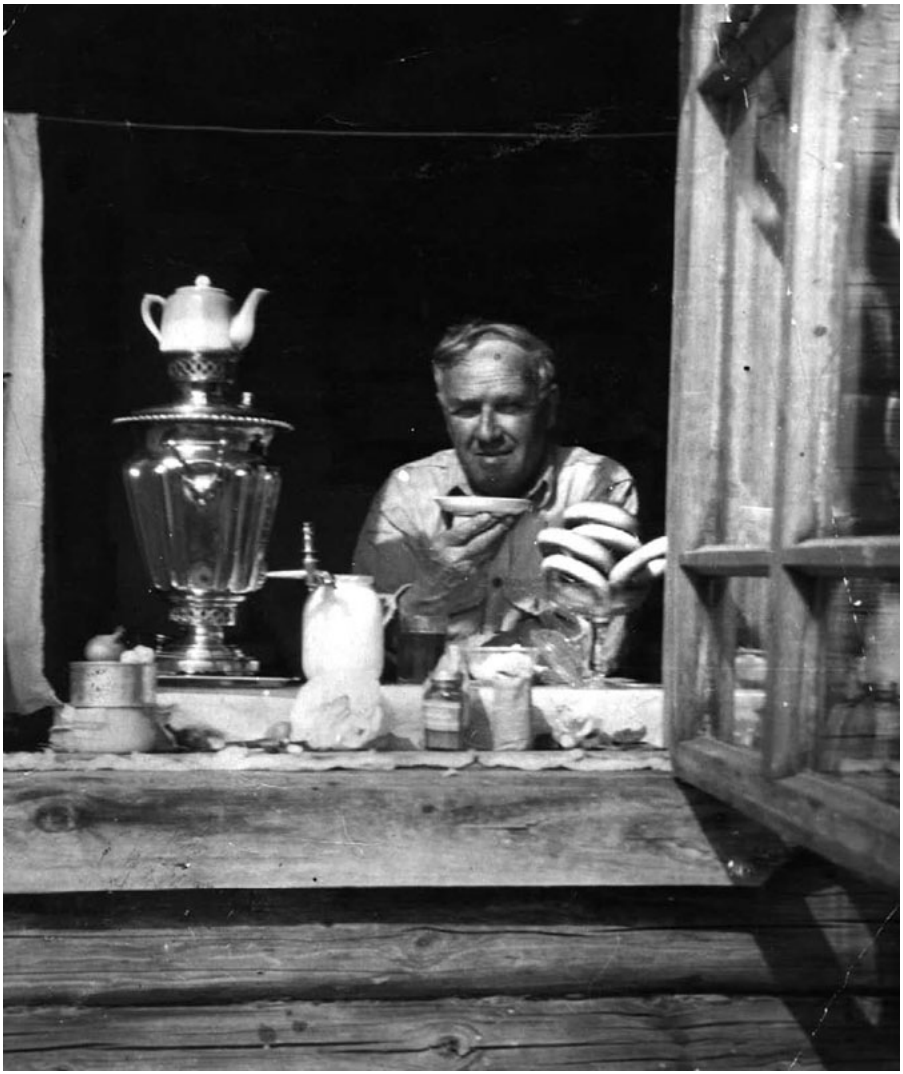
На охоте. 1959 г.

…Я сейчас, став взрослой, сознаю, что у деда были две удивительные особенности. Проведя всю жизнь на флоте, он никогда не ругался матом. Во всяком случае, никто из домашних этого не слышал. Ему и не нужно было материться – достаточно просто строго взглянуть из-под очков. Поэтому у нас дома не принято ругаться. Сын рязанского сапожника, он привил нам всем любовь к книгам и собрал за свою жизнь отличную библиотеку. Может быть, я потому и научилась читать в четыре года, что он позволял мне это делать, сидя на кровати в его комнате. Главное было – сидеть тихо, поэтому приходилось читать.

Еще более странно, что, пройдя такой героический путь, удостоившись чести обучать молодое поколение, мой дед не был коммунистом. Несколько раз его вызывали в партком пароходства и настойчиво предлагали вступить в КПСС, объясняли важность и необходимость этого поступка. Дед никогда не отказывался, он просил время подумать. Думал он долго, до тех пор, пока у встречной стороны не иссякало терпение и его напрямую не спрашивали о принятом решении, разумеется, положительном. Дед смотрел через круглые очки и решительно кратко отвечал: «Подумал. Недостоин». Он не был идейным противником коммунистов, просто жалел время на постоянные партийные собрания и пустые разговоры.

…Я хорошо помню разные его присказки. И скупой смех. И меховую жилетку, в полочку которой я упиралась, сидя на дедовых коленях. Отлично помню его меховую шапку, которую, даже обладая премией в области литературы, затрудняюсь описать: то ли ушанка без ушей, то ли кубанка-маломерок с меховым помпоном на кожаном верхе. Я помню лишь то, что трогало мою детскую душу и интересовало детский ум; например, подарит ли он мне, если хорошо попросить, зеленый треугольный пластиковый кошелечек с кнопочками? Кошелек из пластика он мне, кстати, подарил. Или – что скрывается за дверьми книжного шкафа, помимо старых пыльных книг? И не забудет ли он меня позвать, когда будет набивать патроны? Я же не знала тогда, что мой дед – герой. Мое внимание никто на этом не акцентировал. То есть я никогда в этом не сомневалась, но не осознавала полностью.

В машинном отделении теплохода «Волголес». 1960 г.



На даче. Ладожское озеро. 1960 г.

Я вспоминаю эти мелочи, потому что «Бессмертный полк» – не иконы, несомые на крестный ход. «Бессмертный полк» – еще недавно живые люди, со своими привычками, характерами, проблемами, взглядами. Они жили и любили, веселились и плакали, спорили и работали. Именно они построили многое из того, чем мы пользуемся до сих пор, не задумываясь об этом. И мы помним их не героями, бросающимися на амбразуры, – это все было без нас, в другой их жизни, – а такими, какими они были рядом с нами, в обыденной повседневности.

На дедовых похоронах к бабушке подошел кто-то из представителей пароходства и заговорщицки сообщил, что вскоре ее ожидает большой сюрприз. Бабушка довольно долго ждала и

гадала, но даже не приблизилась к истине. «Холодно», – как сказали бы тогда мы, дети.

В 1976 году на верфях Финляндии было начато строительство десяти однотипных сухогрузов класса ролкер, передовых по тому времени судов-контейнеровозов. Все они получили имена в честь судовых механиков, отдавших много лет жизни российскому флоту. В ноябре 1977 года на воду был спущен «Механик Евграфов». До 1996 года он ходил под российским флагом, и наша семья много лет дружила с членами экипажа, мы даже подарили на судно часть дедовой библиотеки. А потом теплоход был продан и ходил под флагами других стран, с другими названиями. Может быть, и сейчас еще ходит, во всяком случае, последнее упоминание о нем, которое я нашла, датируется 2011 годом. Совсем недавно.

Как недавно были и те дни, когда мы сидели с дедом и пили кофе вприкуску с сахаром. И нам казалось, что впереди много времени, провести которое мы сможем вместе.

Юлия Евграфова

Ходил в разведку как на работу

Почти все мои друзья и однополчане из 9-й танковой Бобруйско-Берлинского Краснознаменного ордена Суворова II степени корпуса, в который входила и моя 8-я мотострелковая Бобруйская орденов Суворова и Кутузова бригада, ушли из жизни. Так что записную книжку перед праздниками можно не листать… Да и самому мне уже – 90 лет!

До войны жили мы с отцом и матерью в Ленинграде, на улице Дзержинского (сейчас она вновь называется Гороховой), в доме 39. Летом сорок первого меня, еще четырнадцатилетнего мальчишку, отправили погостить к бабушке в Калининскую область, в деревню Лютово, под Кашин. Началась война – и вернуться в Ленинград я не смог. Остался у бабушки. Работал в колхозе. А летом сорок второго поехал в Кашинский военкомат, просился, чтобы меня взяли на фронт.

Мне сказали: «Молодой, подрасти немножко!» Вновь приехал в военкомат в марте сорок третьего: подрос, говорю. Возраст свой объявил честно: шестнадцать лет. И взяли! Наверное, за честность.

Молодой Осокин

Попал в Московскую школу отличных стрелков снайперской подготовки. Научился метко стрелять. Получил даже благодарность от начальника школы за то, что метко поразил мишени на 500 метров. В сентябре сорок третьего года отправили на фронт.

Разгрузили на какой-то станции эшелон, построили. И при шли «покупатели». Перед строем появились капитан – орденов полная грудь и старшина, тоже с наградами, и начали в разведроту людей набирать. Я вышел из строя. Отобрали туда 30 человек. Предупредили, что это очень серьезно. А оставшихся, не спрашивая, стали отправлять в артиллерийские дивизионы и пехотные батальоны.

Виктор Григорьевич Осокин

В разведроте нас начали усиленно натаскивать. Командир роты капитан Потапов никому спуску не давал. А как иначе? Ошибка – не только твоя смерть, товарищей, но и, возможно, провал операции. Вот смотри: 9-й танковый корпус на каком-то участке фронта входит в прорыв. Какая-то танковая дивизия прорывает оборону противника, пехота прорывает, а мы уже вклиниваемся в прорыв – и уходим по тылам. Взяли «языка» – хорошо. Нет – пришли с какими-то другими сведениями. Тоже

важными.

Видишь этот знак – «Отличный разведчик»? Его давали за два поиска. Надо было два раза в тыл к фашистам сходить. Ты спросишь, сколько раз я ходил? Не помню, не считал. Для нас это была обычная работа. Единственное, очень трудно было несколько часов подряд сидеть или лежать, наблюдая за противником. А так…

Награды отличного разведчика

Своими руками «языков» я не брал, хотя и был в группе захвата. Теперь я тебе объясню, как работала наша разведка, чтобы было понятно. А то в современных фильмах иной раз такую чушь показывают: несколько человек – в тыл врага, с пальбой, «языка» обратно притаскивают, параллельно чуть ли не батальон живой силы выбивают! Фантазеры!

мл. сержанту Осокину
Виктору Григорьевичу.

Приказом Верховного Главнокомандующего
Маршала Советского Союза товарища Сталина
от 9 мая 1945 г. № 369
за овладение г. Берлином.
всему личному составу нашего соединения, в.
том числе и Вам, принимавшему участие в
боях, ОБ'ЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

КОМАНДИР ЧАСТИ п/п 20640В
капитан. (подпись) Потапов

Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе отчизну свою поведем!

Благодарность за Берлин

Сначала шла группа обеспечения – это саперы, которые резали проволочные заграждения, обезвреживали мины. И оставались. Следующей шла группа поддержки, а уже потом – группа захвата. Группа захвата непосредственно брала «языка». Для этого у нас два здоровенных мужика были. «Первым

номером» – Уточкин, которого мы прозвали Человек-гора, до войны грузчиком во Владивостоке работал. Вроде небольшого роста, но силы неимоверной. И выглядел как квадрат: что в длину, что в ширину – почти одинаково! Вот он и брал «языков», а мы с Иваном Горшковым были у него «на подхвате».

Что же касается шума… У нас стрельба не приветствовалась, и начальник разведки бригады майор Мазуренко говорил: «Если, ребята, без шухера придете – вот вам честь и хвала!» Так что, несмотря на то что я лучше других стрелял, снайперская подготовка на войне мне не пригодилась. Даже пленных, когда требовалось, не мы расстреливали. Штаб бригады охраняла рота автоматчиков, при ней был комендантский взвод. И его бойцы нам часто выражали недовольство, говорили: «Вот вы с чистыми руками, а нас расстреливать заставляют!»

Одна интересная разведоперация мне все-таки запомнилась. Было это в Польше. Приехали к нам трое представителей ГРУ. Им нужно было пройти в занятый немцами населенный пункт – не помню его название – и вывести в расположение советских войск из костела ксендза. Он был нашим резидентом. К этой операции готовились тщательно. Нам предстояло сопровождать разведчиков, так что трижды мы ходили «на ту сторону» разными путями – выбирали наиболее удобную дорожку. В итоге сопроводили товарищей из ГРУ туда-обратно, и убыли они с ксендзом восвояси. А мы вскоре вновь пошли в прорыв с бригадой.

Кстати, когда бригада шла в прорыв, то мы садились на бронетранспортеры. Так что я еще и бэтээром командовал, если тебе интересно.

Виктор Осокин перед демобилизацией

За что дали два ордена Красной Звезды младшему сержанту Осокину – не знаю. И никто из нас, разведчиков, не знал, за какие там подвиги награждали. Вроде все одинаково работали. Наверное, за ценную информацию. А была она и вправду – не на

вес золота, а на вес жизни! В разведроте процентов сорок личного состава погибло.

Я прошел с корпусом от Белоруссии до Берлина. В столице Германии шли тяжелые уличные бои. Наши танкисты во взятии Рейхстага участвовали!

Вот вкратце и вся моя военная история.

Виктор Григорьевич Осокин

Командир батареи

Мой папа, Афанасий Иванович Арефьев, родился в 1914 году в деревне Абрамовка Московской области. В 1935 году он поступил в кавалерийское военное училище в Москве. Его закрепили за конем по кличке Сиваш, на котором в годы Гражданской войны воевал С. М. Буденный. Маршал не забывал своего коня, навещал его каждую неделю и всегда приносил кусочек сахара. С отцом тоже беседовал, интересовался его жизнью. Вместе с курсантами отец участвовал в параде кавалерийских войск, принимал участие в самом первом физкультурном параде на Красной площади в 1936 году, снимался в массовках фильма о Первой конной армии Буденного, стоял в почетном карауле у гроба Максима Горького в Колонном зале Дома Союзов. Но вскоре училище расформировали и отца перевели в Пензенское артиллерийское училище, которое он окончил в 1939 году. Для продолжения учебы его направили в Московскую артиллерийскую академию.

В то памятное воскресенье 22 июня 1941 года папа вместе с другими курсантами готовился к экзамену по военной химии, вдруг в зал вбежал дежурный и объявил о срочном сборе личного состава в актовом зале. Через динамики они услышали выступление главы советского правительства В. М. Молотова о том, что фашистская Германия напала на нашу Родину. Тогда курсанты приняли решение – просить министра обороны направить их на фронт добровольцами. Курсанты первых трех курсов были сняты с учебы в академии и отправлены на фронт, в их числе был и мой отец.

В начале войны батарея, которой командовал Арефьев, уничтожала тяжелые танки фашистов под Москвой в районе Кубинки и Солнечногорска.

Несмотря на отчаянное сопротивление советских войск, противнику удалось прорвать оборону наших полков.

В Кубинке, расположенной в тридцати километрах от Москвы, полк, в котором сражался Арефьев, удерживал позиции более месяца, отражая атаки немецких танков и пехоты.

22 ноября 1941 года приказом командующего полком, в котором служил папа, по тревоге был поднят в Кубинке и с Можайского шоссе переброшен на Ленинградское шоссе, в район Солнечногорска, где противник имел перевес.

Марш в сто километров совершил их полк ночью через столицу. Москва была заснеженной. На перекрестках улиц стояли металлические «ежи», у каждой заставы каждого человека

бдительно проверяли. К рассвету они заняли боевые порядки на окраине города, хорошо замаскировались, но углубиться в землю не успели.

Утром появилась немецкая разведка – мотоциклисты, а также легкие танки. На них было жалко тратить ценные снаряды. Бой предстоял жаркий! Потом пошли тяжелые танки и бронемашины, и по ним велся огонь в течение суток. Весь запас снарядов был израсходован. Дорога, по которой они могли быть подвезены, была перерезана противником. Много было убитых и раненых в этот кровопролитный день, но судьба хранила отца. Нашим пришлось, оставив эти позиции, перейти к поселку Черные Грязи, где остатки батарей А. И. Арефьева соединились со своими.

5 декабря русские войска перешли в наступление под Москвой и отбросили врага на 200 километров от столицы. С утра 7 декабря 1941 года после мощного удара авиации и артиллерии в наступлении под Москвой перешли войска 16-й армии под командованием К. К. Рокоссовского, в составе которых был и полк Арефьева. Так закончилась героическая битва за Москву – первое боевое испытание молодого 27-летнего командира батареи А. И. Арефьева.

За эти бои отец был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Москвы». В одной из частей рядом с батареей отца воевал и сын И. В. Сталина старший лейтенант Яков Джугашвили. В другом полку служил сын героя Гражданской войны В. И. Чапаева, который закончил войну в звании полковника.

А. И. Арефьев.
Жил достойно, служил честно

Как только враг был отброшен от Москвы, некоторые части были направлены в Крым, где в то время начиналась Керченская операция. Войска десантировались прямо в ледяные воды Керченского пролива и сразу шли в бой. Вместе с моряками Черноморского флота отец участвовал в освобождении Керчи и Феодосии от немецких захватчиков. В Крыму он получил ранение в голову, тяжелую контузию и был вывезен в армавирский

госпиталь.

Три долгих месяца он был прикован к больничной койке, потерял слух, от отчаяния хотел застрелиться, чтобы не быть инвалидом, но потом устыдился такого порыва, другим ведь было еще хуже. Его признали негодным к службе, но не уволили из армии, а послали преподавателем в Сталинградское артиллерийское училище. Более тысячи офицеров-артиллеристов было подготовлено для фронта преподавателем тактики А. И. Арефьевым. Постепенно слух полностью восстановился, и он пишет рапорт – рвется на фронт. Конец войны и Победу он встретил в Чехословакии, в составе Четвертого Украинского фронта. Вскоре отец получил приказ явиться в Москву для участия в первом Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. И хотя война была закончена, но служба продолжалась. Он возвращается в Чехословакию, где участвует в становлении Чехословацкой армии в должности военного советника.

И снова командировка – теперь уже в Хабаровск, старшим преподавателем артиллерийского училища. В 1952 году началась война между Южной и Северной Кореей. Северной Корее помогал Китай, Южной – США. Отца направили в Китай вместе с другими преподавателями для обучения китайских военнослужащих. Каждый советский преподаватель обучал пятерых китайцев. За это Мао Цзедун лично наградил отца китайским орденом.

В 1955 году отца перевели в Горький, где он служил заместителем командира мотострелкового полка. В 1961 году он демобилизовался. Затем еще 30 лет работал в тресте Дзержинскмежрайгаз.

Полковник артиллерии А. И. Арефьев начал войну лейтенантом, командиром артиллерийской батареи. Папа всегда говорил, что пройдут годы и всегда, когда вы будете читать или слушать рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, знайте, что в победе русского оружия над немецким есть доля и полковника артиллерии Арефьева Афанасия Ивановича. Он никогда не забудет те бои, когда он – молодой комбат – уничтожал немецкие танки на подступах к Москве, на юге нашей страны.

Среди многочисленных наград, полученных им за успехи в ратном деле, наиболее ценными для него являлись награды за оборону Москвы. Среди его наград – орден Красного Знамени, а также два ордена Красной Звезды, орден Великой Отечественной войны I степени, орден «За боевые заслуги», большое количество медалей – всего 28 боевых наград.

Отец прожил большую и непростую жизнь. Страшные

потрясения и испытания, выпавшие на долю нашей страны и нашего народа, пережил и он. Но несмотря на это он всегда считал себя счастливым человеком, потому что жил – достойно, служил – честно, любил – верно.

Татьяна Афанасьевна Арефьева

Предсказание

Мария Мироновна Головина родилась 5 октября 1923 года в селе Яблоковское Каргатского района Новосибирской области. Это родная сестра моей мамы, Мавры, моя тетя. Родные звали ее Маней, Марусей. Впервые я услышала о тете Мане, когда мне было лет 12–13.

Все фотографии в нашем доме, в основном россыпью, хранились в верхнем выдвижном ящике комода, который стоял в спальне – в самой дальней комнате. Я частенько лазила туда одна «посмотреть фотографии». Рассматривала бессистемно, что попадало в руки, пока не надоедало. При очередном просмотре на глаза попалась маленькая фотография 2 × 3 см без уголка, с которой смотрела девочка-подросток, и, как мне показалось, почти что я сама.

Побежала к маме, спрашиваю: кто это? Мама объяснила: «Это тетя Маня, твоя тетя, ее уже нет в живых – ушла добровольцем на фронт и погибла». Такое объяснение меня просто ошеломило: ну надо же, так похожа на меня и погибла. Мне стало страшно. С этого момента, как только я залезала в ящик, эта фотография попадалась обязательно. Не могу объяснить почему, но даже фотографии похорон, а их в ящике было немало, не пугали меня так, как эта. Я смотрела в зеркало, на фотографию и с ужасом видела одно и то же лицо. Пытала маму по поводу этого сходства. В конце концов нервы не выдержали, и я, никому не сказав, порвала фотографию на мелкие кусочки. Хорошо, что мама не показала мне другие фото, на которых была тетя Маня…

Хотя на тех других мы совершенно не похожи друг на друга.

1941 год. Война. Любимого парня забрали на фронт. Долго не раздумывая, Маня решила пойти вслед за ним.

Решение, конечно, не обсуждалось с родителями, а их категорические возражения пропускались мимо ушей. Маня сагитировала подругу, и обе пошли записываться на фронт добровольцами. В военкомате девушки получили отказ – на тот момент им еще не исполнилось 18 лет. Но подруг это не остановило. «Они обивали пороги военкомата, – вспоминала тетя Нюра, – просились на фронт». Она (Анна) в это время работала в чулымском нарсуде, а в военкомате работал кто-то из знакомых. Со знакомым из военкомата договорились, что, как только подруги будут там появляться, их будут грубо гнать взашей. Гнали, но подруги приходили снова и снова. (Эти рассказы своей мамы помнят и Валя Моисеева (Курнаева), и Зина Курнаева). Чтобы добиться своего, Маня приписала себе лишний год. Это не

помогло, но в документах приписка так и осталась, поэтому в записи о гибели Марии Головиной значится год рождения 1922, а не 1923, как на самом деле.

Родители безуспешно пытались отговорить дочь от задуманного. Мама рассказывала (а это все происходило на ее глазах), что Фекла просто убивалась от горя. Она плакала, умоляла, просила образумиться, пожалеть родителей. Она даже решилась пойти на крайность: раскрыть семейную тайну прошлого, сокрытие которой, по всей вероятности, нелегко далось ее отцу Мирону. «Я пойду в военкомат и скажу, что ты – дочь кулака», – как-то в отчаянии пригрозила мать. Маня ответила: «Только попробуй, я тогда вообще уйду из дома».

Маня не воспринимала душевного состояния родителей, она, наоборот, была на эмоциональном подъеме, одержима своей целью как можно быстрее попасть на фронт и обязательно в ту часть, где воюет «дорогой друг».

Массированная агитация девушек и призывы идти добровольно на фронт громить врага и защищать свою Родину, не щадя жизни, прежде всего находили горячий отклик в сердцах именно таких неугомонных, рвущихся к подвигам натур. Но это только часть причины неуемного рвения на фронт. А в первую очередь – любовь, какой, по мнению многих, не бывает на свете, настоящее взаимное чувство, а не легкомысленная выходка девочки, за которую она поплатилась своей жизнью, как это принято было считать в родне.

Как мы недавно выяснили, 5 октября 1941 г. Мане исполнилось 18 лет, а 28 февраля 1942 г. она приняла присягу. Еще до призыва Мария Головина закончила в Новосибирске снайперские курсы. Каким-то путем Маня осуществила задуманное, оказавшись в одном полку со своим любимым парнем.

Это был 10-й воздушно-десантный Гвардейский стрелковый полк 3-й Гвардейской стрелковой дивизии. Маня начала службу рядовым стрелком-снайпером, а «любимый парень» был у нее непосредственным командиром (какого уровня – неизвестно). Маня была бесстрашна, но в то же время внимательна, осмотрительна и сообразительна. Вдобавок к этому она хладнокровно и метко стреляла. Ее посылали на самые сложные и ответственные задания (и в паре, и в одиночку), с которыми она блестяще справлялась.

Про Марию Головину, как про доблестного бойца, отличившегося в боях, было две передачи по новосибирскому радио. Наверное, для поднятия духа на фронте и в тылу подобных передач в то время делалось немало, но прозвучать дважды – это

чего-то стоит! Родственников оповещали заранее о времени эфира. Мама слышала эти передачи.

Свои 19 лет Маня встретила на фронте. А 20-й год в ее судьбе был отмечен на небесах каким-то особым знаком. Давно, когда она была совсем маленькой девочкой, произошел случай из разряда мистических. Мама рассказывала (эту фразу помню дословно), «тогда ходили по деревням и предсказывали судьбу». Света помнит из рассказов, что это была нищенка, которой маленькая Маня подала милостыню. Неважно кем, но судьба была «озвучена», что, как объясняют ясновидящие, увеличивает вероятность реализации плохого варианта: «у этой девочки самым трудным и тяжелым будет 20-й год жизни, если она его переживет, то дальше будет жить хорошо и долго».

Знала ли Маня об этом предсказании? Придавала ли этому значение? Зато родители помнили, верили и, конечно же, переживали.

Верующая и набожная Фекла постоянно молилась за жизнь дочери, а последний месяц ее 20-го года она, в нетерпении, чтобы быстрее прошло время, отсчитывала каждый день. Мама с такой печалью и трагизмом об этом рассказывала, что у меня до сих пор при воспоминаниях возникает сложившийся еще в детстве образ Феклы, отрывающей листки календаря. Хотя я только сейчас задумалась, а были ли в рассказе и в жизни в 1943 году отрывные календари?

Мама вспоминала нетерпеливые слова Феклы: «…вот уже три дня осталось…» (до дня рождения), «…вот уже день остался…», «…вот день рождения…», «…вот уже один день прошел…» (после дня рождения). Уже после дня рождения от Мани пришло письмо, даже, кажется, не одно. То ли на них не стояли даты, то ли на них не обратили внимания, но эти письма окончательно успокоили родителей. А еще через какое-то время пришло письмо, но уже не от Мани, а от ее друга и командира, в котором он извещал о ее гибели. Пророчеству суждено было сбыться самым ужасным образом. Оказывается, Мария Головина погибла 2 октября 1943 года – за три дня до своего 20-летия…

Про это несохранившееся письмо от командира я слышала не раз. Что оно было не просто сообщением о смерти, а большим и подробным, с описанием того, каким отличным бойцом была Мария, как она погибла, где похоронена. В письме было зарисовано место захоронения, указаны ориентиры, количество шагов.

Письмо пришло, вероятно, в самом конце декабря или в январе 1944 года, так как известно, что Манин отец Мирон умер 24 декабря 1943 года, так и не узнав о гибели дочери. Да,

роковым годом и для Феклы оказался 1943-й. Не дай Бог таких переживаний.

«Дорогой друг» – Марусин командир – прошел всю войну и вернулся, судя по всему, не в Чулым. Из неоднократно слышанных рассказов запомнилось, что он откуда-то приезжал в Чулым специально, чтобы навестить Маниных родных и рассказать им о ее фронтовой жизни.

Он провел у родственников целый день и весь день рассказывал. Мне кажется, что сам факт приезда и его цель лишний раз говорят о серьезности отношений, порядочности и не проходящей горечи от случившегося. Приехать по прошествии двух лет с момента «безвозвратной потери» – значит, у человека оставалось либо чувство вины и долга (ведь ради него она оказалась на фронте), либо потребность еще раз говорить о любимой девушке.

Мария Головина. Не дожила трех дней до двадцатилетия

Именно с его слов известно о бесстрашии Мани, ее способностях, сложных заданиях, которые ей поручали, об ее умении ничего не бояться и лезть на передний край и т. д. Жалко, что все это вместе с зарисовкой места захоронения куда-то кануло, и остались только общие слова, а из целого дня рассказов я слышала только рассказ о последних часах ее жизни.

Накануне очередного задания вечером Маня была необыкновенно возбуждена. Она без устали весь вечер плясала и

пела под гармошку, что называется, не сходила с круга, как будто предчувствовала, что это ее последний в жизни выход. Потом вдруг остановилась, выругалась, произнесла: «Эх, батя, батенька, ты мой…» – назвала по имени отца и мать, расплакалась и ушла. Командир каялся, что в таком состоянии Маню нельзя было отпускать на задание, – а он отпустил, что по опыту войны давно уже была известна «примета»: если человек накануне ведет себя нестандартно, нервничает, беспокоится, не знает, куда себя деть, – это верный признак того, что завтра с задания или из боя он не вернется. Такое поведение объяснялось людьми, которые видели смерть на каждом шагу, «предчувствием смерти», и никого не удивляло. Это «что-то» явно присутствовало в поведении Мани в тот вечер, но не пустить ее или заменить, хоть это и было в его власти, командир не мог. Его тут же обвинили бы в особом отношении к любимой девушке. Последствия таких нежностей на войне были самыми жестокими.

Мария погибла на следующий день. Фразу «ее убил немец-кукушка» я слышала много раз. И пояснения: «кукушки» – это немецкие стрелки, которые сидели замаскированными на деревьях и подкарауливали русских солдат.

До недавнего времени никто не сомневался в правильности семейного предания: «Мария ушла на фронт добровольцем и погибла в 1943 году на Курской дуге…» Пока Света не открыла выложенную в Интернете Книгу Памяти призывавшихся из Новосибирской области и не увидела отсканированный бланк «Приложение № 44356 безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 10 воздушно-десантного Гвардейского стрелкового полка 3-й Гвардейской стрелковой дивизии», сохранившийся в архивах. На этом бланке 8-й строкой сделана запись о гибели Головиной Марии Мироновны, до призыва проживавшей по адресу: Новосибирская обл., г. Чулым, ул. 1-я Урманская, дом № 5.

Светлана Николаевна Заика

Последний ветеран полка

26 ноября 2016 г. Григорию Васильевичу Юркину, активному участнику обороны Ленинграда, исполнилось сто лет

Снайпер первого разряда

Уроженец деревни Леонтьевской Вологодской области, Григорий еще подростком приехал в Ленинград и поступил в фабрично-заводское училище, окончив которое, стал слесарем-сборщиком на заводе имени Карла Маркса.

Григорий Васильевич Юркин. 1933 г.

На заводе Юркина приняли в комсомол и отправили в школу снайперов при Выборгском райсовете Осоавиахима. (Общество содействия авиации и химии, чьи кружки и школы были чрезвычайно популярны. – *Примеч. авт.)* Получив звание снайпера первого разряда, Григорий на заводе оборудовал тир и начал готовить «ворошиловских стрелков». В 1937-м его призвали на службу в полк МПВО, состоявший из инженерного и противохимического батальонов. Полк был предназначен для ликвидации последствий воздушных нападений противника.

Взвод Г. В. Юркина в полковой школе. 1938 г.

А в октябре 1940-го отличник РККА, старший сержант Григорий Юркин уволился в запас и покинул расположение полка, ставшего теперь 4-м Отдельным инженерно-противохимическим, к тому же – НКВД СССР. Домой возвращался с шиком – на собственном велосипеде (мечта всей молодежи тридцатых годов!). Это была награда за отличные успехи от комполка Ивана Антиповича Сидорова.

На родном заводе Юркина встретили как героя и сразу же назначили бригадиром слесарей в родном цехе.

Задание Ленфронта

Встречая новый 1941 год в компании дяди Саши Савинского, его сыновей и знакомых, Григорий познакомился с милой девушкой – Таней Вуколовой. Стали встречаться. Все шло к свадьбе, но… началась война.

Прослушав по радио выступление Молотова, Юркин отправился в свой полк и попросил письмо для военкомата с просьбой направить в родную часть… Вскоре перед строем вновь сформированной 2-й противохимической роты комбат Матвеев представил солдатам их ротного старшину. Роту разместили вместе со штабом батальона на Международном проспекте (так тогда назывался Московский проспект), между Обводным каналом и Смоленской улицей. Сначала – в школе. Потом бойцы обустроили неподалеку землянки в два наката.

В декабре 1941-го на полк возложили страшную задачу: захоронение умерших от истощения ленинградцев. На Пискаревском кладбище саперная рота готовила траншеи, а рота Юркина укладывала в них трупы.

В течение трех месяцев ежедневно в шесть часов утра бойцов вывозили на машинах в район станции «Пискаревка». В промерзшей земле пиротехники загодя сверлили лунки, закладывали взрывчатку, взрывали почву. А с утра саперы, ломами и лопатами выламывая полутораметровый слой земли, рыли длинные – до ста метров – траншеи. Солдаты противохимической роты укладывали в них трупы. Это был неимоверно тяжелый труд – в сильный холод переносить замерзшие тела.

Десятилетия спустя в руки председателя совета ветеранов полка Г. В. Юркина попадет выписка из секретного отзыва управляющего трестом похоронного бюро Чайкина о работе 4-го инженерно-противохимического полка войск НКВД по выполнению задания Ленфронта. Оказывается, ими было вырыто вручную 70 траншей, каждая шириной 2,5 метра, глубиной 2,5 метра и длинной – 80-100 метров. Подорвано 4000 погонных метров мерзлого грунта. Уложены и зарыты 286 945 трупов. Привезено с помощью транспорта полка на кладбище 19 000 трупов. Кроме этого, бойцами было оборудовано на военном кладбище 260 могил…

Новогодний подарок

Тогда же ему было не до подсчетов. Из-за нехватки горючего

в казармы на Международный проспект вечером возвращались пешком. Через весь город. В тридцатиградусный мороз! Многие по дороге умирали. А случалось, умирали прямо на Пискаревке, в траншее, с лопатой в руке. Так что Юркин знал: среди первых жертв, принятых кладбищем, – его однополчане.

По нормам тех дней солдатам полагалось по 300 граммов хлеба на человека в день. Но из-за нехватки продуктов давали по 150. Еще по 75 граммов сухарей давали на ужин.

…Вечером 31 декабря рота, как обычно, возвращалась с кладбища пешком. В батальоне бойцов ждал приятный сюрприз: на их землянку, в которой размещались десять человек, в честь наступающего 1942 года выдали целую банку шпрот. Открыли – получалось по рыбке на брата. Решили банку разыграть. Чтобы хоть один поел досыта. Сказано – сделано. Нарезали десять листочков, один пометили крестиком и сложили в шапку.

Шпроты выиграл пожилой солдат Павел Касаткин, работавший до войны на одном из ленинградских заводов. Чтобы не видеть, как он будет уничтожать такое огромное, по блокадным меркам, количество еды, Григорий лег на нары и зарылся лицом в подушку. Остальные проигравшие последовали его примеру.

А Касаткин, повозившись над столом, вдруг громко скомандовал:

– Кончай ночевать! Давайте все за стол.

Юркин повернул голову: на столе лежали десять кучек сухариков, и каждую украшала рыбка.

– А вы что решили? Один все слопаю? – обиделся рабочий. – Не желаю такого позора перед товарищами.

…Этот случай Юркин вспомнит 17 февраля, когда на Пискаревке будут хоронить умершего от дистрофии Павла Касаткина. А когда после этой страшной зимы в роте из 160 человек в живых останется лишь 45 бойцов, в нем сформируется и окрепнет единственное желание: отомстить фашистам лично. За Касаткина, за Савинского. Возможно, и за Таню Вуколову, о которой он не имел никаких известий. За всех, кого приняла эта промерзшая земля.

Учебный сбор

…В мае 1942 года Военный совет Ленинградского фронта издал распоряжение об организации и обучении в частях и соединениях команд минометчиков, бронебойщиков, автоматчиков, истребителей, снайперов. В полку срочно

организовали учебный сбор. Руководить подготовкой снайперов назначили старшего сержанта Юркина. А кого же еще? Он же выпускник снайперской школы!

Старшему сержанту выдали четыре винтовки без оптических прицелов. Но чтобы старшина роты да чего-то не нашел! Отыскались прицелы, только установить их без специального оборудования невозможно!

Юркин отправился на родной завод, где ему и помогли установить оптические прицелы на трехлинейки. Теперь осталось обучить бойцов.

Первый же выезд группы Юркина стоил противнику 60 солдат и офицеров. Приехавший проверить работу снайперов комполка Сидоров удивился такой результативности и хотел наградить старшего сержанта трофейным «вальтером». Однако выяснилось, что таких прав у полковника нет. Но Юркин не расстроился, он был вполне вознагражден приятной новостью: Таня Вуколова жива и служит в роте разведки и наблюдения 32-го батальона МПВО. С любимой все в порядке, фрицы свое получают. Да шут с ним, с этим «вальтером»!

Спал… на взрывчатке

В конце войны лейтенанта Юркина назначили начальником физподготовки полка. Жить Григория определили к офицерам в небольшой двухэтажный дом на Тележной улице, в комнату к пиротехнику Ивану Трофимову. Оба были рады, потому как подружились еще на «срочной», в 1939-м. Перенеся свой нехитрый скарб, Юркин присел на диван. Старые друзья разговорились о скором конце войны, о разминировании пригородов – непосредственной работе Трофимова.

– Теперь ты, Гриша, можешь всем говорить, что сидел на бочке с порохом, – улыбнулся пиротехник. – Под этим диванчиком, на котором, кстати, и спать будешь, уложены мины, гранаты, взрывчатка. В общем, все необходимое для занятий с моими подчиненными.

Юркин непроизвольно вскочил с дивана, но товарищ, положив руки на плечи, решительно усадил лейтенанта на место:

– Гриша, успокойся. Если все это рванет, ничего почувствовать не успеешь. От дома одни развалины останутся, а от нас – и клочков не соберут.

Спокойствие друга не сразу передалось Григорию Васильевичу, но со временем он привык спать на взрывчатке. Только через два года Юркину предоставили комнату. Тогда они

с Татьяной Вуколовой и смогли пожениться. Судьба им отмерила почти шестьдесят лет счастливой совместной жизни.

Хранитель музея

Шли годы. Юркин окончил физкультурный техникум, школу тренеров при Институте физкультуры имени П. Ф. Лесгафта. А в 1959-м мастер спорта по пулевой стрельбе, помначштаба полка Г. В. Юркин уволился в запас и стал тренером по стрелковому спорту в спортобществе «Динамо». Но связь с родной частью не прекращал, работал председателем совета ветеранов полка, избирался членом президиума Ленинградского облсовета общества «Динамо», возглавлял клуб мастеров спорта. И… увлекся фотографией. Даже в другие города со спортсменами выезжал. Его снимки печатались в газетах, книгах, экспонировались на выставках.

Григорий Васильевич Юркин

До весны 2014-го Юркин был ангелом-хранителем музея «Динамо». После развала Союза сам себя объявил «мобилизованным и призванным». В оставшемся за клубом небольшом кинозале и кладовке Григорий Васильевич собрал фото– и киноматериалы, призы, дипломы, кубки, медали и не только все сохранил – оборудовал музей спортивной славы «Динамо», ежедневно приезжая на работу из своей небольшой двухкомнатной квартиры, расположенной в доме у Серебряного пруда.

Тут, в Лесном, началась его ленинградская биография. Тут она и продолжается. Сравнительно недалеко до Пискаревского

кладбища, где вечным сном спят многие его боевые товарищи и куда капитан Юркин часто приходит, чтобы почтить их память. И справедливо, что осенью 2014 года, после окончания ремонта гранитной чаши Вечного огня, именно последний ветеран полка, один из первых снайперов Ленинградского фронта Юркин вновь торжественно зажег Вечный огонь.

…Когда-то на заводе мастер цеха подвел Юркина к верстаку и, показав на тиски, сказал, что на них работал слесарь Леонид Кмит, которого вся страна знает как исполнителя роли ординарца Петьки в знаменитом фильме «Чапаев». Так что – трудись, парень, может, и ты станешь знаменит.

Сам Юркин знаменитым не стал. Высоких чинов и званий не получил. Но сохранил память о многих достойных людях. А это – самый настоящий подвиг, пусть и гражданский. И мало кто на такой способен…

Виктор Кокосов

«Как я ходил в партизаны»

Родился 19 ноября 1929 года в деревне Александрово Дмитровского района Московской области. Отец – Герасим Сергеевич (1904 г. р.) до войны работал в артели (делали костяные изделия). Пропал без вести в 1942 году. Мать – Александра Ивановна (1900 г. р.) родилась в деревне Пруды, а замуж вышла в деревне Александрово. Всю жизнь проработала дояркой на ферме, вырастила четверых сыновей.

Когда война началась, мне еще и 12 лет не было, но я дружбу вел с комсомольцами – Виктором Бабарсковым, Иваном Хохловым и другими ребятами. Немцы в деревню пришли, и нам нельзя было дома оставаться – сразу расстрел. У немцев уже были списки актива деревни. Даже могилу у деревни Дубки заставили жителей выкопать, поэтому комсомольцы и решили уходить из деревни, и я с ними.

Когда вышли из дома, в это уже время двое немцев на лошадях въезжали в деревню. Они ехали вдоль огорода Бабарскова Николая Васильевича. Нас увидели, стали стрелять. Мы побежали к реке, а ноябрь 41-го был очень холодным, и река Яхрома уже замерзала, но лед еще тонким был. Нам по льду пришлось ползти. Переползли и через лес пошли в направлении деревни Говеново. Там наши были, мы им все рассказали. Они нас по очереди расспрашивали, а потом разрешили идти дальше. Ночью пришли в деревню. Насадкино, к тетке Ивана Хохлова. Там переночевали и утром ушли в сторону канала. Везде колючая проволока была, заграждения разные. Мы все перелезали. Дошли до канала, перебрались через него и пошли на Загорск. Кругом лес, самолеты. Ребята все постарше меня были, а я ногу натер, не мог идти, решил домой возвращаться. А ребятам нельзя – иначе расстрел. Они дальше пошли, а я – домой.

Михаил Герасимович Сморчков

Заплутал, вышел в Дмитрове. Там немцев не было. Встретился мне Иван Орешкин, предложил остаться, а я – нет, домой надо. На дороге везде немцы, пошел лесом, да опять заблудился, вышел уже в Барсучьи Норы, там партизаны стояли. Хорошо что среди них был Николай Сухов – узнал меня. Допросили меня очень строго, потом отпустили. Я к деревне своей подошел, а войти боюсь – немцы кругом. На стане были лошади, вот я к ним и подкрался и стал вроде возле них заниматься. Я маленький был, немцы не заподозрили, так и прошел в деревню. Наша семья жила тогда в центре села, и весь фронт здесь проходил. Когда наши уходили – хотели деревню сжечь, но не успели, сожгли только три дома. И немцы, когда их гнать начали, тоже хотели все сжечь. Да мать Шуры Орешкиной в ноги упала, выть стала, они только сарай подожгли и ушли. А бои у нас сильные были. Шла кавалерия с пристани именно по нашей дороге. Это сибиряки были – в полушубках, красивые. Жертв много было. Деревню освободили, а я еще даже 6-й класс не закончил, но пришлось идти работать в артель сапожников. Нам давали 400 граммов хлеба в день. Сначала занимались ремонтом сапог, потом и шить научились… Долго там работал, в конце войны перешел на ферму…

Михаил Герасимович Сморчков

Вещий сон

Моя прабабушка, Бочкарёва Анна Фёдоровна, которой уже 87 лет, часто вспоминает своего родного брата – Карелова Антона Фёдоровича.

Он родился в 1922 году в селе Секретарка Сердобского района Пензенской области. В их семье было пятеро детей. Антон – второй ребенок. Когда началась Великая Отечественная война, ему было 19 лет. На фронт Антон попал в 1942 году. Прошел практически весь путь до Берлина.

Антон Фёдорович Карелов

Однажды бабушке приснился странный сон. Она видела большой вырубленный лес, а посередине стояло одно нетронутое дерево. Через несколько дней их семья получила письмо от Антона.

«Здравствуйте, мои дорогие! Вам пишет ваш сын и брат Антон. Наша рота, продвигаясь к линии фронта, оказалась на берегу Днепра. Поступила команда переправиться через реку. А ведь уже ноябрь! Холодно. Но обратного пути нет. И вот, когда

мы оказались в воде, началась бомбежка. Я не знаю, как и куда плыл, но мимо меня проплывали только шапки моих однополчан, а вода оказалась ало-красного цвета. Когда я добрался до другого берега, то понял, что из всех 120 человек живым остался один я. Еще 3 дня, мокрый и голодный, я пробирался через лес к своим…»

А 8 мая 1945 года семья Кареловых получила похоронку, в которой говорилось, что их сын и брат Карелов Антон Фёдорович пал смертью храбрых и похоронен в Берлине.

Папа рассказывал, что теперь бабушка мечтает попасть в Германию и найти там могилу брата – Карелова Антона Фёдоровича.

Анохина Евгения – учащаяся 5 класса (Многопрофильная гимназия № 4 «Ступени», г. Пенза)

Рана наяву и выстрел во сне

Я, Исаченкова Алла Васильевна, родилась в городе Смоленске в 1938 году. Считаю своим долгом рассказать о моих родителях, которые внесли свой ценный вклад в общую Победу.

Мой отец – Тулин Василий Савельевич, 1912 г. р., кадровый военный, старший лейтенант, в 1941 году закончил в Киеве Академию связи и был направлен в город Брест.

Мама – Костюченко Мария Андреевна, 1915 г. р., работала операционной сестрой в военном госпитале в Смоленске, где мы жили с мамой, бабушкой и тетей (маминой старшей сестрой, 1912 г. р.).

Василий Савельевич Тулин

Мои воспоминания об отце единичные, как вспышки, – подбрасывал высоко вверх и много смеялся, – помню, как много у него было зубов, и мне хотелось такие же, помню, как катал меня на велосипеде и крепко сжимал, чтобы я не упала, и тоже смеялся. Он играл на баяне, аккордеоне, гитаре, домбре и хорошо пел. И вот, такой молодой, веселый, образованный, счастливый, красивый, крепко любивший нас всех, в 1941 году, в мае, отбыл для прохождения службы в Брестскую крепость в качестве

связиста и сгинул.

А еще в апреле – мае после окончания Академии он проводил отпуск в Смоленске и сказал маме, что будет война и нам пока не стоит ехать по месту его назначения, а лучше незамедлительно отправиться в Брянск к его родителям. Мой дедушка, его отец, работал лесничим в Брянских лесах, и там у него было большое хозяйство и пасека.

Но мама решила остаться в Смоленске, как-то никто не верил в войну, а отец должен был позднее сообщить, как он устроился и что нам делать. Ее решение спасло нам жизнь.

Когда немцы заняли Брянщину, дедушку и бабушку расстреляли за связь с партизанами, а все постройки сожгли. Такая же участь постигла бы и нас, отправься мы на Брянщину.

Папино предсказание сбылось – 22 июня началась война.

Смоленск немцы бомбили уже на первой неделе. Весь медперсонал маминого военного госпиталя был сразу же, в первые дни, мобилизован и вошел в состав эвакогоспиталя Первого Белорусского фронта под командованием Г. К. Жукова, с которым госпиталь и дошел до Берлина. И моя мама в 1945 году, после Победы, расписалась на стене Рейхстага.

Но это будет позже, а пока была война. Маму не отпустили домой даже переодеться, взять какие-то вещи, проститься с нами. Началась ее военная эпопея – Рудня, Витебск, Брест, Литовск, Польша, Германия.

Эвакогоспиталь первой линии – это медицинское учреждение, которое следует за линией фронта, медицинские санитары оказывают помощь непосредственно на линии боя, переправляют раненых в медсанбат, а дальше – эвакуация раненых идет в эвакогоспиталь первой линии, а дальше – в тыловые вторые и третьи линии.

В эвакогоспитале раненым оказывают первую квалифицированную помощь и готовят к отправке в тыл. Мамин эвакогоспиталь был рассчитан на 500 больных, а иногда из зоны крупных сражений поступало до 1500 раненых. Раненые поступали с большой кровопотерей, и весь персонал постоянно сдавал свою кровь.

У мамы была востребованная 1-я группа – и иногда у нее брали кровь прямо в операционной, брали сколько можно было взять, чтобы она продолжала работать, лишь иногда давали сутки на восстановление.

Раненых иногда поступало так много, что до того, как попасть в операционную, они лежали на носилках в поле около палаток и корпусов, и, чтобы их просто напоить, подключались и легкораненые.

В операционной работали посменно сутками, на сон 2–3 часа, и опять бригада хирургов и медперсонала вставала к операционным столам.

На крышах корпусов и на палатах госпиталя в первые дни войны рисовали медицинские кресты, так как эти здания по международной конвенции нельзя было бомбить, но скоро убедились, что немецкие самолеты целенаправленно бомбили по этим ориентирам.

Мама вспоминала, что особенно трудно было в Польше. Госпиталь разместился в городе Лодзь. Население не скрывало своей неприязни, агрессии к русским. Иногда легкораненые уходили в город на прогулку, экскурсию и пропадали навсегда. Наконец приказом было запрещено ходить по одному – только группой по 3–5 человек.

Мама (сидит) с раненым

По рассказам мамы, даже на территории Германии было проще и легче общаться с местным населением.

У мамы есть орден, медаль, а одна медаль – за поимку шпиона. Дело было так. Прибыли машины с тяжелоранеными в гипсе. Их снимали с машины санитары, сразу укладывали на

носилки и несли в палатки, корпус, была большая суета. И вдруг мама, которая помогала сортировать раненых и распределять их, заметила, что один раненый с загипсованными ногами приноровился и спрыгнул сбоку у борта машины на землю. Встал на обе ноги, а потом на костылях запрыгал в корпус. Мама проследила, где его разместили, и сообщила в охранный отдел, чтобы за ним проследили. Не мог раненый с перебитыми загипсованными ногами спрыгнуть на землю из машины.

В ту же ночь, хоть и на костылях, он зашел в лесок, за палатку и стал давать сигналы световым фонариком, и ему пошли ответные вспышки из лесного массива недалеко от госпиталя. Группа захвата, охранявшая территорию госпиталя, после окончания его связи захватила шпиона, а в лесу выловили диверсантов, целью которых было уничтожение раненых, персонала и поджог корпуса. И маму представили к награде.

Мама (справа) с подругой

Моя любимая мама – ей было всего 26 лет и у нее на сердце тяжким гнетом лежала постоянная страшная тревога, что произошло с нами в Смоленске, стертом с лица земли бомбардировками (об этом рассказывали раненые), те же страхи за отца – Брестскую крепость немцы взяли в осаду в первые дни, а на нем была связь.

А вот что было с нами – со мной, бабушкой и тетей в первые дни войны. Город Смоленск немецкая авиация превратила в

руины. Все население кинулось в ближайшие деревни. Во время бегства из города беженцев на бреющем полете обстреливали немецкие самолеты. Меня ранило осколком в лицо – рваная рана щеки, нижней челюсти, подбородка. Бабушка со мной на руках вернулась в горящий город, где на окраине немцы уже развернули свои медсанбаты. Немецкие хирурги взяли меня на операционный стол, наложили швы – семь швов на щеку, вправили челюсть, дали какие-то перевязочные материалы и вывезли из зоны обстрела. Так это было. А дальше мы опять влились в поток беженцев, к кому-то пристроились на телегу, но ни в одной деревне не брали на постой с постоянно плачущим ребенком, тем более что все дома уже были заполнены беженцами. Наконец, в одной деревне нас поселили в баньке и, чем могли, поделились: и едой, и молочка мне удалось в рот влить. В этой деревне нас нашла тетя, мамина сестра. Спасибо тем людям, что помогли, спасли нас, раздетых, со мной (раненым ребенком) на руках. Потом были и другие деревни, но всюду как-то чем могли – помогали.

А немцы занимали все новые и новые деревни. В памяти осталось, как они выезжали на мотоциклах, потом бортовые машины с солдатами, иногда танки, они смесили все огороды, весь урожай.

Я хорошо помню немцев – высокие, рукава засучены, рубашки черные, короткие автоматы под мышкой. Заходя на подворье, расстреливали кур, собирали их, трепещущих, полуживых, мы все стояли молча – протестовать, плакать было нельзя. Иногда они стеком за подбородок поднимали лицо, заглядывали, как-то выявляя евреев. Однажды один такой немец поднял мое лицо, все изуродованное, и оставил нам курицу, не забрал. Но на всю жизнь у меня в мозгу засели какие-то команды на чужом, очень страшном гортанном языке. И до сих пор, если я в метро слышу настоящую немецкую речь туристов, у меня начинается сердцебиение, выступает пот, и я быстрее всех стараюсь выбраться из этого вагона.

Немцы, вступившие на территорию Смоленщины и Белоруссии, были очень жестокими – отборные команды СС, они назывались «зондеркоманды». Слышался постоянный лай собак.

Эсэсовцы делали облавы в лесах, задерживали отставших от своих частей наших солдат, позднее те организовывали партизанские отряды, и, если удавалось поймать кого-то из партизан, немцы устраивали показательное повешение. В центре села строили виселицы. Полураздетых молодых ребят, босых, по снегу вели на казнь. Всех в деревне, в том числе и детей, сгоняли смотреть на смерть партизан. Трупы долго не снимали – до

следующих казней.

Нам, детям, снились страшные сны, снилось, как они дергались в петле, и мы плакали, кричали ночами.

Еще в памяти сохранилось, как мы ходили с холщовыми сумками, которые держались на лямках за шеей, просили милостыню в домах соседних, не занятых немцами деревень.

В 1942 году мне было 4,5 года – таким маленьким больше подавали: картошку печеную, лепешку, а иногда – яичко. Мне же часто, как подранку, подавали больше других. Старшие дети иногда несли меня на закорках и никогда не отбирали у меня подачки. А дома все ждали, что я принесу, – и хозяйка и ее дети, всем делили поровну, а мне бабушка говорила, что я уже добытчица. Но иногда на нас нападали собаки, сбивали с ног и лаяли, оскалив зубы, капая слюной прямо в лицо, – нас, детей, они не кусали, но от ужаса один мальчик остался заикой.

Тетя работала на торфоразработках, получала какой-то паек. Но внезапно всю их семью угнали в Германию. Тете удалось бежать где-то, не доезжая территории Польши. Она добралась до нас уже после освобождения Смоленска.

Удивительно, что, проживая в оккупации в таких условиях, никто ничем серьезным не болел. Бывала простуда – кашель, болело горло, иногда понос. Лечили отваром трав, горло смазывали керосином, от поноса давали крахмал и угли, которые сбивали с обгоревших головешек в костре.

И все-таки одно из страшных воспоминаний о болезни осталось. Это был сыпной тиф. В 1942 году мы с бабушкой заболели тифом одновременно. Всех заболевших в деревне, у кого была температура, бред, немцы приказали свозить в дом на окраине. Там жители настлали солому и поставили бочки с водой. Немцы поставили охрану, чтобы родные не ходили ухаживать за больными, – боялись заразы. Водой лежачих больных поили тоже больные – те, кто был еще на ногах. Через какое-то время бабушка пришла в сознание. Разыскала среди больных меня, еле живую, вытащила из этого барака, и каким-то чудом мы доползли до своего дома. Восстановиться всем выжившим, и нам в том числе, помогали все жители, чем могли. Только поначалу мы жили в банях. Спасибо им всем, что делились последним и выхаживали!

В послевоенные годы, когда мы уже жили в бараке в Смоленске в комнате 14 кв. метров, к нам приезжали взрослые и дети из деревень, где мы жили в оккупации, и если поступали в техникумы или на какие-то курсы, то оставались жить у нас, в страшной тесноте – спали между ножек стола. Но жили дружно, мы испытывали к ним бесконечную благодарность за то, что

помогли пережить нам военное лихолетье. Мы ведь тогда свалились им на голову разутые, раздетые, насмерть перепуганные обрушившейся на нас нашей общей бедой – войной.

В сентябре 1943 года шли жестокие бои за освобождение Смоленщины. Освободили и нас. Наша деревня была на пути к крупному железнодорожному узлу, поэтому бои шли на ее территории. Во время боев все прятались под берегом Днепра, в вырытых неглубоких пещерах. Снаряды при артобстреле, разрываясь, падали в воду, и нас просто заливала вода в наших укрытиях. Дети плакали, кричали. Там нас и нашли наши солдаты, занявшие деревню, а бой покатился дальше к Смоленску – наши преследовали отступающих немцев.

Эти солдаты в нашей деревне были из группы похоронной команды после боя (может, есть какое-то другое название – не знаю), вот они временно расквартировались в деревне. Они помогли потушить дома, которые горели, и как-то своим присутствием вдохнули в нас жизнь. В могиле на краю деревни начались захоронения павших в бою. Солдаты отдавали нам портянки, плащ-палатки, иногда гимнастёрки, сапоги, говорили – это осталось невостребованным. В основном брали все беженцы, у них не было ничего. И для нас, ожидавших зимы, разутых и раздетых, это было невероятной помощью, просто спасением.

Когда мы уже жили в подвалах города, эти плащ-палатки спасали нас, ими завешивали дверные проемы, ведь дверей не было. А тогда солдат-освободителей смогли уже накормить картошкой, которую выкопали. А у них была соль – невиданная роскошь, этого лакомства не было всю войну. Этот отряд прожил в деревне несколько дней. Круглые сутки топились бани, отстирывали их завшивленную одежду, они отмывались, подлечивались. Так начиналось освобождение Смоленщины и Смоленска. Детям строго запрещалось ходить в лес, так как там было много разбросанных гранат, мин, неразорвавшихся снарядов. Но ходили. И были случаи, когда мальчишки, лазая по блиндажам, в лесу подрывались на минах.

Освободили Смоленск 25 сентября 1943 года. Вновь образованными сельсоветами беженцам было рекомендовано возвращаться в город, то есть в никуда, так как город был разрушен почти полностью, а восстановительных работ не производилось – шла война. Но к возвращению беженцев готовили места для проживания: разрушенные дома разбирали, освобождали подвалы, где раньше хранились овощи, это были отсеки 1,5 м на 2,5 м с цементными полами, без окон – в них селились беженцы. Полы досками настилали сами, доставали в разрушенных домах половые доски, из них же делали топчаны,

скамейки. Мужчин не было, их заменяли подростки 14–15 лет, дверные проемы зашивали плащ-палатками. Был 1943 год, еще шла война, не было ни пособий, ни магазинов, ни школ. Опять кормились перекопкой полей и луговыми травами.

Когда мы стали жить в подвалах и пошел запах пищи, пришли крысы, такие большие, что их даже кошки боялись. Ночью крысы лезли в тепло, в наши тряпки на топчанах, и ноги нам на ночь укутывали солдатскими портянками. Так мы и сосуществовали с ними, с этими зверьками, но рано утром они уходили, дверей ведь не было, а проёмы закрывали солдатскими плащ-палатками. А еще в подвалах была страшная напасть – днем кусались блохи, а ночью со стен, с потолка падали мокрицы – маленькие ворсистые сороконожки, они могли заползти в ушко – бабушка вынимала булавкой, но все равно ушко болело, не спасали и платки, которые надевали нам на головы, – очень уж эти мокрицы были пронырливые.

В наших подвалах жило до 50 семей, было много детей, но уже не летали немецкие самолеты, не бомбили, и стал потихоньку отпускать страх. А жили дружно, делились всем и помогали.

У нас не было адреса и не доходили похоронки, и все надеялись, что наши на войне живы. В 1945 году всех окрылила Победа.

А война покатилась дальше на запад, и вот уже битва за Берлин. Жесточайшие бои. Мама рассказывала, что количество раненых в госпиталях утраивалось. Пока шли эти непрестанные бои, раненые – полные калеки, без ног, без рук, слепые, как-то уже смирились со своими увечьями – все-таки остались живы, и уже строили какие-то планы, знали – матери любых их примут, общая ведь беда, советовались с медперсоналом. С легкораненными сдружились, те ведь им помогали всегда, а помощь нужна была почти постоянная.

Но все изменилось в День Победы. В палатах безнадежно увечные начали крушить все. За что? Они не хотели жить, пытались бить окна – кто чем, резали себя стеклом, срывали бинты, начиналось кровотечение, пошли стеной, поползли на костылях в палаты лежачих, но не увечных. Это была какая-то общая истерика. Замполит госпиталя приказал стрелять вверх, чтобы как-то всех образумить. Мама рассказывала, что продолжалось это несколько часов. Ни убеждения, ни уговоры, ничего не действовало – увечные забаррикадировались в палатах. Ведь закончилась война, впереди – мирная жизнь, а какая у них жизнь? Бойцы охраны открыли палаты, началось оказание срочной помощи. Палаты и посты были просто разгромлены.

Никто не погиб, но долго успокаивались, и ужас всего происходящего потряс всех. Вот что наделала подлая война! Эти покалеченные совсем еще молодые люди совершенно не были приспособлены к выживанию за стенами госпиталя, без постоянной помощи. Их пугало и то, что они будут только в тягость своим семьям и никогда не станут добытчиками. А бои еще продолжались, уже в самом Берлине, и солдаты погибали уже после Победы, и продолжали поступать тяжело, безнадежно раненные и увечные. Вот такие события происходили в эвакогоспитале Первого эшелона, как рассказывала моя мама, старшая операционная сестра. Происходило это в дни счастья всей нашей страны, в дни Победы и радости со слезами на глазах. Потом уже сотрудникам госпиталя разрешили расписаться на Рейхстаге, была там и мамина роспись. В 1946 году демобилизовалась мама, долго искала нас по деревням, потом узнала про подвалы и нашла нас, а здесь уже скоро построили бараки, и всем дали комнаты. Мама переживала за мое изувеченное лицо, но шрамы понемногу разглаживались и перестали быть синими. Ну а здоровье у нас, переживших оккупацию, оставляло желать лучшего – разрывы бомб, контузии. Страхи перед непонятной речью, ночной лай собак, повешение на глазах, постоянный голод. А тут еще мое лицо, которые все разглядывают, спрашивают – что да как, ужасы ночных кошмаров.

Частый мой сон – немец догоняет меня, уже рядом, за спиной, может выстрелить, а мои ноги не бегут. И однажды во сне мне все-таки выстрелили в спину, в лопатку – мистика, но это место долго болело, и мне его долго лечили.

А потом была школа. Учителям было запрещено кричать на нас – почти все в классе были после оккупации. Я хорошо училось, но однажды стояла у доски – какая-то задача никак не решалась, и математик (был чудесный учитель, но вышел из себя) стукнул стулом об пол и что-то резкое прокричал, и я описалась у доски, потом сразу ушла домой, но в классе меня не дразнили, и с учителем отношения не испортились.

Всю свою последующую жизнь я, заполняя анкеты в пионерлагерь, поступая в мединститут, в автобиографии писала, что с 1941 по 1943 год была в оккупации, и это было клеймом, хотя моя мама прошла войну и отец погиб.

А те, кто прожил войну в тылу, может быть и в таких же лишениях, но этого бремени не несли. В институте при поступлении надо было набрать баллов с запасом, это был 1955 год. Я поступила в мединститут, закончила его и 37 лет отработала врачом с милосердием и добром к больным.

С мужем мы прожили в браке 54 года, с 26 октября 1962 года,

мужу сейчас 88 лет.

Алла Васильевна и Константин Павлович Исаченковы

Мама мне говорила: «Брак держится столько, сколько хватает терпения у женщины». В нашей жизни, когда мама была жива, как и многие вдовы ее возраста, мужей которых унесла война, так вот, она учила меня: лучший кусок отдавать мужу, беречь его сон, покой, быть благодарной, что он есть, радоваться этому, благодарить судьбу.

Ну вот, наверное, я и живу по ее заповедям: все муки и радости у нас с мужем общие, и мы очень боимся остаться друг без друга. Мы не одиноки. У нас есть доченька и двое замечательных внуков – 26-летний Юра и 14-летняя Лаура. Муж у доченьки – добрый, хороший человек, наша защита и опора.

О моей теперешней жизни в мои 78 лет: мой муж, Константин Павлович Исаченков, тоже прожил и выжил в оккупации на Смоленщине. В 2000 году заболел лимфолейкозом, мне пришлось бросить работу офтальмолога, врачам удалось его вылечить, а мне – выходить. Сейчас он в стойкой ремиссии, но в результате ломкости костей после падения в 2015 году – перелом шейки бедра левой ноги, но после установки эндопротеза он на костылях и ходит самостоятельно.

Он был в оккупации десятилетним подростком, и теперь уже он единственный свидетель расстрела на Кукиной горе в Каспле под Смоленском. Расстреляли тогда 157 человек – коммунистов, евреев и простых жителей. Сейчас на месте их захоронения установлен памятник с их именами. Дети, школьники ухаживают за братской могилой. Муж был не только свидетелем расстрела, но и участвовал в спасении ребенка. Когда приговорённых вели на расстрел мимо дома, где Костя жил с мамой, в их огород мать успела бросить младенца. Семья мужа спасла этого младенца и передала его в еврейские семьи в Рудню. А ведь их могли за это расстрелять. В семье мужа было шестеро своих детей. Он подробно описал это в своей книге «Война глазами подростка».

Наверное, страшное военное детство закалило меня, научило выживать и бороться за своих дорогих людей, друзей. Видимо, выработался иммунитет на выживание. Но иногда щемит сердце от того, что не получилось полноценного детства с милым отцом. Его заливистым смехом, игрой на аккордеоне. Он был красавец ростом 180 см. Что в вечной печали прожила жизнь мама, бывшая в той, довоенной жизни плясуньей и певуньей. Я и сейчас бережно храню ее туфельки, в которых она танцевала чечетку. И опять задаю себе вопрос «за что?» все это с нами произошло. И вот теперь портрет отца, старшего лейтенанта, кадрового офицера, погибшего в первые дни войны, я несу в нескончаемом людском потоке, и потом снятся эти молодые, глядевшие на всех с портретов, и, наверное, своими несостоявшимися радостями жизни предостерегающие нас от беды. Хотя сами уже никогда не смогут обнять своих внуков и правнуков, порадоваться их успехам и тому счастью, что над ними мирное небо.

Алла Васильевна Исаченкова

Разведка боем

Мой дедушка, Абрамов Евгений Михайлович, родился 1 ноября 1920 года в деревне Марково Озёрского района Московской области. До войны работал на ткацкой фабрике в городе Озёры помощником мастера.

В 1940 году был призван в армию, проходил службу на полуострове Ханко, где и встретил начало войны.

Вернувшись с войны, практически ничего не рассказывал о своей службе. В ноябре 1941 года газета «Правда» написала о героической обороне полуострова Ханко, где говорилось о том, как «горстка храбрецов, патриотов земли советской, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма». На что Евгений Михайлович ответил: «Никаких я героических подвигов не совершал. Мне просто неудобно, что вы меня выделяете. От товарищей неудобно…»

После войны продолжил работать на ткацкой фабрике. Всю жизнь прожил в г. Озёры.

Евгений Михайлович умер 13 августа 1995 г.

О нем сохранились две заметки в газетах (они на фото). Также дедушка написал фрагмент своих воспоминаний, которые сохранились в виде тетрадных записей. Вот что он писал:

После Ханко – Кронштадт

В начале декабря 1941 г., оставив полуостров Ханко, пришли в Кронштадт. Как я после понял – в этом была большая необходимость.

Веселый, чистый довоенный городок был на себя не похож. Шла первая блокадная зима, не работали водопровод, канализация, отопление, не было света. От частых бомбежек и обстрелов вылетели стекла в окнах домов, повсюду властвовал голод.

Остров Котлин, на котором стоит Кронштадт, расположен в 30 км на запад от Ленинграда: 7 км до южного берега, 20 км до северного берега. Окружен насыпными фортами с находящимися на них батареями разных калибров, что создавало его неприступность.

Южнее Кронштадта на берегу находился город Ораниенбаум. Его противник не мог взять из-за сильного огня кронштадтских батарей, но врагу все-таки удалось выйти к морю на участке протяженностью 15–20 км между Ленинградом и Ораниенбаумом.

Немцы заняли прибрежные города: Урицк, Стрельну, Петергоф.

Севернее Кронштадта берег захватывали финны. Море покрылось льдом, по которому могли пройти даже легкие танки. Кронштадт оказался под угрозой быть отрезанным от Ленинграда.

Корабли, имеющие свой ход (не поврежденные), ушли в Ленинград, оставив фарватер в торосах, спаянных из глыб льда. Часть моряков сняли с ушедших кораблей, и на базе отряда, пришедшего с Ханко, был создан батальон морской пехоты, расквартированный в Кронштадте. У нас не было опыта воевать в пехоте, но зато злости и ненависти к врагу за все виденное и пережитое было предостаточно. Мне довелось в этом батальоне служить во взводе разведки командиром отделения. Много было разных заданий – это и ночные поиски, разведка минных полей противника, наблюдение за противником с близкого расстояния в ночное время.

Почти каждую ночь напролет, предоставленный всем морозам, ветрам и метелям, стоял батальон на льду. Первая военная зима была холодной. Многое забылось со временем, но одна из операций запомнилась хорошо.

Приказ, как всегда, был коротким: вклиниться в оборону противника, взять языка, выявить огневые точки противника.

Отряд численностью в 13 человек вышел с угла военной гавани с наступлением темноты, потому что с бугристого берега Петергофа противник просматривал всю территорию. Шли 15 км, т. е. маршрутом наших дозоров до полузатонувшего и вмерзшего в лед корабля, который был как бы границей между кронштадтским и ленинградским дозорами. Далее повернули в сторону Петергофа, прошли фарватер, обошли минное поле противника. Лед был покрыт снегом сантиметров на 15–20. Когда надо было ползти, разделились: головным пошел командир отделения Зарецкий с тремя матросами. Я с тремя матросами – слева метров на 30–40. С правой стороны, на таком же расстоянии, командир отделения Шмелев с двумя матросами и немного сзади – командир отделения Зимичев с одним разведчиком, как бы связным. Зимичев был старшим. Подползая к берегу противника, я обратил внимание на его поведение. Обычно они, не стесняясь, простреливали местность из пулеметов, освещали осветительными ракетами, а тут – тишина, и где-то в глубине мигнули как бы карманным фонарем. О замеченном немедленно, через разведчика, доложил Зимичеву, который передал: «Несмотря ни на что, задание надо выполнить». Для себя уяснил, что внезапности не получится – будет бой, и далеко не равный.

Евгений Михайлович Абрамов

Подползли к ограде, похожей на церковную, за поросшей акацией одноэтажное каменное здание (на топографической карте оно значится как музей, но это не тот красавец музей, который стоит на бугре, в окружении фонтанов, а внизу, прямо у берега и вдается немного в море). По обе стороны бетонные причалы для подхода кораблей, высотой около двух метров. Снегу здесь было больше, даже переходил в сугробы.

Зарецкий прошел к берегу вдоль ограды. Я вышел на его след,

и вдруг удар – наподобие сильно хлопнувшей двери. Это был выстрел ракетницы. Над нами повисла осветительная ракета, стало светлее, чем пасмурным зимним днем.

Пока висела ракета, немцы не стреляли, как бы выбирая цель и уточняя, сколько нас. То же делали и мы. В этом музее, видимо, у них никого не было, а то бы они нас расстреляли в упор, а может, чего-то ждали. Как только ракета погасла, а другая не успела взлететь – раздалось несколько пулеметно-автоматных очередей, как бы трусливых, одна из которых сразила Зарецкого. К сожалению, я не помню его имени и откуда он родом, помню только, что он был хороший, простой парень, и, когда собирались в разведку, спросил его, почему он не берет маскировочный халат. Он сказал, что у него белый полушубок, под цвет снега, и что халат стесняет движения. Вот, видимо, немцы и приняли его за главного. А дальше начался ураганный огонь.

У меня ранило матроса в ногу, и он начал отползать. Дернулся другой – пуля попала в руку. Проползли мимо разведчики Зарецкого. Невозможно было ни стрелять, ни командовать, стоял сплошной ад, метель не от ветра, а от пуль. Остался у меня один разведчик, почему-то запомнилась его фамилия – Омельченко. И тут заметил, что оказался мишенью, – по мне бил пулемет, метров с 50–60, пули трассирующие и ощущение такое, будто пролетают искры то с правой, то с левой стороны. Ночью особо не прицелишься. Упал, сдвинул снег автоматом, лежу, не двигаясь, – еще несколько очередей мимо, видимо, догадались, что я убит, по мне стрелять пока перестали. Огляделся – разведчика моего нет. Достал гранату, бросил за ограду наугад, чтоб взрывом сбить немцев с толку. В несколько бросков отошел назад и за угол ограды так, чтобы у этого пулемета быть не в поле зрения. Потом еще назад, чтобы ракеты не перелетали меня, а не долетали. Здесь можно немного разобраться.

Вижу, в сумерках прыгает на одной ноге Зимичев, наш старший. В руке наган, вокруг снег подбрасывают пули, и к нему ползут два матроса, посланные Шмелевым ему на помощь. Шмелев в такую переделку не попал, он шел с правой стороны, перед ним причал – на него не влезешь, но такую смелость, которую проявили эти матросы, не всегда увидишь и в кино.

Я дал очередь по пулемету, мешавшему им. Он почему-то на время замолк. Может, пули рядом застучали и озадачили немцев, но этого было достаточно, чтобы эти храбрецы подхватили его на руки и быстро потащили. Я вижу и радуюсь за них. Вижу, присоединился к ним Шмелев, подполз и я. Начинало светать. Быстро, по очереди: то мы со Шмелевым его, то эти два матроса

(их фамилии – Исаков и Антоничев, не забудутся мной никогда) стали оттаскивать Зимичева хотя бы от пулеметного огня. Оттащили на километр, дальше нельзя, полон сапог крови. Наган не сдает, три последних патрона приберег для себя, и получается, что рука занята, нога перебита. Разрезали сапог, пуля попала в коленную чашечку. Перевязали, бинтами привязали и сапог. За этим занятием застал нас рассвет, а с ним и смертельная усталость, но надо отходить. Подняли раненого, не прошли и двадцати шагов, как впереди разорвались четыре снаряда. И так пять километров. Маскировочные халаты стали из белых черными и порванными пулями и осколками снарядов.

Били большим калибром, потому что пробивало до воды. И вот радость – над головами, с ревом и свистом, пролетел 12-дюймовый снаряд с линкора «Марат», который из-за повреждений не мог уйти в Ленинград. Снаряд угодил в место нашей перестрелки, где, как муравьи, высыпали немцы поискать трофеи, и вот нашли. С этого момента их батареи стрелять по нам перестали.

Чувствую, обессилили окончательно. Навстречу нам выслали две подводы, запряженные лошадьми, на чем и добрались до Кронштадта.

Раненых обработали медсестры и отправили в госпиталь. Увидел там Омельченко, он был не ранен, но трясся как в лихорадке. На второй день он попросился перевестись в пулеметную роту, где через неделю был убит осколком снаряда.

Первую часть приказа нам выполнить не удалось, зато вторую – с лихвой. Так и была озаглавлена заметка в газете «Краснознаменный Балтийский флот» в начале марта 1942 г.: «Разведка боем».

После этого еще раза два-три ходили в ночную разведку (поисковую) у берега противника. Лед на заливе стал слабнуть. В конце марта 1942 г. переведен на береговую батарею № 200 командиром отделения разведки.

Может, какие моменты со временем забылись, но фамилии подлинные, и, возможно, кто-то остался жив. Впереди оставалось еще три года войны.

Елена Абрамова

За пять дней до капитуляции

В нашем семейном архиве сохранились старые фотографии и письма.

Среди них – фотография красивой девушки с роскошными густыми русыми косами и пронзительно голубыми глазами.

Это родная сестра моего прадеда, Щетинина Анатолия Матвеевича, – Лариса Щетинина, или Лара, как ее звали в семье.

Ослушание

Лариса была единственной дочерью в семье, где росли еще три брата: старший Николай, средний Владимир и младший – мой прадед Анатолий.

Отец Ларисы, Матвей Алексеевич Щетинин, окончив учительскую семинарию, сначала был учителем в городе Баланде (ныне город Калининск в Саратовской области). Здесь он познакомился с Валентиной Владимировной Рубановой, отец которой был священником. Дочь должна была выйти замуж за священнослужителя, но ослушалась родителей и выбрала в мужья учителя. В семье шутили, что он приворожил ее своими голубыми глазами. Поженились они в 1916 году. Свадьба была в селе Белый ключ Вольского уезда Саратовской области. Венчались в церкви Михаила Архангела, а в церковь ехали в карете, которую дала помещица Бекетова. После революции Щетинины переехали в Сердобск на Крестовоздвиженскую (ныне Первомайскую) улицу, в дом Осипа Трифоновича Щетинина, где родились все их дети.

Лариса Щетинина

В 1938 году один из сыновей Матвея Щетинина и Валентины Рубановой – Владимир – поступил в Саратовский университет на биологический факультет. Год спустя его сестра Лариса поступила в тот же университет на медицинский факультет, успешно сдав 7 экзаменов.

На подступах к Берлину

Началась война… В 1941 году Владимир был на полевой практике, но уже в июле ушел на фронт. Больше родные его не видели. Единственное письмо пришло 29 января 1942 года. Родные с горечью узнали, что он погиб на Волховском фронте в 1942 году.

В 1943 году Лариса была направлена на фронт. В 1944-м она приехала в родной город, где поправлялась после ранения. Со слов родных, ее комиссовали, но она вернулась в свою часть, в

которой служил ее любимый.

Со своей частью Лариса дошла до самого Берлина, где и погибла 29 апреля 1945 года на подступах к Берлину от руки немецкого снайпера, не дожив до капитуляции гитлеровской армии всего пять дней…

Один из ее однополчан в письме от 24 июня 1945 года прямо из Германии так сообщал о смерти Ларисы Матвеевной Щетининой: *«…работая врачом в нашей части, презирая опасность, под огнем противника, смело оказывала медицинскую помощь раненым бойцам и офицерам, всегда была там, где был самый горячий бой. Нашу любимую Ларису можно было видеть днем и ночью на самых опасных местах боя, на улицах Берлина. Не страшась смерти, Лариса выполняла свой долг перед родиной, спасая жизнь борцам за родину… Лариса не поберегла себя и прямо, не маскируясь, бежала к тому месту, где были раненые, в результате через пять минут после ее ухода мне и еще двум товарищам пришлось вынести с поля боя нашу дорогую Ларису, тяжелораненую в голову. Ранил ее фашистский негодяй-снайпер, хотя у нее на рукаве шинели ясно был виден красный крест – знак медицинского работника. Похоронили мы ее со всеми воинскими почестями в пригороде Берлина…»*

В семье Ларису запомнили очень доброй, приветливой и доброжелательной. И ее смех – открытый и радостный.

В 1985 году на территории Саратовского медицинского института установили мемориал. На мемориальной доске записаны имена сестры и брата – Ларисы Щетининой и Владимира Щетинина, – которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны, защищая Родину.

Кисляева Д. С. – учащаяся,
Дзыбинская Н. П. – учитель
(МОУ лицей № 2, г. Сердобск)

Молитва ребенка

Бойченко Александр Алексеевич родился 31 августа 1906 года в селе А-Донская Воронежской области, в семье крестьянина-середняка. В семье было четверо детей – трое мальчиков и одна девочка. Когда ему исполнилось 11 лет, отец его умер, и он остался старшим в семье.

Александр Алексеевич Бойченко.
Простой красноармеец

Когда началась война, 22 июня 1941 года, дедушке принесли повестку в 12 часов ночи в этот же день, и 24 июня он был взят на

фронт. Провожать его пошла вся семья – жена и двое детей. Путь был дальний – 8 км пешком… Бабушка плакала всю дорогу… Когда пришли к военкомату, там было уже много призывников с семьями. Кругом плач, музыка, крики… Когда скомандовали строиться, бабушка Лиза и дочери бросились к дедушке Саше с плачем и не отпускали его… Ему пришлось силой разнимать кольцо любящих рук и идти строиться… Потом весь строй погрузили на пароход до Лисок, оттуда на поезд до Воронежа. Из Воронежа они поехали в Брянскую область, г. Гомель. Под Гомелем в поселке Белореченск уже шел бой. Армия отступала до Острогорска. Дедушка получил первое ранение под Белгородом, Большетроицкий район, 28 июня 1942 года. Часть отступала к Воронежу через Острогорск. Город горел, они переехали мост, где скопились множество беженцев, гурты крупного рогатого скота (который гнали из Белоруссии и Украины в тыл), военная техника. Когда переехали реку Дон, дедушка попросился забежать домой. Их комиссар ехал в направлении Лиски. Старшина Попков Федор Иванович подвез дедушку до села Лосево, что в 18–25 км от Дуванки, и дальше он пошел пешком. Рана на ноге болела, и он шел с палочкой домой, чтобы обняться с семьей. Это было 7 июля 1942 года. Через 2 дня родные провожали отца через поле на Михайлову, в Гаврильск. Там он встретил Дубовицкого Федора Дмитриевича, главврача ветеринарной службы, и ветеринаров, знакомого милиционера. Они помогли ему добраться до санитарной части в Семеновке, где он долечивался после ранения. А оттуда после лечения его отправили в Сталинградскую область, станция Уничи. Там еще полтора месяца он лечился в госпитале. После лечения был отправлен поездом на Воронеж. Немец был уже под Воронежем. Их высадили с поезда перед Воронежем и сказали идти пешком до Воронежа. Продуктов не было. Когда шли через населенные пункты, просили есть у населения. Как-то остановились на ночь в одном селе. Председатель колхоза попросил косить хлеб. Их было 20 человек, командовал ими младший лейтенант. Они косили, а немецкие самолеты летали над ними… Два дня косили, кормили хорошо. Потом приехало начальство и их направили на распределительный пункт в Воронеж. Второе ранение получил там же в танковой части при наступлении на Воронеж, разрывная пуля попала в правую руку ниже локтя… В условиях полевого госпиталя кости собрали неправильно. 8 октября 1942 года попал в госпиталь в Тамбовскую область, г. Кирсанов, где пролежал несколько месяцев. Руку пришлось ломать. Доставать осколки и раздробленные кости. Из госпиталя его комиссовали 30 июля 1944 года инвалидом 2-й группы. 8 месяцев семья не знала о нем

ничего… В село приходило каждый день по нескольку похоронок. С их улицы погибли в каждом доме, и только дедушка вернулся благодаря молитвам его младшей дочери Нины, которая молилась каждый день Богу, чтобы ее «папочка остался живой…». И Бог внял молитвам ребенка…

Раненая рука еще долго напоминала о себе, раны открывались, несколько раз его оперировали. Последняя операция была в августе 1951 года, когда у него родился первый внук, Александр, названный в честь него и погибшего старшего брата зятя. Правой рукой дедушка не мог кушать, но он ее постоянно разрабатывал.

Дедушка получил первую награду – орден Красной Звезды в госпитале, когда был ранен в руку в бою за Воронеж. Когда закончилась война, он получил орден Отечественной войны и множество медалей. Дедушка был очень скромным, трудолюбивым и честным человеком, которого все уважали и любили.

Елена Николаевна Коломицкая

Впереди орудий

В восемнадцать лет, в августе 1941 года, мой дед Виктор Харченко ушел на войну. Фронтовая судьба оказалась недолгой. Но год и три месяца на передовой наложили отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Иначе не скажешь – домой, в родную деревню, дед вернулся без правой руки.

А начиналась служба в Семипалатинске, в пехотном училище. Но не всем курсантам сорок первого года суждено было стать командирами. Армия несла большие потери. И по приказу Сталина недоучившиеся курсанты встали в строй. Так в апреле 1942 года началась для деда настоящая война.

Конная разведка, куда определили молодого солдата, выполняла задачи в составе артиллерийского полка. Делом занималась, на первый взгляд, простым – обследовала прифронтовые районы, искала удобные места для расквартирования батарей, определяла расположение врага, занималась корректировкой огня. Но все это – на самом передке, впереди орудий, которые никто не рисковал выдвинуть в неразведанный район.

В мае сорок второго дед принял боевое крещение в бою под Воронежем. А вскоре часть перебросили на курское направление, где несколько месяцев бои шли с переменным успехом: то продвигались вперед, то переходили к обороне. К началу знаменитого наступления, определившего впоследствии коренной перелом в войне, в лесах под Курском, по рассказам деда, скопилось огромное количество людей и техники. И было ясно, что идти предстоит только вперед…

Из представления ефрейтора Харченко Виктора Константиновича к награждению медалью «За отвагу» (podvignaroda.mail.ru, сохранены орфография и пунктуация): «…в наступательных боях проявил себя бесстрашным разведчиком. Выдвинувшись на передний край нашей обороны, тов. Харченко В. К. обнаружил скопление пехоты противника, готовившейся к контратаке, быстро сообщил координаты в штаб, в результате чего массированным огнем артиллерии полка более 60 гитлеровцев нашли себе могилу, контратака противника была сорвана. Им обнаружено за время наступательных боев: 2 арт. батареи, 1 мин. батарея, 2 НП, 3 ДЗОТа, которые были уничтожены огнем артиллерии полка».

Виктор Константинович Харченко

Так шли день за днем напряженные фронтовые будни, выполнялась простая мужская работа… Пока после боя неподалеку от ставшей потом знаменитой Прохоровки Виктора Харченко не привели в госпиталь с перебитой рукой. Там же, в полевых условиях, провели нехитрую операцию. И дед на всю жизнь запомнил, как некоторое время еще шевелила пальцами его отрезанная чуть ниже локтя рука…

После нескольких месяцев госпиталей с боевыми наградами и одной рукой бывший воин вернулся домой. Родственники годы спустя рассказывали, что в сердцах он разбил гитару, на которой

до войны прекрасно играл. Инструмент оказался больше не нужен.

Начиналась новая трудовая жизнь, которая продлилась более полувека. К фронтовым медалям прибавились регалии за труд, в том числе в 1966 году грудь ветерана украсил орден Ленина. Всю жизнь дед проработал в родной Сретенке Щербактинского района. Заведующим фермой, бригадиром, управляющим отделением совхоза. Не сидел без дела и на пенсии, правда, когда стало подводить здоровье, перебрался поближе к детям, в поселок Яровое Алтайского края. С женой Марией Яковлевной воспитал восьмерых детей, успел порадоваться внукам и правнукам…

Из родни с войны не вернулись 16 человек. Погиб родной брат Александр. Он был призван чуть позже деда и окончил короткий курс Семипалатинского пехотного училища. Молодой лейтенант сложил голову под Ленинградом. Еще три ушедших на фронт брата – Алексей, Михаил и Петр – свою послевоенную жизнь связали с армией, стали офицерами. Как и старший сын Анатолий, вышедший в отставку в звании полковника. Вот такая крестьянская семья из Сретенки…

Н. Гостищев

«Будь тем доволен, что есть…»

Я – ветеран здравоохранения, пережила блокаду Ленинграда. Сейчас мне 93 года, я живу в Петербурге на Васильевском острове, в приюте для одиноких пожилых людей, созданном членами правления «Семёновского благотворительного общества» (Общества потомков П. П. Семёнова-Тян-Шанского).

Родом из Петрограда

Родилась в Петрограде в 1922 году. С детства писала стихи, прекрасно рисовала, и впоследствии мои рисунки всегда занимали призовые места на районных и городских конкурсах.

В школу пошла на улице Союза Печатников – до революции это была гимназия, и в ней еще служило немало прекрасных, как тогда говорили – «старорежимных», учителей. Поэтому и образование получила отменное. Правда, учебный год 1940/41 гг. я пропустила – обострилась болезнь легких, однако перед самой войной легко поступила на филфак Ленинградского университета – об этом мечтала все школьные годы.

Нина Григорьевна Тенигина

С самого начала артиллерийских обстрелов города здание филфака постоянно было на линии огня. Студенты не столько учились, сколько дежурили на крышах, тушили зажигалки – одним словом, по мере сил помогали защищать любимый город. Потом Госуниверситет эвакуировали, а я… осталась.

Что делать? Куда идти работать? Случайно узнала, что в противотуберкулезном диспансере, который разместился в большой пустующей квартире на Большом проспекте Васильевского острова, требуются медсестры (к тому времени большинство дипломированных врачей и медсестер были на

фронте).

Но почему диспансер размещался в квартире? Ответ прост: здание прежнего тубдиспансера, которое находилось на территории больницы им. Ленина (ныне она носит свое историческое имя – Покровская больница), было разрушено при бомбежке в первые месяцы войны.

В диспансере меня встретила Варвара Митрофановна Мясоедова, только-только окончившая медицинский вуз, которую назначили сюда главврачом (дружбу с ней я пронесла через всю жизнь). И та приняла меня на работу.

Это была большая удача! Ведь медицинских знаний не было никаких, всему приходилось учиться на ходу. Помогали книги по медицине, которых в диспансере был целый шкаф. Читала много и жадно, лечебное дело всё больше увлекало меня. Но главное, работа давала право на получение рабочей карточки. А это – уже не 125, а целых 250 граммов хлеба в день!

Жизнь и работа в блокированном городе привели к стремительному росту многочисленных заболеваний, имеющих ряд клинических особенностей в условиях их сочетания с болезнью голодания – алиментарной дистрофией. Но, несмотря на тяжелую блокадную обстановку, в противотуберкулезных учреждениях шла напряженная работа по выявлению и лечению больных туберкулезом. Дефицит топлива и сильные морозы 1941–1942 гг. сделали практически невозможным проведение лабораторных и рентгенологических исследований, что сказывалось на качестве диагностики и лечения. Основной метод лечения больных туберкулезом легких в то время – искусственный пневмоторакс. Антибиотиков и других медицинских препаратов, которые могли бы кардинально повлиять на течение болезни, в арсенале врачей блокадного города не было…

С туберкулезом боролись по плану

Ходить на работу приходилось пешком – с началом зимы транспорт в городе встал. Чтобы сократить путь на работу, с проспекта Маклина, где я жила с родителями, шла по льду через Неву. Вдоль тропинки лежали трупы людей, и их некому было убирать…

Вспоминается страшный случай каннибализма: утром шла на работу – на льду реки лежал мальчик лет полутора без признаков жизни. Возвращаюсь домой – тот же мальчик лежит уже на животе, а его ягодицы кем-то вырезаны…

Кто мог, привозил трупы умерших родных и близких к больнице им. Ленина. Их было много, очень много… Трупы, как бревна, складывали затем в огромные штабеля. Страшное зрелище!

В июне 1942 года была проведена общегородская конференция врачей Ленинграда на тему «Особенности туберкулеза в 1942 году». В августе того же года специальной комиссией был составлен план борьбы с туберкулезом.

Несмотря на жестокую нехватку продуктов питания, продуктовые нормы в туберкулезных стационарах на одного больного были в 1,5 раза больше, чем в общесоматических больницах. Большое внимание уделялось также улучшению питания амбулаторных больных туберкулезом, которым выдавалось дополнительное усиленное питание (апрель – август 1942 года). Значение этого факта вряд ли можно переоценить.

Работали на совесть

Работали на совесть, о себе думали в последнюю очередь. Кроме непосредственно работы в противотуберкулезном диспансере, много приходилось работать физически – разбирали старые деревянные дома, например. Это было невероятно тяжело для нас, девушек и женщин, только-только переживших первую страшную блокадную зиму. Трудно даже представить, откуда брались силы ворочать тяжелые бревна и доски? И конечно, здоровья нам этот труд не прибавил, последствия блокады чувствовала на протяжении всей своей жизни… Но зато в следующую блокадную зиму мы уже не так мерзли – всем ленинградцам выдали по 2 кубометра дров.

Нелегко было ездить за молочными продуктами для туберкулезных больных. Это было даже не молоко, а какой-то молочный суррогат типа кефира. Брали бидон емкостью 50 литров, ставили на тележку, два человека впрягались впереди, один толкал сзади. Шли на другой конец города на комбинат, не помню сейчас, где он находился, почему-то в память врезалась цифра: 5 мостов. Нам надо было пройти 5 мостов, прежде чем мы добирались до места. За эту дополнительную работу мы с коллегами получали примерно по 0,5 л этого «кефира» на человека.

Однажды, пока ждали своей очереди у комбината, мимо проезжал грузовик, груженный продовольствием, и из него выпала банка сгущенного молока. Настоящего, которое до войны продавали. Сладкая масса растеклась по грязному асфальту… Мы

молча смотрели на нее и глотали слюнки. Одна из женщин не выдержала, подбежала к молочной лужице, встала на колени и стала слизывать сгущенку с асфальта. Да… голод очень менял психику людей.

Буду врачом!

В 1943 году твердо решила поступать в 1-й Медицинский институт, однако В. М. Мясоедова стала отговаривать – мол, обученных медсестер и так не хватает, может быть, дождаться сначала конца войны?

Нина Григорьевна Тенигина

Но я была непреклонна и подала документы в вуз. Училась охотно, любовь к медицине всё больше овладевала мною. В 1948 году получила диплом с отличием об окончании института. Все годы учебы занималась в студенческом научном обществе, которое возглавлял Михаил Дмитриевич Тушинский – крупнейший ученый-медик, терапевт, инфекционист, академик Академии медицинских наук СССР, первый главный терапевт Ленинграда в 1942–1949 гг.

Особенно радостным для всех ленинградцев стал день 27 января 1944 года. Блокада города была снята! На улицах – полно

народа, все обнимаются, плачут, просто даже не верилось, что вот-вот наступит мирная жизнь. Не нужна была теперь светомаскировка, включили электричество, стало лучше с продуктами. Однако чувство голода оставалось у меня еще долгие годы. Никто из нас, блокадников, никогда не выбросит даже корку хлеба!

После окончания института работала по распределению в Таджикистане, потом вернулась в Ленинград и стала работать на кафедре своего учителя М. Д. Тушинского. Защитила кандидатскую диссертацию, была заведующей пульмонологическим отделением и одновременно преподавала, совмещая лечебное дело и научную деятельность. Написала ряд научных работ, в том числе выступила соавтором книги «Железодефицитные состояния».

В свободное время много рисовала – пейзажи, зарисовки мест, где приходилось бывать, портреты. Пользуясь русским подстрочником, который делал для меня знакомый моей подруги – перс по национальности, я перевела 623 рубаи Омара Хайяма и являюсь сегодня третьим по счету поэтом по количеству переведенных стихотворных четверостиший. Вот одно, которое мне особенно нравится:

Живи праведно, будь тем доволен, что есть,
Живи вольно, храни и свободу, и честь.
Не горюй, не завидуй тому, кто богаче,
Кто беднее тебя – тех на свете не счесть!

Меня часто спрашивают, как мне удалось дожить до столь преклонных лет? Секрет прост: на протяжении всей своей жизни я неизменно сохраняла доброжелательное отношение к людям и искреннее желание помочь ближнему… В моем сердце совершенно нет зла и обиды. И желаю я только одного: счастья и мирного неба будущим поколениям!

Нина Григорьевна Тенигина

Похороненный заживо

Передо мною лежат пожелтевшие от времени листы служебно-боевой характеристики на старшего краснофлотца войсковой части 36078 артиллериста-наводчика Гольцова Фёдора Степановича – это мой прадед. Раньше мне казалось, что герои живут где-то в другом мире, что они сильно отличаются от обыкновенных людей. А кто же тогда был мой прадед?

Родился он в 1911 году в селе Горлышевское Архангельской губернии, что до сих пор глядится оконцами ветхих домов в воды Северной Двины. Семья была большая и крепкая, сыны были высокими, широкоплечими, белокурыми, трудолюбивыми, с открытыми улыбками, такими они и вошли в жизнь, как семь славных русских богатырей.

Необыкновенные белые ночи – только ради них можно навсегда полюбить Заполярье. Может, так же, как и я, любил мой прадед подняться белой ночью и тихонечко подойти к окну, смотреть на небо, сопки, где солнышко, еще не успев скрыться за горизонт, уже поднимается снова, слушать звонкую тишину прозрачного северного лета.

Нет, не хотел мой прадед нарушать эту хрупкую гармонию разрывами бомб, не хотел воевать, не хотел так же, как не хочу войны сейчас и я.

Старший краснофлотец Ф. С. Гольцов был призван на фронт 23 июня 1941 года, подумать только, сразу на следующий день после объявления начала войны – 22 июня 1941 года, воевал на перешейке полуострова Средний, защищавшем вход в порт Мурманск.

Незамерзающий мурманский порт, через который шли и шли караваны судов с боеприпасами и продовольствием, как одна из живительных артерий, подпитывающих израненное тело земли российской.

Мало мягкой земли на Кольском полуострове – всё камни, мало леса по краю моря Баренцева – всё скалы. Тридцать два раза только в 1941 году по открытым скатам в заполярный день под вражеским обстрелом он подносил боеприпасы, пищу на передние точки боевого охранения, трижды действовал в составе разведки и был в тылу врага. О чем думал он тогда? Кто охранял его от гибели?

Передо мною орден Отечественной войны II степени и медали прадеда, одна из них «За отвагу», которая ценилась среди бойцов выше прочих. Существуют на Земле понятия, смысл которых, казалось, и объяснять не нужно, впитывает их человек с

молоком матери, вдыхает с воздухом родных мест, но откуда тогда зло, трусость, предательство, жестокость на Земле до сих пор?

Фёдор Степанович Гольцов

22-23 ноября 1942 года краснофлотец Ф. С. Гольцов нес дежурную службу в боевом охранении. Гитлеровцы начали ожесточенный штурм советских укреплений, казалось, все, как в последнем бою… Главное – это действовать, осознание происходящего придет потом. Все сливается в единый мистический организм – живые и мертвые, огневые точки, ревущие скалы. Где мой прадед, та частичка на Земле, без

которой и меня бы сейчас не было? Чью жизнь он защищал в том бою? Получается, что и мою?

Около 170 выстрелов успел произвести наводчик Гольцов по захватчикам, часто бил прямой наводкой с кратчайшего расстояния. За грохотом разрывающихся мин и снарядов он не различил снаряда, который попал в их орудие, моего прадеда полностью укрыла земля, и наступила тишина и покой.

Он открывает глаза и видит прозрачно-голубое небо, облака. Чуть приподнимается и чувствует, что под ним стог ароматного сена, он, наработавшись вдоволь, уснул здесь на двинском приволье, а к нему навстречу идет жена, на руках маленькая доченька Лиленька…

Но судьба, разодранными в кровь руками санитаров, раскопала моего прадеда. Хранимый Богом оказался сын Земли своей, оправился после контузии и до 20 октября 1944 года защищал перешеек полуострова Средний, что стал непреодолимой преградой для немецких войск.

В период с июля по октябрь 1944 года, когда велась подготовка наступления на врага со стороны советских войск, орудие старшего краснофлотца Гольцова постоянно осуществляло огневые налеты, а в день разгрома вражеской обороны вело огонь, в течение шести часов было произведено около пятисот выстрелов.

Затем войсковая часть 36078 была переброшена на побережье Кореи для разгрома японских самураев.

Война закончилась для моего прадеда 5 ноября 1945 года. Он остался жив. Умер Ф. С. Гольцов 28 мая 1977 года.

Спасибо тебе, прадедушка. Любим тебя, помним.

Твои внуки, правнуки.

Награды Гольцова Фёдора Степановича:

1. Орден Отечественной войны II степени, присвоен 24.11.1944 г.
2. Медаль «За отвагу»
3. Медаль «За оборону Советского Заполярья»
4. Медаль «За участие в японской кампании»

Елена Сергеевна Никандрова

Дядя Ларывон

Родной брат моего дедушки, Шаблюк Илларион Иосифович, родился в 1913 году в деревне Селище Стародорожского района Минской области, Республика Беларусь теперь. Его отец, Шаблюк Иосиф Иеронимович, купил землю в этой деревне в начале 20 века для проживания своей семьи и ведения личного хозяйства. Отец, Иосиф Иеронимович, человек был грамотный, во время Первой мировой войны служил писарем в артиллерийском полку в императорской армии. Был арестован 24.04.1933 г. по доносу. По приговору «тройки» был обвинен в антисоветской агитации и приговорен к 3 годам ИТЛ. Сгинул в ГУЛАГЕ, в Казахстане. Реабилитирован в 1989 году.

Илларион Иосифович Шаблюк

Тем не менее Илларион Иосифович получил образование, в 30-е годы окончил Слуцкий педагогический техникум. К началу войны служил в Красной армии в районе Белостока. Красная армия терпела поражение от мощного, вероломного удара германской военной машины. Илларион Иосифович попал в плен под Столбцами (70 км юго-западнее Минска) в июле 1941 года. Огромные пешие колонны пленных начали сгонять в Минск без воды, еды и медицинской помощи. В Минске пленные получили

по 2 вареные картофелины, и все. Всех согнали в вагоны и повезли в сторону Польши. В лагерь смерти Освенцим. По приезде все пленные были разделены по разным признакам: офицеры, солдаты и т. д.

Каждый день выкапывали ямы для умерших от ран, болезней, голода, издевательств и пыток, расстрелянных и отравленных в газовых камерах. Ямы обильно посыпались известью. Однажды Илларион Иосифович копал яму и для себя, но как-то обошлось. Илларион Иосифович принял для себя, кажется, невозможное решение – побег! Решив, что лучше погибнуть сразу при попытке побега, нежели и дальше терпеть эти немыслимые страдания, свои и чужие. Боясь страшных эпидемий, фашисты все-таки иногда водили заключенных в баню, которая располагалась на тот момент за воротами лагеря. Возле дороги рос большой куст сирени. Его-то и приметил Илларион Иосифович. Бежать он решил с одним заключенным. Но в последний момент тот отказался.

Во время очередного похода в баню Илларион Иосифович пристроился сбоку колонны. Проходя мимо этого куста, нырнул в него. Часовому показалась какая-то тень, но огонь он не открыл, а только провел рукой по кусту, едва не задев Иллариона Иосифовича. Оказавшись свободным, Илларион Иосифович без одежды, еды решил пробираться с территории оккупированной Польши в сторону родного дома. Лесами, ночью, заходя на одинокие хутора и прося какую-нибудь еду. Кто-то давал, кто-то нет. Вообще, в лесу в ту пору было много беглых, окруженцев. С одним таким парнем он встретился, и они продолжили путь вместе. Однажды их пустили переночевать в польской деревне, в сарае. И хозяин тут же их выдал немцам. Немцы зашли в сарай, у одного перед собой был фонарик. Хорошо, что немцы были пьяные, и реакция их была замедленная. Илларион Иосифович со всей силы ударил немца по руке, фонарик отлетел в сторону.

В полной темноте он бросился бежать. Что стало с его напарником, он не знал. В самом конце октября 1941 года он вышел к реке Буг. Река уже была покрыта тонкой пленкой льда. И он решил ждать устойчивого льда, чтобы перейти реку. Переплыть ледяной Буг даже не изможденному человеку невозможно! И опять начались скитания, холод, голод, постоянная опасность. Наконец наступил момент, когда он взял большую палку и по хлипкому льду начал переходить Буг. Долгим, страшным и изматывающим был его путь домой. Но он все-таки пришел в свою родную деревню Селище. Мать не узнала в этом страшном, больном, опухшем от голода человеке своего сына, некогда красивого молодого мужчину. Постепенно она

выходила и вылечила его. Территория Белоруссии была давно оккупирована. Как сейчас легализовать беглого красноармейца, узника концлагеря? Но опять каким-то чудом ей удалось заполучить для него аусвайс.

Буквально с 1942 года он идет в партизанский отряд, которым командует легендарный Алексей Иванович Шуба, впоследствии Герой Социалистического Труда. Илларион Иосифович участвует в боевых операциях, осуществляет разведывательную и связную деятельность. Однажды он и еще 2 партизана ночевали в доме его матери в деревне Селище. Кроме них в доме были жена Иллариона Иосифовича и их новорожденная дочь. Поутру все проснулись и увидели, что вся деревня кольцом окружена карателями. Один партизан спрятался во дворе в колодце, а другой – сразу при входе в сарай. Всех начали выгонять на улицу. Вышел и Илларион Иосифович (у него были все документы, и он мог легально находиться у себя дома) со своей семьей: мать, жена и новорожденная дочь. Беженцев, которые тоже жили в деревне, построили отдельно. Жителей деревни отдельно, перед пулеметом. И начали искать партизан. Долго они так стояли. И опять случилось чудо – партизан не нашли. Если бы нашли, все жители деревни были бы расстреляны. Но с пустыми руками каратели все равно не ушли, забрали все, что можно было забрать. Весь скот, всю птицу, все, что можно было взять в домах.

Дядя Ларывон

В 1944 году, в ходе карательной экспедиции «Пион», мать, жену и маленькую дочь Иллариона Иосифовича забрали в лагерь для семей партизан в деревню Новый Гудков. Карательная экспедиция проходила со 2 по 11 июня 1944 года. Однако уже 23 июня 1944 года началась операция по освобождению Белоруссии – «Багратион», одна из крупнейших военных операций за всю историю человечества. Лагерь для семей партизан фактически самораспустился, немцам уже было не до него. Неминуемо

приближался фронт. Земля дрожала и гудела. Расплата была жестокой. Территория Белоруссии, которую мы сейчас упоминаем, фактически входила в известный «бобруйский котел». Река Березина текла красного цвета. Пушки разворачивали на дороге и стреляли по лесам, вслед отступающим немцам. Илларион Иосифович тоже с Красной армией участвовал в освобождении Белоруссии в составе партизанского соединения. После долгих 3 лет оккупации, террора и грабежей население увидело своих освободителей – советских солдат и офицеров уже в новой форме, с погонами. Людям вспомнилась старая императорская форма. И слабая надежда, которая выразилась в поговорке: «Солдатикам повесили погоны, может, дадут нам и загоны?» Может, вернется старая доколхозная жизнь?.. Илларион Иосифович в 1944 году был еще раз мобилизован в Красную армию. Принимал участие в разминировании территории современной Литвы. Потерял там много боевых товарищей.

Вернулся в конце 1945 года. Наконец его война была закончена… Илларион Иосифович награжден орденом Отечественной войны II степени, другими боевыми наградами. Человеком он был чрезвычайно скромным.

Ольга Малявко

Питомец «Ребячьей академии»

Васильев Владимир Александрович (1930–2005)

«Со взрослыми в бессмертье, в обелисках навечно юнг остались имена…». Эти стихотворные строки бывшего юнги Николая Уланова напоминают об одной из страниц в истории Второй мировой войны, прочитанной пока наспех.

Юнга! Есть что-то волнующее в этом коротком слове. На флотском языке юнгой называется подросток, готовящийся стать моряком, но практически – это юный моряк, наравне со взрослыми преодолевающий все тяготы морской службы. И нередко бывало так, что от штатного флотского специалиста он отличался только возрастом…

В России на военном флоте юнги существовали всегда. Многие бывалые моряки, видные флотоводцы начинали свой путь именно с этого скромного звания (до октябрьского переворота в России существовали две Школы юнг – кронштадтская и севастопольская). Много юных бойцов было в среде моряков и в годы Гражданской войны. Но особенно значимым стало движение юнг, которое развернулось в годы Великой Отечественной войны.

Владимир Александрович Васильев

Мой отец, Владимир Александрович Васильев, тоже был юнгой. Он родился в Ленинграде, начало Великой Отечественной войны встретил 11-летним подростком в родном городе, наравне со взрослыми выезжал в пригороды копать противотанковые рвы, тушил зажигалки на чердаках, ходил на Неву за водой…

Его отец, мой дед, Александр Максимович Васильев, сразу же был призван в ряды Советской армии, защищал Ленинград и, получив зимой 1942 года тяжелое ранение, умер в госпитале от

ран 6 января. Похоронен на Пискаревском кладбище.

Юный Володя поклялся отомстить за смерть отца, не сколько раз убегал на фронт, но его возвращали домой – к матери и тете, которые жили и работали в осажденном Ленинграде.

Летом 1942 года на Краснознаменном Балтийском флоте для самых юных защитников Отечества, которые рвались в бой, но не подлежали призыву в армию по возрасту, стали создавать учебные подразделения, а в сентябре начались занятия в открытой на Соловках Школе юнг. Удовлетворить просьбы всех желающих поступить в школу было невозможно, и преимущество при отборе предоставлялось детям моряков и воспитанникам детских домов. Школу юнг на флоте очень скоро стали называть «ребячьей академией», хотя обучение длилось меньше года. Потом – присяга, а «практиковаться» приходилось уже непосредственно в боевой обстановке.

Всего за 1942–1944 гг., по данным архива, 2200 мальчишек добровольно и досрочно ушли служить на флот!

Экипажи принимали юных моряков в свою семью как сыновей, стремились не подвергать их опасностям, оградить от напрасного риска. Но на войне как на войне. Было немало случаев, когда в сложной боевой обстановке юнги заменяли погибших, с риском для жизни приходили на помощь друзьям, самоотверженно боролись за живучесть своего корабля и, даже будучи тяжело ранеными, не оставляли боевого поста.

Но один из своих главных подвигов, как мне кажется, юнги совершили после войны. Торговые порты закрыты – моря вокруг Советского Союза усеяны смертоносной «черной икрой» – морскими минами. В одном только Финском заливе их плавало более 50 тысяч. «Ну прямо суп с клецками», – шутили служившие на Балтике моряки.

Однако веселого в этой самой настоящей минной войне было мало. Часть мин взрывалась сама, а освободить воды Балтики от остальных призваны были специальные корабли – тральщики. Мины просто расстреливались со шлюпок, спускаемых с катеров, с расстояния несколько десятков метров. Случалось, взрыватель не срабатывал, мина опускалась на дно и становилась во много раз опаснее. Другие мины срывались с «якоря», и ветер снова пригонял их на ставшие было безопасными морские пути…

Люди, трудившиеся на тральщиках, знали, что в любую минуту может произойти взрыв. Иным посчастливилось благополучно отслужить несколько месяцев, а другим – всего пять дней… Причем в «минной войне» участвовали не только опытные военнослужащие, но и, как и мой отец, 14—15-летние юнги.

В то время минеры получали от государства «тральные». Плата за уничтожение обычной мины была 500 рублей «старыми деньгами» на корабль, за акустическую – тысяча. За подрыв мины опытный моряк награждался 150 рублями. Юнги выполняли эту опасную работу бесплатно…

Ведение всех послевоенных боевых действий было в то время строго засекречено. То, что ее сына-призывника или юнгу отправляли порой на верную смерть, матери, естественно, не сообщали.

Только в 1956 году командование ВМФ вручило 600 минерам нагрудные знаки «За боевое траление». В октябре 1957 года была официально уничтожена последняя мина на Балтике. После этого о «минной войне» на Балтике и ее героях, по сути поставивших последнюю точку в Великой Отечественной войне, государство постаралось забыть.

Период траления боевых мин засчитывался военнослужащим в выслугу лет в льготном исчислении, то есть один месяц службы за полтора месяца. Больше никаких льгот и почестей, которых удостоились ветераны войны, балтийцы-тральщики не получили. Мало того, время обучения в Школе юнг и практическое плавание до достижения призывного возраста в срок действительной военной службы юнгам вообще не засчитывались! И это несмотря на то, что иные за свои подвиги получали ордена и медали.

В конце 1950-х годов отец демобилизовался с флота, началась учеба, работа. Он даже побывал по комсомольскому набору на целине, где ударно трудился, о чем свидетельствуют многочисленные похвальные грамоты, хранящиеся в семейном архиве.

Владимир Александрович Васильев. 2003 г.

Со временем в Ленинграде было создано Общество ветеранов юнг-балтийцев, и в начале 2000-х годов они смогли «достучаться» до властей предержащих и получить, наконец, то, что заслужили: статус участника Великой Отечественной войны и боевые награды, среди которых редкая медаль Ушакова. И слава Богу! А то ведь еще немного – и награждать было бы некого (сейчас в Санкт-Петербурге юнг-балтийцев осталось около 100 человек).

А еще на Васильевском острове есть площадь, названная их

именем, – площадь Балтийских юнг. Ее доминанта – трогательный памятник мальчишкам, которые погибли, так и не успев стать взрослыми: мальчик в матросской форме, сняв с плеча винтовку, опустился на одно колено, чтобы пустить бумажный кораблик…

Они были разные, балтийские юнги военных и послевоенных лет. Тихие и озорные. Застенчивые и бесшабашные. Рассудительные и отчаянные в своей решимости. Но у всех у них было и остается то общее, что объединяло их в суровые военные годы и объединяет сейчас: беззаветная любовь к Родине. И пусть это не покажется вам красивыми словами!

…Отец ушел из жизни в декабре 2005 года. Ушел трагически: возвращался вечером с заседания Общества ветеранов юнг-балтийцев, пост председателя которого он занимал долгие годы, был в форме, с орденами и медалями. На него напали какие-то подонки, ограбили, нанесли травмы не совместимые с жизнью, он пытался защищаться… Врачи сделали все возможное, но чуда не произошло. И для всех нас – его детей и внуков – он погиб как герой.

Светлана Васильева, дочь

Несломленная яблоня

В нашем семейном альбоме хранится пожелтевшая от времени фотография. На ней изображена молодая супружеская пара. Он и она – уроженцы Касторенского района Курской области. Молодожены шлют родным свой «Привет из Москвы» – так коротко был подписан снимок. Я мысленно повторяю эту фразу, пытаясь «прочесть» их взгляды. И в этот момент чувствую себя адресатом этого счастливого «привета» от моих, таких молодых и полных надежд, дедушки и бабушки. На снимке – Горловы Аристарх Игнатьевич и Мария Кирилловна.

Они жили и работали в Москве, где и поженились в сентябре 1939 года, а через год у них родился первенец – Михаил. Я знаю, что это короткое время моя бабушка Мария, имя которой ношу и я, была счастлива. Как страшный сон, она вспоминала минувшие годы: раскулачивание своей семьи и последующий страшный голод, на глазах уносивший жизни близких людей. Казалось, что ничего ужаснее не случится. Но судьба готовила новые тяжелые испытания. Приближался июнь 1941 года.

Привет из Москвы. Горловы Аристарх Игнатьевич и Мария Кирилловна. 1939 г.

Моя бабушка Маша с маленьким сыном гостила у родных в Курской области – там ее и настигло страшное известие о начале войны. Шла всеобщая мобилизация. Нужно было немедленно попасть в Москву – оттуда призывался на фронт мой дед

Аристарх. Но на станции в Касторном поезда были переполнены, билеты не продавались. С маленьким сыном на руках она вышла на перрон. В одном из вагонов-теплушек отчаяние молодой женщины заметили. «Тебе куда, мать?» – услышала голос. «В Москву!» – сквозь слезы ответила она. Поезд уже медленно трогался, как чьи-то сильные солдатские руки подхватили ребенка из рук матери, а затем и ее саму подсадили в вагон. В сердце с новой силой разгорелся огонек надежды.

Дома на столе ее ждала короткая записка: «Маруся, я в военкомате. Успеешь – приходи. Твой Аристарх». Она чудом успела.

Мой дедушка Аристарх, прощаясь, просил ее ни при каких условиях не оставаться в Москве, а отправляться к его родителям на хутор Окоп Касторенского района Курской области. Именно там, в отчем доме, договорились встретиться после войны все пятеро братьев Горловых. Мой дедушка был средним из них. Горько осознавать, что живым в победном 1945 году вернется только один из братьев. Но в тот момент слез и прощания, в июне сорок первого, когда все еще были живы, Аристарх верил, что спасает жену и сына от войны в глубинке Курской области.

Моя бабушка Маша стала собираться в обратный путь. Но столице не хватало рук. На смену мобилизованным мужчинам приходили женщины – бабушку просили остаться в Москве. Ей предложили работу кондуктора трамвая, а маленького Мишу уже брали в ясельную группу детского сада. Но ослушаться мужа она не могла…

Так моя бабушка с сыном вновь оказались на станции в Касторном. Дальнейший путь лежал на хутор Окоп. А на краю соседнего села Мелавки, так близко, что рукой подать, стоял дом ее матери – Белозеровой Александры Ивановны. Места, наполненные и прекрасными, и самыми тяжелыми воспоминаниями, должны были уберечь от войны. Но, увы… Края эти вой на не минула, не обошла…

4 июля 1942 года немецкие войска на долгие семь месяцев оккупировали Касторное и территорию района. Хутор Окоп заняли немцы. Они чувствовали себя хозяевами. Мирных жителей использовали как рабочую силу. Урожай с полей и огородов касторенской земли убирали на хранение в амбары и погреба для последующей поставки в Германию. Здесь также находились склады оружия и боеприпасов, немецкая военная техника.

Много воспоминаний об этом времени хранила моя бабушка. Рассказывала, как по ночам подкармливали партизан: оставляли корчажки с молоком и хлебом в установленном месте, а по утрам проверяли. Были рады-радешеньки, если молоко перелито, а в

пустой корчажке записочка (что-то еще просят). Немцы преследовали партизан, выявляли и расстреливали радисток, выгоняли жителей из домов, отнимали продукты. Но такими были не все. Однажды бабушка поймала на себе взгляд молодого немца. В это время она занималась с маленьким Мишей. Немецкий солдат смотрел на них с большой грустью, а потом жестом попросил подойти. Он достал из кармана потертую фотографию: на снимке была молодая немка, которая держала на коленях сына. Немец виновато улыбнулся и протянул Мише конфету, а моей бабушке подарил кусок ароматного мыла.

Вскоре амбары и погреба стали освобождать. Картофелем были наполнены грузовые машины, подготовленные к отправке на железнодорожную станцию в Курбатово. Немцы поручили старосте хутора Окоп найти человека, который хорошо знает местность и будет указывать путь. «Маруська Горлова вас поведет!» – как приговор, прозвучал голос старосты. Показывать фашистам дорогу означало лишь одно – ПРЕДАТЬ. Никто не ожидал от молодой женщины столь решительного ответа: «Нет! Не поведу!»

Аристарх Игнатьевич Горлов. Сентябрь 1944 г.

Дочь раскулаченного мельника, уже испытавшая на себе удары судьбы, она понимала, чем грозит ей подобный ответ. Горлову Марусю тут же объявили партизанкой и под конвоем привели к погребу, в который посадили ожидать до рассвета. Расстрел был назначен на утро.

Ночью мою бабушку никто не охранял, ведь немцы не могли предположить, что у хрупкой женщины хватит сил на то, чтобы выбраться. Было очень трудно, но она смогла. Расстрел не состоялся. Утром была объявлена тревога – искали сбежавшую «партизанку».

Две недели она скрывалась в кустарниках у торфяных

оврагов, выбираясь по ночам к своему родному дому на краю села Мелавки. Ночью набиралась сил, а с рассветом уходила снова. Немцам не было известно, что Александра Ивановна Белозёрова – мать сбежавшей «партизанки». И староста этот секрет не выдавал – в этом доме Марусю Горлову не искали. За молчание Александра Ивановна платила продуктами: яйцами или козьим молоком. Обыска в своем доме бедная женщина допустить не могла. Конечно же, она боялась за жизнь дочери, но была и другая причина: эти стены прикрывали деятельность молодой разведчицы-радистки. Когда и откуда она пришла, никто не знал. Но Александра Ивановна представила девушку как родственницу. В легенду поверили – эту радистку, одну из немногих, так и не выявили фашисты.

Аристарх Горлов. Берлин. 1945 г.

Недалеко от дома росла одинокая яблоня, под которой разведчица скрывала портативную радиостанцию. Когда-то здесь был целый сад, а рядом стояла ветряная мельница. В этом дворе трудилась большая и дружная семья Белозеровых. …От мельницы остался один белый камень, да и не было никакой вины у вырубленного сада. Но одна уцелевшая яблонька словно секретничала каждую ночь с молодой радисткой, становясь символом другого, не менее сурового, этапа истории для семьи «единоличницы» Александры Ивановны Белозёровой. Моя бабушка никогда не забывала ту ночь, когда разведчица

прошептала ей: «Маруся, сегодня можешь не прятаться. Завтра утром наши будут здесь».

Стоит ли описывать события следующего дня?! «Началось страшное…» – одна фраза, за которой следовало тяжелое молчание. Воронежско-Касторенская наступательная операция была в разгаре. Мелавку и Окоп от немецких оккупантов освобождала 167-я стрелковая дивизия 38-й армии Воронежского фронта.

Женщина-комиссар в длинном черном пальто с решительным настроем задавала один и тот же вопрос жителям освобожденного хутора: «Как вел себя староста?» Тяжелый пистолет нервно взлетал в ее руке. Молчали все, но нашелся смельчак, который поспешил сообщить, что на этот вопрос может подробно ответить Горлова Маруся.

Несломленная.
Мария Кирилловна Горлова с детьми.
Фото послевоенных лет

Жена старосты, мать пятерых детей, примчалась к моей бабушке первая. «Маруся, не выдавай!» – в слезах просила она. Пронеслись слухи, что в освобожденных ранее селах «женщина-комиссарша» расстреливала старост, содействовавших немецким оккупантам. Конечно же, бабушка Маша ничего не рассказала.

Моя смелая, несломленная бабушка, Горлова Мария Кирилловна, не покорилась немецким оккупантам и, под угрозой собственной жизни, сорвала поставку грузовых машин с продовольствием на железнодорожную станцию. Достоин ли был этот подвиг награды?! Стоило ли о нем молчать тогда?! Думаю, что моя бабушка таких вопросов себе не задавала. Главной наградой для нее стали улыбки детей старосты, которые не потеряли отца.

«Счастливая ты, Маруська!» – не раз услышит моя бабушка эту фразу от своих овдовевших односельчанок, когда, пройдя все дороги войны, от Москвы до самого Берлина, вернется с Победой в родной дом мой дед Аристарх. У маленького Михаила появятся две сестренки: Валентина и Нина (моя мама).

Трагические судьбы братьев Горловых заслуживают отдельного повествования, в рамках этой истории стоит сказать о том, что в родительском доме их будут продолжать ждать, не веря официальным извещениям военкоматов, надеясь на чудо. Аристарх, единственный выживший сын на той страшной войне, не посмеет оставить стариков-родителей наедине с горем – возвращение в Москву не состоится.

Деду Аристарху – гвардии рядовому 74-й Гвардейской Нижнеднепровской ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии – было уготовано судьбой уцелеть на полях сражений, но все же погибнуть в открытом поле… 1 сентября 1951 года… во время сильной грозы от прямого удара молнии. Его младшей дочери Нине (моей маме) на тот момент не было и двух лет, но она помнит, как вместо игрушек, которых никогда не было в тяжелое послевоенное время, она играла отцовскими наградами: медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда» и маленькой звездочкой, которую очень любила, – это был знак «Гвардия».

Спустя годы бабушка Маша снова и снова будет рассказывать своим детям о том страшном времени, всегда одинаково начиная свое повествование: «Тогда все еще были живы…» До конца жизни будет переживать за судьбу радистки, предупредившей об освобождении села, которая исчезла так же внезапно, как и появилась; приводить своих детей к той самой одинокой яблоне, под которой выходила на связь молодая разведчица. К той самой несломленной яблоне…

Мария Васильевна Сечина

Командир взвода танков

Мой отец, Баташов Василий Павлович, родился 28 декабря 1917 г. в Архангельске в многодетной семье. В начале 30-х, после того как от болезни умер отец (наш дедушка), семья (две младшие сестры и два младших брата (тетя Нина, тетя Тамара, а также младшие братья дядья Коля и Гена) переехали в Казань, где у мамы отца были родственники и было легче найти работу. По рассказам папы, ехали в Казань с большими трудностями, порой под вагонами, в общем, как удастся. Так сложилось, что Василий Павлович был старшим в семье, сёстры – Тамара, Нина, братья – Коля и Гена были младше.

В 1937 году умерла мама. К тому времени Василий Павлович, приписав себе 4 года, уже работал на валяно-фетровой фабрике – делал основу для командирских бурок. В таких условиях ему пришлось возглавить и содержать семью.

Работая на фабрике, он постоянно совершенствовал технологию производства: придумывал разнообразные оснастки, которые помогали увеличить производство и качество продукции. Его фотография не сходила с Доски почета предприятия – был стахановцем вплоть до начала войны с белофиннами. Затем по комсомольской путевке (так как он был первым секретарем комсомольской организации Кировского района города Казани) ушел в армию добровольцем на войну с Финляндией.

В сентябре 1940 года в Кремле, из рук М. И. Калинина за самоотверженный труд он получил орден Трудового Красного Знамени.

В начале 1941 года призван на срочную службу в Красную армию. После призыва оказался на службе в учебном подразделении механиков-водителей Самарканда, где пришло сообщение о начале Великой Отечественной войны. К сентябрю один раз горел в танке Т-28 (где сгорели все фотографии и бабушки, и дедушки) и еле вышел из окружения; потом переформирование – и на фронт под Москву. После того как в очередной раз танк подбили под Москвой, отца перевели в резерв для пополнения. По рассказу отца, «…в резерве построили, выходит майор, проходит перед строем и вызывает меня и еще 5 человек, командует – направо, шагом марш в вагоны». Так отец в начале 1942 года оказался курсантом 1-го Харьковского танкового училища, а в последующем стал командиром взвода танков Т-34 в звании лейтенанта. (Это училище в 1941 г. успели эвакуировать из Харькова в Узбекистан, в г. Чирчик, где по ускоренной программе проходили обучение будущие командиры

танков).

В танковом училище судьба свела отца с Георгием Николаевичем Кривовым. Георгию Николаевичу было 19 лет, когда он был призван в училище. Они подружились. До армии Г. Н. Кривов жил в Ташкенте, можно сказать, что был местный. О жизни той поры, их дружбе можно прочитать в воспоминаниях Г. Н. Кривова.

Их дружба прервалась в 2001 году, когда умер папа. Георгий Николаевич ушел из жизни в середине 2000-х. Для всех нас живущих их дружба является примером и поныне. Они были вместе почти 60 лет…

Ранней весной 1943 года полных два выпуска командиров танка Т-34 (около 1000 человек) выехали в Нижний Тагил за получением танков.

Часть выпуска попала на Курскую битву, а он оказался на южном направлении, сначала под Краснодаром, где в составе 37-го гвардейского танкового полка 15-й гвардейской механизированной бригады 4-го гвардейского стрелкового механизированного корпуса за бои под хутором Найдорфом получил свою первую боевую награду – медаль «За отвагу», затем продолжил воевать в районе Котельниково, Мариуполь, и дальше, в направлении городов Никополь, Кривой Рог.

Уже во втором бою танк был подбит, погиб механик, он и другие члены экипажа получили ранения.

После медсанбата отец был направлен в штаб командира танкового корпуса в качестве офицера связи.

В декабре 1943 года, в одном из боев под Никополем, получил очень тяжелое ранение и был отправлен в глубокий тыл – в Алма-Ату, где профессор Александров, прооперировав отца, вернул его к жизни. Потом папа проходил лечение в госпитале до апреля 1944 года. А наша мама, Александра Герасимовна Баташова, все это время ждала его в Чирчике вместе с нашей бабушкой Анисией Степановной Куприяновой (своей мамой).

Таким образом, в боевых действиях Василий Павлович в общей сложности участвовал 1 год и 3,5 месяца. Не считая финской войны.

Учитывая тяжелейшее ранение, с апреля 1944 года папа продолжил службу в Ташкентском танковом училище на должности «завспец. классного оборудования» – офицер учебного отдела.

В 1949–1950 гг. был направлен на учебу в Ленинград, на высшие офицерские курсы «Выстрел» (там родился брат Сергей). Затем служил в должности командира танкоремонтной роты Ташкентского танкового училища, а с 1957 года – главным

инженером Танкоремонтного завода ТУРКВО в Чирчике.

В 1959 году последовал перевод на должность заместителя по технической части танкового полка в городе Мары – ныне Республика Туркменистан.

Так сложилось, что вся его служба, жизнь были связаны со Средней Азией, Туркестанским военным округом и Чирчиком.

Василий Павлович Баташов

После демобилизации в звании подполковника в 1964 году

семья переехала в Чирчик Ташкентской области Узбекистана на постоянное место жительства.

По направлению партийных органов Республики Узбекистан с 1964 г. папа 3 года работал заместителем руководителя санатория «Акташ».

В 1967 году был приглашен на должность руководителя банно-прачечного комбината военного гарнизона Чирчика и Ташкентского танкового училища (выпускником которого он был в 1943 году), где проработал до 1994 года.

За время службы Василий Павлович был награжден тремя орденами и многочисленными медалями.

Сергей Васильевич Баташов

Мой дед отражал атаки «тигров» и «пантер»

Лебедев Иосиф Иванович (1916–1961)

Мой дед, Лебедев Иосиф Иванович, родился 13 ноября 1916 года в небольшом сибирском городе Тара в Омской губернии, в семье инженера Ивана Иосифовича Лебедева. Дед моего деда – его полный тезка, Иосиф Иванович, был православным священником. В нашем роду до 20-х годов 20 века был неписаный обычай называть старшего внука в честь деда по мужской линии.

В 1926 году в Сибири начались массовые гонения на так называемых «бывших», на тех, кто поддерживал белых во время Гражданской войны. И дед моего деда, Иосиф, как православный священник был обвинен в том, что помогал колчаковцам. Так мой прапрадед стал врагом народа. Его расстреляли, и тогда мой прадед решил, что нужно срочно бежать. Семья переехала в Казань.

В Казани прадед устроился работать на завод, а дед Иосиф закончил среднюю школу, поступил в Казанский университет, закончил его, получил диплом инженера и устроился работать на оборонный завод.

В Казани, еще будучи студентом, дед познакомился с Яниной, семья которой тоже приехала в Казань из Белоруссии. Янина происходила из древнего польского дворянского рода, и у них тоже были все основания опасаться, что попадут под маховик репрессий против «бывших». Поэтому все члены семьи Станкевичей, чтобы не привлекать к себе внимания НКВД, взяли себе русские имена. Таким образом, моя бабушка уехала из Белоруссии Яниной Стефановной Станкевич, а в Казань приехала Ниной Степановной Людыно.

22 июня 1941 года началась война. Иосиф сделал Янине предложение, и они расписались. Сразу после свадьбы Иосиф ушел добровольцем на фронт. На тот момент он работал на оборонном заводе инженером. У него была возможность получить бронь от призыва, но ему и в голову не пришло в такой напряженный для Родины момент отсиживаться в тылу, несмотря на то что советская власть не была благосклонна к его семье. Иосифа Лебедева не направили сразу на фронт, а определили на курсы сержантского состава, после которых он получил звание младшего сержанта и был направлен в резервные части Юго-Западного фронта командиром отделения в артиллерийский полк.

Впервые в боевых действиях Иосиф Лебедев принял участие

во время грандиозной военной операции «Уран» (19 ноября 1942 – 2 февраля 1943-го, начало Сталинградского разгрома и окружения армии Паулюса), его часть отражала танковые атаки фашистов, которые рвались в Сталинград, чтобы деблокировать зажатые там немецкие войска. Но у немцев ничего не получилось, наши войска встали насмерть и не пропустили танки в Сталинград, после чего войскам Паулюса пришлось сдаться. Во время боев Иосиф получил ранение в ногу и попал в госпиталь.

Пока дед лечился от полученных ранений, Юго-Западный фронт был расформирован, и Иосиф после выписки из госпиталя был отправлен служить на Центральный фронт. Летом 1943 года его дивизия участвовала в грандиозном танковом сражении на Курской дуге. Дед служил в артиллерийском полку, который отражал атаки тяжелых немецких «тигров» и новейших танков (позже были признаны лучшими немецкими танками Второй мировой войны) – «пантер». Помимо того, что дед командовал отделением, он был комсоргом. Когда в его батальоне были убиты или тяжело ранены все офицеры, принял командование на себя. Лебедева тоже ранило, но он оставался в сознании. Во время боя не было никакой возможности эвакуировать раненых с поля боя, кругом творился настоящий ад, и мой дед лежа отдавал приказания солдатам. Они выстояли и не пропустили через свои позиции танки, а потом наши резервные части нанесли фашистам ошеломительный удар и фашисты побежали, а Иосифа наконец-то вынесли с поля боя и отвезли в госпиталь. Он был тяжело ранен в плечо, а некоторые мелкие осколки попали в область сердца. Ранение не было смертельным, и деда поставили на ноги. Но один осколок так и не смогли удалить, так как он находился слишком близко к сердцу и врачи испугались, что операция по его удалению может плохо кончиться.

Командование высоко оценило то, что он, будучи раненным, замещал офицеров батальона, то, что батальон под его командованием не отступил, ни один боец не убежал с позиций, то, что напротив их окопов осталось много сожженных немецких танков. Иосиф был награжден орденом Красной Звезды. После выздоровления ему был предоставлен 10-дневный отпуск домой. Затем Иосифа Ивановича направили на учебу в Рязанское Краснознаменное пехотное училище. Тогда срок подготовки офицеров был довольно коротким, а для сержантского состава, принимавшего участие в боевых действиях, и вовсе мизерным. Через два с половиной месяца Иосиф Лебедев получил звание младшего лейтенанта и был направлен в 53-й офицерский полк. Такие подразделения были укомплектованы преимущественно офицерами, которые имели богатый боевой опыт.

После Курской битвы было создано 8 офицерских полков, которые подчинялись непосредственно разведуправлениям фронтов и использовались для рейдов в тыл врага, а также для операций по уничтожению воинских немецких подразделений и бандформирований (бывшие полицаи, бандеровцы, «лесные братья», польский легион СС, прибалтийские добровольческие легионы СС, батальон «Бергман», состоявший из представителей Северного Кавказа, и др.) остававшихся на освобожденных территориях.

А кроме того, офицеры полка проходили спецподготовку, которую преподавали инструкторы знаменитой в/ч 9903. Эта часть, созданная в июле 1941 года, готовила диверсантов и партизан для борьбы с оккупантами в тылу врага. Командовал ею герой гражданской войны в Испании и легендарный диверсант Артур Спрогис, которого своим учителем называл «дедушка русского спецназа» Илья Старинов. В той части обучались Герои Советского Союза Григорий Линьков (командир партизанско-диверсионного отряда, позывной Батя); Константин Заслонов (командир партизанско-диверсионного отряда, псевдоним Дядя Костя); Николай Кузнецов (диверсант-разведчик, лично казнивший 11 немецких генералов и высших оккупационных чиновников на Украине, о нем был снят фильм «Подвиг разведчика»); Дмитрий Медведев (командир партизанско-диверсионного отряда «Победители»); Анна Морозова (разведчица, руководитель подполья в Брянской области); Вера Волошина, Зоя Космодемьянская и Елена Колесова (разведчицы-диверсантки).

Иосиф Иванович, как и большинство советских солдат и офицеров Красной армии, мечтал участвовать в штурме Берлина. Но судьба распорядилась иначе. Рота, где служил Иосиф Лебедев, была передана с 1-го Украинского фронта (совместно с 1-м Белорусским штурмовал Берлин) на 2-й Украинский, который в конце марта 1945 года был перенацелен на Вену. Иосиф Иванович вспоминал, что австрийцы встречали русские войска не так, как немцы (считавшие русских оккупантами). Жители Вены радовались освободителям, действительно выбегали на улицы с цветами, которыми буквально забрасывали советские танки и красноармейцев. Хоть Австрия и считалась частью Германии (после мартовского аншлюса 1938 года), но сами австрийцы считали немцев не союзниками или согражданами единой империи, а оккупантами.

Но и после войны деду пришлось еще повоевать. Целый год он на территории Польши ловил по лесам бывших пособников нацистов из бывших националистических отрядов,

сформированных из жителей Украины и Белоруссии. После 9 мая 45 года многие из этих предателей оказались на территории Польши, где терроризировали местное население. Там советские и польские отряды действовали совместно.

Иосиф Иванович Лебедев

Демобилизовали Иосифа только в 1946 году. Он, как и многие фронтовики, не любил рассказывать о войне. Более всего из своих медалей он гордился «Красной Звездой», так как она

была получена за Курскую дугу. У него вообще, несмотря на то что он участвовал во многих сражениях, самые яркие воспоминания остались именно о Курской битве. Дед говорил, что именно там мы сломали фашистов, а потом уже добивали. Также он был совершенно уверен в том, что главным и самым талантливым полководцем Второй мировой войны был не Георгий Жуков, а Константин Рокоссовский. Причем данное мнение разделяли большинство фронтовиков. Которые считали Жукова не «маршалом Победы», а… не очень профессиональным тираном и губителем красноармейцев. Ведь большинство посреди советских солдат и офицеров. А вот Рокоссовский солдат берег и успехов добивался исключительно за счет воинского таланта. Но в советские времена данное мнение безопаснее было не особо афишировать.

После войны дед работал на авиационном заводе. У него родились две дочери – Ирина и Валентина. Один его внук, один правнук и одна правнучка носят его фамилию, чем очень гордятся.

Иосиф Иванович умер в 1961 году, его «догнал» тот осколок, который не смогли достать хирурги после ранения на Курской дуге. Мой дед похоронен в Казани на кладбище в Кировском районе. Мы, его внуки, родились через несколько лет после его смерти. Когда я был маленьким, я часто смотрел на его фотографию в старом семейном альбоме, мысленно с ним разговаривал и всегда очень жалел, что не смог увидеть его живым. Я очень горжусь моим дедом Иосифом, для меня он тот человек, который был настоящим мужчиной и героем.

Его награды и офицерская книжка хранятся у нас, его внуков. Это наша главная семейная реликвия, и она будет передаваться из поколения в поколение.

Роман Лебедев

Сын полка

Рассказ дочери

Мой папа, Лучинкин Сергей Иванович, родился в 1932 году. Когда началась Великая Отечественная война, его отца забрали на фронт, он с двоими братьями (папа – средний) остался дома с мачехой в деревне Ваулово в Подмосковье.

Он был очень смелым мальчишкой и сбежал из дома на фронт. Папа был сыном полка, он прошел всю войну в составе 335-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии Первого Украинского фронта.

Сын полка

Он был разведчиком. Мальчишка – немцы не очень обращали на него внимание, и он пробирался в захваченные ими села и города и узнавал, где у них скрыты танки, пулеметы, где

расквартированы по домам фашисты, где их штабы, а потом скрытно возвращался к своим и докладывал все добытые сведения.

Он никогда не рассказывал мне о войне. Один раз я попросила его рассказать что-нибудь, что запомнилось очень. Он сказал: «Знаешь, дочка, как-то после тяжелых боев наш полк отправили в тыл на переформирование, потому что очень мало бойцов осталось. Через неделю нас погрузили в эшелон, и мы снова ехали на фронт. Остановились на каком-то полустанке пропустить встречный эшелон и тут налетели немцы и стали бомбить нас. Разбегались, прятались, кто куда мог, а когда бомбежка окончилась – вокруг была страшная картина. Люди, с которыми ты только что сидел рядом, о чем-то говорил, кто-то пил чай, кто-то на гармони играл, только что – пять минут назад! – и их уже нет, они убиты, кто-то тяжело ранен, у кого-то оторваны руки, ноги – это так страшно!» И папа заплакал. Я больше никогда не просила его рассказать о войне.

Он прошел всю войну, освобождал Прагу в Чехословакии, г. Сандомир в Польше, награжден пятью медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Праги».

Из рядов Красной армии гвардии ефрейтор Лучинкин Сергей Иванович убыл в 1946 году 14-летним пареньком с пятью наградами на груди.

Он поступил в харьковское ремесленное училище, окончил, работал слесарем в г. Кривой Рог. Он был очень скромным. И когда его призвали в армию, он никому ничего не сказал и отслужил положенный срок. И только когда в 1965 году в газету «Юный ленинец» написал его товарищ о боевом прошлом и наградах папы – его разыскали пионеры Кривого Рога, и папу приглашали на слеты в другие города страны, на праздники в школы и училища.

Последние годы папа тяжело болел, в 1984 году мы привезли его в Керчь, а в 1985-м его не стало, ему было 53 года.

Вот такие преданные Родине были душа и сердце у моего папы, когда фашисты рвались к Москве, он сбежал на фронт и защищал нашу Родину до Победы!

Записал Андрей Михайлович Кечин

Летать хотелось – романтика!

Мой отец, Петр Петрович Хоботов, более 60 лет отработал на «Электросиле» – старейшем предприятии Ленинграда – Санкт-Петербурга. 17-летним пареньком в июне 1939 года пришел он сюда учеником токаря-револьверщика. Выбор был, в общем-то, случаен: просто настала пора самостоятельно зарабатывать на жизнь, беззаботное детство ушло навсегда – в 1937-м погибла мать, через два года умер отец.

Для оставшегося без родителей паренька завод, естественно, стал вторым домом. Настырный, старательный, отец уже с юношеских лет заметно выделялся в рабочем коллективе и даже успел в предвоенный период получить благодарность от министра за досрочное выполнение важного задания.

А чего удивляться? В те годы все старались работать, не отлынивали. Было почетно хорошо делать дело, а плохо – унизительно. А отец был к тому же еще и комсомольцем, это тоже заставляло стараться.

Живо и отчетливо сохранила память отца годы войны, окрашенные незабываемым фронтовым братством и романтикой далекой молодости…

Петра Хоботова еще до начала войны призвали в армию, весной 1941-го. Жил он тогда на Средней Рогатке (это самая южная окраина Ленинграда). Его родители перебрались сюда когда-то с Псковщины. Вряд ли сумел бы он прижиться в центре, а здесь – почти село. Немецкие слободки возле завода Бергервирта, двухэтажные домики, совхоз молочный, пруды… А когда в 1947 году домой вернулся – не узнал.

…Первая бомбежка настигла отца уже в сентябре – под Тихвином. Училище техников по вооружению, где Петру Хоботову предстояло учиться, срочно переформировали в школу. И через несколько месяцев их уже выпустили сержантами и старшинами.

Рабочие войны… Их путь, может, не был столь опасен, как судьба летчиков. Но снаряды доставали не только в воздухе. На аэродроме под Тамбовом Хоботов получил свое первое ранение. Не тяжелое, но поправка требовала времени. До окончательного выздоровления работал на авиационном заводе неподалеку от Саратова. Оттуда по чьей-то воле был направлен в академию им. Жуковского в Москву, хотя был всего лишь старшиной. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая служба, не окажись в их общежитии «покупатель» – командир одной из летных частей, базирующихся под Москвой. Так в начале 1943 года отец оказался в полку, с которым ему предстояло пройти до конца войны.

Сначала в прежнем качестве – механика по вооружению, затем – воздушного стрелка на штурмовиках Ил-2 и Ил-10.

Петр Петрович Хоботов

«Это люди взрослые осторожны и умеют думать наперед, – рассказывал мне отец, – а мы-то ведь на фронте, считай, пацаны были. Конечно, летать хотелось, романтика!.. А тут, неожиданно для всех, от несчастного случая погиб стрелок одного из самолетов. Ну я, недолго размышляя, и подал заявление: мол,

прошу зачислить… Мой непосредственный командир пытался было отговорить, отсоветовать, но куда там!»

Отец никогда не жалел принятом решении. Это сегодня страшно вспоминать годы войны. А там бояться было нельзя. Восприятие жизни было иным, к опасности относились как к реальности, естественной закономерности, что ли. Он ведь пятерых летчиков пережил… И все потому, что Илы устроены так, что малейшего повреждения кабины летчика достаточно, чтобы ее заклинило. А у стрелков она, к счастью, открывалась почти автоматически.

«Раз еще над вражеской территорией нас подбили, – вспоминал как-то отец. – Разумом успел оценить ситуацию – лучше разбиться, чем к фашистам, секунды какие-то, подсознание, что ли, сработало, заставило жить – очнулся уже с парашютом. Вижу, их истребитель заходит сбоку. Дернул стропы – и камнем в землю. Лежу, не шелохнусь. Видимо, решили, что всё, мертвый. Улетели. А я 22 дня до своих добирался. Дело было вблизи Карпат, кругом бандеровцы. Даже на своей уже территории в деревни заглядывал осторожно, спал же по-прежнему в лесу, так надежнее».

А однажды нежданно-негаданно отец получил месячный отпуск от войны, это тоже на Украине было. Петр Хоботов вместе с однополчанами ждал задания. О его цели им неизвестно было до последней минуты. Понимали лишь, что задание будет нелегким, приказали никуда не отлучаться. Оказывается, предстояло абсолютно неожиданно для немцев разбомбить отлично засекреченный аэродром под Станиславом (город неподалеку от Львова). «Бой был жуткий, – говорил потом отец. – Мы бомбили и стреляли с воздуха, а они – из орудий с земли. Над городом зависло темное облако от дыма, горели ангары. Мой командир ас был, в этом облаке и скрывался. Нас вызывают, а мы молчим, стоит раскрыть себя – фашистские истребители тут как тут. Выполнили задание, вырвались из пекла, все вроде хорошо шло. И откуда ни возьмись вынырнул истребитель, дал очередь… Короче, задело нас. Но командир сумел дотянуть до линии фронта и даже посадил самолет на горушку поблизости хутора Березы. Он отправился в часть, а я почти месяц караулил нашу машину…»

На счету Петра Петровича Хоботова – 196 боевых вылетов на Ил-2 и 7 – на Ил-10. Его фронтовая служба отмечена 4 орденами и 14 медалями. Среди них ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, два Отечественной войны, медали «За отвагу», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», чехословацкая медаль «За храбрость» и другие. Боевые награды

навсегда сохранят для внуков и правнуков память не только о доблести их деда, но и об истории страны…

Война для отца закончилась 12 мая в Восточной Германии. А потом, до весны 1947-го, до марта, чтобы солдаты успели к посевной, воевали они с бандеровцами в Западной Украине.

Вернулся в Ленинград, вместо дома – пустырь. Первую ночь провел на Витебском вокзале. Потом, до женитьбы, у друга жил. На Псковщину съездил – еще страшнее: если б не знал, не поверил, что когда-то там деревни были да хутора. Чертополох, иван-чай и лишь кое-где остатки фундаментов…

По словам отца, только «Электросила» и ждала его, и он не раз мысленно и вслух говорил «спасибо» заводу – за то что помог, поддержал в трудную минуту. Пришел в свой цех – и началась мирная жизнь…

Что меня еще поразило в биографии отца? Вернувшись с войны, Петр Петрович Хоботов решил, несмотря на возраст, пойти учиться в заводской техникум. Но слишком огромен был разрыв между оконченной некогда семилеткой и предстоящими экзаменами… Поэтому, одновременно с подготовительными курсами, он окончил седьмой класс вечерней школы!

Токарь-револьверщик, настройщик станков, сменный мастер, старший диспетчер, старший мастер, контрольный мастер – нелегко было людям его поколения, травмированного войной, подниматься по служебной лестнице, они могли рассчитывать только на свои силы.

Когда я иногда спрашивала отца, о чем он мечтает, он всегда говорил одно и то же: «Пройтись бы по тем местам, где воевал…» И сетовал, что из однополчан их осталось только двое. А ведь в 1943 году в полк пришли 250 ребят!

Петр Петрович Хоботов

Его рассказы, как, впрочем, и большинство воспоминаний ветеранов о войне, эпизодичны. Но главное прослеживалось четко: «до войны» – светлое и радостное, наполненное мечтами о будущем время и «после» – отмеченное горечью тяжелых, невозвратимых потерь возвращение к жизни.

…Но им, по крайней мере, было что вспомнить.

Ольга Петровна Фадеева, дочь

Парень из нашего города

Винников Павел Иванович (1926–1986)

Хочу рассказать про своего отца Винникова Павла Ивановича.

Отец никогда не считал себя героем войны. Говорил: «Воевала вся страна, я делал то, что делали все». Про войну рассказывал мало, в основном смешные случаи из фронтового быта. Очень любил смотреть фильмы про войну, снятые в конце 40-х, в 50-е и 60-е годы, считал, что они наиболее реалистично рассказывают о событиях той войны.

Под обстрелом

В июне 41-го моему отцу было 15 лет. Он только что окончил школу ФЗО и пошел работать токарем на завод «Эмальпосуда». О начале войны отец узнал в кинотеатре – смотрели компанией фильм «Парень из нашего города». Сеанс прервали на середине, зажегся свет, вышла директор кинотеатра и сказала: «Товарищи! Только что по радио сообщили, что началась вой на!» Первая реакция и крики были: «Шапками закидаем!!!»

Во время первой оккупации Ростова-на-Дону отец сбежал из города, чуть не погибнув: попал под обстрел немецких автоматчиков. Дойдя до первой воинской части, назвал фамилию и попросил, чтобы его отвели к командиру полка. Ну а, так как дед был военным, его знали многие офицеры, отцу было доверено возить донесения через Ростов на Каменку. Экипировка была немецкая, лошадь – монголка. Зимой ночи длинные, поэтому успевал съездить в оба конца. После освобождения Ростова пришел домой за вещами и сообщил матери, что уходит на фронт. Бабушка, будучи женой военного и довольно крутого нрава, «отходила» скалкой и сказала: «Молоко на губах не обсохло, вояка!» Пришлось отцу идти токарем на завод «Ростсельмаш». В декабре 1941 года его и еще несколько пацанов отправили на строительство оборонительных сооружений вокруг Ростова-на-Дону. Там они работали до Нового года.

Повторно Ростов-на-Дону был захвачен немецкими войсками 29 июля 1942 года. Во время первой волны наступления, 24 июля, когда первые подразделения немецких войск только-только начали входить в город, отец опять убежал из Ростова. Переправился вплавь через Дон и пешком добрался до Батайска. Там он примкнул к морским пехотинцам. Морпехи готовили

позиции для прикрытия отхода наших войск. Пришел приказ на отход к Новороссийску. На станции Тихорецкая состав, в котором они ехали, попал под налет немецкой авиации. Отец, уже успевший сменить к тому времени гражданскую одежду на тельняшку, бескозырку и брюки клеш, во время бомбежки был контужен и потерял сознание. В этой суматохе никто не стал разбираться. Раз в форме – значит, солдат. И отца повезли в военный госпиталь, в Актюбинск. Только там, в тылу, по выздоровлении было установлено, что он не военнообязанный.

На переднем крае

После госпиталя отец был направлен в Самарканд, в школу радиоспециалистов. 23 февраля, после принятия воинской присяги, часть, в которой служил отец, была переброшена на передний край и вступила в бой. Во время наступления отец был ранен: боец, бежавший за ним, наступил на мину. 18 осколков вытащили хирурги из левой ноги, спины и шеи. Операция проходила без наркоза. Старый хирург сказал: «Терпи, сынок». После эвакогоспиталя, в мае 1943 года, его направили в 76-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая дошла, через Белоруссию и Польшу, до Эльбы и к концу войны носила гордое имя: «76-я гвардейская Черниговская Краснознаменная, ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия».

В составе 234-го гвардейского стрелкового полка этой дивизии на должности радиоспециалиста 5 июля 1943 года принял бой в свой восемнадцатый день рождения рядовой Винников Павел Иванович. За бои в районе города Белева был награжден медалью «За боевые заслуги». Осенью 1943 года отец принимал участие в освобождении Чернигова и штурме «Восточного вала», 6 раз форсировал Днепр. Обеспечивал радиосвязью штаб батальона со штабом дивизии. За беззаветное мужество, упорство и воинское умение, за освобождение Чернигова и форсирование Днепра радиоспециалист Винников Павел Иванович приказом Верховного главнокомандующего был награжден орденом Красной Звезды.

Павел Винников

В ноябре 1943-го дивизия вела упорные бои в лесах близ Абрамовки, форсировала Брагинку. С 15 по 21 ноября в боях на западном берегу Брагинки было уничтожено большое количество немецких солдат и офицеров, огневых точек, сожжено и подбито 10 танков. Захвачено 2 склада с боеприпасами и вооружением. Но и дивизия понесла значительные потери. 20 ноября отец был ранен в правую ногу. За эти бои он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Потом снова были госпиталь, выздоровление и возвращение в полк, только уже на должность заместителя командира взвода

радиоспециалистов. Далее освобождение Белоруссии, битва за освобождение Бреста, освобождение Восточной Польши. Понеся большие потери, 26 октября 1944 года 76-я гвардейская дивизия, наряду с другими соединениями 70-й армии, была выведена в резерв фронта. А 6 декабря командир дивизии А. В. Кирсанов направил отца для прохождения учебы в 1-е Московское высшее командное училище им. Верховного Совета РСФСР. Вот так и закончился 2-летний фронтовой путь.

После празднования Дня Победы началась подготовка к Параду Победы, назначенному на 24 июня 1945 года. Днем тренировались в расположении училища, ночью на Ходынском поле, потом непосредственно на Красной площади. А 24 июня 1945 года Винников Павел Иванович в составе 1-го Московского высшего военного командного училища им. Верховного Совета РСФСР принимал участие в Параде Победы на Красной площади. В конце 1945 года вышел приказ о демобилизации из армии лиц, имеющих 2 и более ранений. Отец был демобилизован и вернулся в Ростов.

Война после Победы

Но для него война продолжалась до 1947 года. Здесь, уже на сверхсрочной службе, за участие в разгроме банд гвардии старшина сверхсрочной службы Винников получает вторую медаль «За боевые заслуги». А позже на шла его и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Сверхсрочно отец прослужил до 1959 года. По состоянию здоровья был комиссован на пенсию.

Павел Иванович Винников

После службы он работал в системе инкассации, окончил учетно-кредитный техникум. Работая в должностях инспектора отдела, заместителя начальника Ростовского управления инкассации и перевозки ценностей, прикладывал все усилия к повышению эффективности и безопасности работы отделов инкассации области и внутриобластных перевозок.

Но война дала о себе знать. Последствия контузии сказались через двадцать три года. В феврале 1986 года отец скончался.

Память о нем я передаю своим детям. Дочери пишут про него сочинения, с его фотографией мы ходим в составе «Бессмертного полка» с 2013 года. Хоть он и был простым тружеником войны, никогда не искал обходных путей. Отсидеться в тылу было не в его характере. Поэтому я хочу, чтобы люди знали и про него, чтобы потомки помнили и гордились.

Юрий Винников

На войну с Красной площади

Больше семидесяти лет отделяет нас от победы, ушли в мир иной ветераны той войны, остались лишь крохи их воспоминаний, да и те канули в забвение. Мой отец, Абраменко Василий Феоктистович, одним из первых из поселка Трудармейский был призван в действительную армию. На гражданке побывать пришлось недолго, прошло всего несколько месяцев, как демобилизовался из армии. Служил в кавалерии в городе Татарске Новосибирской области, а когда японские милитаристы начали военные действия на Дальнем Востоке, часть перевели в Забайкалье, на станцию Даурия. К концу службы он был помощником командира взвода, учил молодое пополнение ухаживать за лошадьми, джигитовке, рубить саблей лозу; уход за конем для отца был не в новинку. Будучи еще подростком, в деревне Кабаклы выращивал лошадей, предназначенных для Красной армии. Вот его рассказ.

В далеком сорок первом

«В 1941 году из Новосибирска в теплушках, где размещались еще семь лошадей, прибыли под Москву. Здесь на одном из аэродромов организовывалась воинская конно-механизированная дивизия. Пришло пополнение необученное, лошади совсем не кавалерийские, взятые у колхозников, приходилось всему учить солдат заново. Даже кони должны ходить в колонне и не бояться выстрелов.

С 6 на 7 ноября нас подняли по тревоге, а до этого за несколько дней был строевой смотр, – вспоминает Василий

Феоктистович, – и наш кавалерийский эскадрон осматривал С. М. Буденный. Дошел он и до меня. А на мне прожжённая шинелька, драные кирзовые сапоги – в общем, вид совсем не военный и не боевой. Осмотрел маршал свое войско, и на следующий день нам выдали новое обмундирование, зимнее, даже всех одели в белые полушубки.

Подъем по тревоге – и по команде передали, что идем на Красную площадь, где будет проходить парад, и на нем будет присутствовать все правительство и сам товарищ Сталин. Погода мерзкая. Морозец, ветер и снежок. Как парад проходил, плохо запомнилось, волнение, конечно, сказывалось. Лошадь в строю держать, да и на трибуне сам Сталин. Прямо с Красной площади – войска на фронт. Шли пехотинцы, артиллеристы, танкисты, и в колоннах мы – кавалерия.

С Красной площади походным маршем наш эскадрон отправился на фронт. С собой два мешка: один с овсом для лошади, другой с обмундированием, карабин за плечом да шашка на боку».

К середине ноября сложилась неблагоприятная обстановка для наших войск, грозившая полным окружение города Тулы, тем самым открывался оперативный простор на Москву. Попросту войск там наших не было. Тридцать первая кавалерийская дивизия, куда попал Василий Феоктистович, уже вела упорные бои. Продолжая наступление на Каширском направлении, гитлеровцы вышли в район населенных пунктов у Гришино, Оленьково, Мордвес. Этим они разрезали 50-ю армию на две части. Чтобы помешать немецкому командованию вести в прорыв свои войска, тридцать первой кавалерийской дивизии приказано начать активные действия у него в тылу на коломенском направлении. Кавалеристы нарушали коммуникации врага, нападали на продовольственные и военные обозы. Уничтожали живую силу противника, в том числе и танковые части. В результате кровопролитных боев кавалеристы 31-й дивизии освободили населенные пункты Горшковка, Киселёвка, Ильинка.

«…как-то ушли в разведку, слышим, гудит машина. Мы притаились в кустах, и, как только появился автомобиль, я швырнул в него гранату. Оказалась штабная машина, направлялась в свою часть. Забрали документы у подстреленного офицера, а из них выпала фотография, на ней изображены были красивая молодая женщина и двое белокурых ребятишек рядом. Под Тулой лежит тот немецкий лейтенант.

В такие рейды по тылам противника наши кавалеристы ходили регулярно. Лошадь в лесу оказалась намного практичнее, чем любой вездеход».

«В боях с немецкими оккупантами у деревни Чернышино Смоленской области, – вчитываюсь в рукописный текст наградного листа – будучи автоматчиком, неоднократно заходил в тыл противника, откуда наносил удар по фашистам, лично сам уничтожил до 15 немцев. Товарищ В. Ф. Абраменко удостоен правительственной награды – медалью «За боевые заслуги».

Участвовал отец и в форсировании Днепра, за взятие города Луцка награжден орденом Красной Звезды. В этих боях получил осколочное ранение и после излечения был послан учиться в Новочеркасское кавалерийское училище. Но война окончилась, и армия в боевых офицерах больше не нуждалась.

Еще раз отец прошел по Красной площади в составе сводного кавалерийского полка. Говорил, что того волнения ему так и не удалось забыть: как маршал Жуков на белом коне выехал из ворот Спасской башни, как грянул оркестр «Славься!», как раздалось громогласное «ура»…

Как-то сидели за праздничным столом всей большой семьей, День Победы отмечали. А по телевизору шел документальный фильм Кармена «Неизвестная война». И вот показывают Парад Победы сорок пятого года, и все вдруг видим молодого отца. Он на коне, в правом ряду строевой колоны. Слезы так и выступили у всех нас. Ведь такое событие: Парад Победы на красной Площади! И наш отец – его участник…

Сергей Абраменко

В застенках концлагеря

Огромное количество наших соотечественников были зверски убиты в германских концлагерях. Лишь единицы смогли выжить.

Мой прадед Филипп Николаевич Казаков и односельчанин Анатолий Иванович Новосельцев тоже были узниками концлагерей. У меня появилась уникальная возможность рассказать со слов очевидцев об условиях, в которых жили люди, находясь в плену у фашистов. Я хочу отдать дань памяти всем тем, кто вытерпел ужасы плена, выжил или погиб в застенках концентрационного лагеря.

Узник Бухенвальда

Мой прадед, Казаков Филипп Николаевич, родился в 1903 году. Вырос в селе Волхонщино, Кондольского района, Пензенской области. В довоенные годы прадед работал в колхозе. Когда началась война, ему исполнилось тридцать восемь лет, и он добровольцем ушел на фронт. Всю войну прошёл пехотинцем. Был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу».

В одном из тяжелых боев в 1943 году прадед Филипп был тяжело контужен, потерял сознание. Когда пришел в себя, оказалось, что его вместе с другими солдатами взяли в плен.

Узники Бухенвальда

Дальше было долгое тяжелое время плена в лагере Бухенвальд. Моя мама, Макеева Людмила Петровна, часто рассказывает мне о том, как прадед жил в плену. Фашисты издевались над пленными, кормили настолько скудно, что организм переваривал собственное тело. От человека оставались только кожа и кости. Кусок хлеба и жидкая похлебка из гнилых овощей единожды в день – вот весь рацион. Трудно представить, как можно было просто выжить при таком питании, не то что работать.

Прадед говорил, что в плену ни у кого не было имён, только номер. Заучить свой порядковый номер на немецком языке узник должен был в течение первых суток. Номера пришивались на одежду вместе со специальным значком, указывающим национальность. За цифрами руководство лагеря не видело

человека, жизнь которого равнялась росчерку пера.

Фашисты заставляли пленных много и тяжело работать. Труд в концлагере можно охарактеризовать как средство физического уничтожения заключённых. Сон был кратким, и зачастую всю ночь пленные страдали от насекомых-паразитов. Боролись с ними полным бритьем волос и ежедневным тщательным осмотром друг друга. Но помогало это слабо. На вопрос родственников «Что было самым страшным в концлагере?» прадед, вздыхая, рассказывал, как фашисты ставили опыты над пленными: людей оперировали без наркоза, безжалостно стерилизовали и кастрировали, убивали посредством неизвестных уколов в сердце.

Иногда солдаты не выдерживали пыток. Некоторые переходили на сторону врага, многие пытались бежать из плена. Если кто-то бежал, рассказывал прадед, то всех заключенных из его блока убивали. Это был весьма действенный метод препятствовать попыткам бегства. «Чтобы другим неповадно было», – говорил прадед Филипп.

Крематорий концлагеря

Шло время, наша армия продвигалась на запад, немецкие войска отступали. Для пленников концлагеря это означало, с одной стороны, надежду на освобождение, а с другой – ожидание смерти. Немцы, узнав о том, что советские войска продвигаются к Германии, решили уничтожить всех узников концлагеря. Чтобы замести следы, фашисты начали сжигать пленников в крематории. По словам прадеда, крематорий был самым страшным местом в лагере – «стоглавым чудовищем», похищавшим людей. Обычно туда приглашали заключенных под предлогом осмотра у врача, а когда человек раздевался, ему стреляли в спину.

Перед приходом наших войск наступил момент, когда мой прадед уже попрощался с жизнью, близилась и его очередь отправиться в крематорий. Но каким было счастье тех, кто услышал русскоязычную речь! Оказалось, что советские солдаты захватили концлагерь и спасли пленников от неминуемой смерти. Прадед чудом остался жив! Уже после войны много раз приходилось слышать от него такую фразу: «Видимо, в рубашке родился».

Выживших пленников, от которых остались кожа да кости, отправили в госпиталь. После госпиталя прадед вернулся домой – к жене и детям. Снова стал работать в колхозе. Часто давали о себе знать контузия и старые раны – он вскоре ослеп, а потом был

парализован. Но даже будучи инвалидом, Филипп Николаевич не терял оптимизма. Сохранял бодрость духа, учил детей доброте и состраданию, призывал к тому, чтобы мы, его потомки, ценили жизнь.

Идут годы, зарастают травой окопы, но не зарастают душевные раны. Всё меньше остается живых свидетелей той страшной войны. Вот и в нашем селе Ключи не осталось ни одного ветерана…

Каждый год в День Победы у монумента Славы, что находится на территории школы, проходит митинг памяти, посвященный тем, кто не вернулся с полей сражений. Каждый год к подножию монумента возлагаются цветы. И я вместе со всеми тоже возлагаю цветы. Здесь среди многих фамилий есть и фамилия моего прадеда по папиной линии, Макеева Николая Ивановича, памятью о котором я очень дорожу.

После митинга я вместе со своей семьей еду на могилу другого прадеда, Казакова Филиппа Николаевича, чтобы почтить и его память, положить к изголовью живые цветы. Память о моих прадедах будет жить вечно, я очень горжусь ими!

Узник лагеря Вырица

Мой односельчанин, Новосельцев Анатолий Иванович, 1941 года рождения, попал в плен вместе со своей матерью и старшей сестрой в 1942 году. Сегодня Анатолий Иванович проживает у своей дочери в селе Чунаки, к сожалению, он прикован к постели.

Анатолий Иванович рассказал, что в плен он попал совсем ребенком и мало что помнит. Но детская память сохранила ужасы немецкого плена.

«В 1942 году на базе дома отдыха Ленинградской швейной фабрики во время оккупации поселка Вырица фашисты устроили лагерь принудительного труда для советских детей. Немецкие оккупационные власти насильно свозили туда детей из зоны ожесточенных боев под Ленинградом. Лагерь был обнесен колючей проволокой и забором. Детей предупреждали, что за уход из лагеря полагается расстрел. С десяти лет гоняли на работу на поля, в лес, в овощехранилище. А кормили похлебкой из турнепса. Иногда приходил врач, делал нам уколы с неизвестной целью».

Анатолий Иванович Новосельцев

Самое страшное, по словам Анатолия Ивановича, было то, когда его отнимали у матери. Анатолий Иванович помнит только рассказы сестры: «Нас привезли в Вырицу, отобрали от мамы и пускали ее только для того, чтобы покормить грудью младшего Толю». У многих детей действительно были матери, но это не помогало им избежать лагеря. Свиданий не полагалось. Порой, вспоминает сестра, измученные дети пытались убежать к матерям: из лагеря можно было уйти через Оредеж, тогда неглубокую, узкую речку; дети перепрыгивали с камня на камень, иногда падали, тонули. А если и спасались, то потом их все равно настигала облава: детей плетками гнали обратно и сажали на ночь в карцер-подвал, где было темно и сыро, бегали крысы.

В конце 1943 года немцы заспешили: нужно было убираться

из Вырицы, чтобы не очутиться в «котле». Тех детей, что постарше и поздоровей, вместе с матерями (у кого они были) погнали в Германию; остальных – помладше и послабей, перевели в новое здание – «детский дом». Зимой Вырицу освободили; первой в поселок вошла группа разведчиков. Разведчики и обнаружили этот новый «детдом», где в подвале прятались человек тридцать детей – совсем маленьких, едва живых от голода, болезней и страха. Их вымыли, накормили и отправили в настоящий детдом – Шлиссельбургский.

Освобождение юных узников

Анатолий Иванович плохо помнит, как его спасли и как он остался жив. Многое ему рассказывала старшая сестра. Именно она нашла его после войны, матери в живых уже не было. Помнит Анатолий Иванович лишь натруженные руки солдата, который вынес его из барака. Дальше был детский дом. Уже в 1990-х годах неожиданно для самого себя Анатолий Иванович получил денежное «вознаграждение» от немецкого правительства.

Жизнь узников концлагерей была трагичной даже после войны. С подачи Сталина, на них закрепилось клеймо «предатели». По возможности они меняли фамилии и давали себе обет молчания на всю оставшуюся жизнь. Эта страница истории была наглухо закрыта.

Федор Макеев – учащийся Филиала МБОУ «Многопрофильный лицей» в с. Ключи.

Пензенская область,

С. В. Горячева – учитель

Месть партизана

Ефтеев Василий Михайлович (1906–1991)

Мой дед не любил рассказывать о войне. Даже своим детям (кроме моей матери у него были еще два сына и дочь, еще двое сыновей, родившихся до войны, умерли во время оккупации) почти ничего не рассказывал. Но в 1981 году, когда деду исполнилось 75 лет, на юбилей выбрались все его дети. Именно тогда я узнал о своем дедушке то, что до того момента не знали даже его сыновья и дочери.

За праздничным столом поздним вечером остались одни мужики – дед, мой отец, дядя Юра (муж сестры матери), дядя Коля и дядя Сергей (братья матери). Разговор зашел о войне и о недавно вышедшем на экраны мини-сериале «Подпольный обком действует». В этом фильме рассказывалось о партизанском движении в Черниговской области Украины и в южных областях Беларуси. Партизанский отряд, в котором мой дед возглавлял взвод разведки, входил как раз в это объединение.

Мужики были в изрядном подпитии, хотя дед даже в свои 75 был покрепче молодых зятьев и сыновей. С чего начался разговор, я точно не помню. Проснулся в тот момент (я спал на печке как раз в той комнате, где был накрыт праздничный стол), когда дед Василий резко повысил голос и, перемежая свою речь руганью, в пух и прах разделывал популярный фильм.

– Да что ты можешь знать, молокосос! – орал дед на своего старшего сына, которому в тот момент было 37 лет. – Ничего ты не видел и не понимаешь, – и, немного подумав, закончил: – И слава Богу!

– Так ты же ничего не рассказываешь, – обиженно протянул дядя Коля.

– Вы действительно хотите знать? Ну так слушайте!

Дед родился в Ветковском районе Гомельской области (юго-восток Беларуси) в семье старообрядцев. Семьи у староверов всегда были многочисленны. У деда (он был четвертым ребенком в семье, первым ребенком от второй жены прадеда, всего Михаил Ефтеев, отец моего деда, был женат четыре раза) было 11 братьев и четыре сестры. Все Ефтеевы мужского пола (исключая прадеда) ушли в 1941 году на фронт. И, что самое невероятное, с войны вернулись ВСЕ 12!

После революции и организации колхоза в деревне Тарасовке (родная деревня деда) Василий Михайлович, два его брата и две сестры вступили в колхоз. Остальные предпочли уйти на

заработки в артели или на индустриальные стройки.

В 1937 году 31-летнего Василия Михайловича назначили бригадиром. В том же году он вступил в коммунистическую партию. Что уж там он не поделил с лесником, дед не распространялся. Но в 1939 году означенный лесник написал донос в милицию о том, что Василий Ефтеев занимается расхищением соцсобственности. Расхищение состояло в том, что дед увез из леса, примыкавшего к сенокосной поляне, два сухих дерева, поваленных ветром, на дрова. В результате обвинение в хищении, исключение из партии и приговор. Впрочем, довольно мягкий: «всего» 7 лет трудовых лагерей, да не где-нибудь в Сибири или Архангельской области, а почитай рядом с домом, в лагере под Оршей (около 200 км от Гомеля).

Почти сразу после начала войны деда доставили в Гомельский обком ВКП(б), вернули партбилет и заявили, что он остается в Гомельской области для подпольной партийной работы. Дед вернулся в родную деревню примерно за неделю до того, как туда же пришли немцы. Как пострадавшего от советской власти, Василия Ефтеева назначают старостой деревни. А потом, по словам деда, начался настоящий ад. Его постоянно третировали сразу с двух сторон: немцы требовали сдавать почти весь урожай, выращенный бывшим колхозом, а с другой стороны, того же требовали и партизаны. И обе стороны грозили самыми страшными карами. Василию Ефтееву приходилось изворачиваться и крутиться как уж на сковороде.

Вплоть до весны 1942 года у него это худо-бедно получалось. Пока в деревню не приехало с проверкой (перед посевной) районное и областное начальство в лице оккупационных властей и разных важных чиновников из числа перешедших на немецкую сторону бывших советских граждан. В числе данной комиссии присутствовал и начальник полиции Ветковского района. И им оказался тот самый лесник, по доносу которого дед попал в сталинские лагеря. И Василий Ефтеев не удержался.

Вечером, когда члены комиссии, включая полицаев и комендантский немецкий взвод, охранявший какого-то тылового немецкого инспектора, порядком напились, дед с тремя помощниками из числа односельчан заперли двери домов, где расположились члены комиссии и охраны, и одновременно подожгли. Из огня не удалось выбраться никому. Василий Ефтеев вместе с помощниками ушел в партизанский отряд, а женщины, старики и дети ушли в заранее вырытые добротные землянки в лесу.

Отряд, куда пришел дед, состоял в основном из солдат Красной армии, отставших от своих частей. Окрестности они

почти не знали, да и с населением у них отношения складывались нелучшим образом. Партизанам надо было что-то есть, а у крестьян и так немцы почти все отнимали. Так что красноармейцы по сути занимались разбоем, отбирая последнее. Что не добавляло им симпатий со стороны белорусов. Местные жители пришлись как нельзя кстати: из них сформировали взвод разведки, который и возглавил Василий Ефтеев.

В первую очередь он навел контакты с теми земляками, которые сочувствовали советской власти. Те стали сообщать маршруты немецких продовольственных караванов, и партизаны стали нападать уже на них. По настоянию деда, часть отбитого у немцев отдавали ограбленным крестьянам. Кроме того, прекрасно зная местные леса, разведчики устраивали ловушки для зверей, охотились на птиц. Частенько устраивали крупные рыбалки вместе с местными жителями. Такой подход дал незамедлительный результат: отряд рос как на дрожжах за счет притока местных жителей.

Из этих же контактов дед под руководством офицера НКВД (присланного из центрального штаба объединения) формировал сеть осведомителей. Благодаря их информации удавалось проводить удачные операции против тыловых оккупационных частей, полицейских соединений, частей СС, взрывать штабы, железнодорожные полотна, мосты, устраивать диверсии даже в довольно крупных городах, захватывать склады с оружием, имущественные, продовольственные.

К энкавэдэшнику дед относился двояко. Отдавая должное профессионализму, он ругал «синего подштанника» (так тогда называли сотрудников НКВД за их синие штаны) за полное пренебрежение к людям. В первую очередь того интересовала цель, которая должна быть достигнута любыми способами, невзирая ни на какие потери ни среди партизан, ни среди мирного населения.

К началу 1944 года Василий Михайлович был награжден медалями «За отвагу» и «Партизану Великой Отечественной войны» I степени (была учреждена 2 февраля 1943 года, вручалась весьма редко: во время войны были награждены менее 5 тысяч партизан, той же медали II степени были удостоены более 20 тысяч человек).

В 1943 году советские войска форсировали сильно укрепленный Днепровский рубеж и освободили почти всю Украину. А вот в Беларуси на запад удалось продвинуться всего на 150–200 километров. В результате чего образовался «белорусский балкон» – на севере и юге советские войска продвинулись сильно в глубь оккупированных территорий, а в

Беларуси и южной части Прибалтики неосвобожденные земли глубоко вклинивались на восток СССР. Но это положение позволяло осуществить глубокий охват, окружить группу армий «Центр» и полностью ее уничтожить или принудить к сдаче.

Будущая операция получила название «Багратион» и стала одной из самых успешных наступательных операций Красной армии времен Отечественной войны. Именно после операции «Багратион» союзники, наконец, открыли второй фронт, испугавшись, что русские без их участия захватят всю Европу.

План операции «Багратион» предусматривал стратегию «двойного удара» (то есть не один мощный таранный удар, который так любил Георгий Жуков, а наступательные действия сразу в двух направлениях), и участие в этой операции партизан было ключевым. На них возлагалась одна из самых существенных ролей в этой кампании. Партизаны должны были максимально затруднить немецким частям взаимодействие между соединениями, лишить их мобильности, не давать прорываться из окружения, максимально нарушить связь.

А еще во время операции «Багратион» Красная армия впервые на войне не добивалась тотального преимущества личного состава (обычно наступательные операции проводились с учетом двойного, а то и тройного, перевеса русских над немцами). Против 900 тысяч немецких солдат и офицеров выступали (без учета партизан) чуть более миллиона красноармейцев. Так что поддержка партизан, действовавших с немецкого тыла, оказывалась не просто существенной, а прямо-таки одной из главных составляющих успеха всей операции.

Для выполнения приказа Ставки к прифронтовой зоне были подтянуты более 250 тысяч партизан. Более месяца партизанам потоком текло (в основном, самолетами) оружие, боеприпасы, взрывчатка, мины, даже артиллерия. Немцы фиксировали увеличение партизан в прифронтовой зоне, участившиеся перелеты транспортников и понимали, что русские готовятся к крупномасштабной операции с помощью партизан. Но помешать этому почти никак не могли: на тот момент партизанские соединения контролировали $^2/_3$ Беларуси, а в небе превосходство советских истребителей было просто глобальным. Благодаря действиям советской разведки и контрразведки, командование группы «Центр» было убеждено, что советские войска не начнут операцию до максимального увеличения личного состава солдат и офицеров. И были уверены, что, как и в прошлые разы, будет нанесен удар по одному направлению, а не по двум.

Прибывавшие из глубины Беларуси партизаны отдавались в подчинение местным, что было вполне логично: местные гораздо

лучше знали и оперативную обстановку, имели налаженные связи с подпольщиками, превосходно знали районы боевых действий. Василию Ефтееву, в дополнение к его взводу, были приданы восемь диверсионных групп, три минометных расчета и более 150 человек групп прикрытия подрывников, снайперов, саперов. В общей сложности дед оказался командиром соединения, по численности равного батальону регулярной армии.

Партизаны начали активные действия в начале июня 1944 года (операция «Багратион» началось 22 июня). Первоначально дед «распылил» свое соединение для более широкого охвата «терроризируемой» территории. Но к 20 июня собрал свое «войско» в единый кулак для совершения наиболее серьезной акции. Более того, вытребовал у командования еще около 100 человек для отвлекающего удара.

В результате «рельсовой войны» у немцев было весьма плохо с логистикой. Они вынуждены были тщательно охранять немногие сохранившиеся железнодорожные полотна, а на некоторых станциях и вблизи них скапливалось огромное количество вооружения, личного состава резервных дивизий и складов ГСМ. Эти объекты превосходно охранялись, и подступиться к ним было довольно сложно. Однако Василию Ефтееву была поставлена твердая задача – уничтожить три склада ГСМ, предназначенных аж для шести танковых корпусов и двух авиадивизий. Склады располагались рядом друг с другом, а потому задача сильно усложнялась. Напасть сразу на все три склада с имеющимися в наличии людьми не было никакой возможности. А при нападении на один из складов к обороняющимся охранникам моментально направлялось подкрепление от соседних складов и из тыловых частей, расположенных примерно в трех километрах от складов.

Дед не полез на рожон, а разработал многоходовку. Приданные дополнительные силы должны были напасть на колонну бензовозов, доставлявших горючее на склады от ж/д станции. После того как немцы немного ослабят охрану, направив на отражение атаки охранников складов, лучшие пластуны-разведчики должны были незаметно проникнуть на склады. В их задачу входило продырявить тонкостенные емкости (бензин и керосин хранился не только в толстостенных цистернах, но и в обычных бочках) и насытить землю бензином. После чего так же скрытно покинуть территорию.

Проникнуть и не «засветиться» удалось всего на один склад. Остальных разведчиков обнаружили до того, как они смогли продырявить достаточное количество бочек. Так что операция началась раньше назначенного времени. Но и тут дед поступил

избирательно. У того склада, где удалось насытить землю бензином, он оставил все три минометные группы с минимальным прикрытием. Остальных рассредоточил у двух других складов. Минометчики начали первыми, но им не удалось (как это задумывалось) сразу поджечь разлитый бензин. Пожары кое-где возникли, но не слишком большие.

Немцы моментально перебросили на атакованный склад все имеющиеся резервы. Василий Ефтеев именно этого и ожидал. После того как бо льшая часть немцев бросилась отражать атаку и тушить пожары, он отдал приказ на атаку. Сопротивление охраны совсем подавить не удалось, а время играло против партизан: из тыловых частей вот-вот должна была появиться подмога немцам. Партизаны быстро заложили под цистерны радиоуправляемые мины, а между ними просто свалили остальную взрывчатку, рассчитывая, что она сдетонирует от взрывающихся мин. После чего партизаны двинулись к третьему складу, где работали минометчики.

К тому времени у минометных расчетов закончились мины и они отошли подальше. А немцы с успехом тушили возникшие пожары. Взрывчатки и мин у партизан почти не осталось, зато у них было много ручных гранат. Но на расстояние точного броска еще надо было подобраться. Да и всего одной гранатой цистерну подорвать было затруднительно. В той атаке погибло более половины отряда, но дело они сделали – все три склада были уничтожены. Некоторые партизаны, обвешавшись гранатами, просто бросались под цистерны. Несколько немецких частей, общей численностью около 200 тысяч солдат и офицеров, остались без горючего для техники и не могли принимать активного участия в отражении наступления Красной армии.

При отходе обескровленный отряд, израсходовав почти весь боеприпас, нарвался на немецкие части, спешившие на склады. Дед, раненный в плечо и ногу, остался во главе группы, прикрывавшей отход основной части выживших. Они задержали немцев, но вырваться удалось лишь пятерым из двадцати трех бойцов. В их числе был и дед, получивший в дополнение к ранам в ногу и плечо еще и контузию. Его на руках вынесли подчиненные ему партизаны и доставили в лагерь. Командир отряда сразу составил наградной лист на деда, представив его к ордену Ленина. Но в Москве переиграли и вместо первого по значимости ордена наградили Василия Ефтеева орденом Красного Знамени (второй по значимости).

Лагерь встретил выживших в диверсии на склады срочными сборами. Отряд был уже почти окружен воинскими частями, которые немцы вынуждены были снять с фронта (изрядно

обессилив саму линию фронта) на подавление военных действий в своем тылу. Уходя, партизаны бросали любой «балласт». В том числе и тяжелораненых, не способных передвигаться самостоятельно…

Василий Ефтеев попал в плен. Сперва его отправили в госпиталь для военнопленных, где работали советские же врачи, а после того как он более-менее оклемался, переправили в один из концлагерей на территории Польши. Там он пробыл около трех месяцев, после чего вместе с довольно большой партией военнопленных его перебросили в печально известный Бухенвальд.

Многие из нас, особенно из старшего поколения, родившегося еще в социалистические времена, прекрасно помнят фильм о советских разведчиках «Щит и меч», вышедший на экраны в 1968 году. Фильм стал настоящим хитом советского кинопоказа. За год его посмотрели около 70 миллионов зрителей, и это, несмотря на то что сперва его транслировали только в кинотеатрах, 4 серии поочередно. 4-я серия фильма «Последний рубеж» повествует, в частности, о том, как советские разведчики совместно с интернациональной группой подпольщиков, под руководством главного героя Александра Белова (Йогана Вайса), захватывают завод по производству ракет ФАУ-1 и ФАУ-2. Попутно освобождая узников концлагеря Бухенвальд, работавших на заводах и обреченных немцами на уничтожение вместе с заводом.

Мой дед оказался одним из тех, кто работал в 1945-м как раз на том заводе. И он действительно был свидетелем этой операции. В основе все было так, как изложено в фильме. Разведчики и подпольщики действительно перебили немногочисленную охрану и саперов, которые должны были взорвать завод и военнопленных. А вот дальше все было совсем не так, как это показано в фильме. Завод по производству ракет находился гораздо ближе к американско-британско-французским вой скам, чем к Красной армии. И должен был быть захвачен именно американцами. Которые направили на захват завода многочисленную группу при поддержке легких танков и артиллерии.

Но «приз» был слишком значимым, чтобы русские просто так отдали его союзникам. Ведь на заводе находились производственные мощности и многочисленные детали действующих ракет. В этом направлении на тот момент немцы выдвинулись далеко вперед, опередив и русских, и американцев. Русские и американцы прекрасно понимали, что тот, кто захватит завод (вообще-то заводов по производству ФАУ было несколько,

но здесь речь идет именно о том заводе, где производилась непосредственная сборка из изготовленных и сконструированных на других заводах деталей) вмиг обгонит конкурента.

По рассказу деда, русские разведчики, перебив охрану и добравшись до запертых узников, освободили лишь русских военнопленных. Узников из других стран силой (с применением оружия) загнали обратно под замок. Русских, их оказалось около 500 человек, вывели наружу, вооружили трофейными автоматами, винтовками и пистолетами охранников (хватило далеко не всем) и сообщили, что им предоставляется возможность искупить позор плена кровью. Не удосужившись сказать, что воевать придется с союзниками. Однако обнадежили, что продержаться необходимо всего пару-тройку часов, после чего сюда прибудут части Красной армии.

Советское командование действительно выслало на помощь разведчикам два батальона десантников. Но те десантировались довольно далеко от завода и вынуждены были добираться до места назначения пешком. А американцы ехали на танках и автомобилях. И прибыли к заводу гораздо раньше красноармейцев. Советские разведчики попытались договориться, но американцы были разъярены тем, что на территории их влияния появились русские.

Дед утверждал, что огонь на поражение открыли именно русские разведчики. Первыми же очередями из автоматов лишив американскую группировку командования, которое пришло на переговоры с русскими. Затем дезорганизованную, но более многочисленную группировку отогнали подальше от завода лихой штыковой атакой (против танков врукопашную!). Ошеломленные американцы откатились, связались с командованием, получили строгий приказ и перешли к активным действиям. То есть открыли огонь по обороняющим завод из танков и пушек, а после артподготовки попытались вышибить русских с занятых ими позиций. Подготовленных еще немцами, а потому довольно внушительных.

По словам деда, до прибытия советских десантников разведчики, подпольщики и недавние военнопленные отразили восемь американских атак. Потеряв при этом более $^2/_3$ обороняющегося состава. Но цель была достигнута: с прибытием десантников у американцев, и так изрядно прореженных в атаках на завод, шансов захватить завод не осталось. Они опять откатились и вызвали подкрепление. Но на этот раз русские успели раньше. Первыми к заводу прибыли советские танки, которые на форсаже ехали на помощь десантникам и разведчикам. Танкисты умудрились пройти в обход немецких и

американских частей (американцы наступали не единым фронтом, а клиньями, потому в линии фронта были огромные «плеши», которыми и воспользовались русские). Американцы не решились на продолжение атак. А конфликт (так назвали генералы полноценный бой в районе завода, в котором погибли более тысячи человек с обеих сторон) был благополучно замят и засекречен.

Василий Михайлович Ефтеев

Тот бой, вкупе со свидетельством командира партизанского отряда, что Василий Ефтеев попал в плен в бессознательном состоянии, спас деда от сталинских лагерей. Но его все равно

лишили всех наград, на два года оставили в Германии в составе частей, вылавливавших недобитых нацистов. А удостоверение участника войны вручили лишь в 1967 году. Дед никогда не добивался возвращения ему лишенных наград, хотя он не был официально их лишен, а после получения удостоверения награды ему должны были вернуть автоматически. А ведь любая боевая награда означала солидную прибавку к пенсии. К примеру, за медаль «За отвагу» ежемесячно доплачивалось 8 рублей, за орден Красного Знамени – 20. По тем временам солидная прибавка к пенсии! Только усилиями моего отца, которые он предпринял втайне от деда, в 1983 году деду вернули медаль «Партизану Великой Отечественной войны» I степени (плюс 7 рублей к пенсии). В 1985-м кроме награждения орденом Отечественной войны II степени (к 40-летию Победы им награждали всех ветеранов) вернули и медаль «За отвагу». А вот орден Красного Знамени военком Гомельского гарнизона привез деду в деревню 14 августа 1991 года. Дед не дожил до этого вручения всего три дня… Он умер от лейкемии (белокровие), вызванной последствиями Чернобыльской катастрофы. Так получилось, что радиоактивное облако от Чернобыля двинулось сперва на север и разразилось дождями именно над территорией Гомельской области.

Максим Леонов

Отца ждал трибунал

Лапкин Яков Моисеевич (1903–1992)

О своем участии в финской войне мой отец рассказывал мало. Говорил что-то о финских снайперах на вершинах сосен, о том, как ловко финны кидали ножи. Остальное неотчетливо. А вот Великая Отечественная коснулась нас в полной мере…

Грянула война. Мой отец – Лапкин Яков Моисеевич – готовил эвакуацию своего завода на Урал. Он отправил всю большую семью бабушки (теток, их мужей и детей, дядю) в Свердловск (Екатеринбург), а вслед за ними и беременную жену, мою маму. Матушка разрешилась мною по дороге. Ну не в поезде, конечно. Когда начались роды, ее срочно высадили в Галиче Костромской области, где я и появился на свет божий в августе 1941-го. Потом мама со мной добирается до Свердловска. Еда ужасная. Едет в теплушке. Помыться негде. Я – весь в коросте. Вместо кроватки – деревянное корыто. Кругом мужики – военные, командированные с фронта. Солдаты, расположившиеся на всех уровнях – внизу, на вторых и третьих полках, – залезают за пазуху, выгребают вшей и бросают вниз. Мать плачет. Со второй полки голову свешивает раненый офицер: «Не плачь, мамаша, сын вырастет, богатырем станет». Как в воду глядел – мужик из меня вырос здоровенный.

Когда мама воссоединилась с бабушкой, быт как-то стал налаживаться. Хотя с едой, конечно, были проблемы. Вскоре на Урал переехал со своим заводом отец. Мама впервые показала меня отцу – худосочного недокормленного младенца. Но семейное счастье моих родителей продлилось недолго. Отец, всегда и во всем уступавший матери, в критические моменты жизни был очень решительным человеком. Будучи заместителем директора огромного завода, имевшего оборонное значение, отец имел бронь, но, имея бронь, имея солидный возраст – ему тогда было 38 лет, – он отправляется добровольцем на фронт. Рядовым. Матери сообщает об этом перед самым отъездом.

Что я сам могу вспомнить из того времени? Почти ничего. Темная лестница. Бревна, почему-то сложенные на лестничной площадке. Белый котенок играет среди них. Смотрит на меня. Моя будущая жизнь: и светлая, и беспокойная – всякая, смотрит на меня через его детские звериные глаза. Остались рассказы. Как мать стала курить. Махорку. Другого не было. Как скончалась бабушка. Как ждали редкие письма с фронта. Как слушали «Жди меня, и я вернусь», надеялись и тихо плакали. Как дети жадно хватали еду, когда в доме была еда. Быстро глотали и рычали, не

в силах дождаться следующей ложки каши. Так жила вся страна. Сохранились выцветшие фотографии того времени. Осунувшаяся, не похожая на себя мать. Одни глаза, рано постаревшее, измученное лицо. И страшный, худой заморыш. Это я. Та же мука в глазах, что и у матери.

Яков Моисеевич Лапкин. На фронте. 1944 г.

В 44-м вернулись в свою квартиру на Литейном. Без вещей и мебели – все вынесли соседи, жившие этажом выше. Мать ни с кем не разбиралась. Начинала жизнь возвращаться фронтовики. На улицах цветы, песни, гармошка. От отца известий не приходило. Один веселый военный в гимнастерке на улице обратил на меня внимание, улыбнулся, помахал рукой. Я кинулся к нему с криком: «Дядя папа!» Я ведь не знал своего отца. Пришли известия, что части Второго Украинского задержались в Праге. Там был и отец. Там продолжались военные действия, гибли люди. А у нас началась мирная жизнь. Стали открываться магазины. Запомнилось событие: открылась булочная на Литейном. Я и сейчас ее по мню. Почему-то самое сильное детское впечатление – батон на столе. Булка – так говорили в Ленинграде.

Папин командир был проездом в Ленинграде: «Жди мужа, Любочка, скоро приедет. Твой Яша Героем возвращается. Все документы оформлены». Но получилось по-другому. Где-то в штабе представление к Звезде Героя поменяли, отца наградили орденом Красного Знамени. Отец никогда за себя не хлопотал.

Война закончилась. Отец цел-невредим. Почти все целы. У отца из огромной семьи погиб один старший брат. Любимый младший брат Боря вернулся из плена. Он выдавал себя за татарина и так спас себе жизнь. Какое счастье! Вся большая бабушкина семья в сборе. Нет только самой бабушки. Отец веселый, могучий. Поет арии, всех подряд затанцовывает. Берет в охапку маму и двух ее сестер, поднимает и кружит в вальсе. Папу все боготворят. Он – настоящий герой. Грудь в орденах. Двенадцать боевых наград. Выпивает залпом из горла бутылку водки за Победу.

Яков Моисеевич Лапкин. Венгрия. Июль 1945 г.

Сколько всего осталась в прошлом! Позади контузия – рядом взорвалась мина. Паралич левой части тела. Чуть восстановился в госпитале – бросился догонять свою часть. Левая половина лица долго оставалась неподвижной. На одной из фронтовых фотографий видно, что лицо перекошено. Отец был старше других фронтовиков, его звали Батей. Судьба берегла его от пули. Но жизнь могла прерваться и по другой причине. Отец был связистом. Однажды под Курском ему с группой бойцов дали задание – наладить связь между нашими подразделениями. С

катушками за спиной и автоматами они должны были с боем пройти через «слоеный пирог» русских и немецких позиций и вернуться в расположение своей части. До этого уже было отправлено несколько групп, все погибли. Бой продолжался несколько дней. Задание выполнено. Отец возвращается, заходит доложить в штаб. Незнакомый офицер разглагольствует: «Мы здесь жизнью рискуем, а жиды по тылам отсиживаются». Отец бросается на него, бьет кирпичом по ненавистному лицу. Отца ждет трибунал. По законам военного времени – расстрел. Историю как-то замяли. Как обошли смершевцев, тоже не знаю. Бог отвел. И неизвестный мне командир. Отважный, благородный человек. Который при этом лично рисковал. Отец получил очередную награду. А зимой 1945-го его представили к званию Героя за форсирование Одера. Красная армия захватила плацдарм на другом берегу. Надо было дать связь. Ползли с катушками по льду. Рядом с отцом рванула мина, лед разошелся, и тяжеленная катушка потащила вниз, под воду. Молоденький мальчик-связист из его отделения опустил в воду шест, отец успел за него ухватиться. Повезло. Вылез из ледяной воды. Отделение двинулось дальше. Связь дали. Так рассказал мне отец. За эту операцию он был представлен к званию Героя.

Недавно мой сын на сайте «Общедоступный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.»» нашел копии подлинных документов, представляющих отца к наградам. Посмотри, говорит, дед у нас терминатором был.

«Гвардии старшина – Лапкин Яков Моисеевич – при форсировании реки Одер и штурме сильно укрепленной обороны на территории Германии проявил исключительное мужество, самообладание, отвагу и геройство.

Командуя отделением связи, личным примером воодушевил своих подчиненных на боевые подвиги.

Неоднократно сам лично ходил на устранение прорывов линии связи.

26 января 1945 года при выполнении боевого задания в упор расстрелял 5 гитлеровцев – и связь была дана своевременно.

…за форсирование реки Одер и участие в штурме сильно укрепленной обороны противника достоин высшей правительственной награды – присвоения звания Героя Советского Союза, вручения ордена Ленина и знака особого отличия – медали Золотая Звезда».

Лев Лапкин

Они венчались не в церкви

Фронтовые встречи – особенные, не похожие на те, что сопутствуют нам в обычной жизни. Из рассказов родителей я знаю, что фронтовые друзья – самые верные и надежные, что фронтовая любовь – самая крепкая. Иначе и быть не могло: в аду военных будней не обойтись без крепкого плеча друга и нежной улыбки подруги. Но были и совсем необычные встречи, длиной на всю оставшуюся жизнь. Случайно увидев в юности мамин паспорт, я был потрясен: брак моих родителей зарегистрировал в августе 1943 года ЗАГС Карельского фронта…

Жили в центре Киева в просторной красивой квартире три сестры с мамой и папой. Их детство пришлось на тяжелую, смутную пору – революции, Гражданская война… И тем не менее все складывалось вполне благополучно до тех пор, пока в 1929 году не репрессировали отца, обычного школьного учителя. Знаменитое, шитое белыми нитками, насквозь фальшивое «дело учителей». Состряпано оно было настолько безобразно, что всех проходивших по нему реабилитировали в числе самых первых, в 1954 году. Но тогда все складывалось серьезно… Дочерям поставили условие – публично осудить отца, подписав заметку в газете, в случае отказа им грозила ссылка. Две сестры со слезами подписали подсунутую им мазню, а третья сама собрала чемодан и отправилась на край света, на Кольский полуостров, в городок Хибиногорск. Так моя мама Галина Авксентьевна Болозович оказалась в числе северян-первопроходцев. Ей только что исполнилось 18 лет.

Это сейчас Кировск – обычный город со зданиями, асфальтом, автобусами, а тогда у подножия Хибин ютилось несколько палаток. Новоселье в только что отстроенном бараке считалось величайшим событием! Цвет ленинградской интеллигенции – инженеры-строители, металлурги, химики, врачи осваивали среди гор и тундры будущий город. Молоденькая киевлянка недолго чувствовала себя одинокой – ее окружали умные, порядочные, интересные люди. А связывало их в ту нелегкую пору, помимо общности взглядов, упорного созидательного труда и тяжелого быта одно великолепное начало – творчество. Непрофессиональные, но довольно хорошо подготовленные музыканты, певцы, чтецы сразу обратили на себя внимание. Их стали приглашать в другие города. Отпечатанные на жуткой бумаге программки их выступлений свидетельствуют о весьма серьезном и сложном репертуаре. Вот когда принесли золотые плоды детские занятия музыкой! Сколько лет маленькая Галя под

веселый шум двора со слезами на глазах разучивала на прекрасном бекштейновском инструменте скучные этюды. Зато теперь, в суровом снежном Заполярье, она обрела не только друзей, но и зрительскую аудиторию. Ей доводилось выступать на сценах областного центра, ее неоднократно приглашало мурманское радио, после чего специалисты настойчиво советовали ей подумать о карьере пианистки. И все больше было уверенности в письмах, через полстраны тянувшихся в далекий Киев, и все весомее становились переводы, которые она всегда отправляла в один и тот же день – на следующий день после зарплаты.

Шли годы. В 1937 году среди живописной Мончетундры был заложен красавец Мончегорск, с которым связано едва ли не полжизни моей мамы. И все повторилось: палатки, бараки и первая квартира в деревянном доме. И то же увлечение музыкой – мама стала частой гостьей Дома техники и Клуба металлургов. В конце тридцатых к ней переехали родители. Отец занял должность главного бухгалтера жилищно-коммунального управления комбината «Североникель». Именно с ней, оказавшейся в далеком и неустроенном краю, решили связать свою старость родители.

Осенью 1941 года мама ответила на вопрос «что делать?» в полном соответствии со своей совестью: рейтарские курсы, Карельский фронт. В тылу не пряталась, сразу отправилась на передовую. Буквально под пулями ассистировала хирургам, которые в переносной палатке-операционной ли жизнь раненым. Керосина не хватало, и истории болезни она заполняла своим четким бисерным почерком при свете допотопной лучины (в преклонные годы это отзовется катарактой).

И нередко сама смерть заглядывала ей в лицо. Однажды осколок немецкого снаряда «ошибся» всего на пару сантиметров. Придя в себя, она подняла его, но тут же выронила – такой он был раскаленный. Этот осколок она хранила всю жизнь. Даже странно как-то: всего на два сантиметра ближе – и не было бы ни меня, ни брата…

Как и раньше в Кировске и Мончегорске, здесь, на передовой, мама пользовалась огромным авторитетом и уважением сослуживцев. Пронеся сквозь северные ветры и житейские бури чувство собственного достоинства и смелость, не растеряла она их и в военном аду. И сегодня светятся они в ее боевых наградах. Ее любили и уважали и не понимали только одного: ну как можно свои законные фронтовые сто грамм отдавать сестричкам и санитаркам!.. Да, для алкоголя она всю жизнь оставалась незнакомкой.

Здесь же, на фронте, поджидала ее и судьба в лице бравого артиллерийского капитана. Александру Васильевичу Бобкову, уроженцу села Безводное Нижегородской губернии, было в ту пору тридцать пять, и дома у него оставалась семья. Любовь к тридцатилетней медсестре перевернула всю его жизнь и стала огромным, сильным чувством, которое он пронес до конца своих дней. Они были очень разными и вряд ли подходили друг другу, но вспыхнувшая фронтовая любовь вовсе не была мимолетной –

видимо, слишком крепкой печатью скрепил их союз фронтовой ЗАГС…

Александр Васильевич Бобков

Даже спустя десятилетия после войны пассажиры поездов, следующих из Мурманска в Ленинград, обращали внимание на бесчисленные крохотные озерки вдоль железной дороги. Мало кто знал, что это – воронки от немецких бомб и снарядов. Уже не осталось на станции Масельская руин водонапорной башни, в которую угодил снаряд как раз тогда, когда там находился отец со своим боевым расчетом. К счастью, ранение оказалось

несерьезным. Детьми мы с братом по дороге в отпуск буквально прирастали к вагонному окну, даже если проезжали мимо этой водокачки глубокой ночью…

Война надолго разлучила родителей. Отец продвигался на запад, участвовал во взятии Вены и освобождении Праги, где и встретил День Победы, а мама в 45-м трудилась медсестрой в эвакогоспитале, который разместился в здании мончегорской средней школы № 3. Впоследствии мы с братом в ней учились. Помню, как мама впервые привела в школу. «Здесь были палаты, – вспоминала она, проходя мимо классов, – а здесь перевязочная. Актовый зал – это же операционная!»

Где-то там, в глухих карельских лесах, давно поросла травой землянка, где мои родители и их фронтовые друзья поставили на дощатый свадебный стол букетик полевых цветов в жестяной кружке, флягу медицинского спирта да банку американской тушенки… А вот отцовские и материнские награды и сегодня блестят, сверкают, как будто новенькие, словно гордятся, что вручены были тем, кто дорогой ценой заслужил право честно и прямо смотреть людям в глаза.

Не тускнеет, не стирается временем гордость. Она, как и память, бессмертна.

Валентин Бобков, главный редактор Издательского дома «Пресс-Курьер»,

Санкт-Петербург

Водитель полуторки

Мой дедушка, Соболев Фёдор Терентьевич, родился шестого июля 1912 года. Произошло это на южной окраине Советского Союза, в селе Новоголовка Астрахан-Базарского района Азербайджанской ССР.

В восемнадцать лет он женился на моей бабушке, Робушевой Евдокии Николаевне. Оба работали в колхозе. Он – механизатором, она – в полеводческой бригаде. Рожали и растили детей и к началу войны у них уже был сын и три дочери, мал мала меньше.

22 июня гитлеровская Германия напала на нашу несчастную страну. Спустя несколько месяцев в Азербайджане объявили всеобщую мобилизацию. Дедушку призвали в действующую армию. Погрузили в воинский эшелон и отправили на запад.

Федор Терентьевич Соболев

Евдокия Николаевна Соболева (Робушева)

Прибыв на фронт, Фёдор Терентьевич стал водителем грузовой машины «ГАЗ-АА» и принялся за трудную, неблагодарную работу. Изо дня в день он крутил баранку и обслуживал жуткие потребности ненасытного молоха войны. Вёз на передовую десятки молодых и здоровых красноармейцев, а забирал назад несколько тяжелораненых калек, обильно истекающих кровью.

Согласно техническому паспорту, бортовой грузовик мог

перевозить 1500 килограммов. Благодаря этому неприхотливый автомобиль звали «полуторкой». Правда, никто не смотрел в инструкцию, а в кузов грузили столько, сколько поместится. Иногда этот вес доходил до трёх тонн. Причём большую часть приходилось кантовать самим шоферам.

Первые месяцы войны фашистские истребители безраздельно хозяйничали в небе и нападали на всё, что движется в воздухе и на земле. Но больше всех досаждали солдатам бомбардировщики «Ju-87». У этих самолётов не убирались посадочные стойки, а на колёсах стояли обтекатели, которые делали шасси похожими на ноги, обутые в огромные башмаки.

За это их прозвали «лапотниками». Однако смешное прозвище не делало их менее опасными. Заметив автомобиль или пешую колонну, «юнкерсы» устремлялись к земле в крутом пике. Включали воздушную сирену и сбрасывали на цель пятидесятикилограммовую бомбу.

Во время жестоких боёв мой дедушка часто попадал под миномётный огонь и бомбёжку. Несколько раз его ранило и сильно контузило. Дедушке очень везло. Всё обходилось без крупных увечий, и он вновь возвращался в строй.

Однажды случилось и вовсе невероятное происшествие. Он приехал на артиллерийскую батарею и привёз ящики со снарядами. Полуторку быстро разгрузили, а в кузов уложили десяток раненых. Рядом с шофёром посадили контуженого лейтенанта. Дедушка сел за руль. Повёл машину в тыл, и тут начался мощный обстрел.

Один из снарядов попал в кузов. Взорвался и разнёс на куски грузовую платформу. Из облака огня вылетела кабина грузовика с уцелевшим передним мостом. Проехала несколько метров на двух колёсах, а затем скатилась в большую воронку. Рядом с ней упал другой снаряд, и огромный вал земли засыпал яму так ровно, будто её никогда не было.

К счастью, это видели несколько артиллеристов. Едва кончилась канонада, солдаты выбрались из окопа и поползли откапывать кабину автомобиля. Скоро из земли вытащили контуженого лейтенанта. Всё его тело оказалось иссечено осколками так сильно, что на нём не нашлось живого места. А Фёдора Терентьевича лишь оглушило. Через час бедный лейтенант умер, а дедушка пришёл в себя, но стал заикаться.

Однажды он поехал на передовую. Отвёз на позицию оружие и провизию. Взял раненых и двинулся назад. В это время фашисты начали наступление. Прорвали советскую оборону и окружили часть войск. Полуторку дедушки обстреляли немецкие танки. Машина сгорела, но он выскочил из кабины и прыгнул в

овраг.

Дождался, пока немцы уйдут вперёд. Примкнул к какой-то воинской части и вместе с солдатами стал пробиваться к своим. Когда красноармейцы вырвались из «котла», их встретили особисты. Обвинили в оставлении позиции без приказа. Обозвали трусами и приговорили к отправке в штрафной батальон.

Так уж случилось, что мимо колонны проезжал полковник медицинской службы, хорошо знавший Фёдора Терентьевича. Каким-то чудом офицер узнал дедушку в толпе грязных и оборванных красноармейцев. Поговорил с охранниками. Обменял его на бутылку спирта и увёз с собой.

Дедушка благополучно вернулся в госпиталь и продолжил служить на санитарной машине. В медсанбате он ещё ближе сошёлся с пожилым офицером. Нужно сказать, что этот врач всю жизнь занимался изучением способов лечения экземы. Очень тяжелого кожного заболевания, которое вызывается расстройством нервной системы. Видя любознательность шофёра, он стал объяснять ему причины страшного недуга и методы борьбы с ним.

Заметив, что водитель проявляет большой интерес, полковник передал ему свои книги и тетради. Если встречались больные экземой, офицер звал солдата. Вёл приём в его присутствии и объяснял, что и как. В свободные часы дедушка читал записи медика. Быстро научился распознавать виды болезни и составлять мази для их лечения. Вскоре полковник погиб под обстрелом, а Фёдор Терентьевич оставил себе документы врача. Со временем, он стал применять свои знания и всё чаще помогать сослуживцам, у которых возникала болезнь.

Так он воевал до последнего дня войны. Участвовал во взятии Берлина и оставил свою подпись на стенах захваченного Рейхстага. Во время боевых действий дважды попадал во фронтовую кинохронику, которую видели односельчане и моя мама, которая была тогда ещё маленькой девочкой. По её словам, кадры с его участием мелькают в каком-то документальном фильме.

Пока мой дедушка воевал на фронте, моя бабушка работала в колхозе бригадиром. Кроме своих четверых детей она взяла на воспитание ещё девятерых сирот, эвакуированных из районов, захваченных гитлеровцами. Благодаря трудолюбию и упорству самоотверженной женщины её огромная семья не голодала, как многие другие. Все дети работали в саду, в огороде, сеяли пшеницу на пустырях.

Когда советские власти стали собирать помощь для жителей блокадного Ленинграда, бабушка сдала в этот фонд двести пудов

зерна. Про этот великодушный поступок напечатали во многих газетах и поместили снимок Евдокии Николаевны и всех её детей.

Корреспонденты нашли дедушку, находившегося на фронте, и торжественно вручили ему газету с фотографией. На имя бабушки пришла благодарность от советского правительства за подписью товарища Сталина. В письме были такие строчки: «Спасибо Вам за хлеб. За сотни душ, которых Вы от голода спасали. Мой низкий Вам поклон! Иосиф Сталин».

После окончания Великой Отечественной войны дедушка был направлен на Дальний Восток на войну с Японией. Как и большую часть войны, он служил шофёром на санитарной машине и перевозил раненых. За боевые заслуги Родина наградила его медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

В 1947 году он наконец-то вернулся домой и пошёл работать в колхоз. Эвакуированные сироты, которые жили в его доме, к тому времени уже разъехались по своим детдомам.

За годы работы в деревне дедушку несколько раз избирали председателем колхоза. Долгое время он трудился главным механиком сельхозпредприятия, а когда рядом построили завод виноградных вин, стал главным инженером.

Александр Филичкин

Спасла «мертвая зона»

Как воевал мой отец, Евгений Николаевич Дроканов

Пули впивались в землю в полуметре от лица. Пыль от фонтанчиков летела в глаза. Мой отец, лейтенант Евгений Дроканов, лежал в ложбинке у дороги, прижавшись головой к родной землице так крепко, что левое ухо ныло от напряжения. Взгляд был направлен в сторону вражеского дзота, из амбразуры которого вылетали вспышки огня, в мозгу билась единственная мысль: «Когда же ему, гадине, надоест палить в одну точку?»

Немецкому пулеметчику не надоедало. Удобно устроившись в дзоте, он методично нажимал на спусковой крючок, посылая короткие очереди в сторону русского командира, который залёг возле догоравшего деревенского дома. Пули не попадали в цель, потому что возле нее образовалась «мертвая зона»: ствол пулемета ниже не опускался. Понятное дело, пулеметчик ждал, что его «мишень» пошевелится, разминая занывшие от неудобной позы мышцы, и немного приподнимется над землей. Вслед поднимется ствол, и пули полетят на дальность выстрела, поражая все живое на своем пути. Игра нервов длилась уже несколько минут.

Лейтенант впервые в жизни попал в настоящий бой. Вообще-то, какой тут бой, когда он валяется на боку посреди «ничьей» деревни и беспомощно гадает, добьет его вражеский пулеметчик или нет! Злоба на фрица просто душила.

Чтобы успокоиться, он стал вспоминать, как два месяца тому назад окончил МИУ, Московское инженерное училище, и прибыл на Западный фронт, в 50-ю армию генерала Болдина, которая вела тяжелые бои в районе Зайцевой Горы – занятой противником господствующей высоты к западу от Калуги. Да, в МИУ будущих командиров не учили водить солдат в атаку. Их делом на войне было строительство инженерных сооружений, дорог и колонных путей, возведение переправ, мостов, минирование и разминирование местности, а также прочая работа под общим названием «инженерное обеспечение боевых действий войск». Учили курсантов хорошо. Офицеры-преподаватели с боевым опытом часами объясняли свои непростые дисциплины, добиваясь, чтобы каждый выпускник стал профессионалом в инженерном искусстве.

В отличие от командных военных училищ, в которых будущих командиров сорок первого года обучали три месяца, в инженерном училище срок обучения не могли сократить короче

девяти месяцев. Иначе не имело смысла готовить нужных фронту специалистов, слишком сложная была учебная программа. И при выпуске в петлицах у новоиспеченных лейтенантов инженерных войск сверкали по два новеньких «кубаря», а не по одному, как у их сверстников – танкистов, пехотинцев и артиллеристов – младших лейтенантов. Так высоко ценились в Красной армии офицеры инженерных войск. Впрочем, не только в Красной армии: еще в Петровском военном уставе 1716 года говорилось: «Инженеры зело потребны суть при атаке или обороне какова места; и надлежит таких иметь, которые не токмо фортификацию основательно разумели, и в том уже служили, но чтобы и мужественны были, понеже сей чин паче других страху подвержен есть». Поэтому и берегли курсантов-инженеров. В самые сложные дни боев за Москву в октябре 1941 года училище было эвакуировано в тыл страны – в город Мензелинск.

Он выучился и стал офицером, лейтенантом, командиром 1-го взвода 2-й роты 309-го отдельного инженерного батальона 50-й армии. В апреле и мае 1942 года взвод выполнял задачи по строительству блиндажей на командных пунктах войск, перешедших от наступления к обороне, и установке деревянных «масок» вдоль фронтовых дорог, проще говоря, маскированных длинных деревянных заборов, которые позволяли скрытно от немцев перебрасывать по дорогам войска. Но больше всего приходилось заниматься минированием переднего края.

По ночам комвзвода вместе с бойцами выбирался на нейтральную территорию за проволочными заграждениями перед линией наших траншей и оборудовал минные поля. Днем они обычно занимались подготовкой мин к постановке. Из-за недостатка металла в стране корпуса мин делали деревянными. В середине корпуса было отверстие для установки взрывателя с капсюльным детонатором. Дощатые корпуса от времени рассыхались, доски коробило, отверстия сдвигались с нужного места. Всё необходимо было установить в одной плоскости. Этим взвод ежедневно занимался в светлое время суток. Требовалось производить эту операцию при помощи специально подготовленного шаблона взрывателя. Но молодой лейтенант без боевого опыта однажды решил, что можно проверять мины обычными взрывателями. Во время работы один взрыватель самопроизвольно подорвался, когда солдат вставил его в отверстие корпуса мины. Возле мины, а это – пять килограммов аммонита, стояли трое: комвзвода, командир отделения и солдат. Обычно после такого взрыва в земле оставалась глубокая воронка. Стоявшие рядом с миной оцепенели. Но, на их счастье, подрыв взрывателя не вызвал детонацию, корпус деревянной мины

просто развалился на части. Выдохнув, саперы поняли, что смерть прошла рядом с ними.

…И вот она закружила над лейтенантом на деревенской улице. Новая пулеметная очередь из дзота подняла пыль рядом с головой. Надо лежать и ждать! В памяти всплыли события, происходившие перед этим боем.

Стояли светлые июньские ночи, когда комвзвода получил задачу произвести инженерную разведку местности, где готовилась атака стрелкового полка. Вместе с ординарцем, немолодым медлительным солдатом Евтеевым, они расположились на высотке за деревней, которую предстояло отбить у противника. Немцы, скорее всего, ожидали нашего наступления, поэтому на глазах у разведчиков вражеские пехотинцы в касках прошли по улице деревни и факелами подожгли соломенные крыши крестьянских домов. Вскоре вся деревня пылала, и разведку пришлось завершить, потому что за дымом и пламенем больше ничего не было видно.

Следующей ночью в результате атаки стрелкового полка немцы оставили горевшую деревню и ушли за ее западную окраину. Но наши пехотинцы не пошли в деревню, а расположились немного восточнее нее.

Начальник штаба инженерного батальона поставил лейтенанту боевую задачу: выдвинуться со взводом к западной окраине деревни и произвести минирование дороги, проходившей через всю деревню с востока на запад. Лейтенант задачу уяснил и отправился выполнять. Но ни он сам и никто другой из командования не имел точных данных по обстановке, главное – не было известно, где находился противник.

Поздним вечером, когда взвод в походной колонне шел по дороге к догоравшей деревне, рядом со стороны ржаного поля раздалось несколько очередей из «шмайсеров». Неорганизованная стрельба быстро утихла, и саперы вошли в безлюдную деревню. Летние ночи коротки, времени для минирования оставалось мало, поэтому бойцы споро взялись за привычное дело. Винтовки-трехлинейки, чтобы не мешали, сняли и сложили аккуратной кучкой у дороги. Свою короткую СВТ он убрал за спину.

Светало, когда почти все мины были установлены, и тут с окраины деревни немцы начали автоматную и пулеметную стрельбу. Противник все же заметил саперов, принял их за атакующих красноармейцев и открыл заградительный огонь. Лейтенант скомандовал взводу выходить из деревни. Саперы, пригибаясь и прячась за остовами домов, двинулись к восточной окраине. Командир остался один, чтобы еще раз осмотреть участок минирования и убедиться, что все подчиненные вышли

из-под огня. Дорога была пуста.

В этот-то момент по нему с левого фланга обороны немцев из дзота ударила пулеметная очередь. Пока пулеметчик пристреливался, лейтенант плюхнулся боком на землю рядом с дорогой и стал тревожно смотреть, что будет дальше. До руин деревенского дома, где можно укрыться, оставалось метра два. Но обстрел не давал даже головы поднять, не то что выскочить из опасного места. Фонтанчики от пуль вздымались все ближе и ближе, и вдруг их приближение застопорилось в полуметре от лица, как будто уперлось в невидимую линию.

Евгений Дроканов

Лейтенант понял, что оказался в «мертвой зоне», пулеметчику не удается достать до него. Уже хорошо! Но сколько придется здесь пролежать, одному Богу известно. Фонтанчики минута за минутой продолжали взбивать дорожную пыль.

Терпеливый какой враг попался… Впрочем, пулеметчику в

утренних сумерках, видать, удалось разглядеть командирскую фуражку на голове у своей «мишени». Поэтому он старался разделаться с офицером, чтобы потом солдаты разбежались сами.

Пока лейтенант размышлял, стрельба прекратилась. Выстрелов не было секунду, другую, третью… «Должно быть, ленту меняет в пулемете», – промелькнула мысль, а тренированное тело оттолкнулось всею силою от земли и полетело вперед к обугленным стенам. Приземлился на локти, ободрал их, но, не чувствуя боли, скатился в яму, где прежде находился домашний погреб. Из ямы выбрался, укрываясь за обгорелыми стенами, а потом через огороды быстро добежал до околицы.

К своим бойцам подошел сзади, они, словно растревоженные птенцы, нахохлившись, сидели рядом у обочины, прислушивались к продолжавшейся стрельбе и, вытянув шеи, пытались разглядеть, что же происходило в деревне. Появление командира взбодрило, все поднялись, поправили ремни и гимнастерки и молча смотрели на него. Весь взвод как один стоял без оружия.

– Все вышли? – хрипло спросил он.

Командиры отделений дружно ответили:

– Здесь все, кроме Евтеева.

– А он куда делся?

– Так мы думали, что он с вами остался. С остальными не отходил. Мы все вместе двигались, не было его. И не кричал. Может, убило его…

– Не видел я Евтеева. Может, и убило. Жаль человека.

Лейтенант нахмурился. Первая потеря в его взводе. Если только убили, а то ведь, чем черт не шутит, может, и немцам сдался. Странноватый он какой-то был: молчун, боязливый. Все шею втягивал при каждом взрыве. Но идти его сейчас искать – значит погубить кого-то еще. Да где его искать теперь? Если жив, выберется. Днем наши пехотинцы должны остатки деревни занять, подберут. Они своих убитых до сих пор не собрали, тела лежат то здесь, то там.

Но вслух он сказал о другом:

– Где винтовки? Так без оружия и пойдем в расположение, чтобы сразу под трибунал попасть?

В ответ быстро заговорил помкомвзвода:

– Мы, товарищ лейтенант, только вашего разрешения ждали, чтобы походить да собрать оружие у наших убитых пехотинцев.

– Давайте быстро!

Через полчаса взвод строем шагал по дороге в сторону расположения батальона. Командир шел впереди. На плече у него рядом с СВТ висел новый автомат ППШ. Остальные бойцы шли с

винтовками и автоматами.

За спиной один из сержантов сказал:

– Товарищ лейтенант, мы уж было подумали, что срезал вас фриц из пулемета в деревне.

– Меня спасла «мертвая зона», – кратко ответил командир.

Уже рассвело, когда в лучах утреннего солнца он увидел две перевернутые полевые кухни и мертвых лошадей у дороги. Это было то место, где ночью взвод обстреляли немцы, скрывавшиеся в ржаном поле. Впереди, низко склонившись над землей, чем-то занимались несколько солдат. Командир приказал взводу остановиться, а сам пошел вперед, чтобы разобраться, что здесь происходит. Его остановил резкий крик:

– Стой! Куда? Жить надоело?

Он замер, с удивлением глядя на кричавшего военного с петлицами старшины. Тот уже спокойнее произнес:

– Мины!

И показал на торчавшие из земли усики немецкой мины. До них оставался всего шаг. Это были усики от прыгающей мины – «шпринг-мины», как её называли немцы. Мины имели два заряда: первый выбрасывал мину из земли на высоту один метр, второй разрывал мину. Она начинялась маленькими стальными шариками, которые поражали всё на 50 метров вокруг. В том месте на мины наскочили наши кухни, которые везли на передовую солдатский завтрак. Так что, пока взвод минировал под носом у немцев, те минировали в нашем тылу.

«Повезло мне!», – подумал лейтенант и повел дальше свой взвод, выполнивший поставленную боевую задачу.

Конец войны в мае 1945 года гвардии капитан Евгений Николаевич Дроканов встретил на берегу Эльбы в должности адъютанта старшего (начальника штаба) 87-го отдельного гвардейского саперного батальона 75-й гвардейской стрелковой дивизии.

В Советской армии он служил до 1976 года и ушел в запас в звании полковника инженерных войск. Прожил без малого 90 лет. У него выросли два сына, пять внуков и внучек, семь правнуков.

Илья Дроканов

До Берлина оставалось 60 километров…

Дудченко Алексей Иванович (1919–2000)

В первых числах февраля 2016 года минул 71 год со дня завершения Висло-Одерской операции (12 января – 3 февраля 1945 года), одной из крупнейших стратегических операций Второй мировой войны, в результате которой советскими войсками была освобождена почти вся Польша, и они перешли в наступление на Берлин. В этой грандиозной операции участвовали войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 4-го Украинского фронтов, а также 1-й армии Войска Польского.

Не уверен, что мой отец, Дудченко Алексей Иванович, знал тогда название этой операции, но воевал он именно там в должности начальника штаба 1079-го стрелкового полка 312-й Смоленской стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта.

…Батя не любил вспоминать о войне. А рассказать мог бы очень многое, но не хотел. Без сомнения, тяжело ему пришлось, как и сотням тысяч солдат и офицеров, добывать Победу в той страшной войне. Ему повезло – он не видел Аушвиц – Освенцим, который освобождали соседи – войска 1-го Украинского.

Пожалуй, один из немногих эпизодов, о котором отец мне поведал, был связан с цейссовским немецким полевым биноклем, перешедшим ко мне по наследству. Вот что он мне рассказал.

В апреле 1945 года в густом тумане в районе Зееловских высот под Берлином он случайно столкнулся с немецким офицером. Оба они выхватили пистолеты и застыли, буравя глазами друг друга. Стрелять первым никто не решался. Поединок нервов через пару-тройку минут закончился не в пользу немецкого офицера: он сорвал с себя полевую сумку, снял с шеи бинокль и бросился бежать, оглядываясь в ожидании выстрела. Отец решил не стрелять.

Я думаю, если бы он был в числе бойцов и командиров, увидевших последствия зверств фашистов в концлагере Освенцим, он бы, наверное, без сожаления застрелил того обер-лейтенанта на Зееловских высотах…

У моего отца, полагаю, была почти типичная биография для ребят послереволюционного поколения начала 20-х годов. Он, крестьянский парнишка из села Хоружевка Сумской области (Украина), окончил сельскохозяйственный техникум, получил специальность агронома, но любовь к живописи была настолько

сильна (он рисовал с детских лет), что он, наперекор отцу, поступил в Одесский художественный институт. Первый курс закончить не удалось – призвали в армию. Не прошло и двух лет, как началась война.

…В конце июля 1941 года мой будущий отец, командир отделения, принял первый бой под городом Борисовом (Белоруссия), а закончил войну майором – начальником штаба 1079-го стрелкового полка 312-й стрелковой дивизии (1-й Белорусский фронт, командующий – маршал Г. К. Жуков) в Берлине. О том, как отец воевал, свидетельствуют пять боевых орденов (в том числе два – Красного Знамени) и множество медалей, включая польскую – «За Варшаву».

Лейтенант Дудченко после окончания офицерских курсов. Апрель 1942 г.

После смерти отца в 2000 году, разбирая его архив, я нашел

немецкую карту, на которой красным карандашом был отмечен его боевой путь до столицы гитлеровского рейха. Фронтового дневника отец не вел, остались отдельные разрозненные записи, сделанные им уже через много лет после войны. Вот одна из них.

«…1 марта 1944 года в боях за станцию Пустошка (Калининская область) я получил пулевое ранение в голень правой ноги. Ощущение было такое, как будто кто-то ударил по ноге дубиной. Повезло – пуля кость не задела. Отправили в Осташков, в госпиталь. Лечили недолго, и в том же месяце я вернулся в родной полк.

К тому времени наша 312-я стрелковая дивизия была переброшена с Прибалтийского на 1-й Белорусский фронт в состав 69-й армии, находившейся на левом крыле фронта. Дивизия передвигалась по железной дороге из Невеля (через Брянск, Нежин, Киев) на Ковель. Задачей дивизии было участие в операции по завершению освобождения Украины и выход на границу с Польшей. В это время немецкие войска прорвали оборону наших 4-й и 41-й стрелковых дивизий и стремительно продвигались на восток в направлении Турийск – Ковель (Волынская область, Западная Украина).

Форсированным маршем 312-я СД выдвигалась из Ковеля навстречу с противником с задачей остановить продвижение фашистских войск на реке Турья. Времени было крайне мало, назревал встречный бой. Наш стрелковый полк получил задачу выйти на рубеж Вулька – Клюск – Гаруша и занять оборону на высоте 184,6.

Стемнело. Мы приближались к рубежу… Немецкие части пытались остановить наше развертывание, в некоторых местах им удалось переправиться через реку Турья. Едва начали развертываться, как фашисты нас атаковали. Танки и бронетранспортеры шли со включенными фарами, ведя бешеный огонь снарядами и трассирующими пулями. Что-то вроде психической атаки. Наши подразделения оказались довольно в тяжелом положении…

Я тогда был первым (оперативным) помощником начальника штаба полка и двигался впереди вместе с командиром полка полковником Владимиром Лихотвориком (впоследствии Героем Советского Союза). Под огнем противника мы расставляли подразделения батальонов в боевые порядки. Появились первые раненые и убитые. Раненых бойцов санинструкторы перевязывали в темноте…

К тому времени полковая и дивизионная артиллерия заняли свои позиции и открыли огонь по вторым эшелонам противника. Наконец заработали наши минометы и орудия прямой наводки.

Фашисты несли большие потери… Пехоту противника удалось остановить огнем из стрелкового оружия. Подбили несколько фашистских танков. Дальнейшее продвижение врага остановила река Турья, прорвавшиеся группы были выбиты и частично уничтожены. К утру бой затих. Вражеская пехота закрепилась на западном берегу реки.

Наш полк уже имел большой опыт в ведении наступательного боя, поэтому мы сразу начали готовиться к наступлению. Утром провели разведку. Саперы и весь личный состав рот начали подготовку к форсированию реки: набивали сеном плащ-палатки, мастерили плоты…

16 июля 1944 года после мощной артиллерийской подготовки полк перешел в наступление. С боями овладели пригородами Турийска, а затем и самим городком. Потом форсировали Западный Буг. Я с ротой переправлялся вброд. Срикошетивший осколок ударил в грудь и сбил эмаль с ордена Отечественной войны…

20 июля передовой отряд под командованием майора Егорова ворвался в польский город Хелм. В этом бою Егоров и погиб. Погиб также и командир 2-го стрелкового батальона капитан Пьянков. Командир полка приказал мне взять командование батальоном на себя (до назначения комбата). Вместе с батальоном и танковой ротой я начал преследовать отходившего врага и вышел на западную окраину города.

22 июля фашистов наголову разбили, а оставшиеся части стали отступать на Люблин. В дальнейшем территорию Польши мы освобождали вместе с частями Войска Польского, сформированного в Хелме. В этом же первом освобожденном польском городе 23 июля был издан декрет о создании правительства Польской Народной Республики.

…Наш 1079-й полк, подтянув тылы и резервы, получил задачу свернуться в походную колонну и двигаться по шоссе на Люблин. Вместе с соседним 1083-м стрелковым полком мы должны были с ходу захватить город. В передовой отряд был назначен 1-й батальон майора Фроловского, двигавшийся десантом на самоходных установках и танках. Полк шел на Люблин.

Но противник не дремал. Из разрозненных частей фашисты создали ударную группу силой до двух пехотных батальонов и 15 танков, которая сосредоточилась в лесу севернее Каршемки (12 км западнее Хелма) в ожидании выгодного момента для удара по нашему полку. Когда походная колонна полка достигла Каршемки, фашисты нас контратаковали.

Удар они нанесли по колонне резерва, в которой шли две

роты автоматчиков, командный пункт (где были командир полка и я), батарея 45-мм орудий и рота ПТР (противотанковых ружей). Силы были неравны: колонну резерва атаковали два батальона противника при поддержке 15 танков. Наши подразделения заняли оборону по кювету шоссе и вступили в неравный бой…

Командир полка был вынужден ввести в бой роту автоматчиков, которую фашисты быстро рассеяли своим огнем. Батарея 45-мм пушек успела сделать всего несколько выстрелов, и была расстреляна и раздавлена вражескими танками. Положение стало критическим. К тому же ранило командира полка Лихотворика. Он позвал меня и приказал командовать полком. «Контратаку отразить! Не отступать!» – сказал мне комполка слабеющим от потери крови голосом.

Но сложилось так, что 1-й батальон ушел вперед и оторвался от колонны, а 2-й батальон был еще на подходе. Что делать? Я послал связного вернуть передовой батальон майора Фроловского, чтобы он помог нам в отражении контратаки противника. Потом, оценив обстановку, я понял, что мы находимся на невыгодном для обороны рубеже. И приказал всем отойти на высотку в полукилометре от шоссе.

Однако вместо организованного отхода бойцы массово побежали к высотке. Мне пришлось с пистолетом в руке останавливать бегущих солдат…

Наконец подошел 2-й батальон во главе с начштаба батальона капитаном Яценко. Заняли оборону и начали активно отражать контратаку немцев. Подоспели батареи 120-мм минометов, вскоре открывшие огонь по живой силе противника. Огневой бой продолжался до тех пор, пока противник, понеся большие потери, не начал отходить в лес.

…Взрывом снаряда меня контузило, переносили бойцы на носилках. Командир полка был уже в медсанбате. Перевязывали раненых, хоронили убитых.

Потом снова полк построили в колонну и под командованием заместителя комполка майора Быховеца пошли на Люблин. 24 июля, когда мы вошли в Люблин, город в основном был уже освобожден нашими войсками, бои продолжались с небольшими группами немцев, засевшими в зданиях и на некоторых улицах.

В Люблине мы получили долгожданную передышку, пополнили свои боеприпасы и продовольствие, стали готовиться к следующим боям – за Вислу. За которой нас ждала Варшава… За отражение контратаки под Хелмом многие бойцы были награждены орденами и медалями. Командир 1079-го стрелкового полка полковник Лихотворик был удостоен ордена

Александра Невского, меня наградили орденом Боевого Красного Знамени…

Кстати, в наградном листе на капитана Дудченко А. И. от 7.08.44 г., который я отыскал в электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», написано, что отца представляли к ордену Александра Невского, и кратко изложено, за какие заслуги.

«23 июля 1944 года в бою за деревню Каршемка Хелмского уезда Люблинской губернии при выбытии командира полка во время боя проявил инициативу при выборе удачного момента и, несмотря на превосходство сил противника, в результате стремительных действий противник был разгромлен. Оставшиеся не уничтоженные танки противника обращены в бегство».

А свою первую награду – медаль «За отвагу» капитан А. И. Дудченко, адъютант старший 2-го стрелкового батальона 1079-го стрелкового полка 312-й Смоленской стрелковой дивизии заслужил в октябре 1943 года. Вот что написано в его наградном листе:

«18 сентября 1943 года в районе Соловьевской переправы Кардымовского района Смоленской области проявил мужество и отвагу. Для быстрого форсирования реки Днепр т. Дудченко сумел из подручных средств быстро организовать поделку плотов, на которых все подразделения были переправлены вместе с материальной частью на западный берег реки Днепр. При форсировании реки Хмость Кардымовского района Смоленской области 21 сентября 1943 года организовал на подручных средствах переправу всего батальона. Умело организуя управление подразделениями батальона в целом, не знает случаев отрицательных моментов боя.

5 октября 1943 года в бою за деревню Дуньки Роднянского района Смоленской области правильной организацией взаимодействия сумел с малыми потерями занять деревню и нанести большой урон гитлеровцам».

* * *

Дополню скупые записи отца и сведения из наградных листов текстом из его автобиографии.

«…Сломив сопротивление противника под Люблином, дивизия преследовала его и, перейдя во второй эшелон, достигла реки Висла и переправилась на западный берег в районе Пулавы. Далее после прорыва обороны немцев под городом Радом наши

части вели бои на преследование противника. Бои были успешными особенно после введения бронетанковых частей…

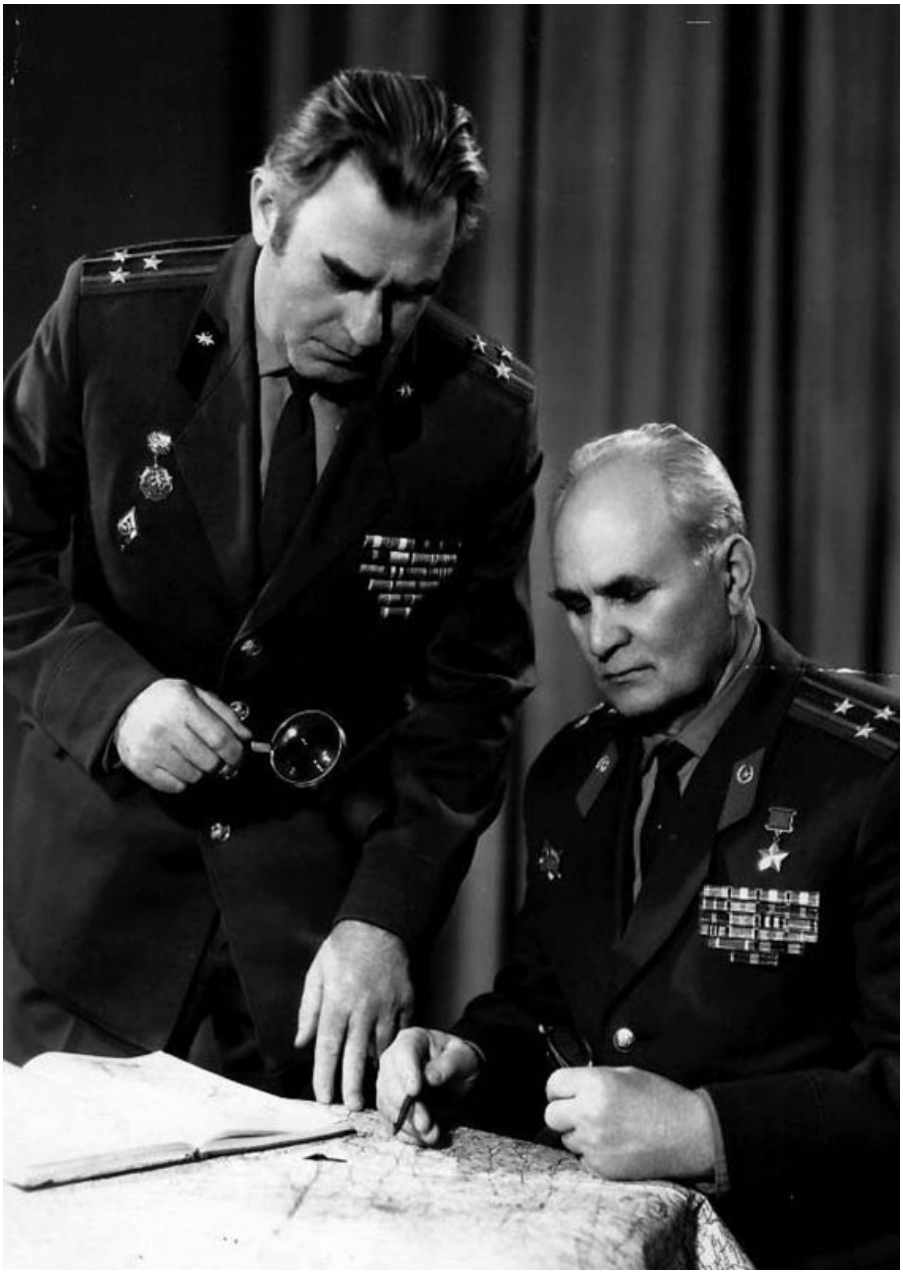
В составе 1079-го стрелкового полка (312-я дивизия) принимал активное участие в разгроме окруженных войск противника в городе Познань, где приобрел опыт в организации и ведении боев за крупный населенный пункт на внутреннем его обводе и в центре. За бои в городе Познань я был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Майор Алексей Иванович Дудченко. Берлин. 1945 г.

…Без сомнения, мой отец был везучим человеком. За всю

войну – одно легкое ранение и контузия и боевой путь до столицы рейха в составе одного и того же 1079-го стрелкового полка, которым командовал полковник Владимир Степанович Лихотворик. Он, кадровый офицер (в РККА с 1928 года), особенно отличился во время проведения Висло-Одерской операции. 28 января 1945 года во время боев за Познань полк Лихотворика, обойдя вражеские позиции, захватил 2 форта и 15 городских кварталов. 2 февраля 1945 года 1079-й полк переправился через Варту и захватил плацдарм на ее западном берегу, с которого затем дивизия начала наступление к Одеру.

24 марта 1945 года за умелое командование полком, образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецкими захватчиками полковник Владимир Лихотворик был удостоен звания Героя Советского Союза.



Полковник А. И. Дудченко (слева) и его фронтовой командир Герой Советского Союза полковник В. С. Лихотворик

После овладения городом Познань дивизия перешла в преследование противника в направлении города Франкфурта-на-Одере.

До Берлина оставалось каких-то 60 километров…

Владимир Дудченко, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области,
подполковник в отставке

На нас обрушился шквал огня!

Гречанюк (Дудченко) Валентина (1921–1999)

Моя мама, как многие фронтовики, не любила вспоминать о войне и, к сожалению, не оставила никаких записей. Разбирая домашний архив, я случайно нашел рукописный черновик – письмо в какую-то газету, в котором она очень скупо поделилась своими воспоминаниями.

Из воспоминаний моей мамы, военфельдшера:

«…Война застала меня на ночном дежурстве в городе Кодым Одесской области, в лазарете 80-го (Рыбницкого) укрепрайона, где я работала вольнонаемным медработником. Неразбериха была ужасная, а через месяц нас начали бомбить, и состоялось мое боевое крещение… Вскоре, в сентябре 1941 года, из войск укрепрайона была сформирована 296-я стрелковая дивизия, меня призвали в армию и зачислили в 335-й медсанбат на должность старшей терапевтической медсестры. Командиром дивизии был назначен Александр Иванович Рыжов, комендант нашего укрепрайона.

Наша дивизия отступала. Оставили Кодыму, Балту, Первомайск… Под мощным натиском фашистов уходили в направлении Николаева, Херсона, с боями оставили Шахты, Дебальцево и Горловку… Кое-где дивизия пыталась обороняться, но атаки противника сминали нашу оборону. Раненых было очень много, мы оказывали им первую помощь, обрабатывали раны, тяжелых отправляли в госпиталь. Отступали с очень большими потерями…

Оборонительные бои продолжались долго. Казалось, мы обречены на то, чтобы отступать и отступать… Непролазная грязь, холод, постоянная нехватка медикаментов, бинтов и всего остального. Несчастные наши раненые солдатики! Как они страдают! А ведь из обезболивающих средств – только спирт, и то не всегда…

Вот так, отступая, встретили 1942 год. К весне вышли к Северному Донцу…

296-я стрелковая дивизия с 3-й танковой бригадой, которая должна была переправиться на правый берег реки Северный Донец и усилить части 51-й стрелковой и 30-й кавалерийской дивизий в районе Студенок, этой задачи 18 мая не выполнила. Войска, занимавшие плацдарм на правом берегу Северного Донца в районе Студенок, к 9 часам 19 мая под давлением противника

отошли на левый берег реки.

К исходу 19 мая остатки войск 9-й армии отошли на левый берег Северного Донца, где и заняли оборону…

Валентина Дудченко (справа) – лейтенант медслужбы с подругой. 1943 г.

На Северном Донце дивизия и, соответственно, 335-й медсанбат были расформированы, и нас отправили сначала в

Тбилиси, а затем – в Баку, где меня назначили фельдшером 165-й стрелковой бригады.

Бригада была направлена под Туапсе, в горы Лысая и Два Брата, где и заняла оборонительные рубежи. Нам, медикам, расположившимся внизу, в долине, было безумно тяжело доставлять раненых с гор. Тащили их на ишаках по канатам, к которым привязывали носилки, и спускали вниз… А фашисты с самолетов на малой высоте бомбили и обстреливали нас из пулеметов. И Красный Крест их не останавливал.

Позже по приказу командования наша бригада была переброшена в другое место. Ехали поездом в теплушках, потом загрузились на суда и прибыли в Геленджик. Там и узнали о высадке десанта 8-й бригады Цезаря Куникова. Уже тогда о морских пехотинцах майора Куникова (удостоенного звания Героя Советского Союза посмертно) ходили легенды, рассказывали о морпехах, бесстрашно в разорванных тельняшка ходивших в атаку на врага.

Наша бригада была третьим или четвертым подкреплением, высадившимся на завоеванный клочок земли. Помню, как наши ребята бились за школу и кладбище, несколько раз переходивших из рук в руки… Раненых бойцов вытаскивали с поля боя и в ночное время на баржах и катерах доставляли в Геленджик.

Моя будущая мама Валентина Дудченко (Гречанюк). 1945 г.

Однажды мне в составе группы медиков вместе с комиссаром бригады майором Солодовниченко пришлось побывать на передовой: надо было проверить, как питаются бойцы и не страдают ли педикулезом. В группе было восемь человек. Пробирались на передовую ночью. Фашисты время от времени стреляли осветительными ракетами и засекли нашу группу.

На нас обрушился шквал огня. Стали перебираться ползком, от воронки к воронке… Свистели пули, шипели осколки

снарядов, взрывавшихся то сзади, то перед нами… Едва слышали приказ комиссара «Вперед!». Добрались живыми и невредимыми. Несколько дней, выполняя свою задачу, находились на переднем крае. И не раз со стороны фашистов доносилось: «Рус, сдавайся! А не то буль-буль!»

Они думали, что мы не устоим на этом маленьком клочке земли, политом кровью наших ребят. Устояли, удержали «Малую землю», а затем погнали фашистов из Новороссийска, несмотря на мощные укрепления и бункера с подземными переходами из дома в дом…

Как наяву вижу освобожденный Новороссийск, разрушенные дома, обожженные стволы деревьев… И запах гари, преследовавший везде, где бы мы не находились. Рыдающие жители в рваной одежде бросались к нам в объятия…

Война для меня, лейтенанта медслужбы, закончилась на Зееловских высотах на подступах к Берлину…»

P. S. Мои тогда еще будущие родители, мама – Валентина Гречанюк и отец – Алексей Дудченко познакомились в Берлине в победном 1945 году. Полюбили друг друга и в начале 1946 года в Карлсхорсте, где располагалась советская военная администрация в Германии, зарегистрировали свой брак. Больше они не расставались…

Владимир Дудченко, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области,
подполковник в отставке

Стрелок Ваня

Ранним утром 27 августа 1942 года сторожевой корабль «Дежнев» у острова Диксон, мимо которого проходил легендарный Северный морской путь, вступил в неравный бой с гитлеровским «карманным линкором» «Адмирал Шеер», грозным и беспощадным соперником («карманный линкор» – ироническая классификация кораблей, придуманная британской прессой). «Адмирал Шеер» наделал много шума, принимая участие в июльском разгроме каравана PQ-17, а накануне потопив ледокол «Адмирал Сибиряков». …По сигналу боевой тревоги, поступившему с берега, сторожевик «Дежнев» отошел от причала. Прошло несколько минут, и фашистский рейдер открыл огонь по судам и поселку. Двадцати орудиям калибром от 105 до 280 миллиметров вражеского броненосца защитники Диксона могли противопоставить лишь две 152-миллиметровые гаубицы береговой батареи да артиллерию «Дежнева», но, несмотря на неравные силы, североморцы смело вступили в бой. Не ожидавший сопротивления фашистский корабль, получив несколько прямых попаданий, поставил дымовую завесу, повернул на обратный курс и скрылся.

Иван Семенович Дитятев

В этом бою принимал участие и мой дед, Дитятев Иван Семёнович, а тогда просто стрелок Ваня, которому только в июле исполнилось 17. Небольшое судно, на котором он находился, было потоплено. Дед оказался счастливчиком: ему удалось зацепиться за какое-то бревно. Спустя 15 минут – критическое время для пребывания человека в ледяной воде – его прибило к берегу. Так в один день ему дважды повезло выжить. Об этих событиях я узнала из зеленой школьной тетрадки, которая

осталась у меня на память о деде.

Записи, сделанные его рукой, – часть черновых набросков из письма, которое он писал журналисту, автору книг и телевизионных передач о героях Великой Отечественной войны Сергею Сергеевичу Смирнову. Именно Смирнову мы должны быть благодарны за появление в 1965 году праздника Победы, за память о героях Брестской крепости. Он хотел написать книгу о бесчинствах «Шеера», о защитниках Диксона, мечтал побывать там. До Диксона Сергей Сергеевич не добрался. Его организм уже подтачивала болезнь, та самая, что много позже взяла верх и над моим дедом. В конце жизни он сделал передачу, в которой рассказывал о событиях в Карском море в августе 42-го. И попросил телезрителей – участников тех сражений поделиться с ним воспоминаниями.

И дедушка Ваня, который не так уж часто обращался к эпистолярному жанру, на этот раз подробно описал бой, с которого я начала свой рассказ. К сожалению, копии письма не осталось, поэтому в рассказе могут быть неточности. Это то, каким осталось в моей памяти повествование о холодном августе 42-го.

На момент описываемых событий мой дедушка уже не был новичком в военной службе. Иван Семёнович Дитятев – один из тех юношей-добровольцев, которым возраст не был помехой в желании защитить свою Родину от фашизма. В июле 1941-го ему исполнилось 16 лет, но он, приписав себе на призывном пункте пару лет, был зачислен стрелком в отдельную местную стрелковую роту Новоземельской военно-морской базы города Белушья Губа. Сохранился военный билет с датой зачисления – 13 августа 1941 года.

К суровому климату привыкать не пришлось. Дедушка был местным – родился в маленькой деревне Тошвиске Нижне-Печерского района Архангельской области.

Следующая отметка в военном билете говорит о том, что в 1943 году Иван Семенович служил на тральщике. Потом, уже в звании зенитного комендора, – на вспомогательном буксире А43. И тут же в памяти всплывают фотографии из семейного альбома, где дед в бескозырке, матроске и невероятных клешах гордо смотрит в объектив.

Когда я спрашивала его, как он стал матросом, отвечал, что победил в отборе. «Без объяснения причин нас позвали в штаб. В центре комнаты стоял вращающийся стул. Мы садились на него, нас с силой закручивали. Тех, кому удавалось удержаться и не упасть, зачисляли в моряки. У меня нога поднялась выше уха, но я удержался» – так рассказывал он о смене воинской

квалификации.

Война для Ивана Семеновича закончилась 9 мая 1945 года, а военная служба продлилась еще на четыре года, до 1949-го на Молотовской базе законсервированных кораблей. Несмотря на то что он был на службе восемь лет, неоднократно участвовал в сражениях, дедушка не получил ни одного ранения. Он был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени и другими наградами. Но больше всего ценил те, которые вручались во время Великой Отечественной. Их и надевал на парад 9 Мая.

После войны он осел в селе Великовисочном (сегодня это Заполярный район Ненецкого автономного округа), стал председателем сельского совета и женился на учительнице истории и географии Валентине Евграфовне Гуниной. У них родились двое детей – старший Сергей и младший Андрей, мой отец. На Севере он также занимал посты председателя колхоза имени Ленина села Великовисочного, директора Нарьянмарского мясомолкомбината. Много сделал для тех мест. В нем было то, что называют хозяйственностью, а теперь – деловой хваткой. Он купил для колхоза корабль, на котором зимой, в отсутствие работы и дохода, местные мужики ловили рыбу и зарабатывали. Кстати, говорят, этот корабль сохранился до сих пор. По его инициативе был построен клуб, пешеходный мост, да и вообще он многое сделал для благоустройства села. И еще при жизни стал почетным гражданином Нарьян-Мара. Память о нем сохранилась на долгие годы. В 1961 году он переехал в Липецк, а в девяностых земляки включили его от своего края в список «Лучших людей России».

То, почему и как он переехал в Липецк, заслуживает отдельного рассказа. Лишь кратко скажу, что он приехал в никуда и начал свою биографию с нуля. Это была чистейшей воды авантюра. Устроился на Липецкий тракторный завод учеником токаря, построил небольшой домик, перевез семью. В 1963 году устроился на Липецкий станкостроительный завод, где и проработал до выхода на пенсию в 1986 году. Его творческая и инициативная натура постоянно жаждала выхода, и дедушка с неукротимой энергией пробовал себя в разных сферах. Он неоднократно получал награды на заводе за рацпредложения, основал в Липецке Добровольное общество кролиководов, долгое время был его председателем, построил дачу.

О войне рассказывать не любил, а если делился чем-нибудь из прошлого, то непременно этот рассказ сопровождался изрядной долей юмора. И всегда в нем был какой-нибудь тайный

смысл, вневременной подтекст, обращенный к нам, детям и внукам.

Однажды он рассказал, как ходил в атаку. На Новой Земле, на пригорке, немцы развернули авиабазу. Иван Дитятев вошел в состав группы, которую направили на ее захват. «Зима, бежишь под горку, вся сторона простреливается. Пошли в атаку, и вдруг из самолетов немцы открыли пулеметный огонь. В это время мы начали подниматься наверх и оказались вне зоны обстрела, в «мертвой зоне», нас пули не достали. Тех, кто был в задних рядах – всех расстреляли. Повезло, что атаковал в первых рядах», – говорил он, опровергая этим случаем все законы логики, но подтверждая существование Судьбы. Он умер в апреле 1992 года. Ему было всего 67. Он умер от неизлечимой болезни, внезапно сжигающей даже самый здоровый организм. Короткая и яркая жизнь, биография, достойная быть частью «Бессмертного полка».

Алина Огнева

Военный путь мотоциклиста

Боевой и трудовой путь Виктора Алексеевича Кораблева был интересным и трудным. В биографической справке сказано, что он родился 13 декабря 1917 г. в городе Дмитрове Московской области. После окончания семи классов окончил школу мастеров социалистического труда. В начале июля 1941 года Виктор Алексеевич добровольно вступил в народное ополчение в составе 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района Москвы, участвовал в боях на р. Днепре, под Москвой, в Калужской и Брянской областях, на Орловско-Курской дуге, за освобождение Белоруссии и Прибалтики. Связист-разведчик, он был награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды. С 1940 г. он работал в училище (сейчас ГБПОУ МО Индустриально-промышленный техникум) мастером производственного обучения.

Из воспоминаний сотрудников техникума: «Учащиеся обожали этого человека. Не у всех ребят были полные семьи, у некоторых не было отцов, и Кораблев помогал им мужским вниманием и заботой. Принципиальность, честность, ответственность были характерными чертами этого человека».

Виктор Алексеевич прекрасно водил мотоцикл, и его в самом начале войны определили в моторазведку. В народном музее боевой и трудовой славы «Индустриально-промышленный техникум» хранятся вы резки из газет. В одной из таких вырезок в газете «Путь Ильича» содержится заметка Н. Федорова под названием «Отступать было некуда». Выдержку из этой заметки я привожу здесь: «Силы в сорок первом были неравны, и обстановка часто и неожиданно менялась. Едешь иной раз на передовую за сбором информации и вдруг обнаруживаешь, что это уже фашистские тылы. Подразделения двигались в основном ночью, ибо днем немцы на бреющем полете расстреливали все живое. Красная армия отступала к Москве, ценой больших потерь выигрывая время для будущей победы».

Виктор Алексеевич Кораблев

Виктор Алексеевич в то грозное время задерживал немецкие войска под Ново-Петровском в составе 18-й дивизии народного ополчения. Под натиском врага войскам пришлось отступить к деревне Крюково: «Шли мы дорогами: кругом рвы, противотанковые ежи и горы разбитой фашистской техники. И хотя вся наша земля была изранена и многие товарищи пали, защищая столицу, при виде этого зрелища радостнее становилось на душе: первая большая победа над врагом». Тогда Виктор

Алексеевич получил свою первую награду – медаль «За отвагу».

Виктор Алексеевич еще не раз на войне проявлял свою смелость и мужество, на своем мотоцикле он вывозил раненых связистов под угрозой смерти. Об одном из таких моментов сохранились воспоминания самого Виктора Алексеевича в заметке «Отступать было некуда»: «До цели метров двести. Немного, но место открытое, хорошо просматривается и простреливается. Приказ: вывезти раненых связистов. Мне говорят, что дальше нельзя, а я дал газу, выскочил на бугор – и вперед. Немцы такого не ожидали. Повторил маневр – ничего. А когда понесся за вторым, тут уже фашисты, почуяв неладное, со страху открыли огонь из пушек».

После окончания войны Виктор Алексеевич отработал в училище (сейчас техникум) более сорока лет, за это время он воспитал множество молодых рабочих кадров, для многих из них он стал близким человеком. Учащиеся доверяли ему и уважали. С теплом вспоминают о нем сотрудники техникума и с горечью говорят о его кончине.

Каждый год сотрудники и учащиеся нашего техникума принимают участие в акции «Бессмертный полк», которая традиционно проводится 9 мая. В этом году ребята вышли на площадь города Дмитрова с фотографиями своих дедов и прадедов, участвовавших в Великой Отечественной войне. Сотрудники техникума несли в руках таблички с фотографиями бывших работников техникума и своих родных – участников Великой Отечественной войны. Мне как заведующему музеем ГБПОУ МО «Индустриально-промышленный техникум» выпала честь нести фотографию Виктора Алексеевича Кораблева. Именно о нем – об этом прекрасном человеке, замечательном мастере своего дела и защитнике Родины я собрала и подготовила материал для печати.

Людмила Сергеевна Сергеева

Встреча на Курской дуге

Спасёнов Фёдор Степанович родился 3 декабря 1918 года на Украине, в селе Солдатское Сумской области. Братьев и сестёр у него было много, но в живых осталось только трое, остальные умерли во время голода.

Фёдор Степанович Спасенов

В 1920-30-х годах, когда голод охватил юго-восток Украины, многие родители от отчаяния оставляли своих детей прямо на улице в надежде, что кто-нибудь возьмёт их в свой дом и спасёт от голодной смерти. Так случилось и с моим дедом и его младшей сестрой. Его родители от голода уже не могли ходить, и дед, будучи совсем мальчишкой, отправился на поиски пищи. Его не было 3 дня. Родители уже решили, что он пошёл на поле за колосками и был убит (поля строго охранялись, расстрелы случались постоянно). Но сын вернулся с нехитрым провиантом. Эта горстка зерна стала спасением. В тот момент, наверное, мать и решила оставить детей на вокзале для их же блага Но по дороге домой опомнилась и вернулась за ними Но детей уже не было. Так они потерялись на несколько лет.

Мой дед с сестрой оказались в городе Харькове. Выросли. Дед устроился на железную дорогу которая в те годы была под командованием железнодорожных войск.

Однажды обходя пути, он увидел мужчину, который лежал на земле, свернувшись от холода. Дед решил помочь несчастному, подошёл к нему, тронул за плечо. Невероятно, но это был его отец! Волею судьбы тот тоже оказался в Харькове и устроился работать на железную дорогу. Так они нашлись, вся семья воссоединилась.

Служить в армии дед попал в пограничные войска в г. Кандалакшу. Воевал во время советско-финской войны. А когда пришло время демобилизоваться, началась Великая Отечественная. Так мой дед прожил несколько лет, не расставаясь с оружием и военной формой. Воевал в миномётной батарее. Участвовал в сражении на Курской дуге.

В это трудно поверить, но родители моего деда смогли увидеть сына во время Курской битвы. Из его писем они узнали, что сын находится недалеко от них, и решили найти его. Пешком преодолели три сотни километров. Как они смогли добраться туда и обратно невредимыми – это загадка. Но они нашли сына и увиделись с ним.

Мой дед прошёл всю войну, дошёл до Берлина. Имел награды:

****

МЕДАЛЬ «ЗА ОТВАГУ»
ПРИКАЗ № 35/Н
Президиума Верховного Совета Союза ССР 278-й Стрелковый

Ревдинский полк, 175-я Стрелковая Уральская дивизия От 23.10 1943 г.

Командир отделения батареи 120-мм миномётов младший сержант Спасёнов Фёдор Степанович в боях южнее Гомеля своим расчётом уничтожил дзот, станковый пулемёт и 20 солдат противника.

****

МЕДАЛЬ «ЗА ОТВАГУ»
ПРИКАЗ № 58/Н
Президиума Верховного Совета Союза ССР
278-й стрелковый Ревдинский полк,
175-я стрелковая Уральская дивизия,
47-я армия Белорусского фронта
От 5 апреля 1944 г.

27.03.1944 в бою за город КОВЕЛЬ расчёт командира расчёта 120-мм миномётов, сержанта СПАСЁНОВА Ф. С. уничтожил два станковых пулемёта и до 12 солдат противника.

****

ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ
ПРИКАЗ № 0132/Н
Президиума Верховного Совета Союза ССР
1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
175-я УРАЛЬСКО-КОВЕЛЬСКАЯ ДИВИЗИЯ
от 5 октября 1944 г.

Сержант Спасёнов Фёдор Степанович, командир миномётного расчёта батареи 120-мм миномётов 278-го стрелкового Ревдинского полка, в боях за станцию Анин, Мензилесие, Вавер, города Прага с 11 по 15 сентября 1944 г. огнём из своего миномёта уничтожил один ручной пулемёт противника и 8 солдат противника, чем обеспечил продвижение нашей пехоты и выполнение поставленной задачи командования. Огнём из своего миномёта подавил огонь взвода 81-мм миномётов противника, один из них разбил прямым попаданием своей мины, что способствовало успешному продвижению пехоты и выполнению задачи командования. При отходе противника в районе железной дороги при поддержке пехоты своим огнём уничтожил 5 солдат противника.

****

Как отличнику штыкового боя ему также был презентован немецкий мотоцикл.

Их часть ещё 2 года стояла в Германии. Затем в 1947 году их перевели в Пятигорск.

В том же году он познакомился с моей бабушкой, они поженились, и началась его гражданская жизнь в селе Юца, где дед работал бригадиром в колхозе.

К сожалению, долгой его жизнь не была. Пройдя две войны, став победителем, он умер от сердечного приступа в 1969 году в возрасте 50 лет.

Инна Евгеньевна Спасенова

«Время собирать камни»

Шервуд Алексей Александрович (1906–1980)

Годами государственная политика была направлена на то, чтобы стереть из памяти народной его прошлое. Провозглашённая «диктатура пролетариата» и карательная система страны не только допускала, но и проводила «чистки» по сословному признаку. Страшась за своих детей и внуков, дореволюционное поколение, особенно из стана побеждённых, почти ничего или очень скудно, намёками раскрывало своё прошлое. Даже участие в Великой войне 1914 г. было преступлением и тщательно скрывалось, хотя выполнение воинского долга веками считалось почётной обязанностью гражданина любой страны. В нашем «зазеркалье» общечеловеческие ценности и понятия постоянно меняются в зависимости от политической конъюнктуры и «текущего момента». День Победы, 9 мая, официально стали праздновать только с 1965 года. Многолетние пафосные речи с трибун и статьи в газетах приучили не доверять официальным мероприятиям и относиться к ним с подозрением и настороженностью, но акция «Бессмертный полк», впервые стихийно возникшая по инициативе ветеранов города Томска и широко подхваченная не только в нашей стране, но и по всему миру, породила надежду на то, что «время разбрасывать камни» прошло… Даже в очерствевших душах чиновников что-то всколыхнулось, и они вышли с портретами своих родных в одних колоннах с согражданами. Правда, значительно ценнее было бы наконец осуществить принятые законы о поддержке ветеранов Великой Отечественной войны. Сколько их ещё осталось?! Самым младшим, призыва 1945 года (1927 г. рождения), сейчас уже 89 лет. Возникают неудобные вопросы. Желание что-либо сделать и прекратить разговоры на эту тему, которые возникают каждый год к очередному Дню Победы, не просматривается даже через розовые очки! Слава Богу, проблемы сиюминутные, в которых мы погрязли, уже не касаются тех, кто ушёл в мир, «где нет ни болезней, ни печали, а только жизнь бесконечная…». О них позаботится самый милосердный и справедливый владыка «душ и животов наших»…

Мне посчастливилось родиться и расти среди многочисленной родни, образованнейших и интереснейших людей, несущих в себе культуру XIX века. На долю поколения «детей страшных лет России» выпали такие испытания, что

Великая Отечественная война была лишь очередной вехой в череде революций, Гражданской войны, голода, коллективизации, репрессий…

Из тринадцати человек моих родственников, ушедших на фронт, только трое были кадровыми военными, остальные – люди мирных профессий. Десять человек работали на оборонных заводах. Трое умерли от голода в блокадном Ленинграде.

С любовью и нежностью вспоминаю всех! О ком-то знаю больше, о ком-то меньше. Воинский и гражданский долг все выполнили с честью. Награждены многими орденами и медалями. Кто достоин того, чтобы их портреты пронесли в «Бессмертном полку»? Выбрать невозможно! Однако само название акции, по моему мнению, предполагает возможность ещё раз вспомнить и отдать дань уважения и благодарности людям воевавшим.

Человеком, который воплотил для меня высокое понятие «Защитник Отечества», стал мой свёкор, Шервуд Алексей Александрович (1906–1980 гг.). Он прошёл три войны и вышел в отставку в чине генерал-майора, с должности начальника связи Забайкальского военного округа.

Алексей Александрович родился в Москве в семье архитектора, Александра Владимировича Шервуда, автора известного замка «Ласточкино гнездо» в Крыму. Его дед, Владимир Осипович Шервуд, академик живописи, – автор Исторического музея на Красной площади в Москве, памятника героям Плевны и др.

Алексей Александрович рано осиротел. Его родители скончались от тифа в голодные годы разрухи и Гражданской войны. В 14 лет пошёл работать на кожевенный комбинат. Безумно уставал, голодал… Просоленные шкуры были неподъёмны для изнурённого подростка, руки не заживали от язв… Закончил курсы кожевенников и был направлен в Омск, где его призвали в армию. С этого времени вся его дальнейшая жизнь связана с Забайкальским военным округом.

Это был человек удивительного обаяния! Худощавый, подтянутый, безукоризненно аккуратный, доброжелательный, открытый, с большим чувством юмора! У него был особый дар любить и дарить людям тепло. Человек большой внутренней силы и мужества, которое не изменило ему до конца дней (он ушёл из жизни от самого страшного вида онкологии – рака лёгких…).

Алексей Александрович Шервуд

Немалую роль в моей симпатии сыграл тот факт, что не только внутренним миром, складом характера, но даже внешне он был удивительно похож на моего папу. У меня в квартире рядом висят две фотографии – моего отца, Г. А. Тольского, профессора Лесотехнической академии, и Алексея Александровича. Мои институтские друзья были озадачены: «Никогда не знали, что твой отец был генералом!..»

Алексей Александрович на чал войну в чине капитана, на

должности начальника связи 108-й танковой Сибирской дивизии, в дальнейшем вошедшей в 1-ю танковую армию и затем – в 6-ю гвардейскую танковую армию, в которой прослужил до окончания войны в Харбине, на должности начальника связи в чине гвардии полковника. Участвовал в самых кровопролитных сражениях: под Москвой (1941–1942 гг.); под Прохоровкой (Курская дуга) в знаменитом танковом сражении; в Корсунь-Шевченковской операции; Яссо-Кишинёвской операции в Румынии; Дебреценской операции в Венгрии; Будапештской операции; в тяжелейших боях за озеро Балатон, освобождении Праги; Маньчжурской операции против Квантунской группировки (теперь незаслуженно забытой).

Награждён двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова II степени; медалями «За Отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги»; медалями и орденами иностранных государств. Из рук Чойбалсана (МНР) получил медаль «За победу над Японией». Был награждён знаком «Почётный радист СССР», который очень ценил, и обижался, если мы, не дай Бог, забывали его поздравить с Днём радио!

Его парадный мундир со всеми наградами было тяжело поднять!

Моя дочь, внучка Алексея Александровича, к конкурсу по случаю Дня Победы написала стихи. В них есть четверостишие:

Я не жила в войну, мой дед был генералом.
Я помню китель, как иконостас…
Он говорил не много и о малом,
Частица правды лишь дошла до нас…

Алексей Александрович вышел в отставку в 1964 году, был полон сил и энергии. В Твери (Калинине), городе, который он выбрал местом жительства, возглавил совет ветеранов ВОВ. Много и охотно выступал перед молодёжью в школах, клубах, на заводах…

Купил машину, получил права, изъездил всю округу и с удовольствием путешествовал с нами по стране.

Вёл активную переписку со своими однополчанами, ежегодно, в День Победы, встречался с ними в Москве. В составе делегации ветеранов посетил места боёв в Венгрии, Чехословакии и т. д.

Увлёкся фотографией и собрал большую библиотеку.

В дни семейных праздников у них в доме собиралось

огромное количество родных, друзей, однополчан из разных городов России. Столы составлялись буквой «П», суетились и хлопотали жена, Анна Ионовна (прекрасная хозяйка), дочь Нина, остальные помогали кто чем мог! Было «шумно, весело и тесно»… Алексей Александрович сидел во главе стола с неизменной папиросой в руке, рядом – хрустальная пепельница, шутил, балагурил. Всё внимание было сосредоточено на нём! Это был центр маленькой вселенной!

После смерти Алексея Александровича Анна Ионов на сетовала: «Вот Лёши не стало, и никто к нам не приезжает…»

Как все прошедшие войну, кровь, страдания, гибель и смерть однополчан, он никогда не рассказывал о её трагической стороне. Обычно вспоминал курьёзные случаи. Лишь однажды ему изменила выдержка. Мы ехали на машинах отдыхать в Крым и проезжали места боёв под Прохоровкой (Курская дуга). Он выскочил из машины и со слезами на глазах бегом бросился к постаменту, где стоял танк, чтобы сфотографироваться на его фоне.

Некоторые из рассказов Алексея Александровича помню.

По дороге идёт многокилометровая колонна войск. Солдат трясётся на лошадёнке, везёт снаряды и решает обогнать идущие войска. Съезжает на обочину и… подрывается на мине. Разметало полколонны, а дурака-возчика отбросило взрывной волной, он воткнулся вниз головой в стог сена и остался целёхонек!..

Несколько танков вырвались вперёд и внезапно очутились в городке, занятом немцами. Не снижая скорости, вылетели на площадь и на ходу начали стрелять во все стороны! Среди немцев поднялась паника. Они решили, что неожиданно началось наступление и что это передовой отряд русских!..

Проезжали через село, где была большая птицеферма. Танкисты заставили крыши танков ящиками с яйцами. Начался артобстрел, и танки пришли к пункту дислокации все в яичных подтёках!..

Пехотинцы во время атаки любили пристроиться на броню танка. Выигрывали и танкисты, и пехотинцы: у танкистов появлялись дополнительные «глаза», а пехотинцы чувствовали себя в большей безопасности!..

Когда собирались выпивать со своим заместителем, то выпускали огромную кавказскую овчарку, чтобы комиссар полка не смог незаметно подойти…

В последнее время стали появляться публикации, что якобы во время войны не было заградотрядов, карательных батальонов и

т. п.

Были! И Смерш, и военная прокуратура, и особые отделы, и проверка бойцов, вышедших из окружения, и комиссары, и заградотряды, и фильтрационные пункты… Об этом не принято вспоминать, а те, кто служил в карательных органах, не пишут воспоминаний…

До сих пор с содроганием вспоминаю рассказ о том, как в Маньчжурии к ним привели пленного японца-самурая, который во время допроса откусил себе язык и выплюнул на стол допрашивающим…

Алексей Александрович с большой теплотой и любовью вспоминал своего ординарца, служившего у него и после окончания войны, Петра Пастушенко. Это был ловкий, хозяйственный и расторопный парень, обожавший своего командира! Он умел найти выход из любого положения! Во время переброски дивизии в 1945 году с Западного фронта на Дальний Восток, в Маньчжурию, которое проводилось в условиях строжайшей секретности, состав проходил мимо Омска, где жила семья Алексея Александровича, и Пётр сумел каким-то образом передать посылочку. О получении посылки писать побоялись и послали фотографию, где дочь Нина снята так, что на руке видны часики, которые он передал…

Во время войны было запрещено на фронте вести дневники, но давали ли высшие офицеры какую-то подписку о неразглашении военных действий после окончания войны – не знаю. Однако, по поведению Алексея Александровича, вполне возможно.

Только в 70-е годы по нашей просьбе Алексей Александрович начал писать воспоминания. Подробно описал начало войны, переброску Сибирской дивизии на Западный фронт, бои под Москвой, окружения, неразбериху, несогласованность действий разных родов войск, в результате – большие потери людей и техники.

Бой под Москвой. Из-за отсутствия на передающей станции шифровальщика до командира дивизии, где Алексей Александрович был начальником связи, не дошёл приказ о переносе срока наступления. В результате наступление началось на три дня раньше без артподготовки и без поддержки другими родами войск. Дивизия потеряла почти все колёсные машины и танки. Военная прокуратура объявила виновниками А. А. Шервуда и командующего артиллерией Н. Ф. Селеткова. Им грозил расстрел. Успел их спасти командир дивизии. Увидев их в штабе дивизии, спросил:

– А вы что здесь делаете?

– Да арестовали нас и хотят расстрелять!

– Идите отсюда «ко всем известной» матери! Возвращайтесь в свою часть!

Трудно выходили из окружения (в котле под Москвой оказалось 5 армий, около 600 тысяч попали в окружение). Отходили по бездорожью по ночам в сторону Тулы, взрывая за собой мосты. Алексей Александрович ехал замыкающим и давал сапёрам сигнал к взрыву. Взрывали тогда, когда немецкие танки входили на мост…

Алексею Александровичу пришлось выехать днём: нужно было срочно отправить одну радиостанцию командиру дивизии. Выехали в поле, и сейчас же на них напали 6 «юнкерсов». Машину бросили на дороге, а сами бегали по полю как зайцы! Немцы ничего с ними поделать не смогли, подлетели к машине и всю её засыпали листовками! Видимо, у них не осталось боеприпасов…

В Тулу прибывали отходящие части с огромными потерями (до 70 % личного состава). Измотанные, израненные люди направлялись в фильтрационные пункты для проверки их лояльности.

Алексей Александрович Шервуд

О дальнейших событиях Алексей Александрович оставил заметки с небольшими комментариями. Они охватывают весь период войны и путь 6-й гвардейской танковой дивизии от Курской битвы до боев в Маньчжурии и победы над Японией.

По его записям я составила перечень основных сражений, освобождённых городов и лиц, о которых он упоминает. Кое-кого мне удалось идентифицировать по энциклопедиям, по мемуарам разных авторов. Можно было бы восстановить и все заметки, но я

решила этого не делать. О войне написано много. Это было бы ещё одно бесстрастное описание. В нём не было бы личной боли, личных впечатлений и переживаний.

Официальные сведения об А. А. Шервуде можно узнать на сайте http://podvignaroda.mil.ru/, в Артиллерийском музее в Петербурге на стенде, посвящённом 6-й танковой дивизии, на сайте архива Вооружённых сил (Подольск).

Мне жаль, что нет у меня писательского дара и нет таких слов, чтобы передать всё обаяние Алексея Александровича людям, не знавшим его! В сердце щемящая боль от его кончины, бесконечная любовь и благодарность судьбе за то, что он был в моей жизни. Кто-то из философов сказал: «Есть мир живых и мир мёртвых, и любовь – мост между ними…»

Ольга Тольская

Вся жизнь была связана с армией

Яголковский Александр Ариевич (1893–1980)

Великая Отечественная война прямо или косвенно коснулась каждого жителя Советского Союза. Не обошла она и нашу семью. Участниками ее стали мой отец и брат.

Отец, Яголковский Александр Ариевич, родился 7 июля 1893 года в городе Боброве Воронежской губернии в семье николаевского солдата, прослужившего в русской армии 25 лет. Из девяти братьев и сестер Александр был младшим, и единственным, кто смог получить среднее, а потом и высшее образование. Благодаря материальной помощи старших братьев, он в 1913 году закончил Бобровскую гимназию и поступил на медицинский факультет Петроградского психоневрологического института, основанного В. М. Бехтеревым. Весной 1918 года он досрочно окончил институт в звании «лекарь» с отличием. Проработав 3 месяца земским врачом, уже 9 августа 1918 года отец добровольно вступил в Красную армию в должности младшего врача сводного стрелкового полка Южного фронта. С тех пор вся жизнь отца была связана с армией.

По окончании Гражданской войны он продолжал служить на разных врачебных должностях на западных и северо-западных рубежах страны.

Александр Ариевич Яголковский

Великая Отечественная война застала отца в городе Орджоникидзе Северо-Осетинской Автономной Республики (ныне город Владимир), где он в звании подполковника занимал должность начальника медсанслужбы пограничного училища. К началу войны ему исполнилось 48 лет.

Летом 1942 года, когда немцы подходили к Кавказу, семьи офицеров училища были эвакуированы в Среднюю Азию. Отец остался воевать на Кавказе в действующей армии. После

освобождения Кавказа от фашистов недолго служил в Пятигорске. Вызвав меня и маму из г. Беговата Узбекской Республики, где мы находились в эвакуации, отец продолжил войну в Латвии, закончив ее в Риге. В 1948 году в должности начальника санслужбы Управления внутренних войск в звании полковника был уволен в запас. Награжден орденом Красного Знамени, орденом Ленина и многими медалями.

Дальнейшая судьба отца складывалась в служении мирной жизни. Уволившись в запас, отец 10 лет проработал заместителем медсанслужбы Рижской железной дороги.

В 1958 году наша семья переехала из Риги в Ленинград. Но и здесь отец не мог жить без работы. Несмотря на прогрессирующую глухоту, практически до самой смерти работал на общественных началах санитарным врачом санэпидстанции Московского района города Ленинграда.

Умер отец 22 ноября 1981 года. Похоронен на кладбище им. Девятого Января.

Софья Александровна Дорофеева

От Ленинграда до Японии

Яголковский Леонид Александрович (1922–2012)

Хочу вспомнить и о своем брате, Яголковском Леониде Александровиче. Он родился в Воронеже. Наш отец – Александр Ариевич Яголковский был военным врачом. Брат пошел по его стопам. В 1939 году закончил с отличием среднюю школу в городе Орджоникидзе и 10 классов музыкальной школы.

У меня сохранились воспоминания моего брата о войне, которыми я хочу поделиться с вами.

Учеба под бомбежкой

Первый день войны, 22 июня 1941 года, я встретил в Ленинграде. Я был слушателем 2-го курса Военно-медицинской ордена Ленина Краснознаменной академии им. С. М. Кирова. В отличие от курсантов, мы носили форму командиров Красной армии без знаков различия, получали денежное содержание, могли жить на частных квартирах и питались за свой счет. Но с началом войны нас перевели на казарменное положение, поселили в освободившемся от больных крыле психиатрической клиники академии. Нам выдали продовольственные карточки, как и всем жителям Ленинграда. 250 г хлеба – все питание, на которое мы могли рассчитывать в блокаду.

На территории нашей академии отрыли простейшие укрытия от бомбежек, а подвалы учебных корпусов и общежитий превратили в бомбоубежища. Я в числе слушателей нашего курса нес патрульную службу на улицах города. Но над городом нависла угроза прорыва фашистских войск, поэтому из нас сформировали истребительный батальон, вооружили винтовками и отправили проходить подготовку на полигоне.

В августе начались ежедневные налеты немецкой авиации и бомбежки, обычно вечером и ночью. 3 ноября на территорию академии были сброшены три бомбы. Одна из них разрушила двухэтажное здание общежития – погибли дневальный и несколько слушателей. Меня спасло бомбоубежище в подвале.

Старший врач

Несмотря на физическое истощение (из-за недоедания и

бомбежек), наша учеба продолжалась. Но в последних числах ноября 1941 года академию эвакуировали – вывозили «порожняком» – самолетами, которые снабжали город продовольствием, а обратно летели пустые и смогли взять на борт нас. Мы перелетели через Ладогу и сели в поселке Новая Ладога. Нас там хорошо накормили. А на следующий день нам предстоял переход – 200 км! – до железной дороги (станция Ефимовская). Оттуда «летучкой» нас доставили в Вологду, где был сформирован воинский эшелон, который и доставил нас в Самарканд (Узбекская ССР). Уже с начала января 1942 года там возобновились наши занятия.

Учеба была весьма напряженной – ни отпусков, ни каникул нам не полагалось. На нас возлагали особую миссию – восполнить потери войсковых врачей на фронте. И в марте 1944 года состоялся последний в период войны выпуск врачей Военно-медицинской академии. Я сдал госэкзамены, получил диплом врача (с отличием), звание капитана медицинской службы, прикрепил к погонам лейтенанта (лейтенантом стал в мае 1943 года) еще две звездочки и получил назначение на Западный фронт.

В апреле я прибыл в город Смоленск. Месяц находился в резерве и работал в хирургическом госпитале. А в начале мая меня назначили на должность старшего врача 48-го гвардейского полка 17-й гвардейской Духовщинской дивизии 5-го гвардейского корпуса прорыва 39-й армии генерал-лейтенанта И. И. Людникова.

Наш полк занимал оборонительные рубежи перед городом Витебском. Мои обязанности как старшего врача ответственны и разнообразны: помощник командира полка по медицинской части, в боевой обстановке я должен определять сроки и место развертывания медицинского пункта полка (ПМП), объем работы, пути эвакуации раненых из батальонов и т. д. Еще необходимо осуществлять связь с подразделениями полка, с его штабом и медико-санитарным батальоном дивизии (МСБ). Средства технической связи отсутствовали, так что связывались через ездовых, водителей автотранспорта и легкораненых. Важно было вовремя установить указатели пути в ПИП и МСБ.

ПМП развертывался в медицинских палатках, а когда появлялась возможность – в жилых помещениях.

Штат ПМП: командир медсанроты – врач, младший врач, медицинская сестра, фельдшера, начальник аптеки – фармацевт, повар, санитары и ездовые. Взвод санитаров-носильщиков, 6 конных повозок для перевозки раненых из батальонов и имущества медсанроты.

На ПМП производили сортировку раненых, исходя из характера ранений, срочности оказания врачебной помощи, эвакуационного предназначения. Оказывали первичную врачебную помощь, оформляли документацию.

В межбоевой период обучали личный и медицинский состав, контролировали организацию водоснабжения, качество пищи и многое другое.

23 июня началась стратегическая операция Красной армии «Багратион» – по освобождению Белоруссии и Прибалтики. После мощной артподготовки оборона немцев под Витебском была прорвана. 5 июня части нашего 5-го гвардейского корпуса соединились с частями 60-го стрелкового корпуса 1-го Прибалтийского фронта, окружили группировку немцев западнее Витебска и освободили город. Наш 48-й гвардейский стрелковый полк оказался на пути прорывавшихся из окружения немецких войск, мы заняли полосу обороны длиной в восемнадцать километров. Фронт выполнил поставленную задачу за 6 дней. Немцы потеряли 20 000 убитыми, 10 000 были взяты в плен. 8000 немцев удалось прорваться. Наши части преследовали противника, проходя в среднем 20–25 км в сутки, а иногда и 50–55 км.

После освобождения Белоруссии мы двинулись на запад по территории Латвии и Литвы. Освободили Вильнюс и Каунас. Сопротивление немцев нарастало, необходимо было приблизить тылы и пополнить части материальными и людскими ресурсами – и 23 июля фронт перешел к обороне на рубеже Расейняй.

Мы осуществляли медицинское обеспечение полка своевременно и в полном объеме. В связи с высоким темпом наступления приходилось даже подключать для эвакуации раненых гужевой транспорт местных крестьян.

В логове фашистов

1 октября 1944 года начинается следующая операция 3-го Белорусского фронта. Задача – окончательно освободить Литву: взять города Таураге и Мемель (Клайпеда). 5–6 октября фронт был прорван. 9—10-го наш полк овладел Таураге. Затем передал свои позиции 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта. А наш стрелковый полк в составе 17-й гвардейской стрелковой дивизии совершил ночной бросок и переправился на левый берег Немана в районе Юрбуркас и занял исходные позиции на границе Германии в районе Ширвинд – Науместис. Затем последовали тяжелые бои. Уже на территории Германии, в Восточной Пруссии.

Приходилось преодолевать мощные оборонительные сооружения вдоль границы. Мы были в числе первых вступивших в логово фашистов.

3 ноября мы перешли к обороне под городом Пилькапленом (Добровольск). Полковой пункт разместили в оставленных немцами домах.

13 января началась Тильзит – Инстербургская наступательная операция 3-го Белорусского фронта. Полк прорывал фронт, быстро продвинулся и захватил Инстербург (Черняховск). 20-го освободили Тильзит (Советск). 26-го 3-й Белорусский фронт вышел на внешний оборонительный рубеж Кёнигсберга на реке Дайме. 30 января его войска обошли Кёнигсберг с севера и северо-запада, освободив значительную часть Земляндского полуострова. 4 февраля взяли город Кранц (Зеленогорск), 10 – Прейсиш Эйлау (Багратионовск).

В феврале – марте 1945 года наши войска находились в состоянии активной обороны, готовясь к заключительным боям за Кёнигсберг. 6 апреля начался его штурм, а 9-го завершился.

Бои продолжались на Земляндском полуострове. Они для нас закончились взятием города Фишхаузена (Пионерск). Окончательный разгром немцев на Земляндском полуострове завершила 11-я армия, сменившая 39-ю.

Для нас Великая Отечественная война была окончена. 39-я армия и наш полк выведены из боев в район Инстербурга. 1 мая состоялся торжественный парад. А 9-го все мы ликовали в честь Победы и окончания войны.

За Белорусскую операцию меня наградили орденом Красной Звезды, за Восточно-Прусскую – орденом Отечественной войны I степени, а также медалями «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кёнигсберга».

В обстановке строгой секретности

В конце мая 1945 года наш 48-й гвардейский стрелковый полк в воинском эшелоне проследовал через весь Советский Союз до Читы и далее, в Монгольскую Народную Республику, в район города Баян-Туман. Там мы выгрузились в конце июня 1945 года. Передвигались мы в обстановке строгой секретности. Потом совершили марш-бросок в район Тамацкого выступа (в 1939 году там происходили бои с японскими войсками на реке Халхин-Гол). Нас готовили к долговременному пребыванию в полупустынной местности и возможной зимовке. Мы зарывали палатки, собирали аргал для топлива и дикий лук и чеснок (витамины для личного

состава). К нам, в район сосредоточения пребывали восемнадцатилетние солдаты, 1927 года рождения, крепким здоровьем они похвастаться не могли. На исходные позиции к вторжению в Маньчжурию, оккупированную японцами, наши войска вышли 2 августа. За три ночи прошли 120 км. Основные санитарные потери до начала боевых действий: стёртые ноги у молодых солдат (из-за неразношенной обуви) и тепловые удары из-за перегревания.

Леонид Александрович Яголковский

9 августа 1945 года СССР объявил войну Японии, и уже в 4 часа 30 минут наши войска перешли границу, не встретив сопротивления. Нам предстояло преодолеть хребет Большой Хинган. Дорог не было, только тропы. Топографические карты отсутствовали. В таких условиях войска за трое суток преодолели 150 км горной местности с боевой техникой, вооружением и тылами. Наше наступление для японцев стало настолько неожиданным, что они не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Преодолев горы, наши войска вышли на Маньчжурскую равнину. В эти дни начались дожди, дороги размыло, но темп наступления не снижался. 18 августа Квантунская армия капитулировала. А наши войска погрузились на железнодорожный транспорт и прибыли в Порт-Артур и Дайрен.

Леонид Яголковский,
полковник медицинской службы в отставке

Революционер, криминалист, фронтовик

Куликов Александр Евсеевич (1899–1947)

У нашего земляка Александра Евсеевича Куликова была непростая судьба. Он участвовал в установлении в Екатериненштадте советской власти, во время Гражданской войны служил разведчиком, в начале Великой Отечественной попал в плен, после освобождения отправлен на спецпоселение. О перипетиях его жизни рассказала дочь, Людмила Александровна Хритоненкова.

Александр был сыном батрака, семья жила в мезонине дома, расположенного на нынешней улице Коммунистической и полностью сохранившегося до наших дней. На мезонин вела лестница со двора. «Мои тёти – Варя и Паша рассказывали, как они садились на эту лесенку и пели. Кто на тазе играл, кто валиком по стиральной доске водил. Вот такие у бедных крестьян были «музыкальные инструменты»! У отца был отличный слух, он умел играть на баяне, гитаре, балалайке и много ещё на чём», – рассказывает женщина.

В 1917 году, когда в стране начались крутые перемены, революционный вихрь добрался и до нашего города. Саше Куликову тогда было уже 18, и он непосредственно участвовал в тех событиях. В семье не обошлось без потерь – старшего Сашиного брата, 20-летнего Ивана, тоже революционера, белогвардейцы растерзали на центральной площади города. В Гражданскую Александр служил в конной армии у Будённого, был разведчиком. Как-то, выполняя очередное задание на Украине, выпытал у белых какие-то важные сведения, прикинувшись простачком и балагуром, после чего пустился наутёк. В этот момент враги, видимо, сообразили, что их надули, и стали палить ему вслед. Ранили смельчака в ногу, но остановить так и не смогли.

Александр Евсеевич Куликов (фото из семейного архива Людмилы Хритоненковой)

Когда отгремели бои, Куликов какое-то время служил казаком, затем работал криминалистом в марксштадтской милиции, располагавшейся в здании, где ныне находится управление культуры. «У нас даже была фотография, где он стоит с указкой и что-то объясняет своим подчинённым», – вспоминает Людмила Александровна. В начале 30-х годов у Александра Евсеевича стало резко ухудшаться зрение, поэтому из правоохранительных органов пришлось уволиться. После этого работал маляром. «Мне было всего четыре месяца, когда началась война, а через полгода отца забрали в действующую армию. Увы, я его совершенно не помню… Мама мне рассказывала, что, как-то играя со мной перед отправкой на фронт, он с грустью молвил: «Эх, Люська, лучше бы ты не родилась, а то не увижу я, как ты растёшь…» Подробности участия ее отца в войне Людмила

Александровна узнала, лишь спустя много лет, в 1997 году, после запросов в архивы. Будучи рядовым стрелкового полка, Александр Куликов в июле 1942 года в районе города Старая Русса, что под Ленинградом, попал в плен. Его использовали в качестве обозного ездового в тыловых частях немецкой армии.

В мае 1945-го, после освобождения и проверки в фильтрационном лагере города Бютцова, Куликова осудили и отправили на спецпоселение сроком на шесть лет. В 1946-го он попал в отдельный рабочий батальон одного из стеклозаводов Дагестана, спустя полгода оказался в Карелии, где и скончался в самом начале 1947 года, в возрасте 47 лет… Официально реабилитировали его лишь в 2003 году, благодаря усилиям дочери.

Евгений Гордеев, г. Маркс, Саратовская область

Командир пулеметного расчета

Терентьев Николай Миронович

Пожалуй, труднее всего писать о войне и о любви – и в первом, и во втором случае автору нельзя врать даже в мелочах, поскольку вдумчивый читатель мгновенно почувствует фальшь и попросту отбросит книжку в сторону. Как оказалось, ненамного проще писать и о своих близких – так, чтобы и правду не исказить, и в пустые славословия не удариться. Но я все же попробую рассказать вам о своем отце – Терентьеве Николае Мироновиче, 1926 г. р., участнике Великой Отечественной, орденоносце, целиннике и просто великом труженике. В работе мне помогут как личные воспоминания, так и рассказы близких, и архивные документы…

За старшего

– Ну что, Колька… За старшего остаешься. Смотри тут… Мать слушайся.

Николай наказ отца помнил – и к мнению матери прислушивался, и работал, как взрослый мужик. А Мирон Терентьевич, двадцать второго июня сорок первого покинувший родной дом, назад уже не вернулся – пропал без вести под Ржевом в сорок втором. И не осталось даже могилы от рядового Терентьева, 1894 года рождения, участника Первой мировой. Сколько их, записанных писарями в число «пропавших», осталось лежать на полях страшных и кровавых сражений – точно сказать, пожалуй, уже никто и никогда не сможет.

Война тяжелой грозовой тучей ворочалась и громыхала на западе, но тень ее непостижимым образом распространялась на всю страну – «с южных гор до северных морей» и от Бреста до далекого Владивостока. Сводки Совинформбюро не радовали – то и дело в них звучало: «тяжелые оборонительные бои» и «наши войска оставили». Далее звучали названия известных городов и множества населенных пунктов, о которых Николай и слышал-то впервые в жизни.

Зато видел парень уже многое. И воинские эшелоны, и толпы эвакуированных, на лицах которых читались испуг, страшная усталость и какая-то особенная печать знания того, что можно понять, лишь побывав под настоящим обстрелом или бомбежкой. Что такое бомбежка, Николай тоже вскоре узнал на собственном

горьком опыте: случайным осколком немецкой бомбы была убита старшая сестра Мария.

Николай Миронович Терентьев

В августе сорок первого войска Красной армии все еще продолжали отступать.

Деревня Кузнецово оказалась в зоне немецко-фашистской оккупации. По меркам историков, продолжалась оккупация недолго: до 23 января 1942 года, когда в ходе Торопецко-Холмской операции был освобождён поселок Кунья и близлежащие деревни. Так то по меркам большой Истории. А у простых жителей, оказавшихся «под немцем», была своя мера всему: и постоянному страху за жизни своих детей, и непосильному труду под руководством новой, немецкой

администрации, и горю, и тоске, тяжелой черной тучей нависшей над «новыми рабами великого рейха».

После освобождения района от фашистов появилась твердая надежда на победу Красной армии, но в остальном жить легче не стало. Миллионы мужиков еще в сорок первом забрал фронт. Промышленность и сельское хозяйство страны задыхались от нехватки рабочих рук, а где их было взять? И правительство в приказном порядке проводило мобилизацию подростков и молодежи в ФЗО – училища фабрично-заводского обучения. Месяц-другой ученичества – и к станку! Фронту нужны танки, самолеты, боеприпасы, амуниция, продовольствие и многое-многое другое. Питание неважное, рабочий день по десять – шестнадцать и даже больше часов, дисциплина почти военная, условия труда самые что ни на есть спартанские… И ничего – терпели, работали, старались изо всех сил. Поскольку и без особых уговоров и политинформаций каждый понимал: так надо, война!

Попал под трудовую мобилизацию и Николай – был направлен в училище ФЗО. Вскоре он освоил азы плотничьего ремесла и наравне с другими юношами работал, руководствуясь главным для тыла того времени лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы!»

Впереди был Берлин

В декабре сорок четвертого Николаю Мироновичу Терентьеву исполнилось восемнадцать. Но архивные документы говорят о том, что уже в июле сорок четвертого Николай получил первое ранение. Позже, в январе и феврале сорок пятого, будут еще два. Согласно документам, в действующей армии Николай служил, начиная с февраля сорок четвертого. В Красную армию призван еще раньше – в ноябре сорок третьего. Простая арифметика подсказывает, что на день призыва Терентьеву не было даже полных семнадцати…

25 марта 1945 года началось наступление на город-порт Данциг – по-польски Гданьск. В ночь на 26 марта солдаты РККА завязали бои за Эмаус, восточный пригород Данцига. Тридцать первого марта Данциг был взят.

Нам, ныне живущим, трудно представить, какими были эти несколько дней боев. Бой в городе всегда страшен. В Данциге нашим бойцам пришлось преодолевать-штурмовать массу каналов, укреплений, инженерных заграждений, огневых точек и многого другого. Согласно жестким правилам военной науки,

потери наступающих практически всегда в три раза больше, чем потери обороняющейся стороны. Во время боев в городе или в горах эта цифра вырастает вдвое. Сколько наших солдат полегло в боях за Данциг, а скольким еще предстояло погибнуть – впереди был Берлин…

Передо мной лежит копия наградного листа. Отец, по сути, никогда не рассказывал о войне. Наградами тоже не щеголял. Далее я просто процитирую строчки архивного документа.

«В боях за город Данциг тов. Терентьев, будучи командиром пулеметного расчета, ночью переправился через канал – на помощь товарищам. Установив свой пулемет, двое суток отбивал атаки наседавших немцев, которые хотели выбить кучку храбрецов. При этом было отражено семь немецких контратак. На поле боя осталось до сорока убитых немецких солдат.

Действуя мужественно и умело, тов. Терентьев с группой бойцов уничтожил две огневые точки и тем самым обеспечил переправу остальных подразделений без потерь.

Тов. Терентьев достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды…»

Двое суток почти беспрерывных боев. Грохот артиллерии, огонь противника – это был кромешный ад. И в этом аду бил и бил по врагу горячий «максим»…

В мае сорок пятого Вторая мировая отнюдь не закончилась – впереди была война с Японией.

Командование начало переброску войск на Дальний Восток. В теплушке одного из эшелонов ехал и старший сержант Терентьев. К счастью, всего лишь за месяц наши войска разгромили Квантунскую армию в Маньчжурии и японские войска, дислоцировавшиеся на Сахалине и Курилах. Поэтому старшему сержанту с японцами драться не пришлось – его полк попросту не успел, поскольку уже второго сентября на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии.

Николай еще пару лет служил в Советской Гавани, потом демобилизовался и уехал в родные края. Полстраны лежало в руинах, в колхозах бабы частенько пахали на себе – даже лошадей не хватало. И стал бывший красноармеец Терентьев трактористом. Потом в его жизни много чего было: и работа от темна до темна, и освоение целины, и женитьба, и рождение детей. И снова работа, работа и работа. Как и многие русские мужики, умел Николай Миронович практически все – и землю пахать, и сено косить, и дома строить, и печки класть, и многое-

многое другое.

Время от времени я задаю себе, казалось бы, простой вопрос: что помогло нашим родителям, бабушкам и дедушкам выстоять в страшные годы революций, войн, оккупаций, наполненных лишениями, холодом, голодом, тяжелейшим трудом и беспрестанной борьбой за обычный кусок черного хлеба? Как они смогли выдержать все это и не опустить руки от отчаяния? А сам я смог бы так? И не нахожу ответа… Мне остается только уважительно поклониться памяти тех, на ком во все времена держались мощь и величие России. Я помню, люблю и горжусь…

Александр Терентьев, сын

Мама охраняла Черчилля

В 2014 году исполнилось 100 лет со дня рождения Анастасии Александровны Ручкиной. Мало кто доживает до этого возраста. Не дожила и она. Но если человек жив, пока о нем помнят, пока помнят о его делах, то судьба к Анастасии Александровне была благосклонна. Еще много поколений людей будут вспоминать события, непосредственной участницей которых стала эта удивительная женщина.

«Вместо свадьбы – разлуки и дым…»

В июне 1941 года у Анастасии должна была состояться свадьба. Уже были куплены свадебные наряды, кольца, приглашены гости, но… За несколько дней до торжества началась война, которая круто изменила жизнь многих людей. Анастасия не была исключением. Ее жених, офицер-подводник, сразу ушел в плавание и погиб. Ася осталась в блокадном городе…

Мысль о том, что погиб любимый человек, что родной брат сражается с фашистами на подступах к Ленинграду, не давала ей покоя. Анастасия хотела защищать любимый город с оружием в руках, тем более что ее медицинское образование вполне соответствовало нуждам фронта.

В январе 1943 года при выполнении боевого задания погиб родной брат Аси – командир 55-й отдельной бригады Валентин Александрович Ручкин. И она окончательно утвердилась в своем решении уйти на фронт. Так девушка стала санинструктором 37-го морского дивизиона на Ораниенбаумском плацдарме.

Корабли здесь находились под постоянным жестоким обстрелом вражеских самолетов, перед которыми стояла задача уничтожить Балтийский флот. Выжить было очень сложно! Анастасии приходилось, спасая раненых бойцов, ходить и плавать в ледяной воде под пулями и бомбами, рискуя не вернуться обратно на корабль… Закаленная, отважная, смелая… Ей была по плечу любая задача! Вот когда Ася Ручкина с благодарностью вспомнила свое босоногое деревенское детство.

Ворошиловский стрелок

Небольшая деревня Власово, где родилась Анастасия, находилась на берегу реки Сить. Широкая, полноводная, с

быстрым течением, она помогла Насте научиться хорошо и быстро плавать. Собственно, большинство деревенских ребятишек рано учится плавать. А как иначе, если ты живешь у реки?

Испокон веку люди селились на берегах многочисленных русских рек, вырубая для построек небольшие участки леса. Таким образом, жители даже близких друг к другу деревень оказывались разделенными этим самым лесом. Церковь, а затем и школа строились в самом большом поселении, поэтому многим детям приходилось ходить в школу через лес.

Анастасия с братом Валентином не были исключением. Пробираясь зимой через снежные заносы, они даже не думали, что подвергают свою жизнь опасности. В темноте можно было заблудиться, к тому же волки, кабаны, а весной еще и медведи блуждали по лесу в поисках пищи…

Всё, через что прошла девочка в детстве, теперь помогало ей не только выжить, но и достойно защищать свою Родину, свой любимый Ленинград.

Родным и любимым этот город стал для Насти еще в конце 1920-х годов, когда она с мамой и братом приехала к отцу и осталась здесь навсегда.

Учеба, работа, спорт, где она многого добилась, в том числе имела звание «ворошиловский стрелок»… Возможно, именно это решило дальнейшую военную судьбу Анастасии Александровны Ручкиной.

Немцы работали ответственно

Распоряжением генерала Кузнецова санинструктор Ручкина была переведена на службу в Главное управление КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. И вот первое боевое задание – проверка бдительности охраны Смольного. И здесь ей помогла с детства натренированная память и способность ориентироваться на местности. Хорошо изучив все помещения, входы и выходы, она успешно справилась с порученным делом, проверив все без исключения боевые посты.

Теперь Анастасия жила в одном из помещений Смольного и между основными заданиями выполняла и другие боевые задачи. Во время войны военнопленных немцев использовали на различных ремонтно-строительных работах, в том числе для маскировки особо важных городских объектов. Смольный, естественно, тоже входил в их число. Наблюдение за военнопленными было одной из задач, поставленных перед Ручкиной. Внимательно следила Анастасия за всем, что происходило на рабочей площадке. И хотя ходить по крыше Смольного с оружием в руках было нелегко, Настя не видела в этом никаких трудностей. Служба как служба… Да и демонстрировать свою меткость ворошиловского стрелка, к счастью, не пришлось. Немцы работали ответственно, четко выполняя все указания военных строителей.

Много важных и опасных поручений выполнила Анастасия во

время войны, но одно задание вспоминала всю свою жизнь…

Особо важное задание

Перед тем как принять решение об открытии Второго фронта, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль посетил СССР. Вместе с супругой они приехали в Ленинград. Была ли это дань уважения городу и его защитникам или ему было необходимо перед принятием важного решения самому все оценить, сейчас сказать трудно, но встречали его соответственно. Несмотря на сложную военную обстановку, для высокопоставленных гостей был даже показан балет «Лебединое озеро». И конечно, столь важным визитерам была обеспечена серьезная охрана, в числе которой была и Анастасия Александровна Ручкина – моя мать.

Уже в послевоенные годы, когда мы жили с мамой вдвоем, она очень часто говорила о том времени. Одним из ее любимых воспоминаний была поездка на передовую Ленинградского фронта в составе охраны Черчилля. Мама подробно рассказы как он ходил вдоль рядов и очень внимательно рассматривал лица наших бойцов, очевидно оценивая боевой дух и смелость советских солдат. А может быть, задавался вопросом: «Неужели вот эти мальчишки оказали такое мощное сопротивление и остановили фашистов на подступах к Ленинграду? Да, с такими лучше дружить, а не воевать…»

Анастасия Александровна Ручкина

В каждом мамином рассказе я чувствовала гордость за нашу страну, за наш народ. Несмотря на многочисленные заслуги, которые были отмечены правительственными наградами, считаю главным ее достоинством удивительную доброту и любовь к людям. Мама научила меня многому, и прежде всего – не думать о вознаграждении, а просто помогать всем, кто просит о помощи.

В память о своей маме, о ее бескорыстном служении людям я давно участвую в национальном движении «Серебряные волонтеры», в состав которого входят люди старшего возраста. Принимаю участие в социальных, спортивных, экологических, интеллектуальных акциях и мероприятиях по всей стране, ездила, в том числе, и на Олимпиаду в Сочи. Хочется, чтобы о «Серебряном волонтерстве» узнало как можно больше людей и вступило в наши ряды добровольцев!

Людмила Ручкина, дочь

Огонь батареи

Михаил Павлович Маркевич – ровесник Октября, он родился 25 декабря 1917 года. С августа 1942 года – в действующей армии в звании младшего лейтенанта, прошел боевой путь от Днепра до Эльбы, имеет боевые награды, в том числе орден Великой Отечественной войны I и II степени.

Наступление на Берлин

В архиве «Подвиг народа» и Большой иллюстрированной энциклопедии (2010 г., т. 5), читаю:

«С середины сентября 1943 года на Левобережной Украине развернулась битва за Днепр. А 6 ноября столица Украины Киев была освобождена войсками 1-го Украинского фронта. Параллельно войска 2-го Украинского фронта развернули наступление на кременчугском направлении».

«Находясь на 2-м Украинском фронте 191-го истребительного противотанкового артиллерийского полка на должности командира взвода Управления, Маркевич М. П. в наступательных боях обеспечивал бесперебойную связь с батареями, точно и быстро выявлял огневые точки противника и руководил продвижением батареи».

«В начале марта 1944 года 1-й, 2-й и 3-й Украинские фронты начали наступательные действия на широком участке от Луцка до устья Днепра. Были освобождены Тернополь, Винница, Черновцы. Войска 2-го Украинского фронта, форсировав Днестр, 26 марта вышли на государственную границу по реке Прут и вступили на территорию Румынии».

«Маркевич М. П. в уличных боях Берлина 435-го истребительного противотанкового артиллерийского полка всё время находился на переднем крае передовых частей, руководил продвижением батарей, умело выявлял огневые точки противника и вызывал огонь батареи для подавления вражеских точек».

«Наступление на Берлин началось с Кюстринского плацдарма на реке Одер 16 апреля 1945 года войсками 1-го Белорусского фронта. Ему предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка, после которой в атаку устремились пехота и танки. Танковые корпуса обходили Берлин с севера. Прорвав несколько линий обороны, танковые войска фронта устремились на Берлин, обходя его с юга. 24 апреля 1945 года кольцо вокруг Берлина сомкнулось».

«Маркевич М. П. 29 апреля 1945 года ходил в разведку в расположение обороны противника, выявил огневые точки, которые задерживали продвижение нашей пехоты, и, вернувшись на батарею под вражеским огнем противника, прямой наводкой уничтожил огневые точки противника».

«На советско-германском фронте были разгромлены и пленены 607 дивизий противника, уничтожено и захвачено более 75 % его оружия и военной техники. По различным данным, германские войска потеряли от 6 млн до 13,7 млн человек.

В ВОВ советский народ не только отстоял свою свободу и независимость, но и сыграл решающую роль в избавлении народов Европы от фашистского ига».

Заменил мне отца

Михаил Павлович заменил мне отца, когда встретил мою юную маму (Раису Алексеевну) со мной на руках, освобождая г. Кировоград на Украине летом 1944 года.

В сентябре 1944 года они поженились. В 1948 году родилась моя сестра Лариса, в 1957-м – Людмила.

Отец был ленинградцем. Его родители – оба медики (Павел Антонович был военным фельдшером, а Елизавета Александровна – одна из первых медицинских сестер Санкт-Петербурга). Они трудились в бывшей больнице «В память 25 лет Октября», куда я ходила на медицинскую практику, когда обучалась в медицинском училище, на территории которой и проживали бабушка с дедушкой.

Отец же имел очень много профессий – и машинист башенного крана, и художник красного уголка, и слесарь. Работал на заводе, трудился на стройке…

Он мог и умел делать многое – от выпиливания лобзиком узорных полочек до изготовления оттоманки, от ремонта квартиры до изготовления шкафа, стульев и кукольной деревянной мебели.

Отец вместе с нами, детьми, и мамой наряжал новогодние елки, которые он покупал всегда сам. Прекрасно рисуя, мастерил и раскрашивал елочные игрушки (картонные верблюды, лошадки, зебры и пр.). Их мы делали всей семьей. У отца были поистине золотые руки!

А еще он любил животных. И в нашей комнате постоянно жили кошки, собаки, птицы, ежик. И мы, дети, были просто в восторге от такого соседства!

Мама всё успевала…

Под стать ему была и наша мама, на плечах которой была вся семья. Она была прекрасной хозяйкой – несмотря на трудные времена, когда экономить приходилось буквально на всем, вкусно готовила, отлично вязала, помогала отцу сажать и убирать картошку. Все успевала – и работать (кассиром в ДК), и вести хозяйство, и воспитывать детей. И это притом, что готовить на такую семью приходилось на керогазе, стирать нужно было руками (стиральных-то машин не было), не было и холодильников. И теснота была, и жизнь в коммунальной квартире. Но, несмотря на это, мама много читала и рассказчица была изумительная! Любила ходить в театры, на концерты.

Вот такие были эти трудолюбивые люди, на долю которых выпали тяжелые военные и послевоенные времена.

Низкий поклон

На фронте отец был ранен. И уже в мирное время его очень беспокоили боли в раненых ногах Но он никогда не жаловался. Просто иногда становился молчаливым и суровым.

У отца была большая книга о танках. Детьми мы любили рассматривать разные фотографии и схемы этих боевых машин. И, как ни странно, когда спустя годы я, работая в редакции одного из НИИ, редактировала научно-технические статьи, связанные с разработкой новых танков и др., эта книга мне очень пригодилась.

Михаил и Раиса Маркевичи. Берлин. 1945 г.

Мне очень жаль, что мы с сестрами никогда не расспрашивали родителей о войне, о том, как воевал отец, через какие ужасы прошел. Михаил Павлович Маркевич ушел из жизни в 1988-м, в год 43-й годовщины Победы… И дай Бог, чтобы наша Россия никогда больше не узнала новой страшной войны!

Хочется сказать огромное спасибо всем защитникам нашей большой Родины – от себя, от своих сестер, внуков и правнуков! Ведь если бы не эти мужественные люди, то мира бы на земле не было…

Благодарю тебя, отец, и низкий поклон!

Жанна Александровна Киркина (Пасекова)
(записала Светлана Васильева)

Дом, который построил прадед

Арапов Михаил Васильевич (1914–1980)

Доброволец морской пехоты

В песне из фильма «Офицеры» есть прекрасные слова: «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой», и для меня таким героем стал мой прадедушка, участвовавший в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Считаю своим долгом беречь память о нём и о той Великой Победе, так дорого доставшейся нашему народу и нашей стране.

Мой прадед, Михаил Васильевич Арапов, родился 21 ноября 1914 года в семье моряка. Окончил 5 классов школы в селе Золотое Саратовской области. Женился на Екатерине Ивановне Калачовой, уроженке села Березняки Воскресенского района.

На срочную службу в армию был призван в 1936 году и по октябрь 1940 года служил рулевым на эсминце «Сообразительный», который изначально назывался «Прозорливый».

Сразу после призыва у него родился сын Виктор.

После демобилизации Михаил Васильевич водил по Волге баркас.

В 1942 году был призван на Черноморский флот. Служил комендором (так указано в военном билете) плавающей зенитной батареи. Сбил два вражеских самолёта. За первый был представлен к ордену Красной Звезды. За второй – получил отпуск домой, чтобы повидать жену и маленького сынишку.

В 1942 году, добровольцем морской пехоты, участвовал в боях за Кавказ, получил ранение в правую руку.

Принимал участие в боях за освобождение Севастополя.

В 1944 году был переведён рулевым на канонерскую лодку[1] «Тамань» и служил на ней до декабря 1945 года.

Во время войны Михаил Васильевич встретил известного советского комедийного актёра Сергея Филиппова, который тоже был на фронте. Отзывался о нём, как о добром и хорошем человеке.

Имеет награды: орден Красной Звезды, медали «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

Домой вернулся в начале 1946 года.

В послевоенное время работал на марксовской пристани

капитаном баркаса. Дом, в котором мы сейчас живём, построен прадедушкой. Как мне рассказывала мама, он любил часами сидеть у окна. С супругой они были очень близки и говорили, что если кто-то из них покинет этот мир, то следом уйдёт и второй.

Так и вышло: Екатерина Ивановна ушла из жизни первой, а спустя одиннадцать месяцев, в 1980 году, не стало и Михаила Васильевича.

Ежегодно наша семья навещает его могилу в День Победы и День Военно-морского флота.

Михаил Васильевич Арапов

К семидесятой годовщине Победы я создала серию живописных работ и организовала выставку в краеведческом музее, которую посвятила своему прадеду и всем тем, «чья профессия – Родину защищать». На выставке был представлен китель, награды и фотографии военных лет. В этом году выставка снова экспонируется, но уже в читательском зале Центральной

библиотеки.

В прошлом году я впервые приняла участие в акции «Бессмертный полк». Сложно подобрать слова, которыми я могла бы передать чувства, испытанные в тот момент. Своего прадеда я знаю только по рассказам мамы и бабушки, но в этот день мы будто с ним вместе, собравшись, вышли из нашего дома, я так и сказала родителям, уходя. Для меня было очень важно пройти этот путь вместе с ним, ведь это была и его Победа.

«Бессмертный полк», как мне кажется, лучшее, что можно было придумать в День Победы. За каждой фотографией своя история. Сотни, тысячи лиц будто глядят с табличек и видят, что подвиг их не забыт.

Дарья Вдовина

Опубликовано при поддержке штаба «Бессмертного полка» города Маркса и Марксовского муниципального района

От пианино к пулемету

Калафати Анатолий Васильевич (1911–2015)

Анатолий Васильевич Калафати родился 23 марта 1911 года в семье профессора Петербургской консерватории Василия Павловича Калафати. Он прошел всю Отечественную войну и прожил 104 года.

Игре на фортепиано Анатолий выучился с детства и после школы стал профессиональным музыкантом: озвучивал немые кинофильмы, аккомпанировал певцам.

Анатолий Васильевич Калафати

Июнь 1941-го он встретил в Инженерном училище, которое располагалось в Инженерном замке в Ленинграде. Там готовили саперов, связистов, строителей… и военных музыкантов. «Наш капельмейстер был ворошиловским стрелком – здорово стрелял из пистолета, всё в десятку попадал… Потом, когда война началась, нас всех быстро отправили в лагеря – Гороховецкие лагеря, где-то около Горького, кажется. Там формировали военные части и отправляли на фронт, на пополнение – выбывают

же. Там уже была подготовка для фронта – и ползали, и стреляли.

На фронт я попал в декабре. На Волховский фронт, в 65-ю дивизию. Об этой дивизии даже книжка написана – «Сражались на Волхове»».

65-я стрелковая дивизия была переброшена на запад из Забайкалья осенью 1941 года. Минуя Москву, где сражение было в самом разгаре, дивизия проследовала к Тихвину, который только что захватили немцы, собираясь соединиться с финнами за Ладожским озером и замкнуть вокруг Ленинграда второе блокадное кольцо. Дивизия штурмовала Тихвин в составе армии Мерецкова. Ожесточенные бои продолжались около месяца. Город был освобожден 8 декабря 1941 года. Второго блокадного кольца немцам создать не удалось.

Вот, видимо, в это время, после кровопролитного штурма Тихвина, когда дивизия нуждалась в пополнении, Анатолий Васильевич из Гороховецких лагерей и попадает на Волховский фронт в 65-ю стрелковую дивизию.

Тихвин взят, но затем еще два месяца продолжаются ожесточенные бои в районе Тихвина и Киришей. В это время Анатолий Васильевич служит пулеметчиком и получает два ранения.

«Ансамбль у нас был еще в Инженерном училище, мы так целиком на фронт и попали, с инструментами даже… музыкальными. Но первые дни не до ансамбля было – пришлось быть пулеметчиком. Меня там два раза ранило: один раз быстро, очень быстро, почти сразу же. Ранило легко, в мякоть, а другой раз – уже серьезно. Я долго лечился. С месяц, наверно. Лежал в полевом госпитале. Англичане прислали – огромная палатка, длинная, не знаю, метров сто, наверное, если не больше».

В Ленинграде за кольцом блокады в это время оставался отец Анатолия Васильевича, мой дед – Василий Павлович Калафати со своей семьей: женой и шестнадцатилетним сыном Мишей.

«Письма из Ленинграда как-то до нас доходили. Я написал отцу, а ответила мачеха. Написала, что отец умер, на два дня пережил Мишу. Последние слова отца были: Как жаль!».

* * *

В середине февраля 1942 года 65-ю дивизию перебрасывают в Новгородскую область, в Мясной Бор. Около него находился узкий проход из окружения, в которое попала 2-я ударная армия Власова, и 65-я дивизия держала этот проход, обеспечивая пути снабжения армии, а затем ее выход из окружения. Особенно

кровопролитные бои происходили здесь с марта по август 1942 года.

В августе, когда бои под Мясным Бором стихли, начальник политотдела решил, что надо написать песню о своей дивизии. Слова песни поручили сочинить редакции дивизионной газеты, а музыку – Анатолию Васильевичу Калафати, приступившему после ранения к своим прямым обязанностям руководителя дивизионного ансамбля. Песню назвали «Забайкалье помнится седое» – по первому куплету. Вот один из куплетов:

Пусть расскажут волховские ели,
Как мы шли в сраженья сквозь пургу.
День и ночь орудия гремели,
Смерть неся проклятому врагу.

«Я мелодию сочинил, наши выучили и стали петь, а потом и все стали. И стала песня гимном дивизии».

Затем еще полгода дивизия оставалась в районе Мясного Бора. Это было время, когда фронт стабилизировался, и только снайперы той и другой сторон охотились за противником. Осенью и зимой 1942–1943 гг. в дивизии появились снайперы-девушки. Одна из них погибла, и о ней сочинили песню – «Песня о Марии Пономарчук». По просьбе ее подруг музыку сочинил Анатолий Васильевич.

«Мы там выступали перед бойцами – целые представления были: и говорили, и пели, и играли. Никаких усилителей, просто инструменты и голос. Кио приезжал к нам, свои фокусы показывал. А до немцев недалеко, на передовой же, и стояли друг против друга. Они не стреляли – тоже интересовались. Слушали и смотрели – и в бинокль, и в очках. Даже аплодировали. А потом… потом, конечно, стрелять начинали, надо было быстренько удирать. У них-то концертов не было, и мерзли они в своем шелковом белье. А у нас? У нас шубы были – овчины».

В начале 1943 года, во время операции «Искра», Волховский фронт пытался освободить Новгород. Попытка не удалась, но немцы не смогли увести часть своих войск под Ленинград, где только что было прорвано кольцо блокады. И снова почти целый год фронт оставался стабильным. В сводках Совинформбюро в таких случаях пишут: «На фронте ничего существенного не произошло» – это значит, что убивают не тысячи человек, а всего «каких-то» десять – двадцать: кого – снайпер, кого – случайный осколок.

Анатолий Васильевич чуть не погиб – в части его посчитали погибшим.

«Мы стояли с одним офицером, разговаривали. А где-то снаряд летит или мина – они ведь когда летят, слышен свист, понимаешь? Вот. Я слышу свист. Снаряд. Значит, он где-то тут должен упасть. Я говорю: «Прыгай!» А рядом траншея была. Я прыгнул в траншею, а он… замешкался, не успел прыгнуть. Меня землей засыпало, контузило. Ну а его разорвало на части, которые повисли на деревьях. Вот так…

Я пролежал там ночь, на следующее утро меня откопали. Наверное, увидели, что сапоги торчат. Я-то уже еле-еле дышал, но, видно, достаточно еще воздуха было. А вот «похоронку» жене все же отправили. Поторопились…»

Новгород был освобожден год спустя – в январе 1944-го, когда была снята блокада с Ленинграда. 65-я стрелковая дивизия получила название Новгородской.

В апреле – августе 1944 года дивизия в составе 7-й армии Карельского фронта участвует в освобождении Карелии. Дивизию присоединяют к той армии, где предполагается большое наступление, и в октябре – декабре 1944 года, теперь уже в составе 14-й армии, дивизия участвует в Петсамо-Киркинесской операции – освобождении Петсамо (Печенги) и выход в Норвегию. В освобожденном Киркинесе дивизия предотвратила взрыв штольни, в которой спасалось местное население.

65-я дивизия завершает войну в Померании в составе 19-й армии 2-го Белорусского фронта. После войны в Польше на базе 2-го Белорусского фронта была создана Северная группа советских войск под командованием Рокоссовского. Штаб группы находился в Легнице. Анатолий Васильевич руководил ансамблем Северной группы войск.

После демобилизации Анатолий Васильевич продолжил свою творческую деятельность. Постоянно он жил в Ленинграде, но разъезжал с концертами по многим городам Советского Союза. В 70-х годах его пригласило на работу руководство Чувашской филармонии. И последние годы жизни Анатолий Васильевич Калафати провел в столице Чувашии – Чебоксарах.

Однажды на встрече ветеранов 65-й стрелковой дивизии, после того как спели ее гимн, кто-то предложил тост «За автора песни, нашего композитора, героически погибшего Анатолия Васильевича Калафати». – «Как это погибшего?! Я живой, вот я!» – «Не может быть! Но ведь это же было написано в нашей дивизионной газете!»

Анатолий Васильевич сберег архив отца – композитора и педагога Василия Павловича Калафати (имя В. П. Калафати выбито на мемориальных досках в Петербургской консерватории и Доме композиторов). Часть архива находится теперь в Греции, в

Ионическом университете, часть, по просьбе Анатолия Васильевича, передана в Петербургское отделение Союза композиторов.

Леонид Павлович Кононов. Записал Юрий Эльтеков

Я был партизаном…

Мне было 10 лет, когда началась Великая Отечественная война. Через месяц фашистские войска заняли нашу деревню, и она стала на полтора месяца прифронтовой Лужского рубежа. Деревня часто подвергалась артиллерийскому обстрелу. Население выбегало из домов и пряталось в вырытых земляных убежищах.

В один их таких обстрелов наша семья побежала в укрытие. Где-то сзади взорвался снаряд, мимо моего уха прошуршал осколок и ударился в бабушкину спину. Она упала и кричит: «Меня убили!» Подбежав к ней, я увидел на ее спине большой осколок снаряда, схватил его, но тут же отбросил, обжегши руку. Бабушка оказалась невредимой, так как осколок ударился в нее уже на излете. В результате обстрелов половина нашей деревни была сожжена.

Осенней ночью, когда фашистские войска были под Ленинградом, к нам в дом пришли командир и комиссар партизанского отряда. Они предложили маме создать в деревне подпольную группу из наиболее благонадежных и преданных Родине людей, что вскоре мама и сделала. В состав группы вошли бабушка и я. Члены подпольной группы собирали продовольствие, одежду, обувь и, самое главное, сведения о немецком гарнизоне, находившемся в двух километрах от деревни в районном центре Осьмино. На это мероприятие мама чаще всего посылала меня, так как к вездесущим мальчишкам немцы относились более лояльно и с меньшим подозрением.

Всё собранное нужно было доставить в партизанский отряд, который базировался в семи километрах от деревни, недалеко от реки в землянках. Мама всегда брала меня с собой. Первоначально встречи с представителями отряда проходили в каком-нибудь обусловленном месте. Иногда ездили на дровнях. Так продолжалось до января 1942 года. Конспираторами мы оказались никудышными. Наши поездки и частое хождение в лес стали достоянием гласности. Среди деревенских жителей нашлись предатели, и маму немцы арестовали. Ее содержали в одиночной камере бывшей милиции, в которой разместились комендатура и гестапо. Нам с бабушкой стало известно, что арестованным в сутки дают один раз порцию похлебки, а передачи не принимают. Приняли решение пищу доставлять сами. Бабушка собрала холщовую котомку с продуктами, и я пошел в Осьмино. Вокруг комендатуры ходил часовой. Я стал прохаживаться на расстоянии, наблюдая за часовым, и обратил

внимание, что он после каждого обхода здания задерживался у входа, беседуя с кем-нибудь. Этим я и воспользовался для проникновения на дворовую сторону, куда выходили окошечки камер. Мама меня заметила, постучала. К счастью, одна часть окошечка состояла из двух половинок стекла, которые мы раздвинули, и я передал маме еду, а она мне сообщила фамилии предателей, с которыми ее сводили на допросах. На ее лице были синяки, свидетельствующие о побоях. Так повторялось восемь дней. Потом маму освободили, предварительно отморозив ей ноги, чтобы она не могла передвигаться.

Добытые сведения и сложившуюся обстановку нужно было сообщить партизанам. Конкретного места расположения отряда я не знал, поэтому мама отправила меня с бабушкой. Назад возвращались уже ночью. В небе плыли мощные облака, то закрывая полную луну, и становилось темно, то вновь открывая ее, ярко освещая землю. При подходе к дому я заметил немецкого солдата, топтавшегося на морозе с одной стороны дома, чуть в стороне – другого, третьего… Дернул за рукав бабушку и сказал ей об опасности. Потом мы упали на дорогу. Немцы звук падения, очевидно, услышали, так как перестали топтаться и повернулись в нашу сторону. Как назло луна долго не пряталась за облако, а на снегу мы ярко выделялись темным пятном. Когда луна, наконец, спряталась за облако, мы поползли назад, потом побежали. Переждали у надежной женщины. Ближе к утру немцы ушли. Как выяснилось, немцы устроили засаду и в последующие ночи, рассчитывая, что, не дождавшись мамы, партизаны сами придут к ней.

Но связь с партизанами не прерывалась. Теперь уже мама отправляла меня одного. Бабушке ходить далеко и по глубокому снегу было не под силу. Сначала я ходил днем. Потом, чтобы не вызывать подозрения у сверстников своим отсутствием, уходил засветло, возвращался ночью. В ту пору развелось очень много волков. Они часто нападали на одиноких путников. Конечно, было страшно. Особенно когда они завоют. Поэтому я стал ходить не по лесной дороге, а по льду замерзшей реки. Тут было и светлее, и менее страшно.

В начале апреля 1942 года маму вновь арестовали и посадили опять в ту же камеру. Таким же образом, как и прежде, я проникал к ее окошечку. Когда она узнавала из допросов что-нибудь важное, посылала меня к партизанам. Однажды, сидя на корточках, я увидел, как открылась недалеко от меня дверь черного хода, и из нее вышел немецкий солдат. Заметив меня, он направился в мою сторону. Я, как кролик перед удавом, смотрел то на пистолетную кобуру на его животе, то в его глаза и

медленно приподнимался. Мама кричит мне: «Беги!!» Солдат подошел, заглянул в камеру, спросил: «Это мама?» Я утвердительно кивнул головой. Тогда он надавил рукой на мое плечо и продолжил: «Сиди». Сам же отошел, справил малую нужду и ушел. Были и такие немецкие солдаты.

14 апреля маму расстреляли, а через месяц на моих глазах расстреляли и бабушку. Позднее их посмертно наградили медалями «За отвагу». Я ушел в партизанский отряд 9-й партизанской бригады, где исполнял обязанности связного и порученца. Дважды попадал в перестрелку партизан с немцами. Партизанская жизнь закончилась 31 января 1944 года с приходом частей Красной армии.

Мой папа погиб в бою с фашистами в 1941 году в городе Тихвине.

Леонид Павлович Кононов

В послевоенное время жил в Ленинграде. Учился. Поступил в ленинградскую спецшколу Военно-воздушных сил, а по ее окончании – в Качинское летное училище. В качестве летчика-истребителя летал 26 лет, из них 11 – на сверхзвуковых самолетах. Бороздил небо над Германией, Чехословакией, Польшей, Сибирью, Приморским краем, над тайгой и над Японским морем. В воздухе пришлось встретиться с американскими самолетами. Награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалью «За победу над Германией»

и рядом других медалей. Уволился из Вооруженных сил в звании полковника.

Во сне продолжаю летать до сих пор. И пишу стихи…

Леонид Павлович Кононов, Санкт-Петербург

На батарее – сплошь девчонки!

Сначала был телефонный звонок от Татьяны Алексеевны Мицко. «Я хочу вам рассказать о маме, Елене Гавриловне Лисиной, в девичестве Рябухиной, – сказала она. – Мама была в войну зенитчицей. Только заранее прошу прощения за то, что не всё точно сейчас могу вспомнить. Да и мама не много рассказывала о своих военных буднях».

Мы поговорили с Татьяной Алексеевной, а спустя несколько дней она сама пришла к нам в редакцию, чтобы дополнить рассказ новыми фактами, а заодно принесла мамин военный снимок. С фотографии глядела молоденькая девушка в пилотке и в гимнастёрке. Юная зенитчица…

Елена Рябухина родилась в 1918 году в селе Рыбное Вольского района. Детство её прошло как и у большинства сверстниц – в труде, учёбе, девчоночьих молодых хлопотах. Ей исполнилось чуть больше двадцати, когда грянула война.

В первый военный год на фронт Елена не попала. А к весне 1942 года Госкомитет обороны принял постановление о массовом приёме на службу в войска противовоздушной обороны страны женщин-бойцов, в связи с большими потерями на фронтах и необходимостью охраны тыловых объектов от налёта вражеской авиации. Уже 28 марта того же года бюро ЦК ВЛКСМ объявило первую всесоюзную комсомольскую мобилизацию девушек в войска ПВО.

Так с апреля 1942 года Елена оказалась на фронте в 19-м отдельном зенитно-прожекторном батальоне. Сперва она закончила школу инструкторов ПВХО под Вольском. А потом после распределения попала под город Калининск в Саратовской области. Уже позже, рассказывая дочерям о тех временах, она вспоминала, как тяжело приходилось девушкам, особенно по осени, когда прокладывали связь, пробираясь через холодные лужи в мокрых шинелях и тяжёлых сапогах с налипшими глыбами грязи на них.

После окончания Сталинградской битвы батальон зенитчиц отправили в Сталинград, а дальше был Дальний Восток и война с Японией.

За свою военную службу Елена Рябухина была награждена орденом Отечественной войны.

После войны она вернулась в Вольск и узнала, что отец погиб на фронте, два брата, тоже призванные в армию, отслужили и, к счастью, вернулись домой живыми и здоровыми.

Елена Гавриловна Рябухина (фото из архива Татьяны Мицко)

В 1952 году Елена приехала работать в Марксовский район, в совхоз «Новосельский». Там вскоре вышла замуж за вдовца, Алексея Ивановича Лисина, который всю войну проработал в селе, хотя рвался на фронт. Но его не пустили, поскольку совхозу очень нужны были трактористы. У Алексея Ивановича были свои дети, позже появились ещё трое ребятишек. Но, по признанию дочери, Татьяны Алексеевны, всех родители воспитывали одинаково, не делая различий, и каждому сумели дать образование и привить главные нравственные ценности: уважение к старшим, трудолюбие, умение дружить.

В совхозе Елена Гавриловна и хлеб пекла, и учётчицей работала, и бригадиром на ферме. У всех, кто знал эту женщину,

в памяти она осталась доброй и справедливой. Последние десять лет своей жизни она провела в постели, в связи с тяжёлой болезнью. Умерла Елена Гавриловна в 2008 году в возрасте девяноста лет.

Юлия Антонова, корреспондент газеты «Волжанка»,
г. Маркс

Фотография в альбоме

Симпатичный молодой солдат щурит глаза под лучами яркого майского солнышка. На руках у солдата – улыбчивый ребенок, похоже очень довольный с виду. На старой фотографии – старшина Яков Кравченко, 22 лет от роду, празднует Победу над фашизмом вместе с жителями освобожденной Праги в мае 1945 года.

На обороте карточки надпись: «Дорогая мамочка, сохраните этот снимок до моего прихода – пусть останется память. Яша». Домой Яков вернулся только в 1948 году.

Яков Кравченко

До войны Яков Кравченко жил в Щербатках, смолоду освоил «престижные» по тем годам профессии комбайнера и тракториста. И поэтому, когда началась война, на парня наложили так называемую бронь, оставив его трудиться в родном поселке.

В 1942 году, приписав себе лишний год для солидности, Яков получил-таки возможность стать в ряды защитников Отечества.

Воевал в артиллерийском полку, был разведчиком. Дошел до Берлина, уже в его предместьях полк перенаправили в Чехословакию. Оттуда – в Туркменистан.

Вернувшись в 1948 году домой, женился и переехал жить в Экибастуз. Строил 1-й угольный разрез («Центральный»). Освоил в 1957 году профессию водителя, устроился на работу в автобазу «Экибастузугля», где и трудился до пенсии. Однако на заслуженном отдыхе тоже не мог сидеть без дела и работал в бойлерной «Горводоканала».

Фотографию отца бережно хранит его сын Григорий Яковлевич Кравченко.

– Отец не любил вспоминать о войне. А когда мы, двое братьев и сестра, настаивали, говорил: «Бегайте, играйте, зачем вам такое знать?»

Мария Гонтарь

Праздничная ночь

Инзарцев Николай Аркадьевич (1908–1990)

Всё больше времени проходит со дня окончания Великой Отечественной войны, все меньше и меньше остается в живых её свидетелей и участников. Наверное, целое поколение уже выросло, вошло в свою взрослую жизнь и знает об этой войне исключительно по художественным фильмам, снятым в последние годы. Ничего не хочу сказать – ни плохого, ни хорошего об этих фильмах и об их авторах, тем более, это не тема моих сегодняшних размышлений. Просто считаю, что мне очень повезло в жизни, потому что в моем детстве и юности у меня был дед – ветеран Великой Отечественной войны, защитник Советского Заполярья, который мне много рассказывал о войне и о том лихолетье.

А повидать на своем веку ему пришлось многое. Мой дед, Инзарцев Николай Аркадьевич, кстати я тоже Инзарцев Николай Аркадьевич, чем очень горжусь, родился 5 декабря 1908 года в Нижнем Новгороде. На его детство пришлась и революция, и Гражданская война, и послевоенная разруха. В 1928 году по комсомольскому набору и зову сердца попал служить на Балтийский флот, где после окончания электро-минной школы был распределен на подводные лодки. В 1933 году перешел с кораблями на самый молодой в те времена Северный флот, в его главную базу Полярный. Там же его и застала война. Сначала война с белофиннами, а через несколько лет и Великая Отечественная.

С первых дней войны мой дед помощник командира, а с сентября 1941 года – командир 181-го Особого добровольческого разведывательного отряда штаба Северного флота.

Много дерзких разведывательных, диверсионных, десантных операций провел отряд за годы войны, и не только в Заполярье, но и на Тихом океане при освобождении Северной Кореи от японских войск в 1945 году под командованием моего деда, а впоследствии и других не менее героических командиров. Нелегкий и опасный труд разведчиков, тяжелые физические испытания, испытания силы воли и смелости до самопожертвования выпали на долю моего деда и бойцов его отряда.

Дед закончил войну на Тихоокеанском флоте в звании подполковника, а ушел в отставку в звании полковника уже в пятидесятых годах.

Уже после войны разными авторами по воспоминаниям очевидцев, в том числе и моего деда, много было написано о разведчиках 181-го Особого добровольческого разведывательного отряда штаба Северного флота, об их вкладе в общую победу, но и у моего деда была мечта опубликовать свои воспоминания о том славном героическом времени, о людях, с которыми свела судьба, в память о своих боевых товарищах.

Свои мемуары дед завещал мне с надеждой, что, может быть, мне удастся их опубликовать.

Вот один из его рассказов я и хочу предложить вам. Хочу сразу сказать, что это не мой вольный пересказ когда-то услышанного рассказа, а непосредственно собственноручно записанные воспоминания моего героического деда – полковника Инзарцева Николая Аркадьевича.

* * *

Как-то в первых числах ноября 1941 года в кабинете у офицера разведотдела штаба Северного флота Марка Юрьевича Людена я встретил незнакомого мне майора. Марк Юрьевич нас представил друг другу. Незнакомый майор оказался военным корреспондентом Константином Симоновым. Я назвал себя, и у нас завязалась оживленная беседа. Симонов интересовался деятельностью нашего отряда, проведенными ранее походами, его интересовало все: как живут, как готовятся разведчики, но больше всего интересовала боевая деятельность отряда и история 181-го Особого разведывательного отряда штаба Северного флота, его люди, добровольцы, в большинстве своем моряки-подводники и лучшие спортсмены флота, студенты ленинградских институтов.

Так в задушевной беседе, а это редко бывает, когда разведчики откровенничают, незаметно подошло время обеда. Симонов поблагодарил нас с Марком Юрьевичем за интересную беседу и обещал написать о людях отряда и об их опасной и благородной работе.

За обедом в кают-компании разговор велся вокруг октябрьских и ноябрьских московских событий. Мы все вполне понимали, разделяли и переживали, конечно, каждый по-своему эти события.

Начальник отдела разведки капитан II ранга Павел Визгин коротко информировал нас о событиях на фронтах, и, в частности, он остановился на нашем направлении. В Мотовском заливе на подходе к Озеркам наш мотобот «Север» потоплен фашистской батареей с мыса Могильный. Разведчики выплыли на

берег, им оказал помощь наш патруль. Потерь не было, и все здоровы.

Фашисты опять восстановили свою батарею на мысе Пикшуев, которая после налета нашей авиации более двух месяцев бездействовала.

Есть приказание командующего Северным флотом уничтожить батарею и сжечь на мысе все, что может гореть. Главное, все маячные здания и хозяйственные постройки, которыми фашисты пользуются частично для жилья, а главным образом, отапливают свои землянки, разбирая свои постройки, так как по близости нет даже кустарника и дрова на маяк завозились. И здесь же в кают-компании приказал нам с Марком Юрьевичем готовить операцию, срок проведения не назвал.

Я попросил разрешения выйти из-за стола и ушел в отряд, который занимал четыре квартиры в этом же доме.

Вечером, когда я явился с докладом о готовности отряда к походу к майору Людену, у него, удобно развалившись в кресле с курительной трубкой, сидел и что-то записывал в свой блокнот товарищ Симонов.

Марк Юрьевич занимался составлением плана операции. Когда я ознакомился с планом предстоящей операции, предложил ему тактику действия отряда на побережье противника, походный порядок и охранение. Марк Юрьевич полностью согласился с моими предложениями.

Нерешенным оказался вопрос, брать ли с собой товарища Симонова или нет? Он очень просился у товарища Визгина, чтобы тот разрешил ему сходить с нами на боевую операцию, но Визгин ответил ему, что это не входит в его компетенцию. Дать «добро» на участие фронтового корреспондента Симонова в боевой операции разведчиков в тылу врага может только командующий флотом Головко.

Товарищ Симонов пытался пробиться к командующему, но без успеха, потому что командующий убыл к летчикам и вернется поздно вечером в районе 23 часов.

Ночью командующий флотом Головко утвердил план нашей операции. Визгин доложил о желании Симонова участвовать в высадке отряда на побережье противника, и командующий дал «добро».

Когда я поздно ночью зашел к майору Людену, то застал его сидящим с Симоновым за столом. На столе кроме стаканов чая стояла открытая бутылка портвейна. Наливая мне портвейн, Марк Юрьевич Люден сказал, что командующий разрешил сходить с нами Константину Михайловичу, вот он с радости и извлек из своего ранца заветную бутылочку, предназначенную к празднику

– Дню Великой Октябрьской социалистической революции, но я уговорил распить портвейн раньше, а то может быть – да все может быть, лучше выпить сейчас – и, понимаешь, убедил его. А если все будет в порядке, то праздник мы встретим и так как положено.

Поздно ночью я ушел к себе, Марк Юрьевич и Константин Симонов легли здесь же в кабинете. Утром рано я принес Симонову походное обмундирование и белый маскировочный халат. Примерить эту одежду он мог только в ночь с 6 на 7 ноября 1941 года. С 3 по 5 ноября стояла отвратительная штормовая погода, и выход в море катерам «МО» – «морским охотникам» – не разрешали. Отряд находился в часовой готовности.

Вечером 6 ноября 1941 года, в 17 часов получен приказ следовать на посадку в губу Кислая, где нас уже ждали два катера «МО», которыми командовал старший лейтенант Василий Лозовский. Командиром второго катера был мой земляк – горьковчанин Гущин. Отряд уже разместился на катерах, когда на пирсе появились капитан II ранга Визгин в сопровождении майора Людена и Константина Симонова в походном снаряжении.

«Можно представить себе, что сейчас переживает военный корреспондент» – прошептал мне на ухо разведчик Вася Кашутин. Я присутствовал при разговоре Визгина с Симоновым, когда он доложил о своей готовности к предстоящему походу. Вид у него был чрезвычайно воинственный. Визгин посмотрел на него и остался доволен внешним видом и сразу с места потребовал, чтобы он сдал все документы и, на всякий случай, если не вернется живым из похода, оставил свой домашний адрес и письмо близким. Нам, стоящим рядом, сразу бросилось в глаза: после монолога товарища Визгина лицо товарища Симонова сразу вытянулось и куда-то сразу девалось большая половина его молодцеватости. Он нехотя достал свои документы и передал их Визгину. Скажи сейчас Визгин, что обстановка изменилась и он не может взять в поход Симонова, то он не стал бы настаивать на своем участии. Правда, это мое личное мнение, но, основываясь на моем небольшом в то время опыте работы с личным составом на этой опасной работе, я сделал такой вывод.

Через несколько минут мы отошли от причала, развернулись и, взяв курс на север, пошли к выходу из Кольского залива. Погода, как назло, стояла хорошая и Люден нервничал, все время посматривая на часы, ворчал, что следовало бы отложить операцию до того, как луна пойдет на убыль, чтобы быть менее заметными. Действительно, луна светила во всю свою мощь. Можно было различить на снегу человека на расстоянии ста метров, а в море – до 4–5 кабельтовых.

Мало того, весь горизонт занимало северное сияние, переливающееся всеми цветами радуги. К тому времени я уже почти семь лет служил на Севере, но ещё ни разу не видел более светлой ночи.

«Морской охотник» – очень небольшой кораблик и когда на него вторгаются двадцать человек, то, куда их ни засунь, все равно будет тесно. Катера шли на порядочной волне, которая изредка перехлестывала через борт катера, обдавая брызгами ходовую рубку.

Разведчики разместились в кают-компании в коридоре. Между каютами было тесно, но тепло и уютно. Большинство из них спали после сытного ужина. Воздух был сперт, несмотря на работу вентилятора, но это мало действовало на разведчиков. Они периодически по два-три человека выходили на верхнюю палубу и курили на корме, сидя около глубинных бомб. Это было, конечно же, запрещено, но разведчикам негласно разрешали на это короткое время в присутствии вахтенного комендора осторожно курить.

Катер шел с погашенными огнями, и только за кормой вспененная винтами вода фосфоресцировала. Качка усиливалась, и некоторые «моряки» чувствовали себя не очень хорошо, но держались, старались разговаривать и шутить. Словом, говорили о чем угодно, кроме предстоящего похода.

Когда катера вошли в Мотовский залив, качка заметно уменьшилась, и они прибавили ход и прижались к берегам полуострова Рыбачий, взяли курс на Озерки. Слева по курсу вырисовывался на фоне черной воды контур мыса Пикшуев – цель нашего похода. Справа по борту тянулось южное побережье полуострова Рыбачий, на котором время от времени мелькали огни фар проходивших вражеских автомобилей.

На траверзе губы Эйна резко положили руль лево на борт, убавили обороты дизелей и с приглушенными двигателями подошли к северному берегу Мотовского залива, занятому фашистами в первые дни войны. Катер лейтенанта Гущина несколько отстал. Ему было приказано прикрывать, обеспечивая высадку разведчиков.

Старший лейтенант Лозовский хорошо знал побережье и не один раз высаживал нас в этом районе. Удачно и на этот раз подошел, несмотря на небольшой накат. В воду спрыгнули два матроса из экипажа катера, одетые в легководолазные костюмы. Им на плечи положили другой конец трапа, а первый конец был закреплен на носу катера.

Не прошло и трех минут, как вся группа была уже на берегу. Неудачно прыгнули только Константин Симонов и майор Люден.

Оба они, надо сказать честно, были мало подготовлены к подобному упражнению. Личный отряд был хорошо подготовлен физически, и для разведчиков прыгнуть с полной боевой выкладкой с вибрирующего трапа на 2–2,5 метра никакого труда не представляло. Для грузного майора Людена это было очень тяжело. Да и для Симонова этот трюк окончился неудачно. Оба они оказались на берегу в мокрой обуви и в мокром маскировочном халате.

Николай Аркадьевич Инзарцев. 1942 г.

Командир отделения Алексей Радышевцев первым со своим отделением сошел на берег и сразу же бегом по расщелине выбрался на большие прибрежные хаотически наваленные обломки скал, где и занял оборону и вел наблюдение.

В это время катер Гущина подошел к борту нашего катера и так же быстро высадил вторую группу разведчиков под командованием старшего лейтенанта Геннадия Карпова. Командирами отделений были опытные разведчики Степан Мотовилин Василий Кашутин. Сейчас было уже нестрашно быть обнаруженными фашистами Катера стоявшие под защитой прибрежных скал были совершенно незаметными с берега а берег был уже не наш.

Спустя 15–20 минут, когда отряд был уже в метрах в пятистах от уреза воды, катера отошли. Шума моторов совершенно не было слышно, а через несколько минут катера совсем исчезли во тьме залива. Залив начал парить. Это означало, что температура воздуха была меньше минус 10 градусов.

Я, как было условлено, дал сигнал электрическим фонариком (три длинные вспышки), что у нас все в порядке, и мы не видим катера. Они ответили одной вспышкой в направлении губы Эйна, где они будут отстаиваться до нашего вызова.

Отряд в это время, неся охранение, осторожно двигался по направлению к маяку Пикшуев. Несмотря на маскировочные халаты, людей было хорошо видно даже издали, так как ночь была очень светлой. По мню, что тогда я невольно подумал, что если фашисты нас заметят, то постреляют, как куропаток. Предложил майору Людену подняться выше и идти под скалами, прячась в их тени. Идти стало труднее, но безопасней.

В головном охранении шли прирожденный разведчик Степан Мотовилин, Николай Лосев и Иван Пляков. За ними метрах в 30 шли Люден и Симонов. Я шел вместе с отделением Радышевцева, обеспечивая тыловое охранение.

Шли мы эти двенадцать километров с небольшими привалами около трех часов, и то из-за Людена и Симонова. Люден по очереди с Симоновым часто скатывались вниз метров на двадцать – тридцать; когда их с помощью разведчиков возвращали назад – мы все отдыхали, а к концу пути они так устали, что, где они падали, там и был привал. Правда, нам некуда было спешить. Нужно было прибыть к месту часам к двум-трем ночи – время самого сна у фрицев. Лучше всего в это время не будить или не дать проснуться и отправить на тот свет.

Это, конечно, время рекордное, ибо мы пробирались под самым берегом по очень крутым скатам. Перепрыгивать со скалы на скалу, с камня на камень было делом нелегким даже для

тренированных разведчиков. Хуже всего приходилось там, где прибрежные сопки были занесены снегом и образовывался наст, а это абсолютно гладкие, твердые, как асфальт, довольно крутые скалы, и разведчикам даже в специальных горных ботинках было трудно порой удержаться и не скатиться вниз. Мне все же пришлось форсировать марш и не давать отдыхать больше десяти минут на привалах, опять же из-за Константина Симонова и майора Людена, так как они промочили ноги при высадке, а их халаты стояли колом и раздражали своим хрустом идущих за ними разведчиков, заставляли их напрягать слух.

Но вот остался позади этот тяжелый участок пути. Мы перешли замерзшее русло небольшого ручья и спустились на покатый его берег.

Головное охранение заметило следы. Все насторожились. Следы были похожи на человеческие, но какие-то странные. При ветре, дувшем нам в лицо, следы не могли оставаться на снегу более пяти минут. Потом подошел Степан Мотовилин и просто сказал, что здесь только что прошла росомаха.

Спустя минут десять охранение слева заметило тянувшиеся по снегу телефонные провода – это была линия, соединяющая опорный пункт со штабом дивизии, который находился в Титовке. Разведчик Гриша Хорабрин перерезал провод и один конец стал наматывать на локоть. Намотав так метров пятьдесят, опять отрезал, а пройдя небольшое расстояние, пробил наст и спрятал в яму отрезанный провод, а яму замаскировал.

Идущий впереди Иван Поляков указал Мотовилину на две сопочки, заваленные в беспорядке голыми грядами камней.

– Это Пикшуев, подходим, – сказал Степан и послал связного Рыжечкина доложить майору Людену. Было светло. Луна продолжала исправно нести свою службу, не считаясь с нашими желаниями. Отряд развернулся и тремя группами пошел, охватывая сопочки. Оружие держали наготове, так как не было уверенности, что немцы нас не обнаружили.

Головное охранение подошло вплотную к сопке и стало ползком забираться наверх, а отделение старшины первой статьи Радышевцева в это время уже было на вершине второй сопки, где обнаружило две землянки.

Подошедший связной из отделения Радышевцева доложил, что землянки жилые, но фрицев в них нет, а двери подперты досками.

Когда мы подошли к землянкам и вошли в одну из них, там было ещё тепло. На полу землянки лежали колотые дрова и пружинный матрац и ещё какое-то тряпье. В землянке свободно могли разместиться пять-шесть человек.

В другую землянку зашли Люден и Симонов. Антураж землянки был аналогичный.

Чувствовалось, что это не брошенная землянка, что в ней совсем недавно жили и, очевидно, ещё собираются жить. Стояли котелки и другая посуда. На стене висела лампа с исправным фитилем.

Две другие группы, возглавляемые главным старшиной Чинговатовым и Лосевым, обследовали всю местность вокруг маячных построек и тоже не обнаружили немцев.

Через некоторое время после доклада командиров групп нам стало ясно, что в настоящее время на мысе Пикшуев фрицев нет.

А спустя две недели нам удалось выяснить у пленного немецкого егеря, что этими землянками пользовались патрули для отдыха в дневное время суток, так как днем все побережье Мотовского залива просматривалось наблюдательными постами, связанными телефонами, и на это время патрули отдыхают, а ночью, наоборот, отдыхают наблюдательные посты, а патрули выходят с мыса Могильный, там у немцев большой опорный пункт, и следуют к мысу Пикшуев. В условной точке они встречаются и возвращаются обратно.

То, что немцы здесь обитают, было ясно с первого быстрого осмотра.

Землянки находились в полном порядке, в них были оставлены разные бытовые вещи. В двух сарайчиках и в одном домике был сосредоточен склад продовольствия – бочки с яичным порошком, мешки с мукой, консервы и т. д. В одном из сараев штабелями лежали баллоны с ацетиленом, предназначенные для освещения маяка, то есть запасы еще мирного времени. Невдалеке от сараев мы обнаружили изуродованные лафеты и одно поврежденное горное орудие.

Судя по тому, в каком состоянии находилась эта батарея, можно было судить, что наша авиация хорошо поработала.

Все запасы доставлялись сюда немцами с большим трудом на вьюках. Наши радисты по приказу Людена связались с катерами Лозовского, которые отстаивались в губе Эйна и ждали сигнала, чтобы подойти и снять нас.

Через 15 минут они уже были у берега, подали сходню. На берег сошел капитан II ранга Визгин и старший лейтенант Лозовский. Осмотрев все что было на мысе Пикшуев, Визгин приказал все облить бензином и сжечь. А когда принесли бензин, то сам вместе с Константином Симоновым тоже принялся обливать строения и пристройки маяка.

Землянки, которые находились в некотором удалении от маячных построек, главный старшина Чиговатов тоже подготовил

к уничтожению, и у каждого объекта остался разведчик. Охранение было снято, и все, кроме отделения Радышевцева, которому было приказано произвести подрыв и поджог объектов, были уже на катерах. А Радышевцев получил сигнал – в строну моря взметнулась красная ракета, взорвал и поджег объекты.

С катера хорошо было видно, как сквозь ставни и двери просачивались изнутри красные языки пламени. Катера отошли и взяли курс на Полярный.

Сильно качало. Были большие баллы. Мы стояли в рубке и делились своими впечатлениями и предположениями с товарищем Визгиным. Прошло минут двадцать-тридцать, когда на мысе Пикшуев раздался сильный взрыв, и нашим глазам открылось любопытное зрелище: мыс весь горел, над ним стоял огромный столб пламени. Взрывы уже были не слышны, но по промежуткам, с которыми то пропадало, то поднималось пламя, было совершенно ясно, что там что-то рвется. Возможно, в одном из складов всё-таки были снаряды.

Ещё более часа свирепствовал на мысе Пикшуев огонь. Его видели наши наблюдательные посты с Рыбачьего.

Рано утром, когда стояла все та же полярная ночь, мы вернулись на базу. Визгин и Люден отправились докладывать командующему флотом Головко о выполнении задания. Я же отдал приказ старшине отряда Петру Гарбузу, чтоб отряд сдал оружие и боезапас и отдыхал.

Вечером у нас в столовой отряда состоялся небольшой банкет по случаю награждения наших товарищей за предыдущие операции, на банкет были приглашены Константин Симонов и поэт Жаров.

На этом банкете Константин Симонов впервые прочитал нам свое стихотворение «Жди меня». Всем нам оно очень понравилось, потому что всех нас кто-нибудь ждал, а многих наших товарищей так и не дождались их матери и жены, а некоторых ждут до сих пор.

Банкет прошел очень весело и оживленно, выступила самодеятельность отряда. Марк Юрьевич Люден на бис исполнял арию Германа из «Пиковой дамы». Но вот подошло время и нам разойтись на отдых.

Я уже знал, что получено согласие командования на уничтожение автобатальона немцев в расположении бывшего нашего рыбного совхоза «Титовка», и шуткой предложил Константину Симонову пойти с нами на настоящее дело, а он мне ответил: «Я свою судьбу испытываю один раз».

А отряд через несколько дней уже хозяйничал в Титовке.

Николай Аркадьевич Инзарцев

Разведчик, сапер, инженер

Сергей Васильевич Дюбенко родился 28 декабря 1920 года в крестьянской семье в деревне Ровное Невельского района Псковской области, среди лесов, болот и озер. Учился в невельской средней школе № 1. Учился хорошо. Окончив школу в 1938 году, выбрал мирную гражданскую профессию. В 1938 году Сергей поступил на факультет аэродромного строительства Ленинградского института инженеров гражданского воздушного флота.

Уже через год, когда ему не исполнилось и девятнадцати лет, началась советско-финская война. В январе 1940 года студент Сергей Дюбенко добровольцем ушел на фронт. Воевал Сергей в 100-м лыжном батальоне, участвовал в прорыве линии Маннергейма.

Стояла суровая морозная и снежная зима. Кровопролитные бои шли под Выборгом. Прочны были вражеские укрепления – бетонные долговременные огневые точки (доты). Но еще крепче были воля и вера в победу у молодых советских солдат.

Командир поставил красноармейцу Сергею Дюбенко задачу – провести разведку позиций противника. Трое суток в снегу, на жестоком морозе перед одним из дотов пролежал Сергей. Проведя разведку, вскрыл всю систему огня укрепленного пункта. Благодаря его разведданным, наша авиация и артиллерия нанесли удар по врагу, подавили опорный пункт и уничтожили дот.

За этот подвиг, за проявленную доблесть и мужество в борьбе с белофиннами рядовой красноармеец С. В. Дюбенко был награжден орденом Красного Знамени. Это был его первый орден.

Были и другие тяжелые бои и подвиги в ту военную зиму. Но не любил Сергей Васильевич вспоминать и рассказывать про свои подвиги.

Рядовой красноармеец Сергей Дюбенко участвовал в боевых действиях по защите СССР в войне с белофиннами с января по март 1940 года, воевал на Карельском перешейке, и было ему в ту пору неполных 20 лет.

Закончилась финская война, и ранней весной 1940 года Сергей с боевым орденом на груди снова становится студентом.

За самоотверженную работу и участие в разгроме белофиннов приказом по Главному управлению гражданского воздушного флота № 172 от 29.06.1940 года Сергей Дюбенко был награжден знаком Гражданского воздушного флота «Отличник Аэрофлота».

Но вскоре веселая студенческая жизнь закончилась. В марте 1941 года уже в призывном порядке студент Сергей Дюбенко становится слушателем Ленинградской военно-воздушной академии Красной армии.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. 1 февраля 1942 года техник-лейтенант Сергей Дюбенко оканчивает полный курс факультета аэродромного строительства Ленинградской военно-воздушной академии Красной армии. Молодой офицер прибывает на Северо-Западный фронт, где вступает в командование инженерно-саперной ротой 29-го отдельного инженерно-аэродромного батальона 15-й воздушной армии.

Сколько раз приходилось саперам и их командиру смотреть в глаза смерти! Ночами саперы вели разминирование вражеских полей и ставили свои мины на танкоопасных направлениях, а днём строили дороги, мосты и фронтовые аэродромы для истребительной и фронтовой авиации. Эти работы проходили под непрерывными бомбежками и артобстрелами фашистов. Порой саперы брали автоматы и гранаты и вступали в бой с фашистами.

25 мая 1943 года старший техник-лейтенант С. В. Дюбенко, помощник начальника штаба 29-го отдельного инженерно-аэродромного батальона, был ранен. Получил осколочное ранение мягких тканей головы, правого предплечья, правого надплечья, правой кисти, по поводу чего с 25 мая по 11 июня 1943 года находился на излечении в ГЛР 3528 (госпиталь для лечения легкораненых).

В мае 1944 года за мужество и отвагу, проявленные в ходе строительства полевых аэродромов, инженер-капитан С. В. Дюбенко был награжден орденом Красной Звезды. Это был его второй орден.

В конце 1944 года в наступательных операциях Красной армии инженер-капитан С. В. Дюбенко за инициативу и настойчивость, проявленные в ходе строительства полевых аэродромов, был награжден третьим орденом – орденом Отечественной войны II степени.

В конце войны Сергей Дюбенко за проявленный героизм и мужество был награжден вторым орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Войну инженер-капитан С. В. Дюбенко закончил заместителем командира 29-го отдельного инженерно-аэродромного батальона по технической части.

От Старой Руссы до Кёнигсберга в составе Северо-Западного и 2-го Прибалтийского фронтов дошел со своими солдатами капитан Сергей Дюбенко. Особенно ему запомнились бои под

родным Невелем. Приходилось освобождать деревни и села, до боли близкие и знакомые с раннего детства.

Сергей Васильевич Дюбенко

Боевой путь Дюбенко Сергея Васильевича был отмечен высокими государственными наградами. Он был награжден пятью орденами: орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, орденом Отечественной войны I степени и тринадцатью медалями.

После победы над фашистами Сергей Васильевич продолжил свое военное образование. Инженер-подполковник С. В. Дюбенко 1 сентября 1947 года поступил и 28 июня 1951 года окончил полный курс факультета аэродромного строительства Ленинградской Краснознаменной военно-воздушной инженерной академии ВВС Военного министерства СССР.

После завершения обучения в академии Сергей Васильевич был направлен служить в город Киев, в Киевский филиал Центрального проектного института ВВС. Там он руководил проектными работами по строительству военных объектов для нового вида Вооруженных сил СССР – Ракетных войск стратегического назначения.

В проектном институте Сергею Васильевичу было присвоено очередное воинское звание – инженер-полковник.

С 1959 года до последних дней судьба полковника Сергея Васильевича Дюбенко была связана с Московским лесотехническим институтом.

Сергей Васильевич пришел служить на военную кафедру института и много лет возглавлял её. За годы службы в институте подготовил из студентов десятки офицеров для Военно-воздушных сил.

25 декабря 1975 года полковник С. В. Дюбенко – начальник военной кафедры Московского лесотехнического института был уволен с военной службы по болезни.

После увольнения из Вооруженных сил СССР Сергей Васильевич занялся наконец мирной работой, о которой он мечтал еще в годы своей далекой юности.

Учил студентов строить дома и промышленные здания, а не военные аэродромы и другие объекты. В Московском лесотехническом институте доцент С. В. Дюбенко преподавал на кафедре промышленного и транспортного строительства.

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. указом президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года Сергей Васильевич был награжден орденом Отечественной войны I степени.

За заслуги в области высшего образования СССР доцент С. В. Дюбенко был награжден нагрудным знаком «За отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

У Сергея Васильевича трое детей: сын Юрий и дочери Лидия и Ирина. Сергей Васильевич был заботливым и любящим отцом, честным, мудрым и справедливым человеком. Нередко к нему

обращались люди за советом, и для всех он находил нужные слова.

Он был большим знатоком и любителем природы, искусным грибником и мастером рыбной ловли. Настоящей отдушиной для Сергея Васильевича была игра на баяне. Одной из самых любимых песен у него был «Случайный вальс».

Любовь к природе, к родному дому, к Родине Сергей Васильевич передал своим детям и внукам.

Наша семья гордится Сергеем Васильевичем и преклоняется перед ним и сотнями тысяч таких же, как он, мужественных и храбрых солдат, отвоевавших для нас мирное небо над головой.

Илюхина Екатерина – внучка

Алюминиевая ложка

Шестьдесят с лишним лет Нина Егоровна Князева хранит как семейную реликвию обыкновенную алюминиевую ложку. Это её память о войне, подарок маленькой девочке Нине от военнопленного голодного немецкого солдата, которому добросердечная Нинина мама не пожалела куска хлеба.

Сейчас Нина Егоровна живёт в г. Маркс, в маленькой скромной квартире. «Я не привыкла роскошествовать» – это её выражение, и в нём вся жизнь этой женщины от детства до старости. Дитя своего поколения, она сполна изведала всё, что выпало на долю тех, чьё детство пришлось на военные годы, да и потом в своей взрослой жизни ей приходилось несладко.

Дедушки-однополчане

Она раскладывает семейные снимки. На одном из них – плотно порыжевшем картоне, запечатлена группа солдат в шинелях и папахах времён Первой мировой войны. На переднем плане два лихих усача. «Это мои дедушки, – говорит Нина Егоровна. – Так получилось, что оба они служили в одном полку; Михаил Бубенцов – отец моего папы и Григорий Рожков – отец мамы. Вряд ли они тогда подозревали, что их дети поженятся…»

Отец Нины, Егор Михайлович Бубенцов, родился в 1909 году в селе Кореевка Краснопартизанского района Саратовской области. По воспоминанию дочери, был он человек весёлый и добрый, очень музыкальный и в короткие, свободные от работы часы играл на балалайке. В их небогатом доме, который, собственно говоря, был всего лишь небольшой комнатой в бараке, всегда цвели цветы, которые разводила мама Клавдия Григорьевна. В семье росли трое ребятишек: Валентина, Нина и Виктор. Жили Бубенцовы в посёлки Горный. Отец трудился в жилищно-коммунальном хозяйстве, мама – на шахте, где добывали сланец и щебень.

Проводы на войну

Фото из архива Нины Егоровны Князевой

В июне 1941 года девочке Нине было всего шесть с половиной лет. Егора Бубенцова призвали в армию сразу же в первые дни войны. «Помню, как мы отправились всей семьёй провожать папу в военкомат, – рассказывает Нина Егоровна. – Меня по такому случаю нарядили в новые ботиночки. Но в тот день папу не забрали, и мы решили сфотографироваться на память. Вот она, эта фотография. Видите, на ней я стою, папа и мама сидят немного настороженные перед объективом и мои

братики. После фотоателье мы отправились домой, и по дороге я очень сильно натёрла ноги. На следующий день мы снова пошли в военкомат, но на этот раз я шла босиком. С нами провожала папу бабушка Анна, его мама. Это была добрейшая, замечательная женщина. Перед военкоматом мы снова зашли в фотоателье, и вот эта вторая фотография с папиных проводов, на которой уже и бабушка есть, и я стою с босыми ногами. После военкомата нас отправили на станцию Рукополь, откуда папу должен был забрать товарный вагон. Помню, как мы сидели на станции, а вокруг цвёл подсолнушек. И так это было красиво, что мне запомнилось на всю жизнь. Подошёл поезд, двери раскрылись, а там внутри – лошади и тюки с сеном. Папа вошёл в вагон, двери закрылись, и состав тронулся в сторону Саратова. Было уже темно, и мы с братьями пошли в село Комсомольское, где жили папины родители. Наутро вернулись домой в Горный.

Последняя встреча

Папа потом прислал маме письмо из Вольска, но мама была неграмотной и поэтому пошла с этим письмом к соседям. Оказалось, что в письме отец просил её приехать к нему в часть. И мама решила пойти в Вольск пешком через Балаково. Повидались они, и побрела она обратно домой. Шла она голодная, еле-еле. По пути кто-то дал ей кусочек хлебца и рыбную сушёную голову. Но она не съела эту сиротскую снедь, а принесла домой и залилась слезами. Так её потрясло это путешествие и эта беспросветная нищета вокруг.

В январе 1942 года мы получили извещение из военкомата Краснопартизанского района. «Ваш муж, товарищ Бубенцов Егор Михайлович, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив мужество и геройство, пропал без вести 12 января 1942 года».

Впоследствии его сослуживец, вернувшийся в посёлок, рассказал нам, что перед тем роковым боем отец плясал от всей души, точно предчувствуя, что в последний раз. В бою он наступил на мину, и его разорвало на куски.

Пенсию на отца назначили, но всё равно нам её не хватало. Впроголодь мы жили. В конце войны в посёлок пригнали военнопленных немецких солдат. Они работали на шахте. Однажды, помню, сидим мы на кухне, к нам входит один из них. Такой высокий худой русоволосый мужчина. И просит милостыню. А у нас денег нет, да и еды не особо много. Но мама всё равно дала кусок хлеба, а он достает из шинели свою ложку и

мне протянул. Я стала отказываться, а он на ломаном русском языке сказал: «Бери! Мне она больше не нужна». И ушёл. С тех пор это ложка всегда со мной везде, где бы я ни была.

Весной и летом сорок пятого мы, дети, бегали на станцию встречать фронтовиков. Многие возвращались. Наши друзья бежали навстречу своим отцам, братьям, родным. Но только не мы…

А та старая алюминиевая ложка хранится рядом с пожелтевшими фотографиями. Как память о войне.

Юлия Антонова, г. Маркс, Саратовская область

В живых осталась одна Вера

Я не ошибусь, если скажу, что нет такой семьи в нашей стране, которую бы не задели тяготы, лишения и испытания Великой Отечественной войны.

Только из членов моей семьи, участников войны, можно сформировать воинское отделение (10 человек). Хочется рассказать о каждом, хоть немного.

Мой дедушка, Гордиенок Антон Иванович (1894–1941), в сентябре 1941 г. ушел в народное ополчение. В конце сентября бабушка, Гордиенок Елена Антоновна, получила похоронку: «Пал смертью храбрых, захоронен в братской могиле на Пулковских высотах». В октябре 1941 г. пришла похоронка и на родного брата дедушки, Гордиенок Иосифа Ивановича (1896–1941).

Две мои тети, сестры: Борисова Клавдия Александровна (1920–2009) и Борисова Вера Александровна (1922 г. р.) воевали на Волховском фронте. Клавдия Александровна была связисткой, в составе регулярной армии дошла до Риги, была ранена. Вера Александровна всю войну работала в медсанбате, освобождала Украину.

Муж Веры Александровны, Яков Васильевич Кузин (1917–1991), освобождал Венгрию, Австрию. Мы храним его боевые награды. Война для него в мае 1945 не закончилась. Их часть передислоцировали в Монголию. Домой он вернулся только в декабре 1946 года.

Муж двоюродной сестры моего отца, Зверко Савелий Николаевич (1890–1968), был моряком Северного флота, сопровождал союзнические конвои.

В одном из кровопролитных, ожесточенных боев он дал клятву: если выживет, то посвятит свою жизнь служению Господу Богу. До последних своих дней дедушка Савва был дьяконом Коломяжской церкви.

Мой отец, Кудрявцев Павел Мартынович (1923–1991), в составе партизанского отряда, сформированного в Ушачском районе Витебской области, с боями дошел до Ленинградской области. В одном отряде с ним был мой крестный, Васильев Геннадий Николаевич.

Моя мама, Павлова Зинаида Антоновна (1928–2005), со своей тетей, Гордиенок Еленой Ивановной (1900–1981), были в концлагере «Мураги» в Витебской области, откуда им удалось совершить побег и примкнуть к партизанскому отряду Лобанка, сформированному в Ушачском районе Витебской области. Мама и бабушка стирали бинты в санчасти, вязали варежки и носки

бойцам.

Василий Михайлович Тимофеев

Больше сохранилось сведений и воспоминаний об отце моего мужа, Тимофееве Василии Михайловиче (1924–1993), который мог бы быть командиром этого семейного отделения. Закончив

Ульяновское пехотное училище, Василий Михайлович был командиром пулеметного взвода 2-го Украинского фронта 53-й стрелковой дивизии 214-го полка. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», «За взятие Вены», «За победу над Японией», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Бойцы 2-го Украинского фронта были передислоцированы на Дальний Восток для завершения войны с Японией.

В декабре 1946 г. Василий Михайлович закончил свою военную карьеру в городе Мукдене в звании гвардии лейтенанта.

Вера Александровна Борисова (1920 г. р.)

В живых от семейного воинского отделения осталась Кузина Вера Александровна (в девичестве Борисова). В декабре 2016 г. ей исполнится 94 года. Живет она у моей сестры, Зевакиной Валентины Александровны в Волховстрое Ленинградской области. Со слезами на глазах мы слушаем ее рассказы о войне, правнуки часто просят прабабушку показать ордена и медали.

9 мая мы собираемся за большим праздничным столом, поем «Ленинградскую застольную» и поднимаем рюмки со 100 фронтовыми граммами за мужество павших героями и за встречу живых.

Алевтина Павловна Тимофеева,
замдиректора по УВР ГБОУ ЦО № 133 Невского района Санкт-Петербурга

Профессия спасла жизнь

Лебедев Петр Дмитриевич (1921–1999)

Дед никогда не рассказывал про войну по доброй воле. Если его начинали расспрашивать, то лицо деда менялось, и если он и говорил, то было видно, как ему тяжело даются воспоминания. Видимо, очень страшное это дело – война, но в обыденных разговорах иногда «проскакивала» какая-либо информация.

Мой дед (по материнской линии) родился в 1921 году в Великолукской области (ныне Псковская), железнодорожная станция Жижица, село Михайловское, в многодетной крестьянской семье (11 детей).

После учёбы в школе работал электромонтёром в Великолукском паровозном депо (занимался ремонтом электрооборудования паровозов), где и получил профессию электрика, которая определила род деятельности дедушки на протяжении всей войны.

Как и все, пошел служить в армию. В самом начале 1941 года призывался Жижицким райвоенкоматом в тогда еще Рабоче-крестьянскую Красную армию. Из воспоминаний: в военкомат добирался зимой на лыжах. Стоял сильный мороз, и, пока дошел до военкомата, обморозил одно ухо, которое стало по размерам напоминать вареник.

Призвался рядовым. И буквально через несколько месяцев – ВОЙНА. Дед с первых дней находился на переднем крае в ожидании боестолкновения с фашистами. Но внезапно поступил приказ об отзыве с переднего края военнослужащих, обладающих «ценными» специальностями для ведения боевых действий. Про приказ я слышал от дедушки, отдан он был Ставкой главнокомандующего после того, как в первые дни ВОВ наша армия стала нести чудовищные потери. После этого события мой дед был переведён в связисты и, возможно, благодаря тому приказу тогда остался в живых.

Служил он в телефонном взводе роты связи 971-го стрелкового полка 273-й стрелковой дивизии, в дальнейшем именующейся как 273-я Бежицкая Краснознамённая ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия.

Всю войну прошагал (а скорее проползал) с телефонными катушками. Помню, рассказывал: телефонный провод у немцев был очень жёсткий, зимой дубел, а советский всегда оставался мягким. Но вот наши кабельные катушки были деревянными, без подшипников и очень сильно гремели при размотке линии связи.

Поэтому старались захватить трофейные немецкие катушки, на них перематывали советский провод и уже с ними шли прокладывать линии связи.

Рассказывал, как на наши позиции заходили немецкие бомбардировщики, и, пока бомбы летели до земли, нужно было попытаться «вычислить», куда они упадут, и убежать в противоположную сторону и там залечь. Ведь бомбы не просто падают вниз, они ещё продолжают лететь по инерции вперёд, повторяя направление полёта самолёта.

Рассказывал, как одну зиму простояли в чистом поле, никаких домов поблизости от позиции не было, поэтому жили в землянках. Выкапывали ямы в земле, сверху вход закрывали врытым в землю ящиком с откидной крышкой от артиллерийских снарядов, дно у ящика выбивалось. Внизу яма расширялась до площади двух лежащих человек. В стенке ямы выкапывалась крохотная печка. Трубой служило пробитое ломом отверстие в земле. Дно землянки устилалось сухими ветками и травой, в печке жглась изоляция от телефонного провода, так и ночевали по два человека. К утру лица у ночевавших становились чёрными от копоти, и все оттирались снегом.

…В одной деревне, захваченной фашистами, была церковь, на колокольне находился священнослужитель, перешедший на сторону врага. Он лично корректировал артиллерийский огонь по нашим позициям. Группе бойцов, в том числе и моему деду, удалось пробраться на эту колокольню. Поп «ушёл» вниз головой с колокольни к земле…

6 месяцев дед участвовал в боях за взятие Сталинграда, лично участвовал во взятии в плен Фридриха Паулюса (немецкий военачальник, автор плана «Барбаросса», с 1943 года – генерал-фельдмаршал, командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом).

Перед вступлением в бои за Сталинград все вновь прибывшие подразделения обязательно проходили через устроенный под Сталинградом фашистами концентрационный лагерь, впоследствии освобождённый нашими войсками. После того как солдаты и офицеры видели горы трупов женщин, детей и стариков, уничтоженных фашистами, их желание уничтожать врага многократно возрастало. После вида этого концлагеря, из воспоминаний деда, он и его сослуживцы перестали брать в плен живыми фашистов. А если кто и сдавался, то потом при конвоировании пленные почему-то всё время пытались бежать. А беглых фашистов, как известно, догоняли пули в спину…

Петр Дмитриевич Лебедев

Многие, наверно, слышали про бойца, который устранял во время боя обрыв телефонного провода, но, будучи раненым, успел перед смертью сжать два конца оборванного провода своими зубами. Связь была восстановлена. Фамилия этого бойца Печёнкин, служил он вместе с моим дедом.

После войны дед продолжил службу в Вооружённых силах и отдал ещё несколько лет морской авиации. Служил на острове Сахалин, потом в Заполярье на Новой Земле, где располагался

атомный полигон. Везде обеспечивал связь, радионавигацию и аэродромное освещение. Уволился командиром батальона аэродромного радиотехнического обеспечения в звании подполковника.

В 1999 году в возрасте 78 лет его не стало…

В нашей семье мы все помним и чтим ДЕДА – Лебедева Петра Дмитриевича, и передаём память о нём из поколения в поколение.

Сергей Владимирович Краснокутский

По Красной реке

Михаил Николаевич Савин, или просто Миша Савин, отправился на фронт в 18 лет, а в 20 пропал без вести.

Этот веселый, улыбчивый, вихрастый и очень романтичный парнишка писал стихи, они даже были напечатаны в районной газете «Сталинский организатор» и стали предметом семейной гордости. Газета со стихами долго хранилась в маминой шкатулочке.

Миша Савин

Потом мама будет изредка доставать газету и, не читая, гладить, по ровным столбикам сухими пальцами.

Его недавно приняли в комсомол, и впереди была еще такая интересная и такая долгая жизнь.

В семье Миша был самым старшим из детей, была еще Паночка, она училась в седьмом классе и была очень серьезной девочкой. Следующим был Вася, и самой младшей была Маруся, светленькая, большеглазая, совсем еще малышка. Все они были

разными и в то же время очень похожими друг на друга, может быть рыжиной в кудрях или веснушками, а может быть, не по-детски серьезным отношением к жизни. А потом настала война, и планы на большую, увлекательную жизнь пришлось на какое-то время отложить, потому что надо было отправляться на фронт. Его с отцом мобилизовали. Он обещал маме обязательно вернуться, во что бы то ни стало. Миша долго-долго будет вспоминать мамины глаза, полные безысходности, Пану, беспомощно повисшую на его плечах, и Марусю, обхватившую его ногу. Вася прятал глаза, только бы не показать, как ему хочется разрыдаться. Мамину худую, высокую фигуру, еще долго стоявшую в дорожной пыли он никогда не забудет. Она будет приходить к нему во сне, даже в аду, в сталинградском страшном капкане, куда попала 149-я стрелковая бригада вместе с 124-й бригадой полковника Горохова. Их так и называли потом: «Группа Горохова». Пять страшных, неимоверно тяжелых недель длилось их сопротивление: с трех сторон окруженные немцами, а с четвертой – Волгой, и только там, за рекой, наши артиллерийские расчеты. Без поддержки, голодная, отчаявшаяся, но так и не покорившаяся врагу, группа Горохова стояла насмерть, став щитом Сталинградского тракторного завода. Поначалу об их сопротивлении никто не знал, и только благодаря храбрости бойцов, которые пробрались через вражеские позиции и доставили донесение в Ставку о том, что бойцы 149-й и 124-й стрелковых бригад держат оборону на северном направлении, будучи полностью отрезанными от армии, командование поняло, что же происходит на севере Сталинграда. Пять недель сопротивления как у немцев на ладони. От всего личного состава к середине ноября останется одна треть. И когда на позициях появились прорвавшиеся наши части, ребята, позабыв обо всем, повыскакивали из окопов и побежали навстречу нашим, обнимались, обливаясь слезами, но уже не прячась от пуль, просто не было сил. На это с удивлением в бинокли смотрели немцы и… не открывали огонь. А в это время в селе Рассвет семья Савиных получила письмо. Миша писал в стихах о том, что ему снилось: он плывет по красной реке лицом вверх и видит на берегу маму и Пану, они улыбаются, протягивают к нему свои руки, и он тянется к ним, но красное течение не позволяет им даже коснуться друг друга, он так и уплывает от них. Мама побежала в другое село с этим его письмом, плакала и говорила, что это, наверное, всё. Но он пережил ад, у него впереди было еще полгода жизни. Новый 1943 год он встретил в госпитале: видимо, от холода и голода организм не выдержал и сдал. Все тело распухло. Из госпиталя Миша напишет еще открытку Пане в

Елаур, где она училась в 9 классе. А после госпиталя малочисленные остатки 149-й бригады присоединили к сформированной в апреле 1943 года 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Какое-то время они были в учебке, ждали отправки на фронт, и, наконец, к пятому июля 1943 года дивизия занимает позиции на тыловом оборонительном рубеже: Мочека, Плотовец, Короткое, Жигайловка, Афанасьевка. В ночь на 6 июля полки дивизии получают приказ выйти на передовые позиции и сменить дивизию левофлангового корпуса 6-й гвардейской армии Чистякова. Однако в связи с прорывом врагом участка обороны 7-й гвардейской армии Разумное – Генераловка дивизия получает новый приказ выдвинуться на рубеж – в район Старого Города (Белгород).

Седьмого июля 1943 года части дивизии, двигаясь в направлении на Мелихово, вступают в бой на рубеже в районе Старого Города. 10 июля, понеся большие потери, дивизии приходится отойти на рубеж Старый Город – Шишино – Хохлово – Киселево – Собынино.

У него было всего четыре дня жизни там, возле Белгорода. Солдатской военной жизни.

А девятого июля Миша при выходе из окружения близ хутора Постников (сейчас это пригород Белгорода) пропал без вести. Именно девятого июля в направлении Мелихово немцы прорвали оборону 92-й дивизии, и отдельные ее части оказались в окружении. Пришлось прорываться с боем, но не всем удалось вырваться. Миша остался там, в лесах Белгорода, возле хутора Постников.

А Савины получили короткое, как выстрел, извещение – «ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ». Потом были запросы, родные хотели узнать, где именно пропал их сын. Но выяснили лишь то, что 149-я бригада практически полностью полегла под Сталинградом. И скорее всего, он погиб именно там. И 70 лет никто из семьи так и не знал, что Миша после Сталинграда воевал на южном направлении Курской дуги. Теперь никого уже не осталось, кроме Маруси. Тети Маруси, той самой маленькой светловолосой девочки, которая Мишу помнила смутно.

Это, наверно, очень обидно, с нашей точки зрения, осознавать, что твой жизненный путь оборвался так внезапно в таком молодом возрасте, и никто из родных так и не узнал, где сложил солдат свою голову, но все в жизни происходит не зря и не просо так. Мы постепенно, скрупулезно восстановили последний год его жизни, и единственное желание осталось – посетить те места под Белгородом, отдать дань памяти Мише и многим-многим бойцам, погибшим там, но так и не

пропустившим немцев дальше.

Татьяна Астахова

Я выполнил задание

Бененсон Леонид Абельевич – житель села Орудьево. Он вспоминает: «Война началась, когда я учился в 7 классе орудьевской средней школы. Мы ходили в лес за грибами, приходим – и слышим по радио, что объявляют начало войны. Мне было всего 16 лет. Мы помогали фронту, чем могли: работали, расчищали дороги от снега зимой, для того чтобы проехали военные машины. Немцы подходили к Дмитрову, и я помню страх, который охватывал моих односельчан, которые беспокоились, что немцы могут прийти и в наше село.

Леонид Абельевич Бененсон

8 ноября 1943 года я был призван в регулярную армию. Нас привезли в Ивановскую область, в лесу построили большие землянки на сто человек, где мы жили. Перед отправкой на фронт мы день и ночь учились, тренировались, чтобы не попасть под пули и глупо не умереть. Наши начальники думали, что немцы применят газ, и обучали нас как химиков-разведчиков.

Во время военных действий я был в пехотных войсках. Пешком я прошел, начиная с Украины, Польшу, Германию,

Чехословакию. Много моих товарищей полегло на этой войне. Мы должны были обеспечивать дымовое, маскировочное прикрытие нашим войскам. Был случай: подошли мы к небольшой речке, поле ровное и на 800 метров простреливается из минометов фашистами. К речке не подойти, но есть приказ ее форсировать. Командование выделило 7 человек солдат, которые должны были подползти к речке и зажечь дымовые шашки. Из 7 моих товарищей ни один не вернулся назад. Задание осталось невыполненным. Назначили еще семерку, в которую попал и я. Стали ползти. Немцы сильно обстреливали, я уже не думал, что доберусь живым. Вдруг моя нога провалилась, и я почувствовал ручеёк, он был неглубокий, я прополз по нему половину пути, пока не почувствовал обрыв и не скатился кубарем к реке. До цели оставалось 200 метров, я понял, что ветер дует в сторону немцев, и я смогу дымовой шашкой прикрыть реку для переправы. Я выполнил задание и увидел, что нас в живых осталось только трое…

Когда наши войска подошли к Германии, то мы увидели, что все заводы немцев были спрятаны под землей. Был дан приказ взять эту трудную местность. Был назначен день наступления. Этот бой мне запомнился как самый кровавый за все время военных действий. Фашисты с остервенением защищали свою территорию, они поливали нас сплошным пулеметным огнем. В это время я был наводчиком на тяжелом пулемете «максим», мне было всего 18 лет. Бой длился целых два дня. Из батальона осталось всего 15 человек, участок никто не мог взять, пришлось обходить его с флангов. Я в очередной раз остался живым просто чудом».

Война для Леонида Абельевича закончилась намного позже, чем 9 мая, когда прогремели залпы победного салюта. Вместе со своими однополчанами ему пришлось повернуть на Прагу и до 20 мая очищать город от фашистов. И после войны в течение 5 лет он находился на службе в армии, где помогал восстанавливать разрушенное хозяйство Украины.

Демобилизовавшись из армии, Л. А. Бененсон вернулся в свое родное село Орудьево, где всю жизнь добросовестно проработал помощником мастера на Орудьевской лентоткацкой фабрике.

Записала Екатерина Фадеева

(Из материалов музея орудьевской средней общеобразовательной школы Дмитровского района Московской области)

Военный романс

Моему старшему брату Илье Борисовичу Рабиновичу, связавшему свою жизнь с армией и флотом,
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Утомленное солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

Чёрная пластинка с красным кружком посредине вращалась на патефоне, и в такт мелодии пара медленно кружилась по едва освещённой танцплощадке. Его звали Илья, её – Лиля. Родные и друзья называли его Лёлей, Лёликом, и их имена, такие близкие по звучанию, когда произносились вместе, сливались в единый звук. Как и их сердца.

Им было по 17. Они праздновали окончание школы. Тёплая летняя ночь окутывала их таинственной дымкой.

– Мы с тобой никогда не расстанемся, правда?

– Правда.

– А когда мы поженимся?

– В этом году, когда нам исполнится восемнадцать.

…Они гуляли по притихшему Витебску до той поры, пока первый зелёный луч солнца не вырвался из-за горизонта, и небо не окрасилось кармином.

А завтра была война.

Она разделила их жизнь на «до» и «после». Заводы спешно эвакуировались, город бомбили, фронт стремительно приближался.

Илья помчался в военкомат. Но опоздал.

Лиля уехала, не попрощавшись, да и где ей было найти своего Лёлика в такой суматохе? Мать торопила. Предприятие, на котором работал отец, эвакуировали в большой город на Волге.

Райком комсомола работал в эти месяцы с перегрузкой.

– Можно? – Илья приоткрыл заветную дверь с табличкой «Орготдел».

– Заходи, заходи, – усталый человек, по виду ненамного старше Ильи, откинулся на спинку стула, – откуда

эвакуировался?

– Из Белоруссии. Немец там сейчас. Там у вас внизу на доске объявление висит – желающие могут подавать заявления в военно-политическое училище.

– Сколько тебе лет, восемнадцать есть?

– Есть… почти.

– Ну тогда пиши заявление добровольцем, мы включим тебя в разнарядку.

…После окончания курсов Илья был назначен во вновь формирующуюся на Урале 171-ю стрелковую дивизию. А через несколько месяцев младший политрук в должности замкомроты уже принял первое боевое крещение под Старой Руссой…

Говорят, что не бывает случайностей в мире, просто они – непознанная закономерность. Лиля эвакуировалась в Казань, куда были направлены и родители Ильи. В той неразберихе сорок первого года большинство предприятий каждого города Белоруссии эвакуировали в одно место назначения.

Лиля через знакомых нашла родителей Ильи и взяла у них номер полевой почты. Когда женщина хочет найти любимого, для неё нет преград.

Первое письмо от Лили нашло Илью в госпитале вместе с первой наградой. В жестоком бою, когда были убиты все офицеры, он принял командование ротой и повёл бойцов в атаку. В тот день от роты остались в строю шестнадцать человек.

Они переписывались до конца войны. Илья хранил весточки от любимой в нагрудном кармане гимнастёрки, у сердца. Потом он рассказывал, что выжил только благодаря Лиле. А случаев, каждый из которых мог оборвать его жизнь, война предоставляла немало, и самый последний – в конце её.

Бои шли уже в Берлине. Только что был взят мост Мольтке через реку Шпрее – последнее препятствие на пути к Рейхстагу. Группа офицеров 171-й Краснознамённой Идрицкой дивизии, где Илья – двадцатидвухлетний капитан – был назначен помощником начальника политотдела, расположилась на наблюдательном пункте.

Илья подошёл к окну. За Королевской площадью, распаханной снарядами и бомбами, сквозь тучи дыма и гари просматривалось мрачное серое здание Рейхстага. Перед фасадом – артиллерийские и зенитные орудия, поставленные на прямую наводку, врытые в землю танки, железобетонные доты,

противотанковый ров с водой.

Подполковник поручил Илье организовать изготовление красного флага и вручить его двум бойцам батальона старшего лейтенанта Самсонова, чтоб закрепили на Рейхстаге. Знамя, которое им вручил Военный совет армии, они уже установили первые в пригороде Панков, как только ворвались в зону Берлина.

Илья Борисович Рабинович. Зееловские высоты. Март 1943 г.

На собрании бойцов штурмового батальона Илья передал

флаг двум красноармейцам.

На следующее утро вслед за огневым валом солдаты ринулись в атаку на Рейхстаг, но дойти до него не удалось – снаряды тяжёлой артиллерии не брали прочные двухметровые стены. Пехота залегла, придавленная сплошным огнём из Рейхстага.

…Как только начала работать артиллерия, Илья выбрался на площадь и осторожно пополз, лавируя между каменными надолбами и воронками. Бойцы лежали, невозможно было поднять головы. Вокруг рвались снаряды – Илье потребовалось полчаса, чтобы добраться до тех, кто был впереди. Как только наступила тишина, он вскочил:

– За мной, за Родину!

Мощное «ура!», атакующие устремились вперёд, до Рейхстага всего несколько метров. И тут что-то ударило Илью в грудь, он споткнулся и упал, ударившись головой о железную балку. Успел увидеть, как бойцы закрепляют флаг на колонне Рейхстага.

Очнулся вечером в медсанбате. Ужасно болела голова, жгло в груди. Осколок на излёте ударил Илью в грудь, аккурат в то место, где у сердца в нагрудном кармане хранилась толстая пачка писем от Лили, записная книжка и офицерское удостоверение. В них-то и застрял осколок, едва зацепив кожу и ткани под ней. Но, падая, Илья сильно ударился головой и получил сотрясение мозга. Проведя ночь в медсанбате, утром он уже был в дивизии. Так Лиля, не ведая того, спасла ему жизнь. А может быть, та энергия любви, что была в этих письмах, остановила смерть.

Война кончилась. Илью – молодого боевого офицера, который уже служил на командной должности, оставили в действующей армии в Берлине.

В письме он писал Лиле: «Любимая, я так скучаю по тебе, я ждал встречи с тобой всю войну. Я готов на крыльях полететь к тебе… попрошу у начальства отпуск».

Но отпуска ему не дали. Казалось, сама судьба чинит им препятствия.

…В армии резко увеличились случаи венерических заболеваний вследствие неразборчивых связей с немецкими женщинами. Поэтому было решено разрешить приезжать жёнам офицеров. Но Илья с Лилей не были женаты.

Подполковник, начальник политотдела дивизии, посоветовал написать рапорт на имя командира с просьбой о приезде невесты.

Через несколько дней Илью вызвали к комдиву.

Оказалось, что рапорт передали командующему 3-й Ударной

армией генерал-полковнику Кузнецову, но, поскольку это было не в его компетенции, он отправил его командующему фронтом маршалу Жукову.

Жуков, мельком взглянув на рапорт, написал: «Генералу Берзарину». Генерал-полковник Берзарин был назначен комендантом Берлина. А потом вдруг попросил секретаря принести рапорт и характеристику капитана. Ознакомился с перечнем военных операций и боёв, в которых участвовал офицер, прочел о семи ранениях (из них три тяжёлых) и размашистым почерком дополнил свою резолюцию: «Разрешить приезд».

…Илья встретил Лилю на станции. Она с трудом узнала своего Лёлика в высоком, мужественном, красивом и подтянутом офицере… Они всё стояли, обнявшись, привыкая друг к другу, вдыхая такой родной запах, уже забытый за четыре года разлуки.

Илья, как и все офицеры, жил на частной квартире. Хозяйка, фрау Гильда, знала о приезде жены постояльца и приготовила уютную и светлую спальню.

Это была их первая ночь. Они посидели за столом, уставленным деликатесами, которые не так просто было найти в разрушенном Берлине. Выпили прекрасного вина из запасов фрау, переговорили обо всём. Потом Илья, обняв Лилю, прошептал ей на ушко:

– Ты сегодня станешь моей женой. Я так соскучился по тебе.

– И я мечтала об этом четыре года.

Илья и Лиля. Берлин. 1945 г.

Ни о каком ЗАГСе в разрушенной столице поверженной страны не могло быть и речи. Выручил всё тот же начальник политотдела. Военная администрация Берлина, пока не были созданы гражданские институты, занималась всеми вопросами устройства жизни населения. Там и договорился подполковник о подготовке свидетельства. Илья и Лиля расписались в нём, и кроме них – подполковник и замполит полка как свидетели. Документ зарегистрировали в журнале исходящих. Подписал его генерал Берзарин. Так молодые стали обладателями самого необычного свидетельства о браке.

Как-то раз, когда Илья заканчивал уже третий курс военно-морского факультета Военно-политической академии, на проходивший в Москве пленум Союза композиторов приехал из Ленинграда Василий Соловьёв-Седой. Известного композитора, песни которого любила вся страна, пригласили на вечер встречи. Слушатели-офицеры пришли с жёнами. После концерта в столовой академии была организована неофициальная часть. Ещё сидя за столом, Соловьёв-Седой поглядывал на красивую женщину, шепчущуюся о чём-то с капитаном III ранга. Потом он пригласил её на танец.

О чём они беседовали во время танца – осталось загадкой, но Соловьёв-Седой безумно влюбился в Лилю. Он звонил ей, встречал с работы, предлагал уехать в Ленинград. Там, дома, у него была сложная обстановка, жена терпеть не могла музыку и страшно раздражалась, когда он сочинял, кричала, чтобы он прекратил «бренчать».

Академия не предоставляла слушателям жилья, и Лиля с Ильёй и маленькой дочкой снимали крохотную комнатушку в полуподвале. А у Соловьёва-Седого была просторная квартира в Ленинграде. Но Лиля только посмеялась над этим предложением. В этот период композитор и написал свои самые лучшие песни: «Прощай, любимый город», «Пора в путь-дорогу», «Давно мы дома не были».

Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

Мелодия старого романса завораживала, рождаясь где-то в глубине стереосистемы.

Посреди большого сверкающего паркетом зала кружилась пара. Седой адмирал бережно вёл худощавую, немолодую женщину с восторженным блеском в глазах. Они отмечали годовщину Победы. На чёрном с золотом кителе адмирала не было свободного места от наград.

Капитан I ранга Илья Рабинович, заместитель командующего одной из частей Северного флота

Илья вдруг уловил смысл последней строчки романса, улыбнулся и, наклонившись к уху жены, тихо сказал:

– Лилька, а ты знаешь, что я люблю тебя?

Лиля лукаво взглянула на него:

– Конечно, знаю, ты ведь семьдесят лет чуть не каждый день мне в этом признаёшься. – И, чуть погодя, уже серьёзно добавила: – Но каждый раз как будто в первый.

– А для меня каждый раз и есть первый.

Илья крепче прижал к себе жену, словно боялся, что она сейчас вспорхнёт и исчезнет, улетит от него, как тогда, в сорок первом.

И что значат годы, если она ещё не разучилась летать?!

Владимир Борисович Рабинович

На фронт попал еще мальчишкой

Мухаметзянов Алексей Семенович (1926–1998)

Вспоминая дедушку

Я решила исполнить свой долг, отдать дань уважения, выразить благодарность своему дедушке и рассказать о нём. Когда я вспоминаю его, на душе становится легко и спокойно, а на лице появляется улыбка. Он был добрым, лучистым и скромным человеком. Очень часто перед глазами всплывает одна и та же картина: дедушка Лёша с важным видом покуривает трубку, напевая «Ехал я по Берлину», и до блеска начищает свои черные кирзовые сапоги. А мы, внуки, с интересом наблюдаем за этой важной процедурой, открыв до неприличия рты.

Илья Семёнович Мухамедзянов

Наш дедушка, Алексей Семёнович Мухамедзянов, родился 2 июля 1926 года. На фронт попал ещё мальчишкой. Во время боёв на протяжении всей Великой Отечественной войны служил в роте связистов, обеспечивая бесперебойную связь для командира. Получил ранение.

Пожалуй, это всё, что могу рассказать о его прошлом, потому что на все просьбы рассказать о войне, о его ранениях и наградах он только грустно вздыхал и долго молчал, закуривая трубку. Никогда не хвастал своими наградами, хотя их у него и немало было. Награждён он был орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Просто таким он был человеком – скромным, настоящим.

После войны дедушка Лёша продолжал отдавать свой долг Родине – добросовестно и честно работал до пенсии в совхозе «Фёдоровский». Вырастил и воспитал шестерых детей. Скончался в декабре 1998 года в возрасте семидесяти двух лет. Но все мы: дети, внуки и правнуки – бережно храним память о нём и гордимся тем, что родились в семье такого замечательного, настоящего, солнечного человека».

Ирина Саборовна Петрова

Подруги-москвички, бойцы-снайперы

Посвящается нашим матерям и старшим сестрам, участницам Великой Отечественной войны

К славной плеяде наших девушек, надевших военную форму в июле месяце 1941 года, относятся и две неразлучные подруги-москвички, бывшие чертежницы одного из НИИ: Наталья Венедиктовна Ковшова (26.10.1920– 4.08.1942 гг.) и моя троюродная сестра – Мария Семёновна Поливанова (24.10.1922—14.08.1942 гг).

Окончив курсы снайперов, они прошли в составе третьей Московской коммунистической стрелковой дивизии народного ополчения, преобразованной в январе 1942 года в 130-ю стрелковую дивизию, свой ратный путь от стен Москвы и до Новгородской земли. За небольшой, по меркам человеческой жизни, фронтовой период они уничтожили из своих снайперских винтовок более 300 немецко-фашистских солдат и офицеров и подготовили 26 снайперов, за что каждая из них была награждена орденами Красная Звезда и Ленина.

Их дивизия, ставшая впоследствии 53-й гвардейской стрелковой дивизией, в составе 1-й ударной армии, вела после Московской битвы тяжёлые бои на Северо-Западном фронте. В одном из таких тяжёлых боёв 14 августа 1942 года у деревни Сутоки – Бяково Старорусского района Новгородской области бойцы – снайперы Наталья Венедиктовна Ковшова и Мария Семёновна Поливанова, были окружены немцами и обе, презрев смерть, подорвали себя и своих врагов последними оставшимися у них гранатами.

Наталья Венедиктовна Ковшова и Мария Семёновна Поливанова

Указом президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года Наталье Венедиктовне Ковшовой и Марии Семёновне Поливановой были посмертно присвоены звания Героев Советского Союза, и обе были навечно зачислены в списки своей части – 528-го стрелкового полка. В память о них в 1943 году в Советском Союзе была выпущена почтовая миниатюра – марка, запечатлевшая их последний бой. Их именами названы две улицы в городе-герое Москве.

Так воевали наши матери и старшие сестры, они сражались за Родину! В заключение хочу сделать пожелание – как бы ни менялась наша жизнь, но мы не должны и не имеем права забывать героическую военную историю нашей Родины, особенно период Великой Отечественной 1941–1945 гг.

А. Н. Поливанов, дмитровчанин

В поисках немцев

Бачурин Юрий Иванович (1925–2003)

Я бы хотела рассказать о своем дедушке, Бачурине Юрии Ивановиче. Он родился 17 сентября 1925 года в городе Ярославле в семье заведующего аптекой Бачурина Ивана Ивановича. Когда началась война, ему было 16 лет. Недоучившись в школе один год (его мать потом забрала аттестат), он пошел в военное училище. Они вместе с другом учились на артиллеристов, но друг, по словам дедушки, «не потянул», не справился с изучением сложных расчетов наведения, и его отправили учиться на пулеметчика. (Впоследствии друг погиб, не вернувшись с войны, пулеметчики всегда на передовой.) Дед попал на войну после училища уже в звании офицера, когда ему исполнилось 18 лет. Сначала был младшим лейтенантом. Служил он в артиллерийской разведке, командиром взвода 17-й гвардейской тяжелой гаубичной артиллерийской Ленинградской ордена Кутузова II степени бригады разрушения (17 гв. ТГАЛБр). Командовал прицелом 152-миллиметровой пушки (гаубицы), у него даже был в подчинении денщик, а возили эти пушки на тракторах.

Юрий Иванович Бачурин

Дед вспоминал, что, когда он только попал в военкомат, его хотели определить в разведку пехотой, потому что как раз не вернулись с задания разведчики, но другой командир пожалел его, молодого, «зеленого», и отправил в артиллерийское училище, где он 1,5 года проходил подготовку. На войну он попал только в

июне 1944 года уже младшим лейтенантом. Задача деда была по картам и таблицам рассчитывать, куда наносить удар.

Рассказывал также, что как-то они шли колонной: люди, пушки на тракторах, и вдруг летят «мессеры», кто успел – прыгнул в канаву, спрятался, прилег, но колонну обстреляли, и многие погибли прямо у него на глазах. Как-то граната взорвалась прямо в штабе, и стоявший рядом офицер погиб.

Как-то он взял в плен двух немецких солдат. Пошел он в лес по нужде, идет и видит – спят два немца, он направил на них пистолет, сказал «хендехох», и привел в часть, что с ними было потом, не знает.

Как-то отправили их прочесывать кукурузное поле в поисках немцев. Там он взял в плен еще одного, тот плакал, умолял отпустить, показывал фотографии детей и жены. Но дед его тоже отвел в часть. Что с этим стало, тоже не знал или не хотел говорить. Наград он тоже никаких за это не получил.

Дед не любил вспоминать войну, но все же кое-что рассказывал, чтобы мы, внуки, знали о войне и по его рассказам.

Воевал дед сначала на Ленинградском фронте, а потом на 2-м Украинском фронте, участвовал в освобождении Румынии, Венгрии, Австрии, брал Будапешт, у него есть медаль «За взятие Будапешта». Закончил войну в Австрии. После войны служил в городе Белая Церковь (Украина). Демобилизовался в мае 1947 года.

После демобилизации Юрий Иванович поступил в Ярославский технический институт, где познакомился со своей будущей женой, моей бабушкой Ниной Петровной. Они оба проработали всю жизнь на Ярославском шинном заводе. За многолетний преданный труд Юрий Иванович был награжден орденом Трудового Красного Знамени, бронзовой медалью ВДНХ и удостоен звания «Ветеран труда». Дед ушел на пенсию в должности начальника цеха.

Он перенес два инсульта, плохо работала правая рука и нога, но он никогда не жаловался, не любил лежать в больницах, сам ходил в магазины, покупал продукты, готовил еду. Именно благодаря ему праздник 9 мая, День Победы – священный для нашей семьи, очень личный, праздник «со слезами на глазах». Это не просто День Победы в Великой Отечественной войне, это день памяти святого для меня и для всех нас человека, день воспоминаний, день объединения семьи, день очень важный.

В этот день мы всегда собирались у них дома. Каждого приходящего гостя дед встречал песней «День Победы» в исполнении Льва Лещенко – открывал входную дверь и сразу бежал в комнату включать пластинку на старом проигрывателе.

Это сразу создавало возвышенное праздничное настроение. Потом угощались, смотрели фильмы о войне и пели песни, разные, в том числе его любимые «Ромашки спрятались», в нашей семье она почему-то называется «рыбацкая». А потом дед садился за пианино и сам играл песню, которую выучил еще в детстве: «На позицию девушка провожала бойца». Правая рука не очень слушалась, но можно было разобрать мелодию и аккомпанемент, и все равно мы слушали с удовольствием.

Пишу эти строки, и слезы стоят в глазах. Снова он передо мной, как живой, я слышу его веселый смех, вижу его добрые мудрые глаза, чувствую его запах.

Дед ушел 5 мая 2003 года, не дожив несколько дней до 9 мая. Он, как обычно, готовился к празднику, к приему гостей, пошел в магазин за мукой на пироги и языком для праздничного стола, но не вернулся.

Я люблю своего дедушку и горжусь им, не только потому, что он для меня герой и победитель, а и потому, что он всегда был честным, добрым и порядочным человеком, у которого всем нам, родным, можно было учиться терпению, любви к детям, интеллигентности, порядочности, бескорыстию, человеком, которого невозможно вспомнить плохим словом, отзывчивым, всегда готовым помочь.

А для меня он был и есть самый любимый дедушка на свете!

«Дед, вставай!» – призывает акция «Бессмертный полк». Как бы я хотела, чтобы он был жив, был рядом сейчас, застал своих правнучек и встал на параде рядом. Но его нет, и я вместе с

родными снова встану в этот год вместо него и вместе с ним в колонну «Бессмертного полка», как делаю это уже несколько лет. Мы выходим большой семьей, обязательно с детьми, и объясняем им, почему мы здесь и кто наши герои. Мы даже сделали коллаж с кратким описанием всех наших семейных героев, чтобы дети и дальше уже наши внуки знали и помнили своих героев.

Спасибо большое организаторам за эту акцию и за сайт, где можно рассказать свою историю, за эту книгу, за то, что можно таким образом снова что-то сделать для своего ветерана.

Наталия Бачурина

Мой батя – командир!

Я, Федоров Алексей Константинович, житель блокадного Ленинграда, воспитанник детского дома блокадного Ленинграда, инвалид-опорник с 1986 года, хочу рассказать о своих героях «Бессмертного полка», которые подарили мне жизнь, помогли получить высшее техническое (Северо-Западный политехнический институт) и среднее медицинское образование, спасали меня во время многочисленных госпитализаций и операций на позвоночник, научили и показали личным примером подвиг служения Родине.

Мама – ангел-хранитель

Моя мама, Федорова Елизавета Евгеньевна, родилась в 1907 году, училась в Текстильном институте им. С. М. Кирова, но с четвертого курса ее исключили – как социально чуждый элемент, потому что она встречалась с этническим немцем – моим будущим отцом Кестнером Георгием Александровичем. И хотя сам он родился в Петербурге в 1888 году, его родители были выходцами из Саксонии (приехали в Петербург до революции), и трудностей, связанных с их происхождением, избежать не удалось. Но, несмотря на это, в 1939 году моя мама вышла замуж за Георгия Кестнера, а 5 июля 1940 года родился я – Алексей Георгиевич Кестнер.

Блокада не пощадила маму, как и многих ленинградцев, – она погибла в июле 1942 года от голода. Похоронена мама на Пискаревском мемориальном кладбище (безымянная могила № 28, коллективное захоронение). К сожалению, у меня нет ни одной фотографии мамы.

Батя-командир

26 июля 1942 года, после смерти мамы, меня эвакуировали вместе с яслями № 134 Дзержинского района города Ленинграда в Ивановскую область. Жизнь в детском доме помню плохо, но есть хотелось все время, жили впроголодь. Что поделаешь – война.

Радость от известия о Победе над Германией я помню. Но она быстро прошла, жизнь вернулась в обычное русло, и вдруг со мной произошло чудо! Это было как вспышка молнии. И это

событие повлияло на всю мою дальнейшую жизнь. Я ведь уже смирился с тем, что я круглый сирота, хотя где-то в глубине души и надеялся, что когда-нибудь встречу кого-то из своих родных. И вот меня везут к директору детского дома и объявляют: «За тобой приехал папа!»

Меня подвели к молодому красивому офицеру в звании капитана. Моему восторгу не было предела! Я закричал от радости: «Ура! Мой батя – командир!» Тогда я еще не знал, что это – родной брат моей матери – Федоров Константин Евгеньевич (до войны между ними вспыхнула ссора – они не общались). Но как бы то ни было, узнав о смерти моей мамы, он меня усыновил и стал для меня настоящим отцом. А его жена, Вера Ивановна (кстати, полька по происхождению), стала для меня приемной матерью.

Алексей с батей

В октябре 1945 года мы с батей вернулись в послевоенный Ленинград – я впервые увидел такой большой и красивый город. Затем мы отправились к месту службы бати в город Воткинск Удмуртской Республики, где батя служил в 3-м Ленинградском пехотном училище. В этом городе батя меня официально

усыновил, и я стал Федоровым Алексеем Константиновичем.

Батя всегда был для меня ориентиром в сложной и бурной жизни середины и конца 20 века. Его жизнь всегда служила маяком для меня. К счастью, у меня сохранился воинский билет бати, где указаны этапы его жизни и рост в воинских званиях. Привожу их кратко:

1921 год – окончание единой трудовой школы № 5 города Ленинграда.

1927 год – служба в команде одногодичников при 167-м Стрелковом Полку (красноармеец – командир взвода) Псков.

Апрель 1941 года – слушатель курсов усовершенствования 3-го Ленинградского пехотного училища; июнь-сентябрь – попал на фронт в должности командира взвода и командира роты.

В дальнейшем до сентября 1941 года и до февраля 1946 года служил в 3-м Ленинградском пехотном училище, где вырос до звания майора, а в должности – до заместителя начальника учебного отдела.

Константин Евгеньевич Федоров

В феврале 1946 года батя демобилизовался и вернулся в Ленинград, где работал в строительном тресте в должности начальника конторы материально-технического снабжения.

В 1964 году бате торжественно отпраздновали в тресте 45-летие трудовой деятельности.

Батя награжден медалью «За победу над Германией» и многочисленными наградами, посвященными Победе и Вооруженным силам СССР; медалями «250 лет Ленинграду», «За трудовую доблесть». Последняя награда, полученная батей в марте 1985 года, – орден Великой Отечественной войны II

степени. Круг интересов моего бати был обширен: история Ленинграда, его улиц. Книги были его настоящим хобби: в числе его любимых писателей – Лермонтов, Пушкин, Куприн, Чехов, Марле, Голсуорси и много-много других.

В 1992 году в возрасте 88 лет батя ушел из жизни, но память о нем навсегда в моем сердце.

Дочь солдата

Мою жену – Валентину Алексеевну Федорову (в девичестве Александрова) – я тоже включаю в свой личный «Бессмертный полк». Она родилась в 1939 году, выросла без отца – он пропал без вести в 1942 году на Воронежском фронте. Фотографии отца были уничтожены, так как в семье боялись репрессий.

Познакомились мы в Новый год в общежитии Первого медицинского института в 67 году, поженились в 68-м, а в 78 году усыновили мальчика и назвали в честь моего приемного отца – Константином.

Валентина Алексеевна Федорова

Моя жена выходила и вынянчила меня после многих госпитализаций в различных стационарах Петербурга и двух операций на позвоночнике (последствия блокады), когда мне пришлось заново учиться ходить и учиться жить в новых условиях.

Она была медсестрой, но выросла до врача высшей категории в воинской организации. Была награждена медалью «Ветеран труда» и многочисленными грамотами. В 2000 году, к сожалению,

моя Валентина ушла из жизни.

Могила отца

Поиски моего родного отца – Кестнера Георгия Александровича – отняли у меня много времени и сил. Но мне повезло. В 2015 году мне удалось найти могилу моего отца. Он погиб 11 июля 1942 года в Калужской области (деревня Усовка) в звании рядового красноармейца 16-й армии Западного фронта. Позже было организовано братское захоронение в деревне Космачево Людиновского района Калужской области с указанием фамилий воинов, преданных земле. Фамилия моего отца, которого я никогда не видел (и фотографии его у меня нет), внесена в 1995 году в Книгу Памяти Калужской области, в 1996 году – в Книгу Памяти Дзержинского района города Ленинграда.

Мне есть кем гордиться и на кого равняться в своих поступках. Моя давняя мечта – найти фотографии мамы, отца и побывать на месте захоронения моего отца.

А. К. Федоров

Снайпер Мария Кошкина

На фото застыло мгновенье,
Оно оставляет след,
Для тех, кто придаёт значенье
Памяти прошлых лет.
Дети наши и внуки,
Мы здесь остались для вас.
Фотографий неслышные звуки
Расскажут немного о нас.

В. М. Ткалич,

«Посвящение маме», 1981

В семейном архиве архитектора и художника Веры Мефодьевны Ткалич бережно хранятся листовки и пожелтевшие страницы фронтовых газет, где описаны героические боевые подвиги её матери – Марии Алексеевны Кошкиной.

Легенда Ленинградского фронта, Мария Алексеевна Бикулова-Кошкина родилась 21 декабря 1921 года в деревне Чувашская Майна (Алексеевская область). В 1939 году она уехала работать в Ленинград. Когда началась Великая Отечественная война, М. А. Кошкина пошла добровольцем в армию. Её направили в медсанбат 2-й Добровольческой дивизии народного ополчения Московского района. В начале боевых действий Мария Алексеевна была санинструктором разведроты. Она помогала врачам в полковом медицинском пункте, перевязывала и выносила с поля боя раненых солдат. В одной из газет военных лет сохранилась заметка о том, что только из одного сражения М. А. Кошкина вынесла под артиллерийским огнём 15 раненых.

Мария Алексеевна сопровождала разведгруппы. Однажды, вскоре после вылазки, разведчики попали в засаду. Силы были неравны. Шестеро разведчиков вступили в упорный бой с пятнадцатью фашистами. После того как в перестрелке был убит наш солдат, Мария Алексеевна взяла его винтовку и впервые в жизни стала стрелять по врагам. Первым же выстрелом она сразила одного из них.

Позже М. А. Кошкина добилась, чтобы её отправили на курсы снайперов. Выходя на передовую почти ежедневно, она в короткий срок в совершенстве овладела искусством меткой стрельбы. О ней стали появляться многочисленные публикации во фронтовых газетах.

3 декабря 1942 года появилось сообщение: «Снайпер Мария Кошкина уничтожила 15 фашистов». Спустя 3 месяца была опубликована новая заметка: «На счету нашей Марии – 46 убитых гитлеровцев».

Имя Марии Алексеевны Кошкиной стало известно и фашистам. В сторону нашей обороны постоянно летели угрозы. Узнав о награждении нашего снайпера орденом, фашисты объявили охоту за ней.

В конце 1942 года именно 2-я дивизия осуществила первую наступательную операцию по захвату Старо-Паново и вокзала станции Лигово (ныне Красносельский район).

1 января 1943 года во фронтовой газете «На страже Родины» была опубликована статья Ильи Эренбурга, в которой есть такие слова: «Мы многое пережили, мы многое потеряли, но и в самые страшные дни мы хранили веру. Мы знали, что нельзя уничтожить Россию, как нельзя уничтожить правду. Год тому назад немцы ещё мечтали ворваться в Ленинград. Они стянули на шее города петлю. Они не взяли Ленинград, они его и не могли взять, Ленинград – это больше, чем город, это гордость. Варвары омрачили его снарядами и бомбами. Они не знали, что такое сердце Ленинграда. Горячее, оно обливается кровью, и оно крепче гранита. С Новым годом, защитники Ленинграда! Привет вам, прославленные стрелки Дьяченко, Антонов, Мария Кошкина!»

Мария Алексеевна Кошкина

15 марта 1943 года М. А. Кошкина уничтожила восемьдесят пятого фашиста. Через год, в ночь с 5 на 6 марта, Мария Алексеевна была тяжело ранена в руку. Её отправили в госпиталь. Стрелять по-снайперски она уже больше не могла, но воевать продолжала: ходила в разведку, спасала раненых. Кошкина была первой женщиной-снайпером в своей дивизии, ставшей к тому времени 85-й Стрелковой Краснознаменной (Павловской).

О славной героине на фронте сложили песню:

Мария Кошкина,
пусть враг тебя боится,
Ты множишь славу Родины своей.
Отныне Родина, как мать,
тобой гордится,
Вписав в число отважных дочерей.

В 1942 году её портрет написал известный ленинградский живописец Владимир Александрович Серов. На кар тине – девушка в белом полушубке, шапке-ушанке, со снайперской винтовкой в руках. За заслуги перед Отечеством Мария Алексеевна Кошкина была награждена орденом Красной Звезды (1943), орденом Славы III степени (1944) и многими медалями.

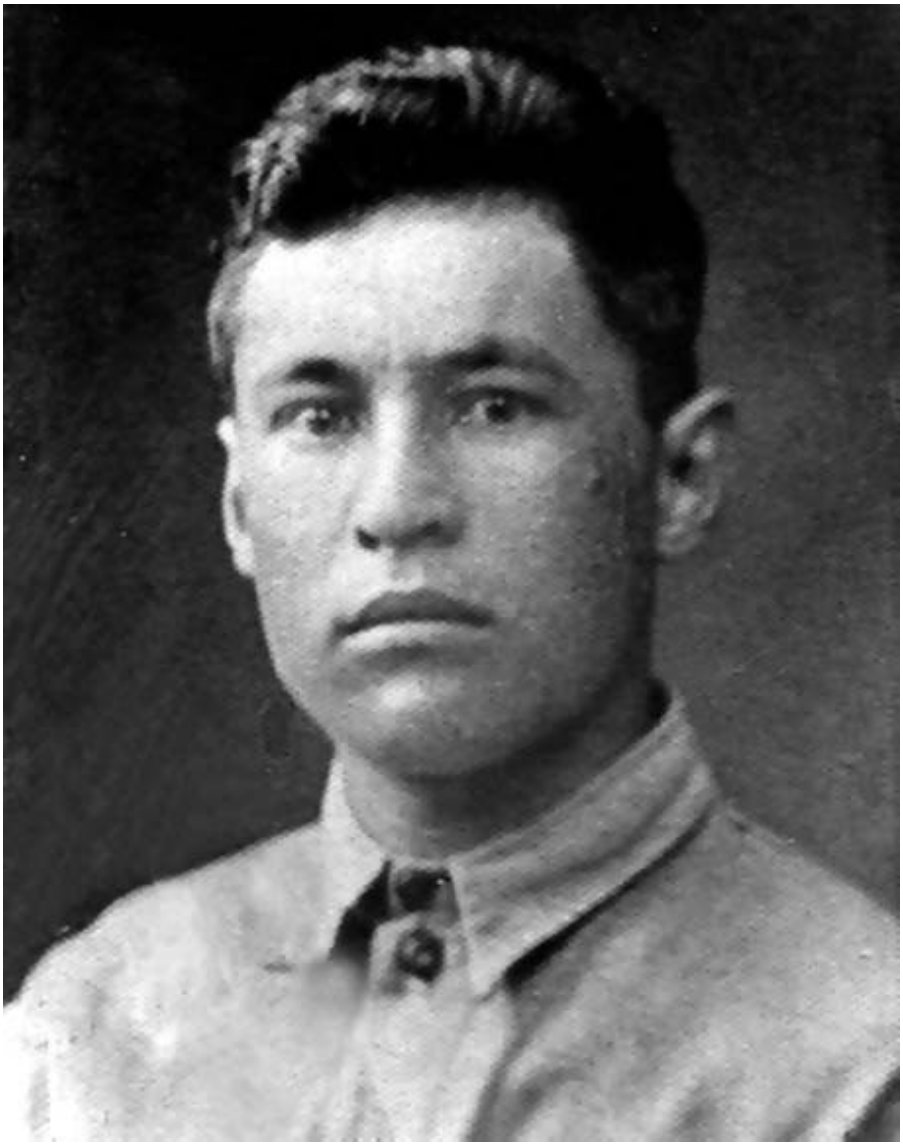
После окончания Великой Отечественной войны она много лет работала рентгенотехником на крупнейшем производственном объединении – Ленинградском мясокомбинате им. С. М. Кирова, вела военно-патриотическую работу среди молодёжи. Тридцать лет спустя, выступая на митинге у памятника, установленного на Пулковской горе, Мария Алексеевна сказала: «Ленинградцы отдали себя целиком общей борьбе и защите Родины. Мы не искали ни личных выгод, ни славы. Для нас главным было честное служение Родине…»

Светлана Владимировна Костышина

Простите, что плохо слушали

Герасимов Анатолий Варламович (1920–1985)

Мой отец, Анатолий Варламович Герасимов, родился 12 февраля 1920 года в городе Бабушкине на берегу озера Байкал, куда в свое время был сослан его отец, революционер Варлам Алексеевич Каландарашвили, грузин из села Лихаури, 1886 года рождения. Отец был записан в церковной книге на фамилию своей матери Александры Афанасьевны Герасимовой. Затем семья моего отца переехала жить в Алма-Ату, дед работал там садовником у одного высокопоставленного лица. 5 февраля 1937 года по доносу дед был арестован УГБ НКВД и 17 октября 1937 года приговорен тройкой УНКВД по статье 58–10 и 58–11 УК РСФСР к высшей мере наказания… Реабилитирован 28 сентября 1971 года Верховным судом Казахской ССР за отсутствием состава преступления.



Анатолий Варламович Герасимов

В Алма-Ате мой отец жил со своей матерью в доме по улице Шевченко, откуда и был призван Ленинским РВК в армию в 1940 году. До призыва работал шофером. 20 мая 1942 года для него началась война. Был танкистом. 11 августа 1942 года ему присвоено звание старшего сержанта. В тяжелых боях с фашистами танк отца был подбит, горел. Отец вылез из танка, попал в окоп, по которому гусеницами прошлись немецкие танки, заживо похоронив раненых. Бой советские войска выиграли, а после боя, подбирая раненых, недалеко от своего танка откопали отца. Он еще дышал, но был без сознания, ослеп и оглох. Попал в

военный госпиталь, где опытные врачи день и ночь бились за его жизнь. Отпаивали и откармливали собачьим жиром. Постепенно восстановилось здоровье и зрение, а вот пышная шевелюра – нет, да и слух полностью не вернулся. Но после госпиталя отец опять ушел на фронт. В сентябре 1945 года его демобилизовали из Красной армии. Весть об этом он получил, находясь в Турции, где был уже не танкистом, а шофером «студебеккера».

Прослужив в армии в общей сложности шесть лет, Анатолий Варламович прибыл в Запорожье сдавать машину в автобазу, где и встретился с моей мамой, которая работала там диспетчером. Они поженились и уехали в Грузию строить Читахевийскую ГЭС. На стройке отец работал сварщиком. Восстанавливая в послевоенные годы хозяйство, наша семья много поездила по всей необъятной стране. Были и в Орджоникидзе, и в Ессентуках, и в Сибири, и на Урале, и на Украине.

В 1959 году приехали в Экибастуз на строительство разрезов и нового города. Отец работал в ПТУ электросварщиком высшего шестого разряда. Тогда еще были паровозы. Отец имел собственное клеймо качества, и только ему доверяли сварку котлов паровозов. Затем пошли тепловозы. Отец повысил квалификацию и стал газоэлектросварщиком. После пенсии еще пять лет работал на производстве.

Нас у него было пятеро детей, и он никогда не повышал ни на кого голос, и мы не слышали от него грубых бранных слов. Он прививал нам любовь к матери, и не дай Бог мы бы как-нибудь ее обидели.

Жизнь мамы в детстве и молодости тоже была несладкой. Она родилась 21 января 1921 года в селе Новотроицкое Бердянского района Запорожской области. В 1933 году был сильный голод. Мама рассказывала, что люди так опухали, что если нажмешь пальцем на тело, то там долго оставалась ямка. Ели очистки от картофеля, а поздней осенью по слякоти рылись на колхозных полях, искали гнилую картошку. Много людей умерло от голода. В семье мамы было пятеро детей. Два брата-близнеца умерли. Маме в то время было двенадцать лет. Она и две сестры выжили.

Когда началась война, немцы стали забирать молодежь в Германию, угнали и ее младшую сестру Ольгу. Маме было уже двадцать, и во время очередного рейда немцы и ее загрузили в вагон, но по пути молодежь смогла выломать несколько досок в полу, и, рискуя разбиться, они сбежали из вагона. Прятались по лесам, но приходилось заходить в села за пропитанием. Люди кормили их, иногда прятали, хотя очень рисковали своей жизнью. Однажды поздним вечером, когда мама только перекусила с

одной семьей, в дверь постучали немцы. Муж с женой быстро легли в постель, положили между собой мою маму и укрылись кожухами. Престарелые родители этой четы открыли дверь. Немцы спросили: не слышали ли они что-нибудь про партизан. Старики ответили, что нет, только сын со снохой спят, завтра рано на работу. На счастье той семьи, немцы не стали делать обыск, попили воды и ушли. Мама рассказывала, что за то время, что немцы были в доме, молодая жена хозяина поседела. Ведь они все могли быть расстреляны. Мама была благодарна им всю жизнь.

Из-за тяжелых воспоминаний мои родители не могли смотреть фильмы про войну. Помню, как однажды они попали на фильм «Партизанская искра» и как бы вновь «прогнали» все это через себя, вспомнили свои военные годы и очень переживали.

Мой отец умер 22 марта 1985 года в возрасте шестидесяти пяти лет, а буквально через несколько дней маму вызвали в военкомат и вручили ей отцовский орден Отечественной войны II степени. Отец не дожил до заслуженной награды. Но он честно воевал и честно трудился.

Сейчас мне 68 лет, я уже старше своего отца. И я очень жалею, что мало мы расспрашивали своих родителей об их жизни в молодые годы, а если и расспрашивали, то не все запомнили. Так, например, я не помню, на каких фронтах воевал отец, хотя он наверняка об этом вспоминал. Я помню, что у моих родителей была переписка с его фронтовыми друзьями и даже были фотографии, но, когда родители умерли, мы не сохранили ни эти письма, ни эти фотографии, так как не знали этих людей. А некоторые военные фотографии сейчас уже и не разглядеть, ведь они сделаны в военное время, им уже свыше семидесяти лет.

Простите нас.

Любовь Соколовская (Герасимова)

Страшный бой с батальоном смертниц

Мой дед по отцу – Иван Владимирович Горбунов – был завучем и учителем истории в сельской школе, имел высшее образование. Он участвовал в боях за озеро Хасан, воевал на Халхин-Голе, сражался в советско-финской войне. После финской кампании он вернулся поседевшим и впервые в жизни выпил вина, рассказывая о страшном бое с батальоном смертниц. При штурме линии Маннергейма против его бойцов выставили женщин. Они были очень крупными, вооружены ножами. Бойцы-мужчины дрогнули: не могли они стрелять в женщин. И тогда те начали их резать. Отчаянно и жестоко. Почти все бойцы полегли в том бою. И все женщины-смертницы были убиты.

Иван Владимирович Горбунов

Это был последний рассказ деда. Он не вернулся с Великой Отечественной войны – пропал без вести 14 декабря 1941 года в бою за Москву. Незадолго до этого в солдатском треугольнике он писал своей жене Любови Митрофановне: «Дорогая Люба! Наверно, это мое письмо последнее. Прислали пополнение – семнадцатилетних мальчиков, которые не только стрелять, но и на лыжах стоять не могут… «Завтра идем в разведку». Ему был 31 год.

Прадед, старший лейтенант, командир и комиссар лыжного батальона разведки, выполнил свой воинский долг. Не вернулся из той разведки никто.

В прошлом году мы наконец-то узнали, где он похоронен. Предположительно, его нашли поисковики: братская могила на Войковском кладбище Москвы. Ряд № 3, могила № 12.

Любовь Горбунова

Дело разведчиков

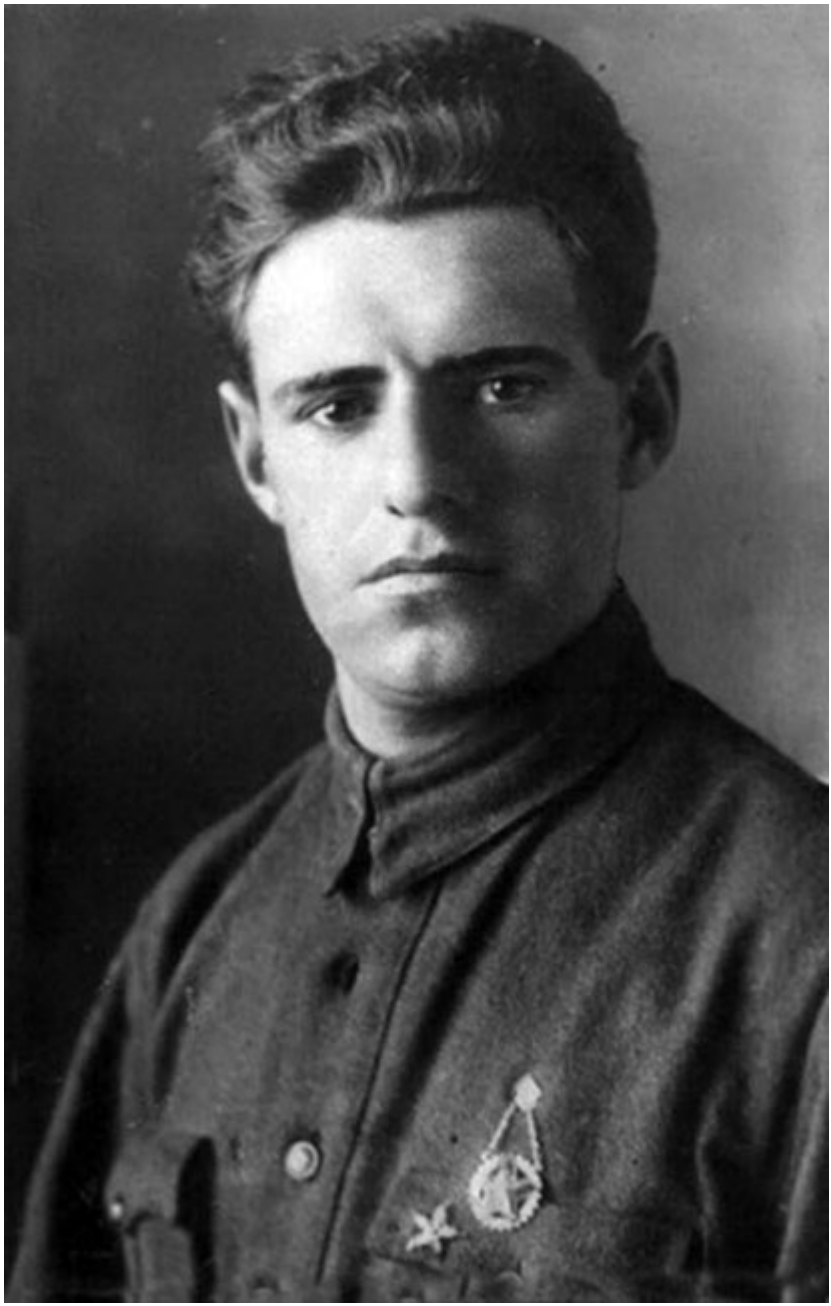
В нашей семье бережно хранят память о моем прадеде Абраме Иосифовиче Мордоховиче, который был участником сражений Великой Отечественной войны. К сожалению, я его не видела. Но моя бабушка, его дочь, бережно хранит фотографии и письма с фронта, а также его награды.

Я хочу вам рассказать о том, что знают и о чем помнят в нашей семье.

Родился мой прадед Абрам Иосифович Мордохович 31 декабря 1911 года в г. Нерчинске Читинской области. В 1926 году окончил неполную среднюю школу на ст. Борзя, а в 1932 году – кожевенный техникум в Новосибирске.

С 20 июля по 17 октября 1939 года он принимал участие в боях с Японией у реки Халхин-Гол в составе стрелкового полка № 7171, был станковым пулеметчиком.

А когда началась Великая Отечественная война, был призван по мобилизации Шилкинским райвоенкоматом 21 февраля 1943 года. 4 апреля 1943 года принял присягу. И воевал мой прадед в составе 356-й стрелковой дивизии, в стрелковом полку № 1181 Западного и Брянского фронтов. Был разведчиком. Основной его задачей было добывание «языков», желательно немецких офицеров.



Абрам Иосифович Мордохович

Как вспоминал мой прадед: «Страшно ли было в тылу врага? Конечно, страшно, но особенно страшно было переходить нейтральную полосу и, заметьте, не туда, в тыл врага, а обратно, особенно когда возвращался с «языком». На войне мы жили, воевали и дружили. Мы воевали за свободу! За своих отцов и

матерей, жен и детей. Понимали, что и им в тылу в такое время сложно. В штыковой атаке я только раз участвовал, не помню, успел испугаться или нет, одно понял: «Надо от других не отставать – и не отстал, в числе первых во вражеской траншее был, и стрелять пришлось, и штыком поработать. Но штыковая атака – не дело разведчиков! «Языков» добывать – вот дело разведчиков. А в жизни и на войне самое главное – надо было мужиком оставаться, настоящим мужиком!»

Перед началом битвы в 1943 году на Курской дуге участвовал в разведывательных операциях. Установлен исторический факт, что еще в первой половине 1943 года Г. К. Жуков, опираясь на данные разведывательных органов фронтов курского направления, весьма точно предсказал силу и направление ударов немецкой армии на Курской дуге.

В конце мая 1943 года мой прадед Абрам Мордохович и другие разведчики получили очередное задание взять «языка». Углубиться пришлось на 20 километров в тыл врага. Разведчики обстреляли немецкую машину, взяли офицера немецкой армии, но во время боя 28 мая 1943 года мой прадед был тяжело ранен в ногу и, тем не менее, задание выполнил и доставил фрица командованию. У офицера, которого они доставили, оказались очень важные документы. После прадед был отправлен в эвакогоспиталь № 4415, который располагался в с. Кошки Самарской области, на лечение, где находился по январь 1944 года. За это последнее задание он был награжден медалью «За отвагу». 27 января 1944 года был выписан из эвакогоспиталя и признан годным для несения нестроевой службы, комиссован и отправлен домой в Забайкалье. Вернувшись домой, он трудился на благо Родины, за что получил медаль «За доблестный труд в 1941–1945 гг.».

В наградном списке вместе с орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией» множество наград, которые получал в мирное время за добросовестный труд, теперь все они бережно передаются из поколения в поколение в нашей семье.

Анастасия Алыпова

Воздушный рабочий войны

Мой дядя, Сенатор Василий Трофимович, родился в г. Смела в 1921 году. С юных лет мечтал стать летчиком и своей мечте не изменил. Закончив школу в 1938 году, поступил в авиационное училище.

22 июня 1941 года он встретил курсантом. А уже через неделю получил звание лейтенанта и стал штурманом дальней авиации. Начались тяжелые фронтовые будни, беспрерывные вылеты на бомбардировки вражеских тылов, гитлеровских войск, что рвались к столице Украины Киеву.

В 1942 году его приняли в члены ВКП (б). Свое звание коммуниста он с честью пронес через жестокие будни войны.

В 1942 году враг штурмовал Сталинград и рвался на Кавказ. В сентябре 1942 года был получен приказ начать бомбить дальние вражеские тылы. И В. Т. Сенатор первым повел свой тяжелый бомбардировщик на Берлин. Потом он еще 20 раз бомбил военные объекты гитлеровцев в Кёнигсберге, Данциге, Тильзите, Будапеште, Инстербурге.

За храбрость и проявленное мужество Отчизна наградила Сенатора Василия Трофимовича медалью «Золотая Звезда» и орденом Ленина.

Василий Трофимович Сенатор

В один из вечеров 1943 года, командующий 3-й гвардейской армией противовоздушной обороны позвал командира 10-го гвардейского авиаполка дальней бомбардировки и приказал нанести удар по важнейшему объекту врага на границе фашистской Германии. Понятное дело, что это задание

подразумевало и то, что горючего на обратную дорогу может и не хватить. Нужны были добровольцы, и, так как лететь на задание выявили желание все экипажи, генерал остановил свой выбор на экипаже, где штурманом был Василий Трофимович Сенатор. Целый вечер Василий Трофимович провел за картой, изучая смертельный свой маршрут. Специалисты подтвердили, что горючего действительно не хватит на обратную дорогу. Тогда было решено посадить самолет в партизанском крае.

В указанный день машина оторвалась от земли. И экипаж взял курс на запад. Небо было затянуто серыми тучами, земли не было видно. Такая метеорологическая обстановка благоприятствовала тому, что вражеская противовоздушная оборона будет бессильна в своих попытках воспрепятствовать выполнению задания. Незаметно пролетел час. Никогда еще не приходилось менять курс, летать при таких ужасных погодных условиях, да к тому же на такой высоте, чтобы миновать самые опасные участки противника с его мощной противовоздушной обороной.

Весь маршрут прокладывал штурман, это его прямая обязанность. Капитан был сосредоточен и постоянно сверял карту. Вдруг он закричал: «Ура! Вижу цель!»

Самолет стремительно пошел на снижение. Когда зенитные орудия противника проснулись и послышались разрывы, было уже поздно. Бомбы точно легли в цель. Задание было выполнено просто блестяще. Самолет, выполняя противозенитные маневры, вышел из зоны огня и взял курс обратно.

Висла показалась под крылом самолета, когда в баках бомбардировщика закончилось горючее… Небо было покрыто всплесками от зенитных орудий. Но пилоту капитану Параменко удалось вывести самолет из-под обстрела, пытаясь обнаружить условные сигналы партизан…

На партизанской базе бомбардировщик ждали еще долго. В районе Варшавы самолет был подбит, и его экипаж приземлился на территории Польши. Сотни километров, через вражеские тылы, трое отважных летчиков по ночам пробирались до линии фронта. И это им удалось. Их встретили на передовой и переправили в Москву.

За удачное выполнение важного задания, за мужество и героизм, проявленные при его выполнении указом президиума Верховного Совета СССР в апреле 1943 года весь экипаж самолета был удостоен звания Героя Советского Союза. Это пилот гвардии капитан Параменко, штурман гвардии капитан Сенатор и стрелок-радист гвардии сержант Иванов.

Его родные помнят и тот момент, когда он неожиданно

приехал к ним в свой последний отпуск, которым его наградили именно по этому поводу.

Василий Трофимович был очень любящим сыном и братом, переживал за своих близких. Он передал своим родным карточку на получение пайка, этим он спас их от голода.

Герой Советского Союза гвардии капитан Сенатор Василий Трофимович в качестве штурмана дальней авиации совершил 353 вылета во вражеские тылы. Тем самым нанес огромный ущерб гитлеровской Германии.

Награды:

24.04.1942 г. – награжден орденом Красного Знамени.

22.12.1942 г. – за оборону Сталинграда награжден медалью «За отвагу».

31.12.1942 г. – награжден орденом Ленина.

В 1943 г. – награжден медалью «Золотая Звезда».

В 1943 г. – присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1944 году трагически погиб от рук бандеровцев. Ему было всего 22 года. Похоронен в Липецке.

Елена Александровна Почевалина

Ген героя

Мой прадед потерял семью в годы Гражданской войны. Стал беспризорником. Этот беспризорник был снят чекистами с задка пролетки и доставлен в детский дом (чекисты (ВЧК) были назначены ответственными за борьбу с беспризорностью в России после Гражданской войны 20-х годов прошлого века). В детдоме чекисты у него спросили – как тебя зовут. И мальчик, который не помнил своего имени, но был очень дерзок, ответил – Лев Николаевич Толстой. Они сказали: такой уже есть. А ты будешь Лев Николаевич Забияко.

Лев Николаевич Забияко служил в рядах Красной армии с 1928 по 1937 г. За это время он успел создать семью и жена родила ему дочь – мою бабушку Асю Львовну. В 1941 году прадеда снова призвали в ряды Красной армии, в Актюбинский РВК, Казахская ССР, Актюбинская обл.

Лев Николаевич Забияко

В начале октября 1941 года для обороны Москвы из Казахской ССР были переброшены две дивизии. Одна из них, 312-я, в которой служил прадед, насчитывала около 12 тысяч человек. Через две недели больше 11 тысяч солдат, политруков и командиров живым щитом защитили Москву ценой своей жизни. Живыми и ранеными остались 700.

За три дня до смерти прадед руководил взводом красноармейцев, которые зашли в тыл противника и освободили от немецких захватчиков деревню Мошкино.

Политический руководитель роты 1079-го стрелкового полка

312-й стрелковой дивизии Лев Николаевич Забияко погиб смертью храбрых 16 ноября 1941 года в боях с наступающей на Москву немецкой армией в районе деревни Подсочено. На седьмой день участия в боях. Награжден посмертно орденом Красного Знамени. Приказ о награждении подписан командующим Западным фронтом Георгием Константиновичем Жуковым.

Мой отец – его внук, пошел по стопам деда. Комиссаров Игорь Федорович, генерал-майор юстиции в Следственном комитете РФ. Его работа связана с ежедневной помощью детям. Папа – ветеран боевых действий, награжденный именным огнестрельным оружием. На его мундире более сорока ведомственных, общественных наград и медалей иностранных государств. Особая гордость – медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени.

Первую награду, орден Мужества II степени, он получил в 1996 году, по окончании первой чеченской войны. И контузию.

Игорь Федорович Комиссаров (в центре) и его боевые друзья

Мне только исполнилось 12 лет, когда я узнала, что отец отправляется на войну. Он принес домой новую военную форму, высокие берцы из грубой кожи с толстыми шнурками и зеленый спальный мешок. У мамы из глаз брызнули слезы, и они весь вечер проговорили напряженным шепотом. Я панически боялась, что папу убьют.

В детстве папа часто радовал меня маленькими сюрпризами. Однажды по пути с работы он купил маленького пластикового ежа, и он стал началом нашей семейной коллекции колючих созданий. За десять лет мы собрали более 50 разных видов ежиков. Когда папа уехал на войну, я каждый вечер собирала коллекцию в спальный мешок, который он оставил, и ложилась рядом. Тихо плакала и молилась, чтобы он вернулся домой. Мне казалось, что Бог и наши ежики его обязательно защитят. К концу командировки, мне кажется, я стала чуть взрослее: надеялась только на Бога.

Как же я была счастлива, когда он вернулся! Однако сувенирами из той поездки стали страшные кадры военных реалий в Чечне. Позже они лягут в основу фильма «Командировка в смерть», который переведен на немецкий, английский, французский и итальянский языки, но до сих пор не показан по российскому телевидению.

Поездка на войну – это лишь один из многих мужских поступков отца. Он всегда отличался смелостью и желанием помочь тем, кто нуждался в помощи. Отсутствие равнодушия, характерное для отца, сформировало во мне уверенность, что в мире огромное количество добрых людей и ни в коем случае нельзя проходить мимо чужой беды. «Если можешь – помоги», – всегда говорил отец.

Вторая чеченская война принесла отцу медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Во второй командировке папу сопровождал еж, которому я сшила бандану цвета хаки – настоящий боец. По приезде папа поделился, что еж стал талисманом питерского СОБРа на второй войне и сопровождал их во всех опасных операциях.

Я всегда испытывала гордость за то, что отец – герой. Но постоянное ощущение страха, что я его потеряю, не могла компенсировать гордость за него. Он бросался в горячие точки, рискуя жизнью, внедрялся в преступную группировку по продаже огнестрельного оружия (история, которая легла в основу рассказа Андрея Кивинова «Братство по оружию» и одной из серий «Убойной силы»), помогал всем, кому была необходима его помощь. Наверное, быть героем – это значит жить не только для себя. Это значит, что в любой момент ты можешь отдать свою жизнь Родине.

Ольга Комиссарова

Последний сеанс

У отца с войны руки не стало.
Не стало правой, а она ловчей.
Теперь он левой режет хлеб и сало
И ловко печь кладет из кирпичей…

Я боготворила своего отца – умный, немногословный, спокойный, на каждый мой вопрос у него всегда был готов ответ, его рука на моей голове как зонтик, защищающий от детских неприятностей… Видела я его редко: то командировка, то работа до поздней ночи, – но в редкие минуты общения я получала от него столько знаний, столько практических навыков, что и сегодня, спустя много лет, я держу молоток и забиваю гвоздь с двух ударов так, как научил меня отец. Он научил меня варить красный украинский борщ и узбекский плов, строить парник для помидоров и ремонтировать утюги, мои руки были его правой рукой, и часто до сих пор замирает сердце, когда вспоминаю, как он держит гвоздь, а я бью мимо шляпки…

Воспоминание из моего детства – домой приходит папа (он приехал из Новосибирска, куда раз в два года ездил на протезный завод), я смотрю на его розовую правую руку, которая была всегда в черной перчатке, и кричу: «Мама, мамочка! У папы рука выросла!» Почему заплакали оба в то время, когда мне так радостно было: вот сейчас подхватит меня папа и подбросит высоко-высоко, и замрет от счастья мое сердечко – и у меня папа с двумя руками…

Мой отец, Рыбачек Николай Арсентьевич, родился 22 мая 1916 года на железнодорожном разъезде при станции Коканд Узбекской ССР в семье железнодорожного рабочего. У его деда, Рыбачка Луки, было 9 детей, с четырьмя из них (Илья, Мария, Арсентий, Василий) он приехал из Каменец-Подольской губернии во время столыпинской реформы на свободные сибирские земли в 1906 году, получил надел и обосновался в с. Филимоновка Чулымского района. Здесь, в Филимоновке, родились Семен, Иван, Данил, Алексей, Григорий, а третий сын Луки – Арсентий встретил свою судьбу – маленькую, худенькую девушку – Бондарь Анну, которая с матерью, сестрами и братьями после смерти отца приехала в Сибирь из украинского села Куткивци. При разделе хозяйства отца Арсентию Лукичу земли не досталось, была выдана ему справка о праве на надел в Семиречье (Киргизия), и молодая семья с пятилетней Дусей отправляется в Среднюю

Азию. До места назначения не доехали, остановились в Коканде, здесь и родился Николай. Мой дед работал переездным железнодорожным рабочим, до окончания Гражданской войны семья жила в маленьком домике на переезде под Кокандом.

В 1922 году Арсентий Лукич с семьей вернулся из Коканда на Украину, чтобы получить по декрету 2,5 десятины помещичьей земли в селе Закупное. Получили две сотки земли, посеяли хлеб, собрали первый урожай, жить бы да жить, но заболел отец и в возрасте 40 лет оставил жену вдовой, а детей – сиротами. В 1927 году Анна Михайловна с четырьмя детьми возвращается в Филимоновку, где жил дед и все родственники. Детство моего отца закончилось в 1929 году – в 13 лет он стал кормильцем семьи, его приняли в Алексеевскую коммуну им. Ленина», на его руках было три иждивенца: мать, Анна Михайловна, которая никогда в жизни не работала, брат Иван 1919 г. р., сестра Клавдия. Работал Николай в поле: бороноволоком весной, в покос – копновозом, в уборку урожая – погонщиком лошадей в упряжке самосброски. Евдокии уже исполнилось 18 лет, и она была колхозницей, помогая брату содержать семью. В 1931 году за кровать с никелированными шишечками и стеклянную сахарницу с позолотой, привезенные из Коканда, Николая и Евдокию лишают избирательных прав, и в 15 лет отец уезжает в Новосибирск, поступает в ФЗУ, получает семилетнее образование, Евдокию исключают из колхоза, определив социальное положение – батрачка…

О голодных годах учебы, о работе на заводе «Труд», о возвращении в колхоз в 1934 году, о работе на Киргизском сахарном заводе отец рассказывал неохотно, разве только сравнивая жизнь сегодняшнюю с той, далекой и такой сложной, наполненной классовыми противоречиями…

Хроника становления личности:

15 октября 1937 г. – мобилизован в ряды Красной армии, рядовой 3-й пулеметной роты 208-го стрелкового полка.

Декабрь 1937 – июль 1938 г. – курсант полковой школы, за отличную учебу оставлен в полковой школе командиром отделения. Вступил в ряды ВЛКСМ.

Март 1939 г. – помкомвзвода 1-й пулеметной роты, старшина роты.

Декабрь 1939 – ноябрь 1940 гг. – курсант Новосибирского пехотного училища, старшина роты.

В ноябре 1940 года Николай Арсентьевич Рыбачек, окончив Новосибирское пехотное училище и получив звание младшего лейтенанта, отправлен в Курган командиром пулеметного взвода

6-й стрелковой роты 608-го стрелкового полка 174-й стрелковой дивизии.

Николай Арсентьевич Рыбачек

Воспоминание из моего детства: Пасха. На столе куличи, крашеные яйца… Мама чистит первое яйцо, протягивает отцу, а он отворачивается от нас, плечи его вздрагивают… Успокоившись, он начинает рассказывать: «21 июня, в субботу, в лагеря приехала кинопередвижка, растянули простыню, смотрели

фильм «Путевка в жизнь», после сеанса долго не расходились – ночь была теплая, спать легли на рассвете. А утром – взрывы, паника, приказ об отступлении… Полоцк, Невель, Великие Луки… Под станцией Кунья Калининской области полк попал в окружение, старшим по званию в живых остался только я, взял командование на себя, обмотался полковым знаменем и повел солдат. Куда ни пойдем – везде немецкие танки и мотоциклы, немецкая лающая речь, смех, решил пробиваться через болото с боем. Прорвались уже, и вдруг рядом граната взорвалась, вижу – чья-то рука летит, глянул – моя, правая, а я и боли не почувствовал… Потом сознание потерял. Очнулся в полевом госпитале, по подбородок серым одеялом накрыт. Утро… Ждем санитарный самолет. Подходит медсестричка, приносит завтрак – яйцо, стакан какао и булочку: «Ешь быстрее, солдат, скоро самолет прилетит, там неизвестно, когда еще вас покормят…»

Я ей объясняю, что руки у меня нет, правой руки, а она: «Как же ты дальше жить собираешься, солдат?» Вот тогда-то я первый раз понял, что зря у меня пистолет забрали, пустил бы пулю в лоб, и все дела»…

Больше никогда папа не рассказывал нам о войне, только однажды, когда было мне лет 20 и говорили мы о нас, о молодежи, первый раз в жизни закричал на меня с надрывом, когда я сказала: «Войну нашему поколению пройти надо, только тогда мы…» Не дал он мне договорить, оборвал резко: «Не дай Бог никому пережить то, что мы пережили, за вас, за всех отвоевались, чтобы не повторился этот ад никогда! Слышишь, никогда!» Стыдно мне было, прощения просила, но долго еще не мог успокоиться дорогой мой человек…

В 1942 году возвратился в Курган, работал комсоргом железнодорожного училища, в 1944 году вступил в ряды ВКП (б). До последнего дня жизни помнил номер партийного билета – 6178259…

Не только руки лишился мой отец в августе 1941 года – носил осколки в левой руке, в правой ноге и в левом легком, короткая война получилась, но нашпиговала железом солдата сполна… О войне в семье не говорилось, фильмы военные с отцом смотреть было невозможно, а на встречах с детьми рассказывал он о подвигах друзей, о трудной, непосильной работе в тылу…

От чужих людей узнала, что за спасение полкового знамени награжден мой отец орденом Красной Звезды, а недавно, перебирая бумаги, нашла список наград, написанный левой рукой моего отца.

В 1946 году вернулся в свой район мой отец. Какие только руководящие должности не занимал Рыбачек Николай Арсентьевич, имея 7 классов образования, полковую школу и пехотное училище за плечами: председатель городского совета, директор – пекарни, столовой, РАЙПО, лесоторгового склада; на какие только трудные участки не направляла партия коммуниста, даже председателем продторга в Дубраве был, оставив жену с тремя дочерьми в Чулыме… В юности часто слышала от папы: «Вот найти бы брата, пропавшего без вести…» Куда только не писал, где только не искал своего младшего брата, но так и умер, ничего не зная о брате Иване, до войны работавшем учителем. 5 мая 2010 года моя дочь зашла на сайт ОБД «Мемориал». Сведений об Иване Арсентьевиче Рыбачке мы не нашли, но оказалось, что сам Николай Арсентьевич Рыбачек до сих пор числится пропавшим без вести. Вот удивился бы ветеран войны, прочитав про себя вот такую запись на двух страницах: «Рыбачек Николай Арсенович (источник информации: ЦАМО, номер фонда источника информации: 33, номер описи источника информации: 11458, номер дела источника информации: 97). Рыбачек Николай Арсентьевич (источник информации: ЦАМО, номер фонда источника информации: 33, номер описи источника информации: 563783, номер дела источника информации: 19), мл. лейтенант, командир пулеметного взвода 628-го стрелкового полка 174-й стрелковой дивизии, Западный фронт, пропал без вести в ноябре – декабре 1941 года». Не поскупилась война, сполна взяла сильных, мастеровитых, добрых, умных Рыбачков, братьев моего деда – Рыбачка Арсентия Лукича:

Илья Лукич Рыбачек погиб в Гражданскую войну; Василий Лукич Рыбачек 1906 г. р. (родился в с. Закупное Каменец-Подольской губернии) был призван Чулымским РВК 1 сентября 1943 года, рядовой 372-й стрелковой дивизии, стрелок, пропал без вести 7 октября 1943 года в Кировском районе Ленинградской области;

Семен Лукич Рыбачек 1908 г. р. (родился в с. Филимоновка Чулымского района), сержант штаба 37-й стрелковой дивизии, убит в бою 11 апреля 1944 года в Калининской области;

Данил Лукич Рыбачек 1913 г. р. (родился в с. Филимоновка Чулымского района) был призван Чулымским РВК 25 мая 1940 года, мл. заместитель командира, сержант 3-го отделения горно-стрелковой бригады, горный стрелок, убит 3 мая 1945 года, похоронен на городском кладбище г. Фриден-Мистек в Чехословакии;

Алексей Лукич Рыбачек 1915 г. р. (родился в с. Филимоновка

Чулымского района), призван Чулымским РВК в октябре 1939 года, погиб 20 мая 1942 года, похоронен в селе Епиколе Крымской области.

Папа умер 6 декабря 2002 года…

Светлана Николаевна Заика

Учитель идет на войну

«Я – простой сельский учитель, проработавший сорок с лишним лет в одной школе. В таежном селе с несколько необычным названием Тарногский Городок. Это административный центр одного из северо-восточных районов Вологодской области. Здесь я родился, здесь прошла вся моя жизнь, за исключением тех лет, когда я уезжал на учебу и уходил на войну. Я люблю свои родные места, пытаюсь осмыслить их далекое прошлое, записываю события, свидетелем которых был, стараюсь заглянуть в будущее района. За полвека поисков и наблюдений я кое-что нашел, открыл, и мне хочется объявить эти маленькие открытия urbi et orbi – городу и миру, то есть всем, как говорили древние римляне», – писал о себе А. А. Угрюмов.

Угрюмов Андрей Андреевич родился 26.02.1915 г. на хуторе близ деревни Игумновская Шевденицкой волости Тотемского уезда Вологодской губернии (ныне Тарногского района Вологодской области). Пос ле окончания начальной школы учился в школе 2-й ступени, получил специальность учителя начальной школы. В 1932 году учился в Великом Устюге в сельхозтехникуме на геотопографическом отделении, затем в Вологодском государственном педагогическом институте на заочном отделении, на факультете русского языка и литературы. До войны работал завучем тарногской средней школы. В марте 1942 г. призван в армию, зачислен в батарею противотанковых пушек 472-го стрелкового полка 100-й (позднее Львовской) стрелковой дивизии. Однако вскоре, учитывая грамотность и знания, Андрею Андреевичу присвоили звание старшины и перевели в разведывательный отдел штаба 472-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии в должности топографа.

100-я стрелковая дивизия, сформированная из жителей Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР боевые действия начала 14 июля 1942 г. в составе 40-й армии под Воронежем. В Воронеже ее называли Северной дивизией.

В 1942 году Воронеж был одним из узловых пунктов грандиозного сражения на южном крыле фронта. Он первым принял на себя удар гитлеровцев, начавших своё второе «генеральное» наступление на восток летом 1942 года. 212 суток бился с врагом на своих улицах и площадях Воронеж. По накалу и продолжительности уличные бои за Воронеж сравнимы с боями за Сталинград. В истории Великой Отечественной войны только два областных центра, частично захваченных врагом, так и не пропустили фашистов дальше. Эти города – Сталинград и

Воронеж.

Чижевский плацдарм

После упорных четырехсуточных боев гитлеровцы 7 июля 1942 года овладели чижовскими горами и одноименным поселком. Оказавшись на весьма выгодном тактическом рубеже, противник получил возможность визуально контролировать низменное левобережье Воронежа и всю равнинную степь до горизонта. Враг обстреливал из орудий и минометов заводские и жилые кварталы города, железнодорожную линию на участке Придача – Масловка, пригородные грунтовые дороги. Свою позицию фашисты рассматривали как удобный трамплин для очередного прыжка в глубину советской территории – к Мичуринску и Тамбову, Борисоглебску и Балашову. Командующий группой армий «Б» генерал фон Вейхс докладывал в Берлин, что Воронеж является «весьма ценным плацдармом для будущего наступления в восточном направлении».

8 июля войска 40-й армии отвоевали пятачок на правом берегу реки Воронеж. С этого плацдарма советское командование решило прорывать оборону Воронежа. 40-я армия (генерал-лейтенант М. М. Попов) Воронежского фронта начала получать пополнение. 14 июля в её состав из 2-й резервной армии резерва Ставки ГВК передана 100-я стрелковая дивизия. Бойцы дивизии трое суток сражались на шиловском плацдарме, затем были переброшены на чижовский, где разворачивались невиданные по ожесточению бои. Ветераны дивизии, прошедшие долгий путь от Воронежа до Праги, вспоминали, что таких страшных схваток им уже нигде не приходилось видеть.

Части 100-й стрелковой дивизии полковника Ф. И. Перхоровича, наступавшие на центральном направлении, потеснили противника к юго-восточной окраине военного городка. Гитлеровцы цепко держались за казармы и другие каменные постройки, то и дело бросались в контратаки. Вечером две роты гитлеровцев вклинились в боевые порядки 472-го стрелкового полка. Завязалась рукопашная схватка. Фашисты были уничтожены, положение на этом участке восстановлено. 15 сентября 1942 г. третий штурм Чижовки. После боев на Чижовке осталось 126 братских могил, в которых покоился прах почти 15 тысяч героев. Все захоронения были перенесены в одну братскую могилу № 1 у дамбы на улице 20-летия Октября. Теперь на этом месте сооружен мемориал «Чижовский плацдарм». На плитах мемориала названы все части, сражавшиеся за плацдарм, а в

пантеоне хранятся списки погибших. Тысячи фамилий, тысячи героев. Каждый из них совершил подвиг во имя Победы.

В этих боях Андрей Андреевич Угрюмов был ранен, но по выздоровлении вернулся на фронт.

После были бои на Курской дуге, Украине, в Молдавии, Польше. Закончил войну Андрей Андреевич в Чехословакии, под Прагой. Освобождение узников концлагеря Освенцим – это ещё одна яркая страница боевого пути 472-го стрелкового полка.

Андрей Андреевич Угрюмов

Вместе с однополчанами Андрей Андреевич написал книгу «Мы дошли до Берлина» (1982). Является составителем очерка «100-я Львовская стрелковая дивизия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1982–1983 гг.).

Андрей Андреевич работал: директором школы, заведующим РОНО, заместителем председателя райисполкома. Он автор многих статей по истории Кокшеньги, автор книг «Русские имена», «Кокшеньга», «Народный календарь», «Как дед Андрей на войну ходил»; написал около 250 работ на различные темы: по истории, лексикологии, педагогике, краеведению.

Андрей Андреевич награжден орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», после войны – медалями «За доблестной труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Три дцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Вооруженных сил СССР», «Ветеран труда»; знаками «25 лет победы в Великой Отечественной войне», «Почетный знак Советского комитета ветеранов войны», «Почетный знак Советского фонда мира».

Александра Иринеевна Шишелова

«Умирать в конце войны совсем не хотелось»

Известный хирург Иван Федорович Новиков рассказывает о своем боевом пути и мирной жизни. Чтобы попасть на войну, он приписал себе лишний год.

Удивительно, но все, что происходило более семидесяти лет назад, Иван Федорович помнит до мельчайших подробностей: фамилии солдат-однополчан и командиров, названия берлинских улиц; врача, который ему спас жизнь, и девушку Зосю, подарившую ему первую любовь.

Немец Карл спас мне жизнь

Я встретил войну в Крыму четырнадцатилетним подростком. Отец и старшая сестра были сразу мобилизованы в Красную армию, а я с мамой и младшим братом остался в селе, которое в октябре 1941 года уже заняли фашисты. С ними пришел и «новый порядок»: сразу назначили старосту, открыли приемный пункт, куда нужно было обязательно сдавать мясо, молоко, другие продукты, то есть свой продналог установили. В нашу хату на постой определили солдат Оле и Карла, бывшего учителя. Так получилось, что последний спас мне жизнь.

Однажды я заигрался с ребятами в лото, наступил комендантский час, а мне домой через всё село. Пробирался огородами: темно, ноги по мокрой глине скользят, и почти дошел до своей калитки, как вдруг яркий луч фонарика и резкий окрик: «Halt! Hände Hoch!» Это патруль, который из-за кудрявой шевелюры принял меня за еврея. «Думаю, надо расстрелять», – говорит один из солдат. Я им в ответ: «Я русский Иван», – а они уже автоматы вскинули. Мама из дома выбежала и с плачем в ноги им кинулась. Ничто не помогает: ни мои объяснения, ни её слёзы. Тут прямо с крыльца к нам бросился Карл. В три прыжка одолев и двор, и палисадник, он закричал: «Это мой сын!» И патрульные, наверно слегка опешив от неожиданности такого заявления, удалились, предварительно дав мне хорошего пинка под зад. (Удивительно, но всю эту сцену Иван Федорович пересказывал, чередуя немецкие и русские слова, ведь язык врага он выучил в оккупации.)

Старший сержант Скряга и военная арифметика

Весной 1944-го, когда нас освободили, всем моим одноклассникам пришли повестки, а мне нет – ведь восемнадцати еще не исполнилось. Тайком от мамы исправил год в свидетельстве о рождении и пошел вместе с друзьями в военкомат. Военком, посмотрев документы, удивился: «А что у тебя с цифрами?» Потом подумал и махнул рукой: «Здоровый парень, иди, сынок!» Так я из-за своего вида акселератского попал в артиллерию. Пушка образца 1896 года, расчет 7 человек и 4 кобылы – всё это на целый год стало моей жизнью. В составе 694-го стрелкового полка 383-й отдельной пехотной дивизии Приморской армии освобождал Севастополь, а потом Белоруссию и Польшу с 1-м Белорусским фронтом под командованием маршала Жукова.

Я тогда уже был командиром артиллерийского расчета, но стал им я не сразу. Сначала нами командовал старший сержант Скряга, в свои тридцать пять он был нам, мальчишкам, за отца. И фамилию свою полностью оправдывал: хозяйственный человек. Мы когда из Крыма летом уходили через Перекоп, то на берегу Сиваша уже толстый слой соли лежал, Скряга и приказал собрать её. Эти несколько пудов помогли потом прокормиться и в Белоруссии, и в Польше, где соль с начала войны никто в глаза не видел. Крестьяне за её щепотку давали целую курицу. Еще он нас учил не ждать третьего залпа по орудию: сначала – недолет, потом – перелёт, третий обязательно накроет. Его тоже накрыло, погиб старший сержант, и командиром стал я – самый молодой и самый грамотный, ведь семь классов за плечами было. Потом в Берлине уже подсчитали, что состав расчёта за войну пополнялся несколько раз: 18 бойцов были убиты, 37 ранено, 7 контужены. Такая вот военная арифметика.

Несостоявшийся расстрел, ранение и первая любовь

Да, уже в Берлине, правда, сначала опять чуть не расстреляли. Я был уже старшим сержантом, командиром и орденоносцем. Орден Красной Звезды получил, когда расчёт при штурме Зееловских высот подбил «фердинанда» – немецкое самоходное орудие, не дававшее пехоте подняться в атаку. Калибр у него 88 миллиметров, броня усиленная, а сам походил на огромный гроб на колесах. Казалось, что после этого боя нас уже трудно было чем-то напугать, но умирать в конце войны совсем не хотелось. Поэтому в Берлине, где из-за каждого угла грозила опасность, старались напрасно не рисковать. Огневую позицию на пересечении Фридрихштрассе и бульвара Унтер-ден-

Линден выбрали с умом: вкатили пушку в пустой парфюмерный магазин так, что наружу только ствол выглядывал. Получилось, что и просмотр по пяти направлениям, и люди под защитой крепких стен. Правда, был один недостаток – сильный запах французских духов, которым мы все пропитались основательно.

Шёл уже третий час ночи, мы, только обустроившись, думали отдохнуть, как вдруг – цокот подков по мостовой. Смотрим – это подполковник Попов из штаба на своей кобыле прискакал и сразу в крик: «Почему спрятались? Трусы! Срочно установить орудие впереди танков! Кто старший? Я приказываю!» «А я отказываю, – говорю ему, – позиция выбрана правильно». Что тут началось! Он побагровел весь, парабеллум из кобуры рвёт и еще громче орёт: «Мальчишка! Под расстрел пойдешь за невыполнение приказа!» Закончить не успел: автоматная очередь под ноги гарцующей лошади быстро охладила его пыл. «Чёрт с вами! С такими и Рейхстаг не возьмешь!» – пробурчал он, удаляясь. Я обернулся, смотрю – а это мой расчёт в полном составе и с автоматами. Позицию мы всё-таки сменили от греха подальше. Перетащили нашу пушку на квартал вперёд и снова устроили её в каком-то магазинчике. Здесь 26 апреля 1945 года меня и ранили.

Дрезден, 1945 год

Стреляли из фаустпатрона – ручного гранатомета, я был контужен и получил осколочное ранение левого бедра с повреждением кости. В медсанчасти не было рентгена, поэтому осколки из ноги и головы вынимали наугад, да еще без обезболивания, ведь новокаина тоже не было. 1 мая меня прооперировали уже по всем правилам в госпитале в Дрездене, там и День Победы встретил. А ведь хотел попасть на парад на Красную площадь, все шансы были, так как отбирали

орденоносцев ростом выше 1,76 м. Скоро про свои мечты пришлось мне окончательно забыть: началась газовая гангрена. Ногу предложили ампутировать – не дал. Спасли её хирург капитан Кузнецов и медсестра Зося, которая почти полгода выхаживала меня в госпитале. Это была любовь, первая и настоящая, но судьба нас развела: после демобилизации в октябре 1946 года я поехал к своим родителям в Симферополь, а она – к своим в Краков. Больше мы никогда не встречались.

В центре хирург капитан Кузнецов, спасший Ивана Новикова. Хемниц. 1946 г.

Каждый день как последний

Врачом я стал случайно. Вернулся домой: 20 лет, грудь в медалях и семь классов образования. Его нужно продолжать, но где? В городе три средних специальных учебных заведения – автомеханический и торговый техникумы, медицинское училище. Меня манила профессия геолога, но тут мама воспротивилась: «Куда ты с такой ногой по горам лазать?» Подал документы в училище. На первое занятие принарядился: шинель с иголочки, хромовые сапоги сияют, вхожу в аудиторию, а там девчонки пятнадцатилетние вскакивают из-за парт – думали, что преподаватель пришёл. Как-то сразу скучно стало, развернулся и вышел. А на следующий день целая делегация этих пигалиц домой явилась: «Иван Федорович, возвращайтесь!» Вернулся,

окончил училище, а потом Крымский медицинский институт. Там и с женой своей будущей познакомился, оба получили красные дипломы, только у неё все пятёрки, а у меня четыре… по военному делу. Правильно, ведь на фронте больше практики было, чем теории. Но война – это тяжелый повседневный труд, грязь, кровь, усталость, потери друзей. И так уж случилось, что юность – самые лучшие годы человеческой жизни – у меня пришлась на неё, Великую Отечественную.

А когда каждый день проживаешь как последний, то и ценить его начинаешь по-другому. Почему-то сейчас, через семь десятков, война вспоминается так отчетливо, как будто это было только вчера.

Иван Федорович Новиков за свою долгую жизнь сделал всё что полагается настоящему мужчине: построил дом, посадил дерево, вырастил сына, а еще он Родину защитил…

Участник Великой Отечественной войны Иван Федорович Новиков, с боями прошедший путь от Севастополя до Берлина, награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией» и 10-ю памятными медалями. В мирное время – хирург, кандидат медицинских наук, доцент кафедры урологии и андрологии Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования, автор 6 монографий, более 200 научных статей, 12 учебных и методических пособий для врачей, двух запатентованных изобретений.

Беседовала Татьяна Воронцова

Счастливый случай

Во время войны случалось многое: ужасное, страшное и непоправимое, но были моменты курьезные и смешные. Вот такая история случилась с моим дедушкой – Барабановым Александром Андреевичем и бабушкой – Марией Николаевной Барабановой (Рубановой в девичестве).

Мой дедушка был высоким, статным, стройным блондином. Родился он в семье Барабанова Андрея Павловича и Анны Степановны в селе Зубовке Челно-Вершинского района Самарского уезда 17 сентября 1920 года. Родители Андрея Павловича и Анны Степановны были в прошлом военные. Хозяйство Андрея Павловича было крепкое, зажиточное. Видимо, поэтому в 1931 году оно было признано кулацким. Имущество изъяли, и вся семья Андрея Павловича была выслана на спецпоселение в Казахстан. По пути следования умерли малолетние дети и старшая дочь. В живых остались только Александр (старший) 1920 г. р. и Иван (младший) 1924 г. р., и уже в Казахстане родилась дочь Нина.

Бабушка моя, Мария Николаевна Барабанова, была казачка, родилась в семье казака Рубанова Николая Ивановича 1896 года рождения, есаула, участника Первой мировой войны в 1914–1917 годах, награждённого Георгиевским крестом (служил он в 9-м Оренбургском казачьем полку), и Рубановой (Свешниковой в девичестве) Стефаниды Васильевны 4 нояб ря 1896 года рождения, казачки. Хозяйство Николая Ивановича Рубанова тоже было признано кулацким, и семья подлежала высылке на спецпоселение в Центральный Казахстан. По пути следования умерли две малолетние дочери. В живых осталось четверо детей: старший сын Николай и три дочери: Анастасия, Маруся, Анна. Позднее, уже в Казахстане, в семье родился сын Петр. Замечу, что моя бабушка, в отличие от деда (175 см), была маленького роста, всего 150 см.

Я и мой брат Игорь всегда были любопытными, много читали и часто расспрашивали бабушку и дедушку про их жизнь. Может быть, поэтому в памяти так свежи воспоминания. Помню, как дедушка незадолго до своей кончины рассказывал: «Переселили нас в Центральный Казахстан как кулаков. А какие мы кулаки? Одна лошадь, одна корова и десять ртов в семье. Негостеприимно встретил нас Казахстан. Сколько же погибло детей, стариков в первую же зиму, как нас привезли в голую степь. Кругом снег, мороз тридцать градусов, пурга. Пока вырыли одну землянку на всех, сложили печь, прошел не один день. Начался мор, голод,

тиф, дизентерия. Из землянки нос не высунешь – метет метель. Мужики мертвых выносили на снег и укладывали в штабеля. Один раз в неделю приезжали подводы из НКВД и увозили мертвых в общую яму. Засыпа́ли ее только после того, как она заполнится доверху! Потом копали другую, и так без конца. В первую же зиму из 20 тысяч людей умерла половина, во вторую зиму из оставшейся половины выкосило вторую… Но потом вроде бы жизнь наладилась. Создали колхоз. Построили ферму, клуб. Выращивали рожь, овощи». Детям спецпереселенцев, в основном, не пришлось учиться. Их детство закончилось там, на их родине, а здесь, в суровых условиях степей со знойным и коротким летом, с морозными и долгими снежными зимами, им пришлось стать взрослыми уже с 5–7 лет. Наравне со старшими они работали в поле, на огороде, ходили за волами в поле, носили воду, ходили за телятами и птицей, собирали картофель и колоски в поле, возили на тачках камни и землю на строительстве дорог. В поте лица им доставался кусок хлеба. Так и моя бабушка с 8 лет, отучившись в школе два класса, пошла работать в колхоз.

До войны Маруся вместе со своими подругами из села (Александра Чернышева, Маруся Разина, Мария Пудовкина, сёстры Поповы) в возрасте 13–15 лет работали на строительстве железной дороги от Акмолинска (ныне Астана) до Караганды, а позже и на дороге на Балхаш. Одним из бригадиров был и мой прадед – Рубанов Николай Иванович. Они всегда поддерживали друг друга, вместе переносили все тяготы. Свою крепкую девичью дружбу они пронесли до конца своих дней.

Перед началом войны мой дедушка Александр работал в колхозе трактористом и был на хорошем счету, летом во время каникул ему помогал его младший брат Иван. Были они не разлей вода и разные по характеру. С одной стороны, брюнет Ванька (так звал дедушка своего брата), всегда веселый и говорливый, и с другой стороны, Санька (так звал дядя Ваня своего брата) – блондин, строгий, справедливый и молчаливый. Они любили друг друга крепкой братской любовью. Свою братскую, крепкую дружбу они пронесли до конца своих дней.

Перед началом войны подросла и расцвела своей юной девичьей красотой моя бабушка Мария. Маруся – так звали ее в народе тогда, так звали ее и в старости. Приглянулся ей Александр, и ей очень захотелось стать прицепщицей у него на тракторе. Но откуда в таком маленьком теле силы – стать правой рукой тракториста? Стала она проситься к нему в помощницы. Но получила твёрдый отказ. «Морковкой» обозвал ее Иван, а Александр подхватил это прозвище и добавил: «Мала ты еще, Маруся, за трактором ходить, еще потеряешься в борозде, потом

ищи тебя два дня».

Но началась война, и расставила она все на свои места.

Александр попал на фронт. Его служба началась в окопах Сталинграда. Жестокий и суровый бой. Дедушка получил тяжелое ранение в ногу. Помню, как он рассказывал, что осколок попал в бедро. Санитаров не было. Идет бой. Он тогда взял какой-то ржавый гвоздь и им вытащил осколок из ноги. Перевязал ногу и продолжал стрелять. За тот бой командир обещал за проявленное мужество представить дедушку к награде, но, увы, сам командир позже погиб, а дедушку отправили в медсанбат. Он долго лежал в госпитале. Потом его отправили домой на долечивание.

Александр приехал домой в конце зимы 1943 года. Чтобы не терять времени даром и помочь родителям и родному колхозу, пошел к председателю колхоза проситься на работу. Вдруг дадут трактор, и он будет участвовать в посевной. Председатель очень обрадовался встрече, но сказал, что тракторов нет и что может предложить ему поработать прицепщиком, и повел его в поле, где в это время работали трактора. Махнул в сторону ближайшего трактора ЧТЗ и сказал, что Александр будет работать на этом тракторе в помощниках у бригадира тракторной бригады. «Эх и бое вая же дивчина! Веселая! Певунья!» Когда подъехал трактор, то из него выпрыгнула Маруся. Александр был шокирован и обескуражен. Для него было унизительно работать в подчинении у «морковки», у «пигалицы». Вот и состоялась вторая судьбоносная встреча. Вскоре Александр и Маруся поженились. А позже Александра отправили на курсы шоферов. И как негодного к строевой службе его отправили на фронт в качестве водителя. Дедушка рассказывал, что он возил пушку-гаубицу. За рулем своей полуторки он доехал до Праги. Был награжден медалью «За боевые заслуги» и юбилейными медалями.

Справка:

Александр Андреевич Барабанов, стрелок-красноармеец, шофер-красноармеец. Военную службу закончил в Чехословакии, в Праге.

Ранения: 1942—43 г. и 10.08.1944 г.

Награжден: медаль «За боевые заслуги», орден Отечественной войны II степени и четырьмя юбилейными медалями.

Сельский механизатор широкого профиля (тракторист, комбайнер, шофер). Всю свою жизнь посвятил земле и хлебопашеству.

Дети – восемь детей: три дочери и пятеро сыновей.

Умер 25 июля 1991 года. Похоронен в с. Приишимском (поселок № 11) Осакаровского района Карагандинской области.

Иван Андреевич Барабанов

Иван Андреевич Барабанов, гвардии сержант, помкомвзвода кавалерийского полка (14-я кавалерийская дивизия). На фронте с 3 октября 1942 года по 28 марта 1944 года (1-й Украинский фронт (65-я армия) и 2-й Белорусский фронт). Дважды ранен. Мобилизован будучи студентом. 11 сентября 1943 года в боях разведывательного характера за освобождение села Орехово Гомельской области, при форсировании реки Днепр гвардии

сержант Иван Барабанов был тяжело ранен разрывной пулей в тазобедренный сустав. После длительного лечения в городе Серове Свердловской области И. А. Барабанов был комиссован как инвалид войны. Это ранение его всю жизнь очень беспокоило. Постоянно стояла угроза ампутации ноги. Периодически проходил восстановительное лечение в госпитале. Всё это выдержать ему помогали мужество и стойкость.

Награжден: медалью «За боевые заслуги» (№ 365363), орденом Отечественной войны I степени (№ 2283216) и пятью юбилейными медалями.

Работал главным ветеринарным врачом биокомбината (Алма-Ата) и Совнархоза.

Старший научный сотрудник КазНИВИ (Алма-Ата). Кандидат ветеринарных наук, доцент.

Дети: сын и дочь.

Умер 10 августа 1987 года. Похоронен в Алма-Ате.

Барабанова (Рубанова) Мария Николаевна – колхозница, трактористка. В дни войны – бригадир женской тракторной бригады.

Умерла 7 апреля 2000 г. Похоронена в с. Приишимском (поселок № 11), Осакаровского района Карагандинской области.

Награждена: орден Материнской Славы всех трех степеней и медаль в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Ирина Николаевна Чебанова

Военно-полевой роман

Практически в каждой семье бывшего Советского Союза хранятся боевые награды и грамоты ветеранов Великой Отечественной войны. Листая пожелтевшие листки справок о ранениях, о награждении орденами и медалями, грамоты за освобождение городов СССР и стран Европы, мы как бы прикасаемся к живой истории наших семей. Я держу в руках фотографию, сделанную в мае 1945 года в одном из ателье Будапешта, на ней счастливые, молодые, уверенно смотрящие в будущее солдат и девушка: мои прадедушка и прабабушка. В год, когда я появился на свет, не стало моей прабабушки, Мирошкиной Екатерины Васильевны, а через три года, не дожив 2 месяца до 60-летия Великой Победы и полгода до своего 90-летия, ушёл из жизни и мой прадедушка, Мирошкин Андрей Георгиевич. Судьба свела их на фронтах ВОВ. Солдат из смоленской деревни и дивчина из украинского села вместе освобождали Жмеринку, Станислав, участвовали в переходе через Карпаты, принесли мир на земли Румынии, Болгарии, Венгрии. В нашем семейном архиве (хранятся две медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», выданные старшему сержанту Миро шкину Андрею Георгиевичу и рядовой Клименко Екатеине Васильевне. В то время, когда мой прадедушка воевал на Западном фронте, его младший брат гвардии сержант Мирошкин Николай Егорович участвовал в боях за Сталинград. 12 июля 1943 года он был награждён медалью «За оборону Сталинграда», а 10 августа 1943 года за образцовое выполнение задания командования и проявленные при этом доблесть и мужество награждён медалью «За отвагу». В этом же 1943 году его мать получила похоронку, и навсегда гвардии сержант Мирошкин остался лежать в сталинградской земле. С фотографии смотрит на меня молодой парень в солдатской форме с надеждой на то, что он отдал свою жизнь не напрасно и победа, завоёванная такой ценой, будет сохранена навсегда.

Андрей Георгиевич и Екатерина Васильевна Мирошкины

У меня в руках трудовая книжка моего прадедушки. На титульном листе значится дата заполнения 15 января 1939 года, когда он был принят на должность контролёра поездов вяземской группы Западной железной дороги. 5 октября 1941 года

прадедушка был мобилизован Вяземским РВК Смоленской обл. и стал командиром отделения 3-го отдельного мотоинженерного батальона, который входил в состав действующей армии. 28 августа 1942 года он был ранен и отправлен в госпиталь, в котором находился на лечении до 23 марта 1943 года. Родная Смоленщина была ещё оккупирована фашистами, на месте родного дома пепелище, о судьбе родных ничего не известно, и раненому солдату после госпиталя пришлось отправиться в далёкий город Уральск, в дом инвалидов. Но долго находиться в тылу даже будучи инвалидом прадедушка не мог. И поэтому 15 июня 1943 года он вновь принимает присягу и отправляется на фронт. 17 июля 1944 года награждён орденом Красной Звезды (указ датирован августом 1942 года) и в составе 1, 2, 3, 4-го Украинских фронтов принимал участие в боях за освобождение Жмеринки (20 марта 1944 года 151-й стрелковой дивизии приказом ВГК присвоено наименование Жмеринской), Ужгорода, Карпат. Справка, выданная командиром воинской части (полевая почта 17201) гвардии генерал-майором Подшивайловым Денисом Протасовичем, свидетельствует о том, что старший сержант Мирошкин Андрей Георгиевич участвовал в боях за город Будапешт в составе 2-го Украинского фронта, и приказом Верховного главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина от 13 февраля 1945 года за номером 277 за отличные боевые действия ему объявлена благодарность, а медаль «За взятие Будапешта» нашла прадедушку только в 1989 году. После возвращения на разрушенную войной Смоленщину с 1946 года и по 1986 год прадедушка работал на разных должностях на железной дороге. Чувствуя потребность в знаниях, бывший солдат закончил вечернюю школу, Центральную финансовую школу МПС, Всесоюзный заочный техникум железнодорожного транспорта. Все эти годы прадедушка добросовестно трудился, о чём свидетельствуют записи о поощрениях и награждениях в трудовой книжке. И к боевым наградам присоединялись отличительные знаки «Победитель социалистического соревнования», медаль «За трудовое отличие», «Ветеран труда». В 1985 году прадедушке вручили орден Отечественной войны I степени. Можно сказать, что мой прадедушка прожил трудную, но счастливую жизнь.

Илья Викторович Хлимановский

Пропавший без вести

В 60—70-е годы о таких ветеранах, как он, не говорили. Было не принято рассказывать о бывших военнопленных. Его не приглашали в школы на пионерские сборы, в трудовые коллективы в Дни Победы, а он и не рвался, большей частью молчал, но стопку красного вина на 9 Мая в кругу семьи выпивал, со слезами в голосе произносил: «Ну вот, мать, еще один год нашей Победы прошел! Эх, жизнь…»

Солдата три раза оплакали в семье в годы войны, ибо дважды на него приходили извещения, что пропал без вести, а третьей была похоронка.

Родился Павел Трофимович Просеков зимним утром 1898 года в селе Сунгурово, что в Мокроусовском крае Тобольской губернии. Большая крестьянская семья, но дети умирали еще до года жизни, как случалось в то время почти в каждом доме. Оно-то и понятно: откуда было фельдшеру взяться в сельской глубинке, когда даже в Мокроусово, большом селе, что стояло в 25 верстах от Сунгурово, он отсутствовал. Младенцы – то умирали от дизентерии, то родимцем заходились, то еще что-либо приключалось. Когда Павлу годик исполнился, вздохнули Просековы облегченно, ну, стало быть, долгую жизнь ему Господь даровал. Так оно и вышло. Образования не получил, лишь в церковно-приходской школе три класса закончил. Писать, считать научили – и слава Богу! С 10 лет помогал родителям по хозяйству.

Революция пришла неожиданно в зауральскую деревушку. И на два года позже, чем в центральной части России. Не успели очнуться от нововведений, от артелей, создаваемых повсеместно, где работала впоследствии вся семья, как Павлу 19 лет стукнуло, и в армию призвали. В Красную. Почти отслужил парень свой срок, да в 1923 году Колчак изрядно погулял по просторам степным, и Павел в ополчение записался. Банды поручика Лисовского, сподвижника Колчака, аж два раза в Сунгурово заходили: скот резали, большевиков искали, вешали на столбах придорожных. Много крови пролилось в смутное время. Но судьба оберегала Павла Просекова и в то неспокойное время – пули мимо пролетели, сабля ни разу над ухом не прозвенела. Хотя не раз и не два участвовал в вылазках против лесных бандитов, что попрятались по окрестным лесам и вредили селам, деревням.

Банды изгнали с земли родной. Пришел вместе с женой молодой, Марфой, в первый созданный колхоз, который громким

именем назвали – «Социализм». Землепашец. Сначала Мишенька, первенец, народился, через три года – Полинка, дочка. Еще через два года Валюшка на свет появилась, затем опять сыновья пошли: Василий, Николай. Две коровы на двор привел, за плуг взялся крестьянин. Только-только жить посвободнее начали вроде бы, да репродукторы протрубили: «Война!»

В 1941 году дали ему бронь, так как был он мастером умелым по железу – плуги, лемехи ладил для колхоза, на тракторе работал, окончив соответствующие курсы. Но в 1942 году все же получил от военкомата повестку. Оставил Павел малых своих кровиночек вместе с женой Марфой на придорожном тракте и пешком в Мокроусово вместе с другими призывниками ушел. Как потом оказалось, на целых 2 года, которые десятилеткой показались, так как много мытарств за это время претерпел солдат.

Сначала отправили новобранцев на призывной пункт в Курган, где очередная дивизия формировалась, затем в Челябинск зачем-то кинули в теплушках, а через несколько дней с пополнением – сибиряками да дальневосточниками – назад вернули. Потом прямым перегоном повезли под Москву солдат, у которых вместо сапог – обмотки на ногах да ботинки английские. Не хватило на складе обмундирования им, призванным из крестьянских селений. А что поделать – во что одели, в том и воевали!

Первый свой бой Павел Трофимович Просеков принял в составе 61 арм. 744-го СП 149-й СД на орловском направлении. Вот справка из Википедии о славном боевом пути 149-й, в состав которого входил 744-й стрелковый полк (СП): «В ходе Московской битвы участвовала в наступательных операциях на болховском и орловском направлениях. С весны 1942 года до середины 1943 года на Брянском и Западном фронтах вела оборонительные и наступательные бои южнее и юго-западнее Белёва, в составе Брянского фронта участвовала в Орловской операции в июле – августе 1943 года». Как раз в этот период и ранило первый раз Петра Просекова. Подобрали на поле боя санитары другой части. А из своего родного полка улетела домой похоронка, в которой командир отписал, что убит красноармеец Просеков у деревни Аннино Орловской области, там же и похоронен. Уж по каким параметрам определяли отцы-командиры фактическую смерть своих солдат и сам факт их захоронения, нам не узнать теперь, зато поисковики знают, как тогда хоронили убитых на полях брани и впоследствии отчитывались в своих донесениях. Тысячи подобных дел находятся в Центральном архиве Министерства обороны.

51948264
Информация из донесения о безвозвратных потерях
Фамилия: Просеков
Имя: Павел
Отчество: Трофимович
Дата рождения/Возраст: _._.1898
Дата и место призыва: Мокроусовский РВК, Челябинская обл., Мокроусовский р-н
Последнее место службы: 61 арм. 744-й СП 149-я СД
Воинское звание: красноармеец
Причина выбытия: убит
Дата выбытия: 05.04.1942
Первичное место захоронения: Орловская обл., Ульяновский р-н, д. Аннино
Название источника информации: ЦАМО
Номер фонда источника информации: 58
Номер описи источника информации: 818883
Номер дела источника информации: 1076
https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=51948264

В полевом передвижном госпитале подлатали немолодого уже солдата и отправили на ВПП. В последний день своего нахождения в госпитале написал он домой письмо, что «жив-здоров, чего и вам желаю…».

Сформированный на ВПП запасной батальон из легкораненых, таких же, как он, кое-как отошедших от первых впечатлений войны, повезли на южное направление. Влился солдат на 2-м Украинском фронте в 1176-ю СП 350-й СД, воронежское направление (так в документе – с 5.04.42 по 14.08.42 г.). Приставили его к батарее заряжающим. Снарядами «заправлял» наш землячок минометы. Силы, слава Богу, хватало для этого. И опыта тоже по изнурительной работе. Представили к награде нашего земляка за старание в боевой службе – медали «За боевые заслуги» (приказ подразделения был подписан 28.01.43 г.).

Выписка из наградного листа гласит, что с «12 декабря 1942 г. в боях за населенные пункты Дорозовка, Красный Ключ, Дмитровка и Пасюково (солдат) проявил исключительную самоотверженность. Благодаря его самоотверженности не было ни единой задержки и осечки мин. При отходе сумел вынести материальную часть…»

Не успели солдату Просекову вручить медаль, так как полк с тяжелыми боями откатывался назад, на исходные рубежи, затем попал в окружение.

Дома, спустя много лет после войны, рассказывал солдат, как выбирались они группами и поодиночке из котла, чудом вышли к своим, не попав к немцам. И этот случай он посчитал просто везением в своей судьбе в той обстановке. Про то отписал Павел Трофимович домой, не зная, что письмо это его будет последним перед пленом. В одном из боев Павла Трофимовича тяжело контузило. Очнулся лишь тогда, когда немец его подобрал.

За время его плена в далекое зауральское село снова пришла на сельсовет казенная бумага из части, что «пропал без вести» их односельчанин. Про то доложил командир части вышестоящему составу. В штабе 350-й СД отписали в военкоматы по месту жительства солдат, которые из боя не вышли. Если бы солдат тогда не потерял сознание, может быть, уберегся бы от очередного мытарства неминучего. Но, видать, Господь ему дал пережить еще одно испытание, как бы проверяя на крепость. В бараке, где находились военнопленные, было очень холодно, помещение не отапливалось, ныли незажившие раны, мучил голод. Гоняли на работы разные: от завалов и разрушенных строений чистили местность, камни да кирпич таскали военнопленные, территорию в порядок приводили.

Доподлинно неизвестно, как, где и кто освободил в начале 1944 года военнопленных. Но после освобождения попал Павел Трофимович в 188-й запасной стрелковый полк, а оттуда его прикрепили к 1-й военной трофейной бригаде 62-й гвардейской стрелковой дивизии Второго Украинского фронта. Не только трофеи подбирал солдат после наступления наших войск, а участвовал и в боевых операциях.

Наградной лист за 1946 год, уже от мокроусовского военкомата, «рассказывает», как Просеков в 1944 году, в составе 186-го СП 62-й гв. СД, проявив героизм, мужество и отвагу в боях за город Будапешт, был тяжело ранен, в госпитале на излечении находился семь месяцев и был удостоен награды – медали «За отвагу».

Павел Трофимович Просеков

Комиссовали Павла Трофимовича Просекова ввиду тяжелой контузии и ранения в бедро подчистую. Дома медицинская военная комиссия дала группу инвалидности, но рабочую. Ребятишки за два с половиной года без отца подросли, надо было их поднимать. Марфа часто болела из-за непосильного труда в голодное военное лихолетье. Пошел работать в колхоз «Социализм».

В Сунгурово колхоз «Социализм» переименовали в им. Кирова. В этот период времени и вручили ветерану в военкомате сразу две медали – «За боевые заслуги» и «За отвагу», скромно, без помпы. Нашли все-таки награды земляка! Умер П. Т. Просеков

в своем родном селе, откуда после войны никуда и не выезжал более. Похоронен на местном кладбище, оставив после себя богатое потомство.

Сейчас у дочери ветерана, Валентины, – сын Виктор, проживает в г. Асбест. Он-то и ведет генеалогию своего рода, записывает рассказы старожилов села, когда приезжает в отпуск домой. Записал и свои воспоминания о дедушке. Говорит, что ранений было легких много и только одно тяжелое, когда бедро и руку повредило осколком от мины. В рубашке, мол, дед родился. Ветеран своим внукам при жизни рассказывал, что был в окружении и под Сталинградом, хотя документальных подтверждений об этом эпизоде я не нашла.

…Дважды в год собирается большая семья Просековых в родном гнезде в с. Сунгурово – на родительский день и в День Победы, чтобы посетить могилу своих прародителей, которые оставили после себя добротную поросль: 11 внуков и троих правнуков. Действительно, не просто так жил-был человек…

Наталья Героевна Захарова

Дневник бойца

От бабушки по отцовской линии, Яблонской Галины Николаевны (10 марта 1927 г. р., в девичестве Романова), мне достался дневник с военными записями прадеда, Романова Николая Алексеевича (7 мая 1897 г. р.). Привожу письменную расшифровку дневника, сохранив все речевые обороты и грамматику прадеда.

В память о моих близких.

«В Отечественную войну я был призван в ряды РККА в 1942 году 14 сентября и направлен в Еланские лагеря, 45-й запасной полк. Прибыл на Волховский фронт 20 декабря 1942 г. Под станцией Жихарево или Кириши зачислен в 117-й минометный полк. 12 января 1945 г. вступили в бой – прорыв блокады, контузило правую ногу, лечился в п.п.м. полка. Соединились с ленинградскими войсками на Синявинских болотах.

29 января 1943 г. Я ранен в предплечье правой руки. Сквозное, осколочное. Направлен в госпиталь № 41/77 ул. 3-го Июля, дом № 2, Ленинград.

7 мая 1943 г. я выписался. Пересыльная часть Фонтанка, 90. На второй день отправили в Токсово, 47-й зап. полк. Через три дня направили на передовую за Колпино, под деревню Поповку. Зачислен в 564-й минометный полк 42-й минометной бригады, 18-й артиллерийской дивизии. До октября месяца находились под вышеуказанной деревней. Передвинулись на другое огневое село – Красный Бор. В последних числах декабря направили на Пулковские высоты, откуда и стали наступать.

15 января 1944 года двигались: Воронья Гора, Красное Село, Кингисепп. После трехдневной передышки двинулись, получили задание – обойти город Нарву, перерезать железнодорожную и шоссейную дороги, выйти к Финскому заливу, отрезать пути отхода из Нарвы. Создать котел немецкой группировке. Получили крепкий отпор. Около дома лесника в Нарвском районе квартала 80515, отм. 32,2 я получил ранение – слепое осколочное в правую ногу от бомбежки с самолетов немцев. Лечился в п.п.м. полка.

6 апреля 1944 г. в упомянутом квартале и районе получил вторичное ранение – слепое осколочное через правую сторону грудной клетки в легкие. 7 апреля наша группировка была отрезана немцами и уничтожена, а часть личного состава и командования, здоровых и раненых, взята в плен. В том числе был подобранный и я 7 апреля 1944 года немцами.

Оттащили меня на передний край к своим землянкам и положили в траншейку, в ноги убитого немца. Вечером подходят

два немца и пинают меня в спину: «Вставай, Иван», – любимая поговорка немцев к русским. Я никакого понятия по-немецки. Переспросил у русских, они мне ответили, что зовут подбирать убитых немцев. Но я не подборщик, ввиду своего состояния здоровья. Они ушли. Я остался в той же траншее. Лежал ночь с 7 на 8 апреля. Шел снег.

Поутру подходят немцы и удивленно смотрят на меня. Около полудня я услышал сильную стрельбу: артиллерийскую, минометную, пулеметную и автоматную. Я сообразил, что русские пошли в атаку. Прорвут оборону немцев и меня освободят. И точно, минут через пятнадцать немцы по направлению на меня бегут и кричат: «Ула лусь!»

Пробежал и вплотную ко мне. Подбежал красноармеец с автоматом в руках и хотел стрелять в меня. Но я окриком его остановил. И в голове моей мысли забродили ползти в сторону своих, но в то же время вижу, что русских маловато. Соображаю своим умом, что немцы русских могу выбить обратно, и первые мои мечты будут безрезультатны. Действительно через двадцать минут немцы русских погнали обратно, и подбегает ко мне немец на расстояние пяти метров. Стреляет из автомата в мою голову, но я немножечко отклонился, и он попал во фляжку, которая лежала на берегу траншейки. Немцы подавали мне пить кофе, а сами в то же время убежали в сторону русских. Через двадцать минут приводят русского с простреленными руками, того самого, который хотел меня застрелить из автомата, и одновременно уводят в свой тыл. Я остался в той же траншее, и мои мечты забродили о своей смерти. Или могут убить свои снарядом русские, или же немцы застрелят.

В траншее, около землянки, стоял немец и безотрывно на меня смотрел, покачивая головой. Я стал ему твердить, что лазарет, и он качал головой. Думаю, знак согласия. И часа через три подходят три немца, легко раненные в руки. Забирают меня под руки, потащили в свой тыл. Болото, вода, двое тащат, а третий все время пинает ногой сзади в меня. Протащили километра полтора. В разбитом подвале санчасть, немецкая. Врач спросил, во что ранен, и убедиться, раздел меня. Дал попить кофе и, видя, что я перевязанный, отнесли меня в сарай эстонского крестьянина. Положили на солому. В одном уголке я увидел тени движущиеся – двух солдат русских. Я спросил. Они мне ответили, что свои. Через немного времени приходит врач немецкий с конвоиром, приказывает двоим русским, чтобы меня вытаскивали и тащили по указанию конвоира. С трудом ребята протащили километров шесть, и видим скопление немецких танков и войск. Конвоир сходил, спросил. Еще немножечко протащили, видим,

немецкая легковая машина и тот, с простреленными руками. Тут же сигнал, и поехали.

Через некоторое время подъезжаем к дому. Вносят меня в дом. Вижу три немецких офицера и человек пять русских военнопленных, хорошо упитанных. Видимо, обслуживающие офицеров немецких. После короткого опроса меня офицеры приказали накормить, но я не кушал ввиду тяжелого ранения, а только что пил воду. При отказе от кушанья попил кофе и был вынесен в сарай на солому к товарищам, которые меня тащили – двое и с простреленными руками.

Ночь прошла. Поутру входит офицер, спрашивает меня:

– Как здоровье, старик?

– Плохое, – отвечаю.

– Я запросил машину, скоро отправим в госпиталь.

Точно, через какое-то время машина меня и товарища с простреленными руками повезет в г. Еву, в лагерный госпиталь. Первовременно помыли в бане, перевязали, продезинфицировали одежду и на койку. Подали кушать, но я не ел, а только что пил кофе.

Поутру попили кофе. Меня одели и дали кусок с маслом на дорогу. Погрузили на машину и повезли в г. Кохтла-Ярве, где ночь провели. А под вечер дня погрузили на ж. д. вагон и повезли в г. Тапс, Эстония.

На другой день выгрузились в лагерный лазарет. Я попал в третий барак в сильно плохом состоянии своего здоровья. Я через два дня попал к хирургу, Сергею Федоровичу Годунову, который положил меня на стол и сделал шприцем укол около раны. Говорит, что срочно нужно делать операцию. Спросил, есть ли места в первом бараке. Санитар ответил, что нет, несите обратно в третий.

Тяжело пришлось прожить, с высокой температурой, два дня. А потом к тому же хирургу на стол, оперировать. Разрезали правую сторону грудной клетки. Хирург говорит: «С надломом трех ребер слепое осколочное». Подняли меня. При помощи моего кашля рану очистили от крови и гноя. Осколок вынимать не стали. Возможно, при сильном кашле выпадет сам собой. Перевязали бумажными бинтами и на койку. Перевязку производили ежедневно. На третий день принесли на стол перевязывать. Открыли рану. Сильный кашель. Осколок выпал через рану на стол. Стограммовый орудийный. Но был уже бессильный. А только что пробил шинель, фуфайку, гимнастерку, белье теплое и нательное, тело и в правое легкое, где и остановился.

После всего этого стал принимать лечение. Перевязка и

уколы. В первом бараке, за период одного месяца, дошел до мертвого одра. Сколько-то бы хирург Годунов старший ни прикладывал для меня, все было бесполезно. Перевел меня во второй барак на лечение к терапевту, Полякову Анатолию Константиновичу. Пос ле первого осмотра и прослушивания лечение: уколы, капли, таблетки, через день на перевязку.

Я почувствовал лучше. Прошло два месяца, смог сам подниматься с помощью санитара. Пошел в уборную. И питания хватать не стало. Была у меня гимнастерка – продал за 70 рублей. Купил два котелка картошки плюс добавление к пайке. Были у меня английские ботинки новые. Когда я был в плохом состоянии, один из-под головы вытащили, украли, а второй продал за 70 рублей. Опять же два котелка картошки. Все же добавляю к пайке картошечки три. Варил к обеду и чай. Когда был на диете. Выдавали двести грамм. Галет утром, суп реденький. В обед чай и вот упомянутые три картошки. Вечером тот же суп. А когда перешел на общий, утром приносят буханочку хлеба. Весит она один килограмм сто грамм. Режут на семерых, и суп с картофельными очистками, густой, кусочек конины, в обед тоже чай. Вечером такая же буханочка, суп уже с чищеной картошкой, но редкий. Вот так и поживали. Но когда вышла вся моя картошка, которую я добавлял в обед к пайку, опять же питанием не прохватывает. Это уже было в августе месяце 1944 года.

В один день упомянутого месяца немецкий врач и комендант лагеря совместно с русскими врачами прокомиссовали и более тяжело больных решили отправить в Германию, в том числе попал и я. Вот погрузили в ж. д. и одни сутки покатали по станции Тапс. Наутро выгрузили в эти же бараки. Ну жизнь пошла по-старому. Что только больше всего надоедало и беспокоило – заедали блохи и клопы. Целыми ночами не спали, а кто смогал, просиживали на лавочке или табуретке. Но вопрос с недостачей питания. По слабости своего здоровья нужно кушать, жиров никаких. Ну что же, пришлось согласиться ухаживать за больными в изоляторе туберкулезников. Четыре товарища померли при моем дежурстве. Я за эту работу получал две порции баланды, утром и вечером. Но пришлось мне работать дней пять, а потом температура и снова слег в постель. Врач стал производить исследование крови, мокроты и мочи на туберкулез. Но ничего не нашли. Решили лечить от малярии. Уколами в вихлоки девять штук принял. И в сентябре числа восемнадцатого комиссия, немецкий врач с русскими, стали отбирать. Послабее оставить, а поздоровей отправить в Германию. В число слабых и я попал.

Николай Алексеевич Романов

21 сентября 1944 года пришли русские и нас освободили от немцев. Дней десять жили и питались хорошо, трофеями, и своя кухня готовила. Короли двух коров и каша вкусная с сахаром, из пшена. Но я ничего не кушал ввиду температуры и чувствовал слабость сильную, последнее время, недели две. Немец варил баланду из ржаной муки с зеленым листом от капусты без соли, что, конечно, отвращало весь аппетит. В бане мыли каждую неделю. Белье меняли через две недели и пропускали через дезинфекционную камору.

31 сентября 1944 года нас погрузили на автотранспорт. Отправили в город Изенберг. На другой день в Кингисепп.

14 октября 1944 г. отправили в Гатчину.

17 ноября 1944 г. отправляют в город Выборг в госпиталь.

20 ноября 1944 отправляют п.ф.п., где я и прожил до 17 декабря. Поутру пошел умываться, упал и сломал лучевую кость у левой руки. Отправили в госпиталь города Выборга, где я и принимал лечение до 13 февраля 1945.

13 февраля 1945. Был направлен на п.ф.п.

14 февраля 1945. Проходил военно-врачебную, которая меня в ряды РККА не взяла.

18 февраля 1945. Вторая комиссия – освободили.

28 февраля 1945. Третья перекомиссия, но я на третью не попал. Комиссовали только кто был под сомнением. А 5 марта вечером вызывают в канцелярию и спрашивают последнюю станцию, готовят документы домой.

7 марта 1945. Идем на станцию и делаем посадку. Следуем на Ленинград.

8 марта 1945. Выезжаем на Киров через Волхов, Тихвин, Череповец, Шарью, Николо-Полома, Котельнич.

11 марта 1945. Выезжаем на Свердловск через Молотов, Кунгур, Кузино.

14 марта 1945. 03:00 прихожу домой.

Станислав Яблонский, правнук (Москва, 2016)

Жажда жизни

Это был обычный воскресный день. Вся семья Жуковых с самого утра уехала в Кисловодск к своим родственникам. Дусе тогда было почти 14 лет, Шура была немного старше. Самым взрослым из детей, переживших голод 30-х, был Николай. Парню уже исполнилось 26 лет, и он работал на полуторке.

Николай успел повоевать в районе далекого озера Хасан, за что Жуковым выделили 2 комнаты в доме сосланных в Сибирь кулаков. До этого они ютились по знакомым и чаще всего ночевали в углу Николаевского храма, так как спешно бежали из станицы Суворовской.

Казачью семью в Гражданскую преследовали и белые, и красные. Первые – за то, что не хотел воевать бывший царский солдат Петр – глава семейства, вторые – и за то, что царский солдат, и за принципиальную позицию не брать в руки оружие.

К полудню вышли Жуковы на станции Ессентуки. До дома нужно было еще пройти пешком несколько километров. Но то, что происходило на вокзале, заставило их замешкаться. Шепот, ступор, неясное бормотание – все это сливалось в один грозный, постепенно нарастающий гул, больше похожий на рыдание, и сквозь слезы женщин и хмурые взгляды мужиков в мозг врывалось странное и страшное слово: «Война!»

Война вошла в хату уже через час. Ко двору подъехал человек на коне, вручил повестку Николаю. Сын сел в свою рабочую полуторку и поехал на пункт сбора. Там новобранцев прямо с машинами погрузили на платформы грузового состава и отправили на Западный фронт, туда, где с 4 утра уже обливалась кровью Белоруссия.

Мария Ильинична, Шура и Дуся простились с сыном и братом до 1945 года, а Петр Александрович – навсегда.

Уже в октябре 41-го Николай попал в окружение. Это были мучительные дни под Вязьмой. Колонну с боеприпасами, которые перевозили в полуторках, жестоко обстреливали с воздуха. Николай, смекнув, что в машине ему не выжить, успел выскочить и под огнем доползти до кромки леса.

Оружия у шофера не было. Поэтому ни сражаться, ни застрелиться он не мог, даже если бы захотел. Последнего Коля точно не хотел. Он страстно желал жить. И отчаянно цеплялся за жизнь сначала в лагере под Вязьмой, а потом и в Бобруйске, где на огромной территории за колючей проволокой в считаные дни не осталось ни травинки – пленные солдаты в прямом смысле слова ели землю, пытаясь сражаться с более грозным, чем немец,

врагом – голодом.

На оккупированной фашистами территории начали устанавливать новый варварский порядок. Нацистам нужны были рабочие руки. Николая и нескольких пленных, которые еще держались на ногах, отправили на работу.

Парни должны были перевозить муку. На подводу, запряженную лошадью, кидали несколько тяжелых мешков и везли их в указанное место под дулом автомата немецкого надсмотрщика.

В один день пленным удалось договориться, и по условному сигналу они набросились на своих сторожей, убили их голыми руками и увели подводы с мукой в партизанский отряд, который стоял в лесу недалеко от лагеря. Но радость была недолгой. Во время одного из заданий Николай Жуков вновь был схвачен. Что заставило немцев пощадить и не повесить партизана сразу, для него осталось загадкой. Он вновь оказался в плену.

Ботва от мороженой свеклы для этих людей была единственной пищей, поэтому каждый день похоронная команда вывозила целую телегу трупов, которые навсегда оставались лежать в белорусской земле безымянными.

Страдания солдат пытались облегчить местные женщины. Они подкупали фашистов всякой нехитрой снедью и ядреной деревенской самогонкой, взамен немцы разрешали бросать пленным через забор куски хлеба и картошку. А иногда и отпускали нескольких человек.

Каждый день сотни ввалившихся от голода и болезней глаз с надеждой смотрели через колючую проволоку в ожидании спасения. Николай был среди них. Ему очень хотелось жить. И, возможно, именно эта жажда жизни привела однажды к нему Станиславу Савич, милую, скромную девушку, которая, указав на него, пыталась объяснить охраннику, что это ее муж.

Польстившись на кусок сала, завернутый в холщовый мешок, и бутыль с самогонкой, немец торопливо вытолкал Жукова за ворота. А дальше был кювет, мелкие перебежки до опушки леса – всех, шедших от лагеря по дороге и опьяневших от радости, немцы расстреливали, упражняясь на живых мишенях, как в тире…

Николай и Стася помогали партизанам. Сестра девушки «водила дружбу» с немецкими офицерами – так добывались бесценные сведения для борьбы с врагом. Однажды Николай увидел колечко, подаренное сестре своей спасительницы нацистским ухажером, и украл его… так, на всякий случай…

Случай не заставил себя ждать. Пробираясь в действующую армию через линию фронта, Жуков в третий раз попал в плен, но

в лагере, откуда отправляли составы с советскими солдатами в Германию, надолго не задержался. Краденое кольцо приглянулось немецкому солдату, и Николай купил себе свободу.

Рожденный в рубашке Коля, трижды побывавший в плену врага, добрался до своих, прошел все проверки и продолжил гнать нацистов до самых границ вражеского логова.

Перед боем на Одере зимой 45 года он написал письмо отцу и прислал матери фронтовое фото с символической надписью: «Помни обо мне». Письмо сына Марии Ильиничне прочитали дочери. Немного раньше они же читали ей похоронку: Петра Александровича Жукова уже не было в живых больше года.

Перед самой оккупацией Ставрополья, когда «немец бегом бежал» по Украине к Кавказу, собрали тех, кто остался в городе, на строительстве укрепительных сооружений. Петру было тогда под пятьдесят лет. Мужиков спросили, кто умеет обращаться с пулеметом, он сразу же встал. Пулемет он видел в царской армии, той самой, за которую едва не погиб от советской власти.

Отец Жуков воевал тоже в Белоруссии, в гвардейском кавалерийском полку. Он был ездовым хозяйственного взвода. Однажды, накануне очередных боев за оккупированный Витебск, Петр написал письмо родным и попросил однополчан не поминать его лихом. Из боя он не вернулся. Осколком снаряда Петра Александровича ранило в живот, он почти сразу скончался. О том, что отец покоится в братской могиле рядом с бывшей деревней Дворище, стертой с лица земли в той декабрьской мясорубке 43-го, сын Николай и дочери Дуся и Шура узнали спустя много лет. В 80-е годы Евдокия разыскала могилу отца, и помогла ей в этом та самая Станислава Савич, которая спасла жизнь ее брату, Николаю, вытащив его из плена. У нее к тому времени был взрослый сын, очень похожий на Жуковых. Так война отняла у Николая отца, но подарила сына, а потом и внуков.

Евдокия Петровна Жукова

Дедушка Коля не любил вспоминать о войне, хотя она постоянно напоминала ему о себе болью во всем теле и последствиями контузии, полученной в его последнем бою на Одере.

Война всегда незримо была в родительском доме и смотрела на них со стены, где висел портрет отца. Она еще раз постучалась в дом семьи, но не грозно, как в 41-м, а тихо и грустно: спустя 70 лет дочь, внуки и правнуки Петра Александровича узнали, что за 3 недели до гибели он был награжден медалью «За боевые

заслуги».

В 2015 году отец и сын Жуковы смогли встретиться после долгой разлуки и пройти плечом к плечу в победном строю «Бессмертного полка» в родных Ессентуках. Их портреты пронесла санитарка военного эвакогоспиталя в 1943–1945, дочка и младшая сестренка Дуся, Евдокия Петровна Жукова, которой в этом году исполнилось 89 лет…

Маргарита Дядченко

Героями не рождаются

Щербинин Василий Васильевич (1923–1944)

Я перечитываю краткую биографическую справку о своем дяде (брате деда) в Книге Памяти: «Щербинин Василий Васильевич (1923–1944 гг.). Участник Великой Отечественной войны, уроженец села Старобелокатай Белокатайского района. В действующей армии с конца 1942 года. Отважно и мужественно сражался на Курской дуге, при освобождении Украины. За подвиги в годы войны награждён орденами Ленина, Отечественной войны II степени. Погиб 4 января 1944 года. Похоронен около г. Дзержинска Житомирской области (Украина), в братской могиле на территории романовского стеклозавода».

Василий Васильевич Щербинин родился в крестьянской семье. Его отец Василий Иванович был кузнецом, слесарем, умел столярничать. Мать Ефросинья Ивановна вела домашнее хозяйство. В семье шестеро детей, так что забот хватало. Василий был четвертым ребенком в семье. Как все сверстники, он учился в школе. В летние каникулы помогал колхозу. Зимой любил кататься на лыжах, ходил на охоту. Словом, обыкновенный деревенский парень, а вот душа и воля – необыкновенные. Судите сами: уже в августе 1941 года семнадцатилетний паренек добровольцем отправился на фронт. Однако из Уфы его вернули, возраст маловат, мол, подрасти еще.

В ноябре 1942 года Василия отправили в Рижское пехотное училище, расквартированное в Стерлитамаке. Но закончить его не удалось, их роту отправили на фронт досрочно. Участвовал в боях на Западном фронте, был ранен, лечился в госпитале.

В начале августа 1943 года советские войска прорвали оборону на Белгородско-Харьковском направлении, и 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус стремился в направлении Грайворона, Ахтырки. Сюда, в этот корпус, в 12-ю гвардейскую танковую бригаду, после госпиталя вместе с пополнением прибыл Василий. Он – рядовой в роте противотанковых ружей (ПТР). В первых же ожесточенных боях мой дядя действовал умело и мужественно.

Об этом свидетельствуют документы. Вот строки из наградного листа № 10117 от 16 августа 1943 года: «Тов. Щербинин, работая наводчиком у 50-миллиметрового трофейного (!) орудия, при отражении 07.07.43 г. в городе Гайвороне вражеской танковой атаки своим прицельным беглым огнем уничтожил два танка «ТИГР» и один танк Т-4. В результате того,

что тов. Щербинин прицельно поражал вражеские танки, атака противника была отбита.

При наступлении на город Ахтырка 11.08.43 г. отважный наводчик, не потеряв боевого духа, снова смело и решительно вступил в бой с вражескими танками, при завязавшейся дуэли тов. Щербинин вышел победителем, уничтожив при этом еще четыре танка «ТИГР» и один танк Т-4.

За храбрость и стойкость, проявленные в боях с немецкими захватчиками, достоин правительственной награды – присвоения звания Героя Советского Союза».

Этот наградной документ подписали командир роты противотанковых ружей гвардии – старший лейтенант Петрусев, командир 12-й танковой бригады полковник Душак. Их поддержал командир танкового корпуса генерал-лейтенант И. Полубояров: «Достоин звания Героя Советского Союза». По какой-то причине кому-то этих боевых заслуг показалось мало для присвоения звания Героя. Документы, пройдя инстанции, ушли в Москву. А 10 января 1944 года появился указ президиума Верховного Совета СССР о награждении Василия орденом Ленина. Присвоили воинское звание – старшина.

Василий Васильевич Щербинин

Уже тогда, в 1943 году, подвиг Василия не остался без внимания прессы. Фронтовая газета писала: «Сердце комсомольца Щербинина оказалось крепким. Оно выдержало испытание, да еще какое! Зоркие глаза, ловкие руки и крепкое сердце, полное жгучей ненависти к врагу, – все эти черты высокого боевого мужества, встретившись с бронированными чудовищами, превратили их в груды мертвого металла».

В своем письме родным Василий тоже немного рассказывал о боевых буднях:

«Здравствуйте, многоуважаемые родные папаша и мамаша, сестра Зоя, братики Коля и Слава… Делов было немало. Но только вспомнишь про дом, а тут как ухнет, так быстро бежишь из

укрытий к пушке. Смотришь, идёт танк «тигр». Наведу, нажму, и танк горит, а затем другой… Как писал я вам, на счету уже 8 танков. У меня всё хорошо. В бою был с 5 по 19 августа. Жив, здоров. Скоро опять иду в бой. Привет девчонкам, соседям, друзьям. Ваш сынишка Вася».

Оказывается, хотя Василий писал родителям, что вполне здоров, в действительности его жестоко мучила малярия. Но воин оставался в строю. Больным он и участвовал в отражении танковых атак.

Боевой путь Василия Щербинина продолжался. Шло освобождение Украины от гитлеровских захватчиков. 2 января 1944 года орудийный расчет, которым командовал гвардии старшина Щербинин, вел бой юго-западнее Житомира. В бою у переправы через реку Тетерев он уничтожил три автомашины и рассеял колонну вражеских автомашин и бронетранспортеров, не дав противнику переправиться к позициям советских войск. Во время этого обстрела полегло до взвода немецкой пехоты. За этот бой старшина Василий Щербинин был отмечен еще одной наградой – орденом Отечественной войны II степени.

К сожалению, гвардеец-кантемировец Щербинин не узнал о своих наградах (орден Ленина и орден Отечественной войны II степени были присвоены ему посмертно.

В одном из последних писем Василий писал:

«Добрый день. Здравствуйте, родные, как живёте? Пока на старом месте, живу по-старому, новостей пока никаких нет. Готовимся к новым наступлениям. Сегодня 25 ноября, мне исполнилось 20 лет моей жизни. Получили зимнюю одежду. Недалеки те дни, когда снова вступлю в бой, снова буду громить немецкую свору! Пока всё. Привет шлю всем: тяте, маме, Зое, Коле, Славе, соседям, Кузьмовне Марии и всем.

До свидания. Ваш сын и брат Вася. 25.11.43 года…»

А через месяц с небольшим его не стало. По свидетельству однополчан, жизнь его оборвалась не в бою, а по трагической случайности: он погиб от случайно разорвавшейся гранаты… Шёл в ту пору солдату-герою двадцать первый год.

Есть события, над которыми время не властно, и чем дальше в прошлое уходят годы, тем яснее становится их величие. Пусть проходят годы, сменяются поколения, но День Победы навечно стал символом великого мужества и патриотизма, горькой скорби и печали. Неизгладима память народа о тех тяжёлых днях и о людях, вставших на защиту Родины. Время бессильно ослабить память человечества о стойкости и мужестве бойцов и командиров.

Героями не рождаются, ими становятся. Василий Васильевич

Щербинин стал им! Он один из многих защитников, погибших в годы Великой Отечественной войны. Такие солдаты, чудо-богатыри, спасли отечество от гитлеровского нашествия.

Я снова и снова перечитываю эти письма. В них душевная боль и решимость стоять насмерть за Родину, за родных и близких. А ведь такие, как мой дядя, вовсе не были рождены героями. Они просто хотели жить, любить, растить детей. На деле же им выпала нелёгкая доля защищать эти просторы…

Вячеслав Сергеевич Субботин

Самый дорогой подарок

Старый деревянный барак маленького подмосковного города Рошаль по улице Майская, д. 1. В нем родились и жили: моя бабушка Шелобанова Мария Васильевна (1933 г. р.), ее старший брат Шелобанов Иван Васильевич (1923 г. р.), брат Миша, Шелобанов Михаил Васильевич (1927 г. р.) и родители: Шелобанов Василий Никитович (1897 г. р.) и Шелобанова (в девичестве Горячева) Акулина Осиповна (1891 г. р.). Это единственная фотография из семейного архива, сохранившаяся с тех времен.

Шелобановы

В ноябре 1941 года призвали на фронт главу семьи. У прадеда была бронь, но он все равно ушел на войну. Бабушка рассказывала: «Жили мы очень бедно. Я маленькая была, многое не помню. Отец мой не любил мамку, и ушел он не столько на войну, сколько от нас». Была переписка, но писем не сохранилось, и подробностей ни бабушка, никто из родственников не помнит. Связь с ним прекратилась в марте 1942 года. А потом пришла похоронка. Шелобанов Василий Никитович пропал без вести в декабре 1942 года. Где служил, в каких войсках – неизвестно.

В январе 1942 года на фронт призывают старшего сына Ванечку. Ему на тот момент исполнилось восемнадцать лет. Бабушка плакала, что совсем молодого забрали. Ни оружия в руках не держал, ни девочек не знал. С фронта от него получили всего одно письмо. Писал, что попал к бывалым бойцам и что стоят они под Ленинградом. Даже я помню этот маленький истлевший треугольничек, исписанный карандашом.

Осенью 1942 года получили похоронку. Шелобанов Иван Васильевич пропал без вести. В пенсии было отказано. По словам бабушки, пропавший без вести не считался убитым. Он мог попасть и в плен, и куда угодно.

А потом были голод и нищета. Ездили в соседние деревни собирать милостыню. Помню, в детстве с замиранием сердца слушала, как мне бабушка рассказывала одну историю и всегда плакала: «Приехали мы в соседнюю деревню. Постучались в одну избу. Открылось окно, и мне протянули горячую и ароматную ватрушку. Это была сама вкусная ватрушка в моей жизни!»

В 2010 году случилось необыкновенное. В московской Книге Памяти я отыскала, что Ванечка не пропал без вести. Что службу нес в 1292-м стрелковом полку 113-й стрелковой дивизии. А погиб 14 августа 1942 года, в деревне Болтаминово Темкинского района, Смоленской области. Там и похоронен.

Отдельную благодарность в помощи при поисках хочу выразить заведующей информационно-поисковым центром ИПЦ «Отечество» Салахиевой Марии, г. Казань. Долгое время я пыталась отыскать ту самую могилу, где именно был похоронен мой дедушка. Дальнейшие запросы, звонки и переписка с администрацией района результатов не дали. Деревни той больше не существует. Перезахоронения делались многократно. А списки хоть велись, но мой дед в них не значится.

К сожалению, точного места захоронения отыскать так и не удалось, но зато я нашла нечто большее. Я нашла те самые

границы, тот самый финал бесконечной безвестной истории, в которой всю свою жизнь пребывала моя семья. И это событие стало ниточкой, связавшей нас с тем страшным временем, которое переживали миллионы людей и которое мы по-прежнему переживаем. До последних своих дней бабушка благодарила за эту самую ниточку, как за самый дорогой подарок для нее.

Каждый год в день празднования Победы, мы приносим цветы к городскому обелиску. И эту маленькую семейную историю мы вспоминаем и рассказываем нашим детям. И будем рассказывать нашим внукам и правнукам. И, пока мы будем помнить все имена, наши близкие будут жить. Будут жить в наших сердцах и в нашей памяти.

Наталья Лукина

Отца спасла похоронная команда

Вяргиня, или Девочка-георгин

Накануне войны семья Дуровых находилась по месту службы главы семейства Николая Алексеевича – в деревне Кусичи Брестской области. Там, всего лишь в 18 километрах от границы, располагалась воинская часть. Весной 1941 года Николая Алексеевича командировали на курсы повышения квалификации в город Бобруйск. Он хотел отправить семью: жену и двоих детей – к родителям в Воронежскую область. Но супруга, Анастасия Семеновна, отказалась, так как, несмотря на слухи о приближении войны и снующих вдоль границы переодетых немецких разведчиков, ни одна семья не уехала.

В 4 часа утра 22 июня началась бомбежка. Немецкие самолеты летели на бреющем полете, расстреливая из автоматов живые мишени – наших солдат и офицеров, пытавшихся дать отпор. Они бежали, не успев надеть форму, стремясь быстрее взять оружие из расчетов. Но находили мгновенную смерть от пуль вероломного врага. Белые фигуры метались в ночи и падали замертво.

Спрятавшись под яблоней, Анастасия Семеновна прижала к себе сына Васю и дочь Женю в надежде погибнуть вместе. «Это наши… это наши», – повторяла она, чтобы успокоить детей. Но Вася возражал: «Кресты на крыльях! Это немецкие самолеты!» Через два часа в село пришли фашисты: автоматчики, мотоциклисты, танки, орудия. Женщины и дети пытались уйти в тыл. Их сопровождали оставшиеся в живых военные. Пришлось долго идти пешком. Беженцев подбирали уцелевшие грузовые машины. На проселочной дороге остался верный друг детей Дуровых – пес по кличке Джек. Он долго бежал за машиной, не желая оставлять беззащитными своих маленьких друзей. Но выбился из сил и, потеряв дыхание, упал в дорожную пыль. Первое детское горе обожгло сердце предчувствием страшных событий.

Оказавшись в неизвестном селе, вскоре беженцы ощутили голод. Мать в отчаянии предложила детям просить еду по дворам. Но ребятишки не смогли попрошайничать и остались голодными. Спустя несколько часов и в это село пришли немцы. Оставшиеся без крова беженцы просились на постой к местным жителям. Пускали неохотно, ведь они были «восточниками», т. е. членами семей офицеров и красноармейцев, за помощь которым

оккупанты расстреливали в первую очередь. Молва о жестоких немецких расстрелах уже разнеслась по округе.

В первый день войны на территории воинской части, покинутой беженцами, кто-то нашел красную шапочку Жени (за эту приметную шапочку с голубым цветком местные ребятишки прозвали ее Вяргиней, что в переводе с белорусского языка означает «георгин»). Пошли слухи о том, что семья лейтенанта Дурова погибла…

Но маленькая Женя, ее брат Василий и мама Анастасия Семеновна выжили и нашли приют на окраине села в 6-метровой комнате с земляным полом. Там отсутствовала мебель и домашняя утварь, но уже были свои «жильцы» – тучи насекомых, облепивших стены и потолок. Они боялись запаха керосинки и метались по стенам, если их тревожил свет. Но за окном высоко поднялась конопля, вдали виднелась река. И казалось, что нет войны, лишь отец уехал в командировку.

Так казалось, пока не разрывали тишину автоматные очереди и лай овчарок. Каждую ночь в сосновом бору Песчаны расстреливали партизан и мирное население – рассказывали, что в это время суток во рву шевелилась земля и слышались стоны… Часто происходили облавы: немцы хватали молодежь и отправляли в концлагеря Германии – трудиться на благо Третьего рейха.

Брат и сестра Дуровы

Когда из окошка виднелись колонны карателей, Дуровы устремлялись в лес. Однажды на проселочной белорусской дороге патрульный солдат не расстрелял молодую женщину с двумя детьми – членов семьи красного командира, бежавших в лес,

чтобы спастись от угона в концлагерь. Спустя десятилетия Анастасия Семеновна и ее дети не могли забыть то страшное мгновение, когда, окаменев от ужаса, смотрели, как молчаливый немец с автоматом наперевес приближался к ним размеренными шагами. Он остановился напротив и вдруг пошел в обратную сторону. Почему не выстрелил? Может быть, устал убивать или вдруг вспомнил своих детей? Его пуля могла перечеркнуть не только жизни Жени и Васи, но и еще не родившихся их детей и внуков.

Однажды в хату ворвались немцы и потребовали, чтобы Анастасия Семеновна пошла за ними. Плачущая Женя побежала за мамой, думая, что ее уводят на расстрел. Немецкий солдат отгонял ребенка прикладом. До глубокой ночи Женя ждала маму на окраине села около колючей проволоки немецкой военной части. Оказалось, что Анастасию Семеновну заставили работать прачкой и посудомойкой в столовой для немцев. Оттуда, рискуя жизнью, она иногда приносила объедки, чтобы спасти детей от голодной смерти.

Женя помнит, что часто мама, вернувшись с работы из немецкой части, тихо говорила со старшим сыном Васей, который сразу же уходил в лес за дровами – каждый раз с большим вещевым мешком. Детское любопытство подтолкнуло Женю заглянуть внутрь мешка, где оказались шерстяные носки, связанные материнскими руками. Девочка удивилась: зачем брату, чтобы собрать дрова, потребовался мешок носков? Но в семье офицера не принято было задавать лишние вопросы.

А тем временем… дорогами войны шел отец Жени – капитан Дуров Николай Алексеевич. Накануне злосчастного июньского дня его разлучил с близкими военный приказ. До самого конца войны он не мог получить сведения о своей семье.

Он ШЕЛ… сквозь окружение и шквальный огонь неприятеля, через болота и снега, из стонущих госпиталей на огневую-передовую линию фронта. Он ШЕЛ, отгоняя мысли о том, что жена и дети погибли на границе, зная, что выжить в кровавом смерче первых часов войны было выше человеческих сил.

Он ШЕЛ… следом за двумя старшими братьями, чьи танки взметнулись факелами в небо, сгорев на поле боя.

Он ШЕЛ, зная, что грудью прикрывает двух младших братьев, вставших за ним в строй.

Он ШЕЛ на встречу со смертью, которая оказалась слабее его решимости победить.

Он отступал от Бреста к Сталинграду и мог погибнуть не раз и не два, а каждое мгновение. Но не погиб, даже когда был погребен взрывом заживо. Его спасла похоронная команда.

Солдат случайно коснулся руки, торчащей из-под земли, – она оказалась теплой. Так капитан Дуров родился во второй раз и вскоре, вопреки контузии и ранениям, снова вернулся в строй, чтобы наступать на запад – через Австрию, Румынию, Болгарию и Венгрию на Берлин.

Победа остановила его боевой поход в Будапеште. Последнее сражение за озеро Балатон снилось ему и после войны. Во время переправы погибло так много солдат, что казалось, будто воду заменила их кровь.

Николай Алексеевич Дуров

В семейном альбоме сохранилось фото с надписью: «Май 1945 года. Австрия, город Грац. Первый военный комендант гвардии капитан артиллерии Дуров Н. А». На снимке молодой офицер, поседевший прежде, чем наступила старость. На его груди – орден Красной Звезды, через плечо – планшет; за спиной, на стене, висит карта военных действий. Из распахнутого окна веет весной. Война позади. Однажды из этого окна раздался выстрел, но пуля лишь поцарапала висок коменданта.

Солдат-победитель уверенно смотрит в будущее, не зная о том, что самое тяжелое «ранение» настигнет его в мирное время на далекой Колыме… Но прежде состоится счастливая встреча с женой и детьми в родном воронежском селе. Вскоре его вновь призовут к воинской службе для боев с бандеровцами. Потом он вернется к мирной жизни и станет воспитателем-наставником для малолетних сирот-беспризорников. Несмотря на бедность и послевоенную разруху, Дуровы были счастливы: дети и родители остались в живых – не каждой семье выпадало такое везение!

Но однажды случился внезапный отъезд Николая Алексеевича по требованию военного командования к прежнему месту, службы в Западную Украину. Узнав об аресте отца, старшеклассница Женя напишет письмо товарищу Сталину. Она искренне поблагодарит его за свое счастливое детство и попросит освободить отца-фронтовика. Ответа не последует…

Осужденный «тройкой» по ложному доносу, в 1947 году Николай Алексеевич будет исключен из партии и отправлен на лесоповал. Каторжный труд без вины осужденного оказался тяжелее фронтовых будней. Заключенных, возвращающихся из тайги, каждый день на протяжении многих лет встречал плакат на лагерном бараке: «Вперед к победе коммунизма!» Фронтовой офицер, деливший нары с однополчанами и уголовниками, будет ранен в самое сердце разочарованием в человеке, чье имя поднимало солдат в последнюю атаку.

После амнистии капитан Дуров снова вернется к привычной жизни, чтобы никогда не рассказывать своим детям и внукам о пережитом.

Девочка Женя повзрослеет и станет учителем литературы, счастливой женой, многодетной матерью и бабушкой.

Старший брат Василий осуществит свою мечту стать капитаном дальнего плавания, будет главой большой семьи. Но, прожив целую жизнь, незадолго до своей смерти в письме сестре лишь однажды признается, что в далеком военном детстве был связным у партизан, а их мама Анастасия Семеновна – разведчицей. Вяргиня – маленькая девочка-«георгин» – об этом не догадывалась…

«Будем жить!»

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой…

Я ни разу не участвовал в шествии «Бессмертный полк». Конечно, как и у многих моих сограждан, у меня есть чей портрет пронести в праздничной колонне, оба моих деда воевали. Их портреты хранятся в семейном архиве. Один дед, Ворончихин Алексей Осипович, воентехник I ранга, пограничник, пропал без вести в августе 1941 года. Другой – Смирнов Василий Павлович, политрук, капитан инженерных войск, воевал под Ленинградом, умер в 1980 году. Научил меня многим премудростям плотницкого дела.

У наших бабушек и дедушек наверняка было много братьев и сестёр, они также приближали Победу по мере сил. Они тоже достойны того, чтобы и их портреты пронесли в колонне «Бессмертного полка», но чтобы нести всех, никаких рук не хватит. А имею ли я право выбирать, кого из родных показывать, а кого нет? Считаю, что у меня нет такого права.

Я расскажу о ветеранах, с которыми меня свела судьба однажды, о тех, кто воевал за Победу, кто работал в тылу и эвакуации, просто жил…

Николай Никифорович Довгаль

Дед моей жены Довгаль Николай Никифорович. Он умер за год до её рождения, лично его мы не знали. Уроженец Украины, он был призван на военную службу незадолго до начала войны. Был человеком рослым, физически крепким. Поначалу служил шофёром, потом научился управляться с миномётом, да не простым, а полковым, калибра 120 мм. А это очень серьёзное орудие, мощное и тяжёлое. В звании «старший сержант» Николай Никифорович командовал миномётным расчётом. У нас хранится его значок «Отличный артиллерист».

Довелось Николаю Никифоровичу участвовать в операции «Искра». За бои по прорыву блокады Ленинграда он получил медаль «За отвагу». Потом Николай Никифорович был тяжело ранен в голову, до конца жизни носил в голове железную пластину. Вылечился – и опять в бой, на сей раз под Харьков. До его родной деревни Адамовки, что под Черниговом, – рукой подать, да не пошёл туда его 192-й гвардейский стрелковый полк, бывший 342-й стрелковый полк. Гнал врага на запад старший сержант Довгаль, пока опять не достал его осколок вражеского снаряда, на этот раз в левую ногу. И война для Николая Никифоровича закончилась. Но не жизнь. В госпитале он

познакомился с медсестрой Евгенией Николаевной Петровой, которая стала его женой, бабушкой моей жены Светланы. Евгения Николаевна была награждена медалью «За доблестный труд» – тоже боевая награда, несмотря на то что её обладатель мог никогда не брать в руки оружие.

Такую же медаль имела и моя бабушка, Анна Константиновна Смирнова. Она была председателем сельсовета в деревне Вычерема, что в Новгородской области. Всю войну обеспечивала хлебом фронт. У бабушки было много наград, в основном юбилейных, но только медаль «За доблестный труд» она надевала по большим праздникам. А оказалась она в этой деревне, приехав в отпуск к родственнице. Бабушка с тремя детьми не сумела уехать обратно в Ленинград. Предложили ей возглавить колхоз, и она возглавила. Принцип «Никто, кроме нас» действует, оказывается, не только в войсках.

Отец Николая Никифоровича, Никифор Николаевич Довгаль, тоже воевал, и тоже в пехоте. Когда-то, ещё в Первую мировую войну, потомственный казак, Никифор Николаевич служил Отечеству в казачьих войсках, в кавалерии.

Теперь о ленинградцах-ветеранах, с которыми посчастливилось общаться.

Игорь Яковлевич Добрин-Тульский, мой бывший напарник по нескольким работам, родился в декабре 1941 года. Ему повезло, его бабушка работала в Смольном и смогла договориться об эвакуации своей дочери с сыном на Большую землю самолётом. Этим сыном и был Игорь Яковлевич. Все аэродромы под Ленинградом были наперечёт, особенно пригодные для транспортных «Ли-2», местность-то болотистая. Время для посадки пассажиров и погрузки очень ограниченное. И вот забрасывают узлы мамы Игоря в самолёт, она на секунду отвлеклась, и её сына, как очередной тюк, закинули в чрево «Дугласа». Дело-то было зимой, на грудного ребёнка накрутили кучу тряпок, и стал он похож на тюк. Спохватились, откопали из-под груды узлов. В итоге долетели хорошо. Далее эвакуация в Сибирь. Игорь Яковлевич Добрин-Тульский имел знак «Дети блокады». Умер в 2014 году.

Иосиф Маркович Каценельсон, прапрадед моей внучки, родился в 1908 году.

Всю жизнь проработал на заводе «Судомех», даже в блокаду. Его жена, Мария Григорьевна, эвакуировалась на Урал с дочерью Элеонорой. Там же родила ещё дочку в апреле 1942 г.

Иосиф Маркович рассказывал, как человек от постоянного голода теряет человеческий облик. Ещё говорил, что зимой через Неву обычно шли по льду, а не по мостам. Получалась прямая заснеженная тропинка вдоль моста. А на другой день она уже не совсем прямая, в одном месте метр в сторону и обратно. Потом в

другом, в третьем… Это человек шёл на другой берег, присел в сугроб отдохнуть и не встал. Остальные его обходят. Иосиф Маркович зимой 1941-1942-го перестал ходить домой, так и жил на заводе.

…Балтийский вокзал. Праздник 9 Мая. Среди шума толпы выделяется звук гармони, и слышна военная песня, которую кто-то поёт старческим надтреснутым голосом. Певца, точнее, певицу за толпой не видно. Пробиваюсь сквозь строй слушателей. Маленькая сгорбленная женщина почтенного возраста играет на гармони, по виду ещё военной поры, и поёт «В лесу прифронтовом». На груди женщины много боевых наград, помню, видел даже орден Славы. Познакомились. Её звали Прасковья Павловна, участвовала в боях за Петергоф, воевала на ораниенбаумском плацдарме. Дошла со своей гармонью до Кёнигсберга.

Старики уходят от нас в Вечность. Здесь я рассказал о тех, кого уже нет с нами, но о которых хоть что-то помню. Я обращался ко многим своим друзьям с предложением рассказать о своих родственниках, живших во время войны. Мне отвечали: «Зачем это нужно?» – «Мне это неинтересно». – «Мало о них знаю» и т. д. Человек может умереть дважды, один раз – когда жизнь в его теле прекращается, второй – когда прекращается память о нём. Народная акция «Бессмертный полк» как раз и не даёт ветеранам умереть второй раз, побуждает нас вспомнить о своих дедах и прадедах, об их славных делах. Это особенно актуально сейчас, когда наши европеизированные средства массовой информации заставляют нас забыть даже имена наших отцов, пренебрегая нашими отчествами.

Виктор Анатольевич Ворончихин

В прятки со смертью

Емельян Степанович Волков

Мой папа, Волков Емельян Степанович, родился 20 сентября 1915 года. До войны успел отслужить на Дальнем Востоке. В 1940 году демобилизовался, вернулся домой, женился, маму звали Варей, она сразу забеременела, и когда началась война, папу

сразу призвали Невельским военкоматом, пришлось ему оставить жену на 9-м месяце беременности. Уже через 2 недели в нынешней Псковской (тогда Великолукской) области были немцы. Моя старшая сестра Лена родилась 10 июля 1941 года. Папа рассказывал, что их без обмундирования, с одной винтовкой Мосина на троих отправили по железной дороге в Дно. Когда их состав туда прибыл, там уже были немцы, папа был ранен в руку, но это ранение не отражено в документах, так как официально ему помощь не оказывали. Он пробрался еще с одним призывником в родную деревню Ужакино на Псковщине, а там немцы стояли в домах, выгнав из них жителей. Люди жили в хлевах со скотом. Мама прятала папу в овраге и лечила его, осколок так и остался в ране до конца его дней. Когда рана затянулась, его товарищ уговаривал папу уйти в лес, но отец был уже бывалый солдат и знал, что такое присяга. Он сказал, что если не вернется в строй, то его объявят предателем и что он будет переходить линию фронта и искать часть. Когда он уходил, то сказал маме, чтобы, когда немцев выгонят и восстановится советская власть, пусть она зарегистрирует Лену 1942 годом: «Если меня убьют, ты хотя бы лишний год будешь получать за меня пенсию». Те дети голодали и выглядели заморышами, и, когда в 1944 году оккупантов изгнали, заработали сельсоветы, мама так и сделала, тогда многие так делали. Папа еще три раза был ранен: у него было прострелено легкое, и после войны была угроза развития туберкулеза, лечили в Ленинграде, еще дырка в шее была, но самое тяжелое ранение – брюшное, как он говорил – руками кишки засунул и держал, пока не подобрали санитары, 6 месяцев он лежал в госпитале в Сочи. Всю жизнь восхищался самоотверженной работой военврачей – оперировали в полевых условиях под бомбами. Войну прошел отец с первого до последнего дня, закончил в Вене. Воевал в разных армиях – Рокоссовского, Конева, освобождал в том числе и Краснодар. Когда он приезжал ко мне в 80-е годы, я поражалась, как он хорошо помнил город (по Красной ходили трамваи, говорил он). Потом спросил, как доехать до Пашковской, там стоял их полк, поехал и возвратился под хмельком, я стала его ругать, потому что ему совсем нельзя было пить – стенокардия, гипертония последней стадии, задыхался, как астматик – все последствия ранений, – а он мне говорит, что в трамвае однополчанина встретил – такой счастливый, словно молодость свою фронтовую вернул. Он говорил, что то время хоть и страшное было, но зато каждый человек был как на ладони, и если уж на войне сдружился, то это на всю жизнь. К несчастью, ему своего фронтового друга лично пришлось хоронить, и такого друга он

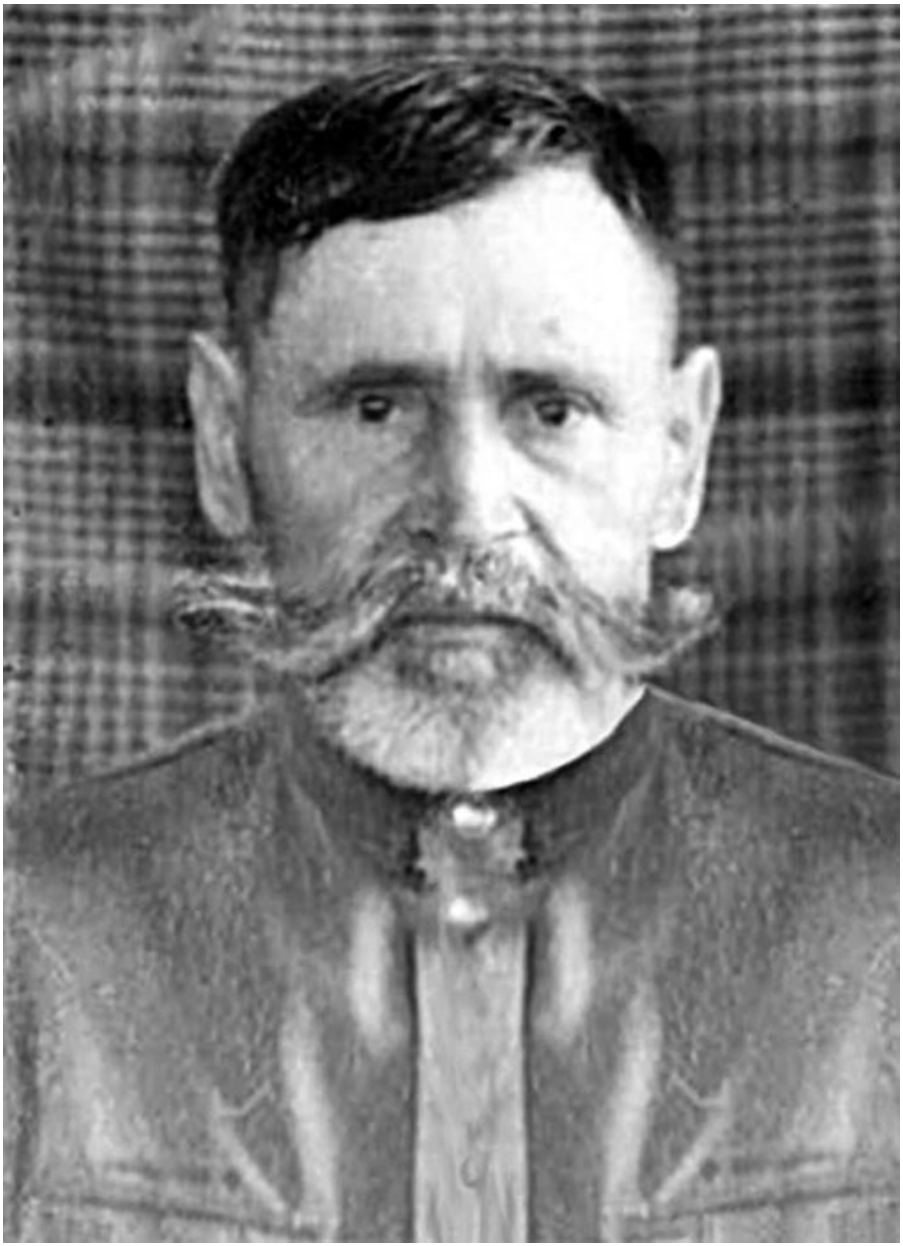
больше не встретил. Папа не очень любил рассказывать о войне, если смотрел фильм, то всегда давал комментарий, где правда, а где вымысел. Очень высоко отзывался о Жукове, книга его воспоминаний была у него, можно сказать, настольной. Здесь на фото папа запечатлен в Будапеште. Медаль «За отвагу» он получил, когда доставил на батарею на передовой машину с боеприпасами под непрерывным огнем немецких бомбардировщиков, а у наших уже закончились боеприпасы. Он говорил, что вел машину зигзагами и каждую секунду ждал, что какой-нибудь осколок попадет в кузов и все будет кончено. Еще папа говорил, что погибали, по большей части, те, кто пришел со школьной скамьи, – многие даже не успели ни одного выстрела сделать. А я, говорил отец, по свисту уже мог определить, где разорвется снаряд. И еще много случаев рассказывал просто мистических, когда он избежал смерти. Потом он спас командира, и его представили к ордену Красной Звезды, но, пока документы ходили по инстанциям, получилась вторая медаль «За отвагу». Еще у него медали: «За освобождение Белграда» (там нас встречали, говорил он, лучше всего, прямо на руках носили), «За взятие Будапешта», «…Бухареста», «…Вены», ну и, конечно, много памятных медалей и орден Отечественной войны II степени. Папа был очень начитанный человек, с ним любили общаться мои ровесники, всегда говорили, насколько у него незашоренный взгляд на все события. С мамой они прожили более полувека, нас у них трое было. Мне все завидовали, какая у нас дружная семья, я за всю жизнь не слышала, чтобы папа на маму повысил голос, и нас не разрешал наказывать, мы с братом, напроказив, не шли домой, пока не увидим, как отец возвращается с работы, и несемся к нему со всех ног. Мама пережила его на 4 года – папа ушел в 1994-м, а мама в 1998-м, и очень долго она не могла поверить, что папы нет, тосковала очень.

Зинаида Емельяновна Любимова

Дед полка

Выпненко Петр Яковлевич (1872–1976)

Мой прадед Выпненко Петр Яковлевич родился в 1872 году в городе Канев Черкасской области Украины в семье мещан. В начале XX века женился на Величко Наталье Никитичне из села Селище Корсунь-Шевченковского района Черкасской области Украины, куда и переехал. В 1941 году Петру Яковлевичу было 69 лет, призыву на военную службу он уже не подлежал, но, когда немецко-фашистские захватчики подошли к его родному городу, он взял лошадь, запряг ее в телегу и ушел…



Петр Яковлевич Выпненко

Как выяснилось позже, мой прадед направился в артиллерийскую часть, которая сдерживала натиск превосходящих сил противника. Там он стал подвозить на своей телеге снаряды для орудий! Моего прадеда поставили на довольствие и выдали военную форму, как позже он сам шутил, он стал дедом полка! Когда Петр Яковлевич вернулся домой, он узнал, что под Либавой пропал без вести его старший сын

Василий, два его зятя погибли на фронте, а маленький внук погиб во время оккупации. После войны мой прадед работал на сахарном заводе, вел большое хозяйство и вместе с супругой до последних дней ждал с войны сына Васю…

Умер Петр Яковлевич в 1976 году в возрасте 104 лет, причем до последних своих дней сам обслуживал подсобное хозяйство и пас корову.

Сергей Зосен

От Орла до Праги

Солодкий Степан Николаевич (1919–1998)

Прадедушку своего, Солодкого Степана Николаевича, я помню плохо. Он умер, когда мне было 2 года.

Бабушка рассказывала, что о себе он говорить не любил и только на День Победы надевал свои ордена и медали. Дедушка никогда не считал себя героем, не любил рассказывать о войне: «Я просто выполнял свою работу и делал то что должен».

Родился прадедушка на Украине, в селе Требухов Броварского района в 1919 году. В детстве он застудил ноги и 2 года пролежал в госпитале, так как не мог ходить. А после госпиталя попал в детский дом, потому что за это время все родные умерли от голода. Из четверых детей в живых осталась только старшая сестра.

Степан Николаевич Солодкий

В начале войны Степан Николаевич был эвакуирован из Харькова в Свердловск, где работал слесарем на заводе по производству танков. Они собирали легендарные Т-34.

А еще прадедушка был музыкантом-самоучкой. Он играл на духовых инструментах, гитаре, балалайке. Участвовал в художественной самодеятельности.

Весной 1943 года прадедушка записался добровольцем в 197-ю Свердловскую танковую бригаду, которая вошла в Уральский (Уральско-Львовский) гвардейский добровольческий танковый корпус. Корпус был сформирован в 1943 году и оснащён оружием и техникой, изготовленными трудящимися Свердловской, Челябинской и Молотовской областей (ныне – Пермский край) безвозмездным трудом сверх плана и на добровольные взносы. Личный состав также набран из трудящихся Урала. Прадедушка был принят автослесарем.

В корпус было отобрано 9660 человек из 115 тысяч подавших заявление.

Присягу прадедушка принял 1 мая 1943 года.

Первый бой корпус принял 27 июля 1943 года во второй фазе Курской битвы. Почти через три месяца после ввода в бой приказом народного комиссара обороны СССР № 306 от 26 октября 1943 года 30-й Уральский добровольческий танковый корпус был преобразован в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус. Всем частям корпуса было присвоено наименование гвардейских. 18 ноября 1943 года частям и соединениям корпуса в торжественной обстановке вручены гвардейские знамена.

Так прадедушка Степан получил медаль «За боевые заслуги» и нагрудный знак «Гвардия».

За время службы Степан Николаевич получил много наград, в том числе и орден Красной Звезды III степени, орден Отечественной войны II степени, орден Славы.

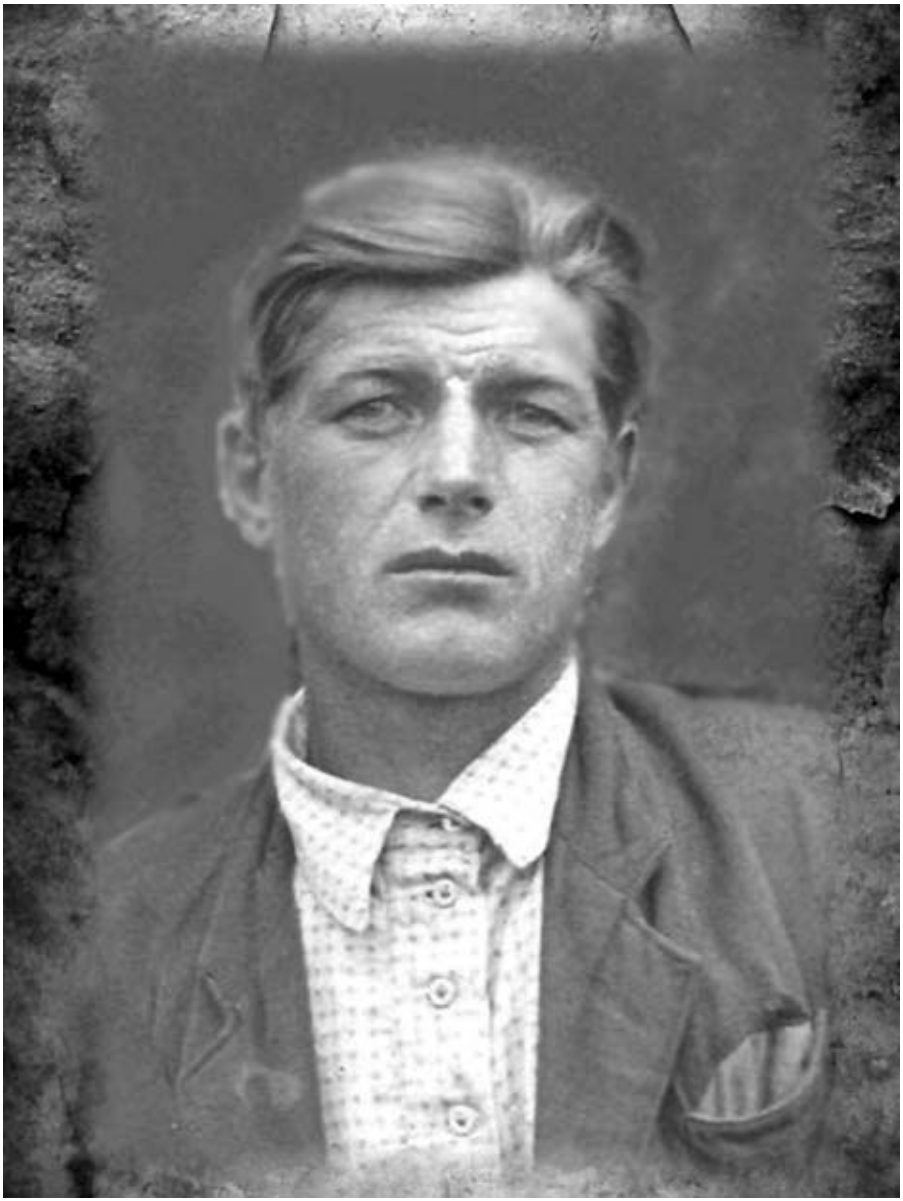
Более 5500 километров от Орла до Праги прошел мой прадедушка по дорогам войны.

С сентября 1945 года прадедушка был переведен в 81-й гвардейский тяжелый танковый полк в роту управления. Демобилизован был в мае 1947-го и вернулся на родину. Из Германии он приехал к фронтовому другу в Гомельскую область, где и встретил свою будущую жену. А свою сестру он смог найти только в 1974 году. Умер дедушка в 1998 году.

Ирина Игоревна Якубенкова

Жизнь и смерть снайпера

Ащеулов Илья Гаврилович (1907–1943)



Илья Гаврилович Ащеулов

Мой дедушка родился в 1907 году в Алтайском крае. Как многие семьи того времени, семья деда была сослана в

Нарымский край. В деревне Ульзавод Чаинского района дед Илья встретил мою бабушку Матрёну, они поженились. В 1934 году у них родился сын Владимир (мой папа), рождались еще дети, но жизнь была настолько трудной, что больше никто не выжил. Бабушка и дедушка от зари и до поздней ночи работали в колхозе, дня светлого не видели и хлеба досыта не ели, но старались жить, работать и верили, что скоро жизнь наладится, и все заживут счастливо. Но пришла война. И жизнь поделилась на две половины – до и после. Вначале деда на фронт не брали, сын и внук кулака, но в 1942 году вышел приказ Сталина – брать на фронт всех. Мой отец и сегодня четко помнит тот августовский день, когда они провожали с мамой его на фронт. Из деревни уходили последние мужики. Он помнит, как голосили матери и падали на землю от горя, как они с пацанами смотрели на отцов с любопытством и любовью, не узнавая их, таких родных и одновременно чужих и строгих. Помнит, как в последний раз отец взял его на руки, поцеловал и велел беречь мать. Каждый пацан в тот миг шептал как молитву: «Папочка, миленький, разбей фашистов и вернись живым». Возвращались, но не все. Не пришел с фронта и отец моего отца. Многие мужчины Чаинского района воевали на Ленинградском фронте. Защищал Ленинград и мой дедушка Илья. Со слов бабушки, он был снайпером, но для него фронтовая жизнь была короткой. 8 января 1943 года он погиб у деревни Каменка Парголовского района. Мой папа любовь к отцу и его светлую память пронес через всю жизнь. Бабушка – вдова, Матрёна Игнатьевна, так и не вышла больше замуж, хотя находились женихи, но лучше Ильи не было, да и верность солдату нарушать не хотелось. Она долго надеялась, что произошла ошибка, и похоронка пришла случайно, а её Илюша вот-вот, не сегодня завтра, вернется домой. И так тянулись годы ожидания. Сегодня память о солдате храним мы: сын Владимир, внучка Лиля, правнучка Людмила. «Бессмертный полк» – лучшее сохранение памяти о солдатах той войны.

Лилия Пермякова

Трудности перевода

Моя крёстная Таня – Татьяна Сергеевна Ступникова – во время войны была разведчицей. Немецким языком она овладела ещё в детстве, в Германии, куда был командирован её отец – выдающийся учёный-химик Сергей Данилович. После возвращения в Москву Татьяна Сергеевна продолжала учиться в немецкой школе им. Карла Либкнехта. Перед отправкой на фронт она закончила разведшколу при Военном институте иностранных языков.

Самым привычным делом для 21-летней девушки были разведывательные задания в ближнем тылу противника, где она, постоянно рискуя жизнью, под видом беженки из Прибалтики, добывала для нашего командования ценные сведения.

В период наступательных действий нашей армии, работая переводчиком на радиоприёмнике ЛПУ, Татьяне Сергеевне неоднократно удавалось перехватывать радиограммы противника. Одной из них была радиограмма о намерении сбить наш аэростат, поднявшийся в воздух для корректировки артиллерийского огня. Об этом срочно было доложено начальнику штаба, и аэростат был убран.

Однажды Татьяне Сергеевне удалось перехватить работу корректировщика противника, корректировавшего огонь своей артиллерии по нашим автомашинам с боеприпасами, двигающимися колонной по дороге. Вся эта работа проходила под сильным артминомётным огнём противника, но молодая разведчица продолжала свою работу.

За свои боевые заслуги младший лейтенант, переводчик группы ближней разведки 130-го отдельного Винницкого Краснознамённого полка Т. С. Ступникова была награждена медалью «За боевые заслуги».

Война для Татьяны Сергеевны закончилась в Праге, где боевые действия ещё продолжались несколько дней после подписания акта о капитуляции. Там же, в Чехословакии, ей довелось принять самое непосредственное участие в операции по задержанию генерала Власова.

Татьяна Сергеевна Ступникова

Как одна из наиболее квалифицированных фронтовых переводчиков Т. С. Ступникова была прикомандирована к штабу Главнокомандующего Советскими оккупационными войсками и главноначальствующего Советской военной администрации в Германии маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Здесь ей приходилось переводить во время ответственнейших переговоров и совещаний, на которых обсуждались вопросы послевоенного устройства в советской зоне оккупации, будущей ГДР.

В конце 1945 г. в Нюрнберге начался процесс по делу главных военных преступников. Для его обслуживания была сформирована группа переводчиков-синхронистов, в которую вошла Татьяна Сергеевна. Работать на процессе приходилось на износ – по 5–6 часов без перерыва. Опоздания на рабочее место не допуска лись. Более того, любые задержки строжайшим образом отслеживались американским начальником синхронистов. По ходу следствия приходилось выезжать в концентрационные лагеря, где молодая девушка воочию видела весь ужас нацистских преступлений…

Были и случайности, от которых холодело в душе… Спустя много лет Татьяна Сергеевна описала этот период своей жизни и связанные с ним переживания в своей книге «Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика». Вот короткий фрагмент из этой книги.

«В один из жарких летних дней начала августа я мчалась по коридору в наш рабочий «аквариум», ничего не замечая вокруг, напрягая все силы, чтобы не опоздать. Но вдруг поскользнулась на гладком полу, пролетела по инерции некоторое расстояние и наверняка бы упала, если бы кто-то большой и сильный не подхватил меня.

В первый момент я ничего не могла понять и только почувствовала силу мужских рук, сжимавших меня в объятиях. Все это длилось, наверное, несколько секунд, которые показались мне вечностью. Когда же я очнулась и подняла глаза на моего спасителя, передо мной совсем рядом оказалось лицо Германа Геринга, который успел прошептать мне на ухо: «Vorsicht, mein Kind!» (Осторожно, дитя мое!)

Помню, что от ужаса у меня все похолодело. За спиной Геринга стоял тоже почему-то улыбающийся американский охранник. Не знаю, как я дошла до двери в «аквариум», но и здесь меня ждало новое испытание. Ко мне подскочил откуда-то взявшийся французский корреспондент. Нас, переводчиков, все хорошо знали, так как мы ежедневно сидели в зале суда рядом с подсудимыми у всех на виду. Хитро подмигнув, корреспондент сказал по-немецки: «Вы теперь будете самой богатой женщиной в мире». И, очевидно заметив мою растерянность, пояснил: «Вы – последняя женщина в объятиях Геринга. Неужели непонятно?» Да, мне этого было не понять. Француз не учел главного, а именно того, что в объятиях нацистского преступника оказалась советская женщина».

Жизнь после войны моей крёстной Тани (именно так она хотела, чтоб я её называла, несмотря на большую разницу в возрасте) была столь же удивительна и уникальна. Она переводила произведения немецкой художественной литературы, часто осуществляла синхронные переводы на самом высоком уровне, немало сил отдавала переводу кинофильмов. Ещё задолго до первых московских международных кинофестивалей Татьяна Сергеевна переводила и отбирала (для последующего показа И. В. Сталину) трофейные ленты, работала с делегациями, посещавшими Советский Союз. Большой личный вклад внесла в развитие сотрудничества между библиотеками нашей страны и Германии, а также в дело библиотековедения в целом.

Живя в небольшой однокомнатной квартире, Татьяна Сергеевна вела почти аскетический образ жизни. На книжных полках до самого потолка (почти всё пространство) занимали книги. Посредине письменный стол с неизменной печатной машинкой…

Две собаки были её любимцами, она их просто обожала и

заботилась о них гораздо больше, чем о самой себе. Татьяна Сергеевна прекрасно вязала. Её вязаные изделия были неповторимыми произведениями искусства. На свитерах всегда располагались целые картины и длинные надписи то на русском, то на немецком языках, которые вывязывались по ходу дела, без всяких схем и расчётов. Она сама придумывала и моделировала себе одежду, которая была вне всякой моды – смелой и оригинальной.

До последних дней жизни Татьяна Сергеевна продолжала живо интересоваться всем происходящим, горячо сопереживать жертвам террористических актов и стихийных бедствий, помогать друзьям, близким (и просто соседям) не только своими мудрыми советами, но и материально, проявляя истинное неравнодушие, христианскую заботу и внимание. О ней можно рассказывать бесконечно. Она была необыкновенным человеком.

Я помню её и очень люблю.

Е. Б. Малышева (крестная дочь)

«Шумел сурово брянский лес…»

В нашей семье мы бережно храним память о нашем отце и дедушке, участнике Великой Отечественной вой ны Алексее Владимировиче Слепенко. Его имя внесено в Книгу Памяти города Мантурово «Они сражались за Родину».

Родился дедушка 14 августа 1926 года в деревне Бороздинно Унечского района Брянской области. Его родители – Владимир Семенович и Пелагея Андрияновна (в девичестве Романенко) – были крестьянами (как тогда говорили – хлебопашцами). Алексей был старшим из троих детей в семье. После окончания семи классов неполной средней школы работал в колхозе разнорабочим.

Когда началась Великая Отечественная война, моему дедушке еще не исполнилось 15 лет. В августе 1941 года Брянщина была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Население края сразу же включилось в вооруженную борьбу против гитлеровцев. В брянских лесах формировалось партизанское движение. Многие подростки, в их числе был и мой дедушка, уходили в леса в партизанские отряды. Он был связным. В отряде ему многому пришлось научиться. Например, дедушка рассказывал, что в то время было очень сложно достать обувь, и в отряде его научили плести лапти из лыка липы. В них можно было практически бесшумно передвигаться по лесу в любую погоду.

Партизаны проводили рейды в тылу противника, пускали под откос вражеские поезда, так как станция Унеча была крупным транспортным узлом. Этим они отвлекали значительные силы вражеских войск, тем самым облегчали положение Красной армии.

Алексей Владимирович Слепенко

После освобождения территории края в сентябре 1943 года многие брянские партизаны влились в ряды Красной армии и продолжили борьбу с фашистами. Так и мой дедушка в сентябре 1943 года в возрасте 17 лет был призван в Красную армию и направлен в учебный полк младших командиров в город

Мичуринск Тамбовской области.

После 6 месяцев обучения и присвоения звания ефрейтора дедушка был отправлен в Гомель (Белоруссия) на 1-й Белорусский фронт. Прини мал участие в освобождении от немецко-фашистских захватчиков Белоруссии, Польши, Германии (в том числе Варшавы, Кёнигсберга, Берлина). Участвовал в Висло-Одерской операции, в том числе в освобождении городов Зволень, Лодзь, Познань, в завоевании плацдарма на Одере в районе южнее города Франкфурта, в Берлинской операции и боях за выход на реку Эльбу, где, после воссоединения, встретился с солдатами американских союзнических войск антигитлеровской коалиции. Дедушка рассказывал, что среди американских союзников были и темнокожие солдаты, и с одним из них дедушка даже в шутку померился силой, и, хотя этот афроамериканец был намного его выше и больше, дедушка всё же с помощью хитрого приема смог его побороть. Языка друг друга они не знали, но темнокожий американский солдат жестами показал сопернику, что тот молодец.

Ещё дедушка рассказывал, что на фронте он дружил с пареньком из Сибири по фамилии Егорчиков, тот был немного старше, воевал на фронте с начала войны, был более опытным. Дедушка вспоминал, что Егорчиков спас ему жизнь: когда во время боя он высунулся из укрытия, друг потянул его вниз, тем самым уберегая от пули снайпера.

В начале мая 1945 года автоматчик Алексей вошёл в Берлин в составе роты автоматчиков 1133-го стрелкового Севастопольского полка 339-й стрелковой Таманской Бранденбургской Краснознаменной ордена Суворова II степени дивизии 33-й армии 1-го Белорусского фронта. Принимал участие в ликвидации берлинской группировки врага и даже расписался на здании фашистского Рейхстага. День Победы тоже встретил в Берлине.

После капитуляции гитлеровской Германии с мая 1945 года служил в группе советских войск в Германии, в/ч 73967 в городах: Пильнах, Франкенберг, Кёнигсберг. Служил в качестве командира отделения тяги колесных машин в звании гвардии сержанта. Был комсоргом роты. За отличное несение службы дважды, что было исключением в послевоенное время, поощрялся краткосрочным 10-дневным отпуском для поездки на родину. Демобилизовался в октябре 1950 году из города Магдебурга.

Как и многие, бывший фронтовик редко говорил о войне, рассказывал только о своих сослуживцах, вспоминал какие-то интересные и иногда забавные случаи. Ничего не говорил он про тяготы войны, не упоминал про свои подвиги. И лишь после того, как дедушки не стало, в сети Интернет, на информационном

ресурсе Министерства обороны РФ, мы нашли рассекреченные военные архивы времен ВОВ с наградными документами. В них описаны подвиги А. В. Слепенко, за которые он был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, нагрудным знаком «Гвардия», двумя медалями «За отвагу». Всего более 20 наград украшали грудь героя!

После демобилизации из армии в 1951 году Алексей Владимирович вернулся на родину, в Брянскую область, а затем по оргнабору лесной промышленности приехал в Костромскую область, в Мантуровский леспромхоз. Здесь женился на Соколовой Тамаре Васильевне. Сначала они жили в рабочем посёлке Шолешка, а потом – в Мантурове, где он работал в «Мантуроволесе» до 1986 года. И после выхода на пенсию продолжал трудиться вплоть до 1990 года.

Алексей Владимирович с женой воспитали троих детей, которые подарили им шестерых внуков. Дедушка всегда являлся опорой для нас, в любой ситуации к нему можно было прийти за советом. Это был очень добрый и мудрый человек, все его многочисленные знакомые относились к нему с большим уважением. Своим примером он учил нас доброте, труду, уважению к старшим, любви к родной земле. Он прожил до 85 лет. Мы гордимся своим дедом-фронтовиком!

Ольга Язева

Небо стало для него призванием

Мой дедушка, Шишкин Василий Дмитриевич, родился 12 февраля 1920 года в с. Ключевка, в многодетной семье простых крестьян. У него было 3 сестры и два брата. В 1940 году поступил в пехотное училище, а в 1941-м переведен в летное училище. Окончив его, был отправлен на фронт.

Василий Дмитриевич Шишкин

Небо для него стало призванием. Лётчик-истребитель, ас летного дела, отчаянно воевал за Родину, не жалея себя. За его крыльями бои за Сталинград и Кавказ. Василий Дмитриевич служил в одном полку с Василием Сталиным. Ему не хватило одного самолета для того, чтобы получить звание Героя Советского Союза. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны, медалью «За оборону Кавказа». Дедушка рассказывал, что ему очень повезло. Дважды его сбивали, и каждый раз он приземлялся на территорию, контролируемую нашими вой сками. Во время второго падения дедушка получил тяжелое ранение, остался инвалидом и был комиссован в звании «старший лейтенант». Для него это стало тяжелым известием, т. к. он чувствовал в себе еще силы и желание воевать. Он часто говорил: «Моя любовь – небо и самолеты!» Его направили на реабилитацию в госпиталь Кисловодска. Здесь он познакомился с моей бабушкой, Кучеровой Екатериной, – молодой медсестрой, которая работала в госпитале.

Василий Дмитриевич Шишкин, второй слева

В 1944 году они поженились. Родились дети: Любочка и Толик. Дедушка безумно любил своих детей, а дети любили его. Моя мама доверяла заплетать свои косы только ему. С сыном он конструировал самолеты и называл его «мой комиссар». Всем

соседским детям Василий Дмитриевич помогал делать уроки, т. к. имел опыт преподавания математики в педагогическом училище. К дедушке часто приезжал его брат, Шишкин Николай (военный врач), также прошедший войну. Они могли часами говорить о том, что пережили.

Бабушка рассказывала о том, что в семье была традиция – лепить вместе пельмени. «Ну что, Катюха, налепим пельменей?» – достаточно было дедушке спросить, и все принимались за работу…

В 1979 году погиб его сын. Василий Дмитриевич тяжело перенес утрату. Ему пришлось ехать в другой город и забирать гроб. Бабушка рассказывала, что вернулся он другим человеком: «Осунулся, почернел, похудел за пять дней на 20 кг. Не плакал. Понимал, что я могу не выдержать. С этого момента опекал Любу и меня как никогда ранее».

В 1981 году родилась я. Он так радовался, так ждал встречи со мной… Пока бабушка поехала в Новосибирск, чтобы забрать маму и меня, дедушка утеплил веранду, сделал ремонт, сам купил кроватку. Ему даже пришлось расстаться со своей любимой кошкой – Белочкой. Соседи рассказывали, что он плакал, когда ее отдавал.

Но сердце не выдержало… Дедушка умер 15 мая 1981 года, не дожив несколько дней до встречи со мной.

Это человек, который часто смотрел в небо, мечтал о самолетах, летал после войны только во сне, любил свою семью, дорожил детьми, уважал людей, всегда протягивал руку помощи всем, кто нуждался, ждал встречи со мной и считал главным праздником – праздник Победы!

Я и моя семья очень гордимся им.

Елена Александровна Штанько

Художник, не рисующий войну

Михаил Николаевич Стругов в 1940 году Ленинградским комиссариатом был призван в действующую армию, а 22 июня 1941 года – направлен на фронт в составе 17-го отдельного полка связи Северо-Западного фронта. Имеет боевые награды, среди них – орден Отечественной войны, медаль «За оборону Ленинграда» и другие награды. О его военном прошлом рассказывает дочь, Людмила Михайловна ФРОЛОВА.

Мой отец – Михаил Николаевич Стругов – в 20 лет стал очевидцем тяжелейших дней начала Великой Отечественной войны, находясь на передовой. Юношей встретить смерть своих товарищей, видеть весь ужас и боль войны – такое не забывается, остается в душе на всю жизнь. Наши отцы не такие, как мы, дети ветеранов, они скромнее нас, участливее, и жизнь для них – это самое дорогое, они ее ценят и бережно к ней относятся.

Михаил Николаевич Стругов

Мой отец воевал в роте по обеспечению связи с Генеральным штабом, а это значит, был впереди всех с катушкой связи. Он вспоминает, что вначале было очень страшно, а потом он привык идти на смерть, и до сих пор воюет во сне. Я рада, что мой сын и внуки всегда внимательно слушают его рассказы о войне, а это

значит, они понимают, что Родина – это то, за что отдавали свои жизни наши отцы и деды. Патриотизм воспитывается в семье, в отношении родителей к защите своей Родины как к жизненной необходимости.

До войны мой отец учился в Художественном училище, после войны он стал профессиональным художником и работал в Ленинградском художественно-оформительском объединении. Он неоднократно выставлялся на ежегодных выставках в Доме художника. Из воспоминаний детства я помню, как летом на даче он уходил рано утром на этюды, у него была внутренняя потребность рисовать всегда, пока рука держит кисть. Но к своим работам всегда относился критически, называл их «нашлепками». Рисовал природу, а войну не мог. Много лет работал портретистом. Для меня картины моего отца, то, как он изображал природу, – это его отношение к жизни. Он очень чистый и светлый человек. Дай Бог ему здоровья!

Записала Марина Горская

Девушка в военной шинели

Серова (Кузнецова) Ольга Михайловна (1923–2007)

Когда я была маленькой, и моя бабушка рассказывала о войне, казалось, что она была так далека по времени, хотя с победного дня прошло тогда не более 25 лет. Теперь прошло 70, но, как ни странно, военные события стали казаться ближе, понятнее. Тогда ветеранов, участников войны, было много. 9 мая они, надев военную форму, украшенную орденами и медалями, или отметив штатский костюм наградными колодками, выходили на городскую площадь, радостные, торжественные, вспоминали молодость, которая была позади, но недалека. Им было не более пятидесяти лет, и воспоминания о войне были ярчайшими в их жизни. В череде смутных детских впечатлений я хорошо помню их счастливые лица – лица победителей. Теперь самым молодым участникам великой Отечественной за 90 лет. Немногие дожили до очередной памятной даты. Но в каждой семье живы их воспоминания. И наш нравственный долг, семейная честь и обязанность перед светлой памятью о фронтовиках – сохранить и донести до потомков воспоминания их жизни. Свою эстафету жизненного подвига они передали нам – внукам.

Вот уже девять лет нет на свете моей любимой бабушки, шесть лет назад умер дед. Они прожили долгую жизнь, трудную, как жизни их современников, восемнадцатилетними встретивших Вторую мировую. Их, рожденных в начале 20-х, оставалось мало, но они жили после войны, казалось, не только за себя, но и «за того парня», не вернувшегося с фронта. Их память за военные годы вобрала так много, что из года в год открывала мне, слушательнице семейной истории, все новые и новые её страницы. Уже в отрочестве я научилась видеть прошлое глазами бабушки, и с тех пор далекая война становилась все понятнее.

Ольга родилась в 1923 г. в Москве, а в конце 30-х годов её отец, Михаил Петрович Кузнецов, инженер-энергетик, был назначен начальником энергосетей Дмитровского участка канала Москва – Волга и перевез семью в Дмитров. Они жили в знаменитом итээровском доме близ Борисоглебского монастыря (стоявшем на том месте, где ныне установлен памятник святым Борису и Глебу). Старшеклассница Ольга училась в школе № 1, собиралась поступать в Литературный институт, мечтала о журналистике. Мечты не сбылись. На следующий день после школьного выпускного вечера началась война.

День 22 июня в её память врезался со всеми подробностями, и, рассказывая мне о нем много раз, она каждый раз испытывала волнение, отголосок той, лета 1941 г., тревоги.

С утра Оля и приехавшая к ней в гости двоюродная сестра собирались на прогулку, но не успели выйти из дома, как тревожную весть принесла соседка: «По радио Молотов выступает. Война началась!» Весь день в квартире начальника энергосетей Михаила Кузнецова не умолкал телефон, а девушки разыскивали Ольгиного отца, ушедшего в последнее раннее мирное утро с удочками на канал…

Сначала в то, что война будет долгой и тяжелой, не верилось. В памяти были короткие победоносные японская и финская кампании, а вера в советскую боевую мощь не допускала и тени возможности отступления нашей армии от границ. Но уже через несколько дней стало понятно, что предстоит трудное время. М. П. Кузнецов, получивший как ценный специалист бронь на службе, отказался от нее в пользу своего заместителя, у которого было четверо детей, и ушел на фронт. В августе 1942 г., в бою под Смоленском, военный инженер связи капитан II ранга Михаил Петрович Кузнецов погиб.

Ольга Михайловна Серова

В первые месяцы войны было много страха и тревоги. Когда Ольга с матерью и старенькой бабушкой на телеге пытались пробраться в Москву, к родным, но вынуждены были вернуться назад, т. к. мирное население в сторону столицы не пропускали, когда удалось в ноябре эвакуироваться на утлом переполненном катере по Волге в Куйбышевскую область, и под немецким обстрелом судно стало тонуть; когда все вещи, чтобы облегчить

его вес, полетели в воду. Холодные волжские волны навсегда унесли дорогие воспоминания – фотографии из довоенного детства, семейные реликвии, теплые вещи… Сами уцелели, хотя на глазах затонул подобный катерок с эвакуированными… Добрались до степной деревеньки Вислая Дубрава, поселились в крестьянской избе. Работали в колхозе. Из выданного ватного одеяла сшили обувь – чуни, а ночью укрывались пальто. Но это – не самое страшное. Почти вся страна тогда жила так. С тревогой ждали новостей с фронтов. Наши войска отступали. Ноябрьским вечером репродуктор скорбным голосом диктора Совинформбюро сообщил, что «высота Дмитров после тяжелых боев оставлена нашими войсками». Мало кто сейчас знает об этой информационной ошибке военных лет. Но это было – и бабушка всегда, даже на склоне лет, вспоминала, как, услышав о том, что Дмитров занят немцами, все они: Ольга, её мама и бабушка – плакали, обнявшись, ибо уже не надеялись вернуться в город, ставший им за несколько лет родным. Но вскоре выяснилось, что Дмитров стал рубежом, через который враг не переступил, а затем был отброшен от Москвы. Весной 1942 г. семья возвратилась домой, и Ольга приняла естественное для её поколения решение – подала заявление в военкомат с просьбой отправить её на фронт. Обладавшую совершенным музыкальным слухом образованную девушку определили в радистки. После краткосрочного обучения в школе радистов в Горьком формировался специальный дивизион связи резерва Верховного главнокомандования. На всю жизнь врезались в память Ольги древние крепостные стены Нижегородского кремля и широкая площадь с памятником Валерию Чкалову, перед которым, как на военном плацу, изо дня в день маршировали юные девушки в гимнастерках и кирзовых сапогах, отрабатывая строевой шаг, а местные старушки, глядя на них, утирали слезы… Затем были фронты – Волховский, Прибалтийский, 1-й Белорусский. Военные будни по молодости лет воспринимались естественно. Девичий дивизион обеспечивал контроль за связью фронтов со ставкой Верховного главнокомандования. Сменами приходилось просиживать в специальных машинах-радиостанциях, ловя «морзянку», и записывать столбики цифр – шифровки.

Боевые дороги провели Ольгу Кузнецову от Ленинградской области до Берлина. Помнила она город Великие Луки, в котором не осталось ни одного целого дома, землянки под Тихвином, залитые талой водой, зимнюю снежную дорогу на Невель, где чуть не погибла, когда грузовик, на котором ехала, подорвался на мине. Вспоминала и латвийский городок Резекне, где девушки-радистки, расквартированные в частном секторе, по ночам сидели

с автоматами в засаде у окон, так как регулярно обстреливались местными националистами – «лесными братьями».

Единственной радостью на фронте, вдали от близких, были письма. Переписывались друг с другом и одноклассники, многие из которых воевали. Один из них – Владимир Серов в школьные годы дружил с Ольгой. Старшеклассники вместе ходили из школы, а вечерами – на каток, по воскресеньям катались на лыжах в роще. По праздникам участвовали в школьной самодеятельности, мечтали о будущем. Владимир хотел поступить в Рязанское военное училище и стать офицером-артиллеристом. Он и стал им, только гораздо раньше, чем планировал, после краткосрочных учебных курсов летом-осенью 1941 г. Прошел всю войну, участвовал в форсировании Днепра.

Нежные письма девушки в военной шинели и рано повзрослевшего в боях на передовой заместителя командира дивизиона артиллерии летели друг к другу с одного фронта на другой. Лишь в 1944 г., в пограничном Бресте, Ольга и Владимир смогли встретиться. Они гуляли по развалинам легендарной крепости, еще не зная о её подвиге, а на следующий день расписались в белорусском ЗАГСе. Встреча была короткой: Владимир уходил на запад, в Польшу. Жену брать с собой не стал – предстояли тяжелые бои. Вновь встретились и отпраздновали свадьбу в побежденном Берлине.

Наверное, это был один из самых счастливых дней в жизни Ольги: её рапорт о переводе в часть мужа был удовлетворен – и счастье победы слилось с личным счастьем двоих.

О. М. Серова, справа

Май 1945 года в Берлине был теплым, суетным, солнечным. Повсюду радостные лица победителей – советских солдат и офицеров, союзников – американцев, и англичан, разноязыких репатриантов из стран Европы – поляков, чехов, югославов. Испуганные обыватели-немцы жмутся к развалинам и тихо радуются, что война закончилась и прекратились бомбежки и артобстрелы. Черный остов купола Рейхстага возвышается над Берлином как символ побежденного фашизма. 9 мая, когда все узнали о капитуляции Германии и нашей победе, весь день стояла оглушительная стрельба: солдаты устроили салют, паля в воздух из всего, что могло стрелять. Мужчины плакали от радости, на каждом свободном от военной техники «пятачке» плясали и пели под гармошку. А Ольга и Владимир в этот исторический день решали прозаическую задачу: пытались проехать по перегруженным берлинским улицам на трофейном автомобиле (как утверждал потом дед, экспроприированном из канцелярии Геббельса и, возможно, ему и принадлежавшем) из центра в район Иоганнесталь, куда срочно передислоцировался самоходный дивизион В. И. Серова.

Вечером праздновали Победу. Молодежь радовалась весне и миру, а пожилые (тогда таковыми Ольге казались сорокалетние офицеры) мечтали о встрече с родными – женами и детьми. За праздничным столом один из них все просил: «Оля, спойте мою

любимую песню». Ольга запомнила её на всю жизнь, эту военную колыбельную песню, в которой были такие слова: «Любимая, далекая, дочурка черноокая…»[2] Она, двадцатидвухлетняя молодая женщина, пела эту песню, аккомпанируя на гитаре, а взрослые, прошедшие войну мужчины плакали, не скрывая слез…

К сожалению, ныне эта песня забыта, но в нашей семье была традиция: в память о военных друзьях и памятном 9 мая Ольга Михайловна в День Победы пела её, как тогда, в 45-м. Все они уже ушли навсегда – однополчане, друзья мужа: майор Резник, грустивший в День Победы о маленькой дочери, Павел Кравченко, Александр Макаров, Борис Токмаков… И только на стареньких военных фотографиях они бравые, молодые, победители. Такими они останутся и в моей памяти.

Начиналась мирная жизнь в Германии, в советской оккупационной зоне. Как хотелось вместо военной шинели надеть гражданское платье (их всего за несколько банок американской тушенки под названием «второй фронт» и трофейный кофе с радостью шили немецкие безработные портнихи)! Как хотелось выбросить уродовавшие ноги сапоги! Как хотелось домой, где ждали мама и бабушка! Но приказа о демобилизации не было. И в Дмитров удалось приехать только весной 1946 года. В марте у Ольги и Владимира родилась дочь, а через месяц она с крошечной Ириной вернулась к мужу, в Германию. Немцы, у которых снимали квартиру, по привычке называли Ольгу «фрау капитан», а маленькая Ирина, у которой первые годы жизни прошли в городе Людвигслусте, начинала говорить и по-русски, и по-немецки.

Уставший от военной карьеры в оккупационной зоне В. И. Серов принял решение о демобилизации. А Ольга Михайловна связала свою профессиональную службу с армией – много лет проработала начальником секретного отдела Дмитровского горвоенкомата, была командирована в ГДР, служила в секретной части в ставке Группы советских войск в Германии в г. Вюнс дорф, после работала завсекретным делопроизводством в военно-морской части 15094 пос. Орево.

Армейские награды: орден Великой Отечественной войны и медали – она доставала из шкатулки нечасто, а вот военные фотографии пересматривали мы с нею в каждый День Победы. И каждый раз 9 мая я просила её вновь и вновь рассказать о том, как она встретила Победу у стен Рейхстага.

Алла Валериевна Аркадьева, заслуженный учитель РФ

И затряслись стены замка

Мне важно оставить для истории, как любил выражаться мой отец, воспоминания реального участника исторических событий. Их прислал мне помощник начальника артиллерии (начарта) 39-го гвардейского стрелкового полка старший сержант Иван Александрович Шляев.

Один из эпизодов его воспоминаний выглядит кинематографично, словно кадры какого-то романтического фильма о войне.

Лето 1944 года, какой-то замок в освобожденном Красной армией уголке Европы. Высокий потолок парадной залы, накрытые столы и притихшие в предвкушении праздника солдаты и офицеры знаменитой 13-й дивизии, которая дралась под Сталинградом и, без преувеличения, покрыла себя славой у Мамаева кургана. Распахиваются парадные двери, и в сопровождении офицеров штаба в зал входит командующий фронтом И. С. Конев (мой отец), звучит команда «смирно», военные встают со своих мест, стараясь не греметь стульями, и начинается праздник. После тяжелых боев и пережитых испытаний люди обедают: сервирован стол, на нем вкусная еда и напитки. Под высокими сводами старинного рыцарского замка царит особая атмосфера торжества. Она врезается в память всех участников церемонии яркой роскошной картинкой.

Автору мемуаров, Ивану Шляеву, 23 года, ему довелось многое пережить на войне, но этот праздник остался в его памяти неповторимой эмоцией, пережитой в конце войны, яркой вспышкой его собственной жизни. «Такое остается в памяти до смертельного часа», – записывает сержант.

Иван Александрович Шляев. 1945 год

В составе дивизии Иван Шляев прошел путь от Волги до Эльбы, воевал в Европе, он участник исторических событий, боев на Висленском плацдарме. Обладая несомненным даром рассказчика и наблюдательностью, он честно описывает эмоции, которые переживали в конце войны многие, как и он, простые солдаты:

«Первый Украинский фронт захватил плацдарм на Висле. Чтобы ликвидировать тот плацдарм, враг двинул по восточному берегу две группировки навстречу друг другу, чтобы соединиться

у Баранува и отсечь плацдарм. 4 августа 1944 года до соединения тех группировок оставалось 4 км. Над Первым Украинским фронтом нависла катастрофа! И тут явилась 13-я гвардейская дивизия Г. В. Бакланова. Гвардейцы кинулись на врага, как в Сталинграде. Пишу это как непосредственный участник той схватки, выводивший батарею на прямую наводку. В ночь на 6 августа дивизия переправилась на плацдарм. Немцы, зная боевые качества 13-й, впервые применили против нас 68-тонные «королевские тиг ры». Как мы устояли? Не иначе как с Божьей помощью.

В день 3-летия дивизии комфронта Конев приехал, чтобы поздравить гвардейцев. Это было 15 ноября.

Утро. Висленский плацдарм. У села Суфище нас построили в П-образное каре. Поставили перед ним «студебеккер» с лестницей в кузов. Не прошло и получаса – подкатил крытый «виллис». Из него вышел невысокий плотный человек в шинели, за ним другой – в кожаном пальто. Мы уже знали, что это комфронта маршал И. С. Конев и член Военного совета К. В. Крайнюков.

Приняв рапорт нашего нового комдива В. Н. Комарова, сразу поднялись в кузов «студебеккера».

Маршал тепло поздравил личный состав дивизии с ее 3-летием. В ответ прозвучало троекратное ура! После короткой речи каре перестроились в ротные, батарейные колонны и торжественным маршем прошли перед комфронта.

К вечеру был назначен прием, на который были приглашены солдаты, сержанты, офицеры. Я, старший сержант 39-го гвардейского стрелкового полка, оказался в списках приглашенных, которых привезли машинами к какому-то замку (у города С.). Перед входом проинструктировали, как вести себя за столом. При появлении маршала встать, не громыхая стульями. Соблюдать тишину, не прикладываться к яствам.

Долго ждать не пришлось. Офицер у входа в зал огласил полный титул И. С. Конева. Высоченная дверь распахнулась, и в зал вошел комфронта. Мы, солдаты и сержанты, бодро встали.

Впереди шел маршал, и в полушаге от него наш комдив. За ним свита – ЧВС фронта и командарм А. С. Жадов. За ними А. Кривулин, А. Родимцев, Г. Бакланов.

В нескольких шагах перед столами комфронта остановился, обвел нас суровым взглядом… В этот момент комдив Комаров нас представил: «Эти гвардейцы пришли на Вислу от Волги!» «Мало, мало… Хоть этих спасите для будущих кадров Красной армии, – заметил Конев. – Поздравляю сталинградцев и в вашем лице всех гвардейцев с 3-летием дивизии!» И тут произошло нечто, подобное обвалу… Тридцать солдатских и сержантских глоток

грянули так, что затряслись стены замка. И длилось это 10–15 секунд. Суровое лицо маршала расплылось в улыбке. Жестом руки он подал знак, и гром оваций как отрубил. Тут появились девушки с подносами. Подняв бокал, маршал изрек: «Мой тост за вашу гвардейскую храбрость!!!» Чокнувшись с комдивом и пригубив бокал, под бурю оваций Конев отправился в другой зал».

Наталья Ивановна Конева

Здравствуй, дед!

Вельможный Яков Григорьевич (погиб в 1943 году)

Здравствуй, дед. С Днем Победы тебя. Прости, что не 9 Мая, слишком захлестнули эмоции, когда я начала находить архивные документы о тебе. С каждым листком мне хотелось повиснуть у тебя на шее и даже поплакать в плечо. Мы долго искали тебя. Бабушка делала запросы, мама писала твоему командиру. Искали в документах «Мемориала», но там писарями была сделана ошибка в твоей фамилии и значишься ты как Вельможин, что ты был призван в ряды РККА 24 июня 1941 года, а также в документе о потерях числишься как без вести пропавший. Но мы знали по рассказам бабушки и искавшей тебя мамы, что ты погиб под Ленинградом. Что письма прекратили приходить в феврале 1943 года. Ты писал своей жене, что много раз был ранен, что, когда ты вернешься, она не найдет на тебе живого места. Но ты не вернулся, как и миллионы других солдат. Однажды она получила письмо от твоего товарища, который писал, что вы оба дали друг другу слово, что, если что-то случится, один из вас напишет об этом жене. Он написал как ты погиб. Что в 43-м вас переправляли из госпиталя по Неве, и в твой плот попал снаряд. Все, кто был на этом плоту, сейчас покоятся на дне Невы. Он обещал приехать после войны и рассказать о тебе, но не приехал. Жаль, что не сохранилось это письмо. Но есть память, мы пронесем эту память через всю жизнь, будь уверен. Фотокарточку твою получили, датирована она 2 ноября 1941 года. Ты самый красивый дед!

Яков Григорьевич Вельможный

Спасибо тебе, дед, что ты дал нам жизнь, что мы счастливы, что ты отдал свою жизнь за это счастье.

Первое, что я нашла, – это твоя награда. Знаешь, у тебя есть награда, медаль «За оборону Ленинграда». А мы не знали, мама плакала от радости и обиды, что бабушка не дожила до этой

вести. Но мы и так знали, что ты герой.

Я продолжала искать документы о тебе, о твоих однофамильцах и однополчанах из наградного акта. Пыталась проследить твой боевой путь, расшифровывала аббревиатуры и сокращения. Читала журналы боевых действий и даже военные схемы. В одном из документов значится, что у тебя была судимость. Ты не писал об этом, там говорится, что осудили тебя «за распространение ложных слухов». Бабушке местные «слухи» донесли, что ты сказал что-то на политзанятии и тебе приказали встать и что, наверно, тебя за это накажут. Дед, я тобой горжусь! Я не знаю, что ты такое сказал, но я на твоей стороне, не испугался, не спрятался, остался самим собой, это дорогого стоит. За такую статью давали от 2 до 5 лет тюрьмы. Но тебя, вероятно, отправили на фронт немедленно. Следующий документ: учетная карточка из госпиталя, и в ней этой злосчастной судимости уже нет. Смыл кровью… В том же 43-м таких перемещений из госпиталя на фронт было еще три. Последняя запись датирована 1.09.43 об отправке с командой…

У нас все хорошо, потому что ты с нами всегда, наш ангел-хранитель. Ты прошел с Витей и внуками по площади Артема – там, где тебя призвали. Ты пройдешь и по Красной площади – там, где живет твоя дочь Пана. Мы помним о тебе, как и сотни исторических имен, некоторые из которых хотелось бы забыть и никогда не вспоминать. Пусть память о тебе будет вечной, пока живет Земля.

P. S. В сентябре 2015 г. мама с Надей побывали на Невском кладбище в Веселом Поселке Ленинграда. Дед, ты где-то там. На боевой карте расположения частей видно, что твой полк находился в Веселом Поселке.

9 мая 2016 г. твоя внучка Надежда прошла с тобой в строю «Бессмерного полка» по Красной площади Москвы.

Твоя внучка Мира от имени твоих детей Паны и Виктора, внуков Надежды, Александра и Татьяны, правнуков Виктора, Юлии и Валентина.

(Мираида Викторовна Золотова)

Часть вторая
«Всё для фронта, всё для победы!»

По рельсам войны

Мой отец, Егин Вениамин Михайлович, во время войны не участвовал непосредственно в боевых сражениях. Будучи по образованию инженером-строителем, войну он прошёл в составе ремонтно-восстановительных поездов, обеспечивающих восстановление разрушенных железнодорожных узлов, путей и мостов. Значение железных дорог во время войны было огромно. По этой транспортной артерии доставлялись на фронт продовольствие, горючее, военная техника, воинские части, раненые с фронта. Сложность и особенность этих восстановительных работ заключалась в том, чтобы делать это, несмотря на частые налёты немецких самолётов на сам поезд, – срочно, в минимум короткие сроки. И от них, безусловно, требовалось не только мужество, но и высокий профессионализм для обес печения качества и надёжности выполненных работ. Поезд несколько раз горел от попадавших в него авиабомб. Обычно ремонт шёл своими силами. Но в один из периодов обтрёпанный, обстрелянный, кое-где зияющий дырами поезд отправили на ремонт в Гурьев в Казахстан вместе со всеми, кто в нём работал и жил. Да, в составе ремонтно-восстановительного поезда находились и члены их семей, включая и детей. Надо сказать, работа и жизнь в поезде была чётко организована. Штаб и основной состав находились в одной части поезда, а члены их семей – в другой. Для маленьких детей был организован своеобразный детский сад, а для детей постарше школьного возраста проводились уроки, насколько это было возможно. Правда, это не мешало им, как только поезд останавливался, и это не было сопряжено с опасностью во время проводимых работ, или в связи с налётом вражеских самолётов, высыпать из вагонов и устраивать игры, гоняясь друг за другом в пятнашки или во что-либо другое.

Когда поезд отправили на ремонт, до Гурьева надо было добираться частично и по морю. Поезд по рельсам погрузили на баржу, а людей – на небольшое судно. В это время на море был шторм. И, как вспоминала мама, баржу с поездом и людей на их судне раз за разом буквально накрывали огромные волны и каждый раз казалось, что они уйдут под воду навсегда. В Гурьеве их разместили в казахские семьи, чей уклад жизни был одновременно и интересен и непривычен. После окончания ремонта, поезд снова вернулся на рельсы войны.

Но отец первое время был в поезде один без нас. Дело в том, что моя мама, Егина Фаина Леонтьевна, оставалась в

Сталинграде, где они и жили. У родителей моих было тогда трое маленьких детей. Сразу взять нас с собой он не мог, потому что мама должна была родить как раз третьего. Но Сталинград вскоре немцы стали беспощадно бомбить, не оставляя камня на камне. И мама, в один из моментов, когда бомбёжка была наиболее интенсивной и всё вокруг рушилось и горело, схватила нас и выскочила на улицу, вскочив в отъезжавший со двора грузовик, чтобы покинуть город, – для папы в неизвестном направлении. Он долго искал нас, спрашивая на станциях, полустанках, где проходил и останавливался их поезд. И жизнь, как говорится, бывает порой удивительней и более непредсказуемой, чем в выдуманных историях, ибо он, в конце концов, нашёл маму и всех нас. И с тех пор мы были с ним до конца войны в поезде.

Фаина Леонтьевна Егина. Довоенное фото

И после войны много лет отец проработал на железной дороге. И первое воскресенье августа, отмеченное в календаре как Всесоюзный День железнодорожника, был нашим семейным праздником. Мама одевала нас в праздничные платьица, юбочки в складочку, (раньше празднично одевались только в праздники), белые туфельки с перепоночкой, накануне намазанные разведённым зубным порошком, с белыми носочками, – честное слово, это было очень красиво! Отец мой был удивительным человеком, честным, открытым и невероятно добрым. Здесь они с мамой полностью совпадали. В разное время по комсомольской путёвке они попали на строительство Комсомольска-на-Амуре, там и познакомились. А потом он привёз молодую жену в Сталинград. А через несколько лет началась война, страшная и беспощадная. Но что удивительно, война, с её нечеловеческими испытаниями, с невероятными трудностями не ожесточила их, не приучила к равнодушию, безразличию. Они сумели сохранить в себе, в своей душе доброту, сочувствие, искренность, милосердие ко всем, с кем они сталкивались, кто нуждался в их помощи Я помню, уже в послевоенное время мы, переехав в другой город, получили небольшую комнату в 12–13 кв.м. в общежитии. Нас самих было пятеро: отец с матерью и нас детей трое. Но мама приняла дочь своей знакомой, живущей на севере, т. к. та нуждалась в лечении и теплом климате. А папа в это же время, так сложилось, пригласил к нам пожить свою двоюродную сестру, т. к. у неё были какие-то неразрешимые разногласия с дочерью. И они буквально стали членами нашей семьи. Мест всем, конечно, не хватало, и мы, дети, спали на полу. Помню случай с отцом. Может быть, он даже где-то смешной и незначительный, но говорящий о нём как о человеке. Наш дом, в котором мы уже получили квартиру находился на окраине города, а за домом начинался пустырь. И как-то утром, совсем рано, мы услышали собачий лай, визг, скулёж. Это собачники отлавливали бродячих собак и в специальных машинах отвозили их куда-то. Отец выскочил на балкон и стал кричать: «Выпустите собак, фашисты!». Они и нас научили, не нотациями, не нравоучениями, а своей жизнью, в общем-то незатейливой и простой, научили нас этой доброте, справедливости, участию, сопереживанию, а главное, – неравнодушию.

Семья после войны

Их образ жизни вывел для нас, их детей, непреложные жизненные правила. Это, к примеру, то, что достоинство человека не зависит от его национальности, а его ценность – от толщины его кошелька; если надо с кем-то поделиться чем-либо, – надо отдать лучшее; в возникшем конфликте, каким бы он ни был, ищи собственную вину, не перекладывая её на другого; и даже умирая с голода, не бери никогда чужого, – и многое другое. И может быть, война не только не отняла у них этих замечательных человеческих качеств, а, наоборот, усилила их, научила ценить их ещё больше. Их любовь и верность друг другу и во время военных испытаний, и в послевоенное время, когда надо было преодолевать другие трудности: голод, нужду, постоянные ограничения, – они сумели не только сохранить эти чувства, но и преодолеть все трудности, что вставали на их пути.

И мне кажется, что любовь, верность и преданность, как отвага и мужество, по праву должны быть зачислены «бойцами» в «Бессмертный полк». Потому что и то и другое помогало всем, втянутым в круговорот страшных военных испытаний, не только выжить, но и одержать невиданную доныне Победу в невиданно страшной войне.

Людмила Егина

Бойцы Комсомольского полка

В моей жизни было много всего: война, годы послевоенного отважного труда, была и любовь. Сегодня мне 92 года. Я живу, окруженная заботой своей дочери, безмерным уважением внучки Ольги и восхищением правнука Михаила. Именно ему и его ровесникам я и адресую свои воспоминания.

Александра Георгиевна Кукушкина. 1940 г.

Мы с моим будущим мужем, Василием Алексеевичем Уткиным, из одной деревни из Вологодской области. Наши родители были знакомы, да и мы знали друг друга. Когда мне 6 лет исполнилось, семья переехала в Ленинград. Но родные остались в той деревне, так что я там часто бывала, и с Василием

мы общались. Нравились друг другу, но война отодвинула наши встречи надолго. Увиделись в конце 40-х годов. За плечами у каждого страшное испытание – война. Решили не расставаться. 61 год прожили счастливо. Мой Василий ушел из жизни в возрасте 92 лет в 2012 году. А я вот еще живу… Правительство и городские власти нас, свидетелей тех событий, награждает юбилейными медалями, оказывает различные знаки внимания. Это приятно. Но приятнее всего, когда молодежь интересуется нашей жизнью. Той, которая сегодня уже называется ИСТОРИЯ.

Пережить первую зиму блокады…

До войны наша семья проживала в Петроградском районе на улице Большая Зеленина, дом 31/1. Папа мой умер перед самой войной от бронхиальной астмы. А мама, Белкова Ефросинья Ивановна, пережила только первую блокадную зиму, она умерла от голода на моих руках весной 1942 года. Мы с подругой Ниной Буркиной завернули ее в одеяло и на саночках отвезли в морг под открытым небом, который располагался на ул. Малая Зеленина. Это был склад около школы, в которой потом училась моя дочь. Трупы грузили на машины-пятитонки. Сверху их накрывали брезентом: нагрузят и везут в братские могилы, а они стучат друг о друга… Мороз был в ту зиму лютый. Хорошо хоть восьмилетнего брата Валерия удалось отправить с детским домом в Сибирь. Этим мы сохранили ему жизнь.

Когда только началась блокада, хлеба нам с мамой давали по 125 граммов, как иждивенцам и служащим. И, чтобы его купить на карточки, надо было уже с 6 часов утра стоять у булочной. Крупу тоже давали по карточкам. Часто мы грызли ее сырой – не могли дождаться, пока сварится. А мороз доходил до 40 градусов, никакая одежда не могла согреть. За водой ходили на Неву с бидончиком. По льду добирались до проруби, а берег был высокий, ползком выбирались наверх. Бывало, упадешь, разольешь воду и снова карабкаешься со слезами на глазах. На улицах Ленинграда, даже на Невском проспекте часто попадались вмерзшие в лед покойники. Я сама однажды ранним утром на Малой Зелениной наступила на женщину с распущенными волосами. Она была запорошена снегом, солнце еще не встало, поэтому я не сразу ее и увидела…

В первую блокадную зиму главным и полезным предметом интерьера стала буржуйка – такая печка, труба которой выходит в форточку. И если кто не имел такой буржуйки, то группировался с другими семьями. Вот и я какое-то время жила на 17-й линии

Васильевского острова у жены моего дяди Феди (это брат мамы, он потом погиб на фронте). У них была буржуйка: мы жгли стулья, столы, все что могло гореть. Однажды Лена (жена дяди) забрала у меня все вещи и выменяла на хлеб. Мне не в чем было выйти на улицу…

Когда я вернулась домой на ул. Большая Зеленина от родных с Васильевского острова, было уже тепло. Город был завален нечистотами. Немцы думали, что, если мы не умерли от голода и холода, то умрем от эпидемии. Но была введена трудповинность. Вывели нас, полудохлых, на улицы скалывать лед с нечистотами. С большим трудом, но все расчистили, убрали, вывезли. Солнышко обогрело, все высушило, и мы стали оживать. Копали огороды во всех садах и скверах города, сажали зелень. Открыли бесплатные столовые (денег не было), где мы могли съесть хотя бы тарелку горячего супа. А потом пустили первые трамваи. И это казалось настоящим счастьем для изможденных людей!

Комсомольский полк

Но лично для меня весна 1942 года сулила большие проблемы. Я осталась совсем одна. И, скорее всего, тоже за мамой ушла бы на тот свет, если бы чудом не попала в Комсомольский полк противопожарной обороны Ленинграда. Для многих бойцов того полка попасть туда значило буквально – ВЫЖИТЬ. Всех сразу поставили на довольствие и обеспечили бесплатным пайком. Жили мы на казарменном положении, я была командиром отделения. Ходили в Старую Деревню ломать деревья, разбирать дома: надо было чем-то отапливаться. Тогда ведь в Ленинграде люди жгли все, что горело, дров нельзя было достать. И мы доставляли их в город, снабжали население.

Когда были налеты, дежурила на посту в Доме культуры «Промкооперации» (теперь ДК им. Ленсовета). На чердаках стояли бочки с песком и водой для тушения зажигательных бомб. Мы их тушили и зарывали в песок. С крыши часто наблюдали, как горел город. Сердце сжималось от боли! Нас тоже привлекали к тушению. Помню, как однажды горел «Печатный двор» на Чкаловском проспекте. Книги горели!!! А нам, бойцам Комсомольского полка противопожарной обороны, было по 17–18 лет, мы еще ни с чем таким не сталкивались. А тут сразу все ужасы войны… А еще нас отправляли на кладбища зарывать покойников – через весь город пешком. Трамваи стояли во льду, света не было (провода оборваны). Шли до кладбища с лопатой на плече (она казалась такой тяжелой!). Думали – не дойдем,

останемся там вместе с покойниками, но откуда-то брались силы, и каждый раз мы возвращались обратно в казармы.

Александра Георгиевна Кукушкина. 1943 г.

…Мы быстро научились ничего не бояться. Весь город в войну был перерыт щелями – это небольшие бомбоубежища, вырытые в земле, как доты. В них жители прятались при артобстрелах. У каждого из нас был пропуск, разрешающий нахождение на улицах во время артобстрелов, и даже можно было

не залезать в эти щели. Молодые, гордые, нам хотелось показать друг другу, какие мы храбрые, ничего не боимся. Смело так ходили под бомбежками. И только страх перед голодом был непобедим.

…Осажденный город остро нуждался не только в хлебе, но и в топливе. И нас, более тысячи молодых людей, в марте 1943 года повезли на Большую землю по Ладожскому озеру в Тихвинский район на лесозаготовки. Одеты были в ватники и ватные брюки, а на ногах – лапти. Вставали в 6 часов утра – до леса надо было идти далеко. Я работала на обрубке сучков, а кто был покрепче – на валке деревьев. В перерывах все валились в снег и, пригретые весенним солнышком, сразу засыпали. Там нам вручили медали «За оборону Ленинграда».

Осталась без медали…

…А медаль «За доблестный труд» я потеряла. Вручать мне ее должны были в Ленинграде, а я в это время работала в Вознесенском районе на берегу Онежского озера – меня туда направили вторым секретарем райкома комсомола. Так и не получила ее. Потом меня забрал к себе главный редактор районной газеты «Ленинградский путь». Работала ответственным секретарем и корректором. Принимала сводки Совинформбюро о событиях на фронте по приемнику. Писала свои статьи под псевдонимом «Александрина».

Уже после войны меня направили на учебу в Областную партшколу, потом окончила техникум Советской торговли. И всю сознательную жизнь работала бухгалтером и занималась партийной работой.

60 лет свадьбы

Я прожила хорошую жизнь. И была счастлива. Но память о войне и блокаде не стерлась. До сих пор больно. Желаю одного: пусть молодое поколение будет здоровым, счастливым и никогда не узнает тех бед, что нам пришлось пережить!

Александра Георгиевна Кукушкина

Я родилась в Бутырской тюрьме

История семьи Дамье

Николай Григорьевич Дамье родился 02.12.1897 года в городе Лиепая (ныне Либава) Латвийской ССР. Кандидат медицинских наук. Более 30 лет главный хирург Детской городской клинической больницы № 20 им. К. А. Тимирязева. Подполковник медицинской службы.

2 июля 1941 г. – мобилизован и направлен в команду № 309;

31 июля 1941 г. – армейский хирург 34-й армии;

Сентябрь – декабрь 1941 г. – начальник хирургического отделения ППГ 27, Северо-Западный фронт;

Декабрь 1941 г. – июнь 1942 г. – начальник хирургического отделения ППГ 808, Калининский фронт;

Июнь 1942 г. – август 1942 г. – начальник хирургического отделения ППГ 572, Калининский фронт;

Август 1942 г. – сентябрь 1942 г. – хирург-консультант эвакопункта 85, Калининский фронт;

Сентябрь 1942 г. – октябрь 1945 г. – ведущий хирург эвакогоспиталя 1757.

23.03.1943 г. присвоено воинское звание «подполковник медицинской службы».

13.10.1945 г. – уволен в запас.

Жена – Дамье Софья Борисовна 1901 года рождения, врач-терапевт.

Дочь – Дамье Марина Николаевна.

Николай Григорьевич Дамье

Рассказывает Горюшкина (Дамье) Марина Николаевна:

Мой папа, Дамье Николай Григорьевич, был вторым мужем мамы. От первого брака, в 1927 году родилась Анюта, у нас с ней разница 18 лет. В 1938 году маму арестовали за то, что она вышла замуж за «француза» с целью передавать шпионские сведения. А 25 января в 1939 году в Бутырской тюрьме родилась я.

В этой Бутырской тюрьме была Пугачевская башня, в свое время там сидел Пугачев. И вот в этом помещении держали женщин беременных, с маленькими детьми. Они друг другу все помогали. У меня была «молочная мама», женщина с Украины. Она родила на три месяца раньше мамы и у нее было молоко, а у мамы не было совсем. И вот она меня подкармливала, тем и спасли. До года я была с мамой.

Потом, когда их гнали по этапу, в Караганде меня забрал папа. Привез в Москву. Это было где-то в середине 1940 года. Папа тогда работал главным хирургом в больнице на Полянке. А потом началась война, папу мобилизовали в первых рядах. Я осталась с нянькой.

Начались бомбежки, и все бежали из Москвы. Нянька сбежала в деревню. Но, слава Богу, она не сдала меня в детский дом, а отвезла в Тимирязевскую больницу, где папа работал до войны. Ну, они меня пристраивали уже куда-нибудь. В то время одна женщина тоже собиралась уезжать. Она пришла проконсультироваться, как лечить сына после операции. И, пока она сидела, в ожидании, ей рассказали историю про «маленькую Марину». Она взяла меня под мышку и увезла. И никто не знал куда. Никаких указаний об эвакуации на меня не было, так как на ребенка трех лет не нужны были проездные документы.

Мы уехали из Москвы. А в дороге наш поезд разбомбили. Это было очень страшно. Мне было три года, но я все помню. Горящие вагоны, и то, как мы прятались… Потом, кто остался в живых, добирался, выбирался кто как мог. Такие были свалки на вокзалах, приходилось впихиваться как-то в вагоны, а где-то люди просто пешком шли, как в кино показывают. Это была осень, было холодно и голодно… и очень страшно.

Тем временем, папа работал в эвакуационном госпитале. В этот госпиталь медсанбаты, во время боев переправляли своих раненых. Их застала вся эта Подмосковная история в районе Ржева. Тогда это очень скрывалось, а теперь про Ржевскую операцию, или «Ржевский котел» все уже знают. Там были очень тяжелые бои. И вот этот медсанбат, которым руководил папа, попал в окружение. Но он их из окружения вывел. И только они перевели дух, ему говорят, что там еще один медсанбат застрял. «Попробуй их вывести» – сказал ему «главный». Он пошел обратно и вывел второй медсанбат. Ему за это дали только медаль, потому что во время окружения орденов нельзя давать. Он никогда не хвастался своими наградами, но про эту медаль говорил: «Для меня эта медаль стала самой дорогой, и гораздо важнее всех полученных потом орденов».

А мы добрались в Челябинскую область, село Петухово. И

вот, когда мы там уже обосновались, Алина Люциановна (так звали эту женщину) начала думать, что со мной дальше делать. На детей, у которых отец воюет, давали карточки. Для семей военных офицерского состава давали офицерский аттестат. Алина Люциановна была очень молодая, к тому же сын не оправился еще после операции, а надо было как-то жить. Поэтому она начала везде писать письма. Во-первых, чтобы разыскать кого-нибудь из моих родных, а во-вторых получить это довольствие на меня.

Первый о ком они узнали новости, это был дед Борис. Перед войной он работал в Ржеве, и был там заведующим детским домом. И при эвакуации детского дома, он взял направлении ко мне поближе, чтобы иметь возможность меня забрать. Но у него в дороге случился инфаркт и он умер. И никто не знает до сих пор, где он похоронен.

В конце концов, письмо получила мама. А сидела она где-то на севере Свердловской области, в Туринском районе. Пять лет уже прошло, и она вроде как уже не была заключенной, но без права выезда. Поэтому она работала заведующей медпунктом при этом же лагере. Была она женщиной энергичной и добилась того, чтобы построили тюремную больницу. А позже еще создала подсобное хозяйство, где были куры, козы и еще что-то, чтобы подкармливать заключенных.

И вот приехала комиссия проверять работу ее мед. участка. Возглавляла комиссию женщина, полковник. Она-то и привезла письмо маме. Когда эта женщина пришла сказать, что проверкой они остались довольны, увидела маму в слезах. Она спросила: «У вас что-то случилось?» На это мама показала ей это письмо. Под Москвой уже угрозы не было, и люди стали возвращаться. И в письме было написано, что Алина Люциановна собирается возвращаться и не знает, что делать с Мариной. Но есть две старушки, которые согласны за офицерский аттестат оставить ее у себя.

Женщина пожалела маму и сказала: «Я постараюсь вам помочь». В итоге она добилась, чтобы маме дали неделю, чтобы она могла меня забрать. И она за мной поехала. Это был 1944 год.

Я очень хорошо помню этот момент. Мне никто не говорил про маму. Когда мы расстались с ней, мне был год. «Мамой» я звала Алину Люциановну, ее маму – бабушкой, а ее сына – братом. И вот такая сцена: посреди комнаты стоит таз, меня в нем моют. На улице была осень или зима, и уже достаточно холодно. Заходит женщина, вся такая замотанная, в телогрейке и в платке. И я с криком «Мама приехала!» бросаюсь на эту женщину.

Ну и вот. Мама забрала меня. А дальше, мы должны были

вернуться в эту деревню Дружинино, Свердловской области. И вот такая картина, на вокзале. Свалки, бардак. В поезд как в электричку садились. Короче говоря, мама меня впихнула в какой-то вагон, где посвободнее. Поставила и говорит: «Мариша, ты подожди, я сейчас твои вещи возьму». А вагон темный не видно ничего. И вдруг из темноты голос: «Что вы тут ребенка поставили, здесь покойник». Значит, мама выволакивает меня обратно на перрон, и мы бросаемся в другой вагон. А другой вагон был плацкартный, и в нем ехали офицеры, видимо на побывку. Мама должна была меня оставить, чтобы сходить за вещами. И, пока мама туда-обратно с вещами впихивалась, они меня разговорили. Аутизмом я не страдала и все, что знала, про себя рассказала. Когда мама вернулась, офицеры ей сказали: «У вас замечательная дочка, все нам рассказала, что у нее две мамы, две бабушки и только папа один. Знаете, какой редкий случай, обычно наоборот бывает!» (Смеется)

Ну вот, с тех пор с мамой мы не разлучались.

Внучка Николая Григорьевича, Новикова Елена Александровна:

«Когда началась война, маме было 14 лет. Она работала на военном заводе. При перевозке деталей для завода случилась авария, и она оказалась под грудой железа. Получила множественные переломы и травму позвоночника. Долго лечилась, но горб на спине так и остался на всю жизнь.

А Николай Григорьевич был маминым отчимом. Латышский еврей с фамилией Дамье. Но звучит она, как французская – Домье. Он служил в военном госпитале, вблизи фронта, куда привозили раненых, не переставая, конвейером делались операции. Однажды, во время очередной операции, он услышал, как летит бомба, схватил больного и затащил его под операционный стол. Ну, и все нырнули следом за ним. Когда бомбежка закончилась, стол был весь в осколках. Так, в общем, остались все живы».

Записала Ольга Ивановна Новикова

Невские мосты на дороге Победы

Девятилетним мальчишкой я встретил войну в Ленинграде… Уцелел чудом. При такой чудовищной низкой норме хлеба – 125 г на день – смертность в городе была чудовищной. Только с февраля 1942 года продовольственные карточки начали отовариваться полностью. Это спасло жизни десяткам тысяч ленинградцев.

Сын полка

В апреле 1942 года нам пришла похоронка, в которой сообщалось, что мой отец, сержант Красной Армии Бабахин Григорий Васильевич, геройски погиб на Волховском фронте…

В начале июня 1942-го я вместе с матерью был эвакуирован на барже через Ладожское озеро. Во время посадки на поезд на железнодорожной станции Волховстрой налетели бомбардировщики. У меня на глазах погибла мать, я чудом уцелел, оставшись круглым сиротой.

Потрясенный гибелью матери, убежал со станции. Два дня бродил по лесу, не зная что делать, куда идти, как дальше жить. Спасибо судьбе, я вышел к железной дороге, где меня, изможденного и голодного, увидели, подобрали и взяли с собой солдаты железнодорожной части, проезжавшие на дрезине. Привезли в часть, накормили, помыли в бане, переодели в военную форму. А вечером представили командиру части – мостовой колонны – Николаю Артемьевичу Нариняну, уроженцу Нагорного Карабаха. По его приказу меня зачислили в списки части в качестве воспитанника и поставили на все виды довольствия. Так уже 10 июня я стал «сыном полка» – железнодорожным строителем.

18 января 1943 года свершилось то, чего так давно ждали ленинградцы, вся страна – прорыв блокады Ленинграда. Для города теперь особое значение приобрели железнодорожные коммуникации. От наличия их в значительной степени зависели успех обороны и дальнейшее наступление наших войск.

Государственный комитет обороны принял Постановление «О строительстве новой железнодорожной линии Жихарево – Шлиссельбург Октябрьской железной дороги». На ее сооружение отводилось двадцать дней, срок окончания – 8 февраля 1943 года. Место для строительства низководного моста было выбрано через Неву напротив крепости Орешек, у начала Староладожского

канала, где ширина реки была 1100 м, а глубина – 5–6 метров.

Что надо было сделать? Выполнить около 160 000 кубометров земляных работ. Построить через Неву 1300 м низководного моста, средние мосты через речки Назино, Черную и 20 малых мостов. Затем соорудить высотный мост длинной 860 м. Уложить 33 км железнодорожных путей, построить линию связи и другие сооружения. Руководство работами по строительству низководного свайно-железнодорожного моста осуществлял наш командир части, опытный мостовик Н. А. Наринян.

Мост соорудили за 12 суток

Задача перед строителями стояла не из легких. Место для строительства моста хорошо просматривалось фашистами с Синявинских высот и являлось отличной мишенью для их артиллерии. И ко всему этому – январские морозы, ветер с Ладожского озера, пронизывающий до костей. Невозможно было на речном льду построить укрытие для всех строителей. На льду были лишь оборудованы палатки для обогрева. Даже в самый жестокий обстрел строители работы не прекращали.

Я выполнял отдельные распоряжения командира, был связным и не раз бывал на месте строительства. Видел, как строители впрягались в сани из металлических листов, чтобы подвезти к месту работы песок, камни и грунт, как кантовали огромные бревна-сваи, работали по пояс в холодной воде, когда устанавливали сваи. Работали самоотверженно. Это они делали не по приказу, а по велению сердца и совести.

Военное время рождало героические дела и поступки. Мост был сооружен за 12 суток на 2544 сваях, вбитых в дно Невы, – на шесть дней раньше срока. 2 февраля соединились путейцы и мостовики западного и восточного участков новой железной дороги Шлиссельбург – Поляны. Ленинград получил новую линию снабжения с Большой землей, вторую после Дороги жизни.

7 февраля 1943 года в 10 часов к перрону Финляндского вокзала прибыл первый поезд с Большой земли – 22 вагона-ледника с продовольствием и два классных вагона с делегациями Волховского фронта и строителей. Уже 11 февраля в городе была увеличена норма выдачи хлеба до 400–700 граммов!

Затем строили временный высоководный мост через Неву в 500 м ниже по течению от свайного железнодорожного моста. Его строительство было не менее героическим и напряженным. Движение по нему открыли уже 18 марта!

В памяти людей, в исторической литературе за этой дорогой

закрепилось несколько названий, среди которых – Шлиссельбургская трасса и Дорога Победы. До июля 1943 года противник своим огнем множество раз разбивал железнодорожный путь и мосты, однако благодаря самоотверженному труду железнодорожников и работников НКПС, больших перерывов в движении поездов не было. Ленинград и Ленинградский фронт получили всё что посылала им страна. Это помогло сконцентрировать силы и средства и нанести врагу сокрушительный удар. 27 января 1944 года блокада Ленинграда была полностью снята!

На Параде Победы

В конце августа 1943 года я был отправлен в Ленинград для получения образования в детский дом № 21, где окончил 1-й класс. В сентябре 1944 года меня как «сына полка» направили в Тульское суворовское военное училище, которое для меня, сироты, стало родным домом.

Алексей Бабахин – суворовец

За время пребывания в Суворовском училище самым незабываемым и волнующим событием было участие в Параде Победы 24 июня 1945 года в составе сводного суворовского парадного батальона.

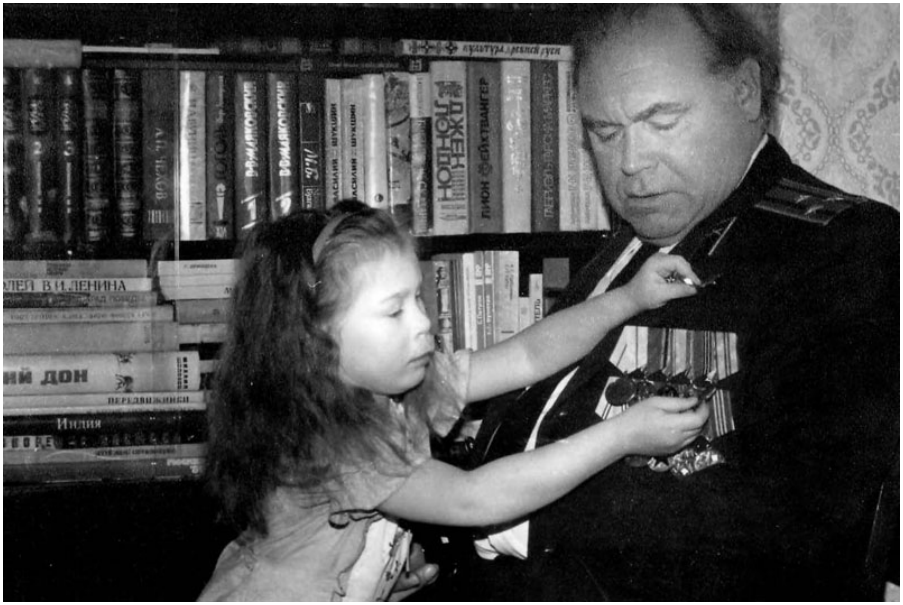
Погода в день парада была прохладной и дождливой, зато настроение – бодрым и торжественным. От каждого фронта на парад прибыл сводный полк, в который включили самых заслуженных воинов. Сформировали и сводный полк суворовских и нахимовских училищ. Нас построили спиной к собору Василия Блаженного, слева от нас располагался батальон с трофейными знаменами.

Проходя мимо Мавзолея, я боковым зрением видел

И. В. Сталина, который улыбнулся и приветственно взмахнул рукой в нашу сторону, и членов правительства. Чтобы понять нашу любовь к И. В. Сталину, надо было жить в эту эпоху…

После Тульского СВУ в 1956 году окончил Московское Краснознаменное военное училище им. Верховного Совета РСФСР, в 1966-м – Военную академию тыла и транспорта.

За время прохождения службы в Советской Армии был командиром взвода, секретарем комсомольской организации полка, заместителем командира полка, бригады по тылу, заместителем начальника штаба тыла 38-й армии. Преподавал на кафедре Управления тылом с 1979 по 1988 год.



Алексей Бабахин с внучкой

В 1989 году был избран заместителем председателя Объединенного совета ветеранов железнодорожных войск, военных сообщений и спецформирований.

Награжден 18 медалями, среди них – медаль «За оборону Ленинграда», памятным знаком «Житель блокадного Ленинграда».

Алексей Бабахин, полковник в отставке

Медсестра из Кобоны

В землянках все время пахло кровью

Глядя на эту маленькую хрупкую женщину, трудно представить, что всю войну она была медсестрой в эвакуационном госпитале: перетаскивала на себе раненых, ассистировала во время операций, выполняла самую тяжелую работу. Сегодня о боевой юности ей напоминают ордена и медали, песни военных лет, стихи о Великой Отечественной и беспокойные сны по ночам…

Антонине Степановне Капрановой уже за 90… Но в ее доме на улице Маринеско всегда рады гостям. Хозяйка сама печет пироги и встречает всех с неизменной улыбкой на светлом и очень добром лице.

Война не пощадила

Счастливое детство нашей героини прошло в деревне Кобона – тихом живописном уголке на берегу Ладожского озера. В их большой дружной семье было шестеро детей. В тот год, когда началась война, Тоня закончила 8 классов.

Первая похоронка пришла в дом спустя два месяца – старший брат Александр погиб под Ленинградом в августе 1941 года. Чуть позже на острове Эйзель убили второго брата – Павла. На Николая пришло извещение, в котором говорилось, что он «пропал без вести». Старшая сестра, Надежда, в самые тяжелые блокадные месяцы работала в госпитале в Ленинграде, она умерла от голода. В 1943 году от голода умерла и бабушка.

В живых остались лишь родители и младший братишка – четырнадцатилетний Борис, который заправлял керосином фонари, установленные по ходу движения грузовиков по Дороге жизни на льду Ладожского озера.

Госпиталь в лесу

На Ленинградском и Волховском фронтах шли кровопролитные бои. В Кобоне, в той самой караулке, где до войны находились дежурные разводных мостов, устроили госпиталь. В нем и стала работать Антонина.

– Кобону сильно бомбили, день и ночь, – вспоминает

Антонина Степановна. – Поэтому госпиталь перенесли в лес, где быстро соорудили огромные землянки. Но раненых было так много, что места всё равно не хватало. Тогда поставили еще и палатки. Пола ни в землянках, ни в палатках не было. Кровати и раскладушки стояли на голой земле.

Антонина Степановна Капранова в госпитале

Хирурги сутками не отходили от операционного стола. В госпитале катастрофически не хватало лекарств. Чтобы спасти раненых от заражения и паразитов, к ранам прикладывали мох, который приносили с болота.

Выживали как могли

Когда приходила машина с ранеными, разгружать ее выходили все, даже хирурги, если они в тот момент не были заняты на операции. Носилок не хватало, приходилось неходячих носить на спине, с помощью специальных лямок. Первыми помощниками врачей были медицинские сестры.

Антонину быстро научили делать перевязки, уколы, ухаживать за ранеными. Сутками напролет, забывая о себе, она кормила, мыла, подавала «утку», крутила раненым самокрутки и даже научилась их прикуривать. А когда бывала свободная минута, развлекала раненых разговорами, писала под их диктовку письма и читала свои любимые стихи, что неизменно вызывало возгласы всеобщего восхищения.

– В землянках всё время пахло кровью, – вспоминает Антонина Степановна. – Раненые стонут, ругаются. А облегчить страдания нечем, обезболивающих просто нет. Выйдешь, поплачешь от жалости к этим молодым ребятам, от собственного бессилия, от невозможности хоть на миг облегчить их страдания. Затем берешь себя в руки – и снова за работу.

Тоска по дому

Походил к концу 1942 год. Каждую ночь во сне Тоня стала видеть родительский дом, маму. Ей очень хотелось навестить ее, но работы было так много, что девушка даже не могла набраться духа, чтобы попросить командование даже о краткосрочной отлучке. Наконец, ее отпустили домой.

– С замиранием сердца подошла к калитке своего дома, – рассказывает Антонина Степановна. – Увидела, что всё завалено снегом, а входная дверь заколочена доской. Я чуть сознание не потеряла от страха за родных. Но тут выяснилось, что местные власти, опасаясь, что финны захватят Кобону, всех жителей эвакуировали.

Родные Тони вернулись домой только весной. Началось восстановление колхозов «Рыбацкий» и «Земельный» – стали в

первую очередь выращивать овощи для фронта, и на полях работали в основном женщины.

После войны

В январе 1944 года, после снятия блокады, госпиталь, в котором работала Тоня, перевели в Гатчину, ближе к фронту.

– Когда ввозили госпитальное имущество, город, только что освобожденный от фашистов, еще горел, – вспоминает Антонина Степановна. – Здание, в котором нас разместили, до войны занимала поликлиника, а во время оккупации здесь же был немецкий госпиталь. Всё здесь было непривычное, бумажное: матрацы, даже бинты…

После окончания войны осенью 1945 года госпиталь переехал в Эстонскую ССР, в город Кивиыли, и стал называться «Спецгоспиталь 1011». Здесь лечили пленных немцев.

Тоня освоилась на новом месте, как всегда быстро. Какие-то немецкие слова выучила, но в основном прекрасно понимала пациентов без слов. Врачи и медсестры жили тут же, в длинных одноэтажных бараках, огороженных колючей проволокой, с часовым у проходной.

25 января 1950 года госпиталь расформировали. Антонина вернулась домой и устроилась на работу на завод «Адмиралтейские верфи» сварщицей. Вышла замуж.

…В свои годы Антонина Степановна чувствует себя замечательно, на здоровье не жалуется и ощущает себя минимум на 20 лет моложе своего календарного возраста.

Пусть каждый день в ее жизни и впредь будет светлым и радостным!

Нина Ефремова

Ребенок угасал на глазах у матери

Маевская Галина Николаевна (1914–2007)
Место рождения – г. Калуга;
награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Тяжелым было детство моей тёти, Маевской Галины Николаевны. Пропал без вести в Гражданскую вой ну её отец, потом, так уж сложилось, забрали у неё младшего братишку в другую семью. Тяжелые годы были, голодные. Но выдержала она, выстояла, выучилась на рабфаке, а потом поступила в институт стали и сплавов. Здесь она нашла свою единственную любовь – Бориса Леопольдовича Маевского. Закончив один институт, в 1940 году молодая семья была направлена на работу в Ленинград. Галина Николаевна – на завод им. Жданова, мастером инструментального цеха, а Борис Леопольдович – на Балтийский завод, инженером в технологическое бюро. Жили сначала в разных общежитиях, потом сняли комнатку. Вечерами обменивались удачами и промахами в работе, советовались. По выходным знакомились с Ленинградом. В сентябре 1941 года семья ждала ребенка. Но началась война…

Работала Галина Николаевна мастером кузнечно-термического участка. С июля работали круглосуточно, без выходных. В цеху стояла жара до +50. По заводу били с воздуха и из дальнобойных орудий. Осколками снарядов убивало работающих на станках. В июле Ленинград стало сжимать блокадное кольцо. Но паники не было, на заводах организовали народное ополчение. Галина Николаевна проводила мужа в ополчение. А 23 августа он погиб на Лужском рубеже. В сентябре ввели хлебные карточки – 250 граммов – рабочим, 150 граммов – иждивенцам.

Люди физического труда, мужчины, очень тяжело переносили голод. Из 18 человек в октябре – ноябре умерли 16 человек, двое ушли на фронт. В середине октября родилась дочка – Женечка. Роддом постоянно обстреливали дальнобойные орудия. Голод, холод, молока не было – ребенок угасал на глазах у матери. Схоронив доченьку, Галина Николаевна вернулась на завод.

Галина Николавена Маевская

Пешком, через полгорода, голодная, в мороз и стужу под обстрелами и бомбежками шла она на работу. В заводской столовой давали 250 грамм хлеба и «супчик» с 4 граммами крупы.

В конце февраля 1942 года её, совершенно обессиленную, близкую к гибели, эвакуировали через Ладогу, по Дороге жизни. Из дневника Галины Николаевны: «На двух машинах по льду мы перебирались до берега. Машины шли в разных направлениях. Мы остались целы, другую машину обстреляли. На берегу Ладоги в деревне нас встречали в каждом доме:

– Проходите, проходите, бабушка, я напою вас чаем, – сказала мне хозяйка дома.

– Какая же она бабушка? Ей 28 лет… – поправила хозяйку моя спутница. Женщина внимательно посмотрела на меня и перекрестилась…»

Свой блокадный дневник тётя Галя смогла написать только через 54 года.

– Пыталась написать раньше, но всё холодело внутри, и я оставляла первые начатые фразы…

Из Новосибирска, куда тётя Галя была эвакуирована и работала на одном из оборонных заводов, в конце 1944 года ее командировали в подмосковный город Электросталь. Работала на металлургическом заводе в центральной лаборатории, осваивала выпуск экспериментальной продукции. В свободное время играла в местном самодеятельном театре.

С 1962 года преподавала в Электростальском филиале Московского института стали и сплавов.

Общительная, требовательная к себе и окружающим, душевная, скольких она научила работать, помогла в трудных жизненных ситуациях. В доме у нее собиралось всегда много друзей и знакомых, и всем находила она доброе слово, дельный совет. А сколько тепла и любви отдавала Галина Николаевна своим родным!..

Впервые с тетей Галей мы, вернее мои сестры (я еще не родилась тогда), познакомились по ее стихам: «Мама скажет: – тетя Галя, варит всякие там стали… носит фартук и очки и большие башмаки…». «Тетя Галя сталь не варит, но зато прекрасно знает, как хороший сделать гвоздик, почему сломался болтик… как иголку закалить, чтобы можно было шить, все рассмотрит в микроскоп…». Более полувека мы приезжали к тете в гости: сначала со своими родителями, а потом возили к ней и своих детей. Внуки приезжали со своими друзьями, всех она привечала, помнила каждого, интересовалась. Много рассказывала про Москву, ее достопримечательности, помнила до последних дней, как куда добраться.

90-летие Галина Николаевна отметила в стенах родного института, где собрались ее ученики, друзья и родные.

Умерла тетя Галя в 2007 году на 94 году жизни.

Галина Петровна Винокурова

От бомбежек мы не прятались

Часто вспоминаю большую ленинградскую коммунальную квартиру на Усачёвом переулке, дом 2 (в войну улица 3-го Июля, д. 66/2). В ней жила моя мама с родителями во время блокады. Вспоминаю оставшихся в живых соседей. Как жалею сейчас с возрастом, что мало слушала, расспрашивала всех их, о тех страшных блокадных днях. Помню тетю Машу, она часто дарила мне художественные книги. Она их подписывала для меня. Такие трогательные, простые слова. Эти книги, пережившие блокаду вместе с ней, в той квартире, и сейчас со мной.

Дедушку в армию не призывали, всю самую страшную зиму 1942 года, он работал в командах МПВО, они также разбирали развалины после бомбежек, сейчас бы это назвали службой спасения; ходили по квартирам – вывозили умерших. Он видел много трагедий и горя. А дома не мог сдерживать слезы. Он мылся в комнате, в тазу, на нем были вши, почему-то они цеплялись на ослабленные, истощенные голодом тела. Дед продолжал ходить в военкомат и просился на фронт. И только 6 мая 1942 года его взяли в ОПОЛЧЕНИЕ. А 14 мая 1942 года он погиб в первом же бою.

Бабушка работала парикмахером в госпиталях. С ней всегда находилась сумочка с документами и парикмахерскими инструментами – они кормили ее, маму, свекровь (бабушку Татьяну) и маму свекрови (бабушку Василису). Моя бабушка сумочкой очень дорожила, ведь потеря грозила голодом. Она с благодарностью часто вспоминала женщину, бывшую ее клиентку, которая уезжая из города, в сентябре 1942, оставив ей ключи от квартиры или комнаты (не помню) для присмотра и там подарок – это был мешочек с сухарями.

Бабушке Вассе было 88 (?) лет. Она подсовывала моей маме кусочки хлеба: «Зайка, я уже своё пожила». Она умерла 5 февраля 1942 года. И последние дни молилась, чтоб дотянуть до первых дней месяца. В блокадном городе считалось удачей, если умирали в начале месяца, какое-то время можно было воспользоваться хлебными карточками. Её тело долго еще не увозили из квартиры, она лежала в одной комнате со всеми. Бабушка Таня, ей было 63 года, умерла 4 апреля 1942 года.

Мама в квартире была единственным подростком. Детей помладше удавалось эвакуировать с детскими учреждениями, те, кто постарше, работали на предприятиях и часто там попадали под эвакуацию. А мама не подходила ни под одну из этих групп. Когда, кто-то в квартире умирал, ее просили – Зойка отвези,

пожалуйста. И они с подругой, такого же возраста, везли. Сбор умерших (как жутко звучит) находился в районе Люблинского переулка. Там лежали штабеля покойных, так как вывозили нечасто. Хоронили умерших этого района, на Пискарёвском кладбище. За время войны и блокады у людей притупилось чувство страха. Когда в квартире умерла очередная соседка, и девочки повезли ее в последний путь по району, кто-то из них предложил, давай посмотрим, увезли ли тетю Валю. Они нашли ее, с обрубленным пальцем, на котором было раньше обручальное кольцо. Никому в квартире не пришло в голову его снять, а тут, среди груды мертвецов, кому-то это понадобилось. От увиденного домой бежали, сколько было сил.

В доме на Усачёвом жили семьи маминых одноклассников, которые также сиротели и теряли своих близких.

От бомбежек со временем не прятались, привыкли. Но документы всегда носили с собой. На крыше дома дежурили по очереди, сбрасывали зажигалки. Мама часто подменяла ослабших соседей. А позже ездила рыть окопы.

Напротив дома упал снаряд и долго торчал, не разорвавшийся, потом это место сровняли. Местные жители говорили, что снаряд так и остался там, в земле. Я в это верила и верю сейчас, ведь все, о чем пишу, я узнала со слов очевидцев.

Мама помнила, как по Садовой (улица 3-го Июля) вели пленных немцев, и как еще не окрепшие от голода и горя женщины, отдавали им свой хлеб. И она носила сигареты, ей уже на паек они были положены.

На фото – сентябрь 1943 года, маме 15 лет, бабушке только 39. Лица светлые, ведь самая страшная блокадная зима 1942 года пережита. Но какой отпечаток она оставила на их лицах, душе, сердце.

Грачёвы

После войны, в опустевшую квартиру стали съезжаться новые жильцы. Рядом в комнату поселился военнослужащий с женой. Он только что вернулся из Германии, вероятно там работал какое-то время. Они привезли необычную мебель. Женщина была модно по-европейски одета и у нее была красивая немецкая кукла, она звала ее Эльза. Даже я запомнила эту куклу.

Уже много лет прошло после войны, мы жили на другой стороне Фонтанки, шли к бабушке через Египетский мост, и я, помню, видела своими глазами, как вдоль моста стояли и просили милостыню – инвалиды войны без ног, с наградами на груди. Впоследствии их всех из города, переселили на закрытую территорию острова Валаам.

А теперь, проезжая мимо дома 2 на Усачёвом переулке (сейчас пер. Макаренко), всегда преклоняюсь перед ним и его жителями и прошу поддержки в трудных жизненных ситуациях.

Я отношусь к тому поколению, кто еще разговаривал и видел участников и очевидцев того времени, поэтому описала все по их рассказам.

Ирина Георгиевна Деркаченко

Игры со смертью

…Когда началась война, жительнице деревни Дьяково – Ольге Фёдоровне Тынковой – исполнился 41 год. Она была счастливой матерью: вдвоем с мужем, Андреем Нефёдовичем, растила восьмерых детей. Старшей дочери Наде было 15 лет, самой младшей Оле – всего пять месяцев. Разве думали родители, какое тяжкое испытание выпадет на их долю.

В октябре в Дьякове появились немцы. Они заходили в дома, отбирали у мирных жителей домашнюю живность, продукты. С первого дня оккупации тревога за детей прочно поселилась в материнском сердце. В постоянном страхе шли дни, недели…

Вечером 24 декабря 1941 года к Дьякову подо шли наши войска. Это были передовые части 18-й кавалерийской дивизии. Фашисты забеспокоились, стали спешно укрепляться. «Теперь уже недолго вам хозяйничать», – думала Ольга Фёдоровна, следя за действиями гитлеровцев.

На следующий день на помощь нашей кавалерии подошли пехота, танки. Решительным ударом фашисты были выбиты из деревни. Со слезами на глазах обнимали дьяковцы своих освободителей. Из убежищ возвращались в свои дома, начали топить печи, готовить пищу. Бой откатился на запад, к Озерецкому. И вдруг – звуки его стали ближе, громче. На улицах Дьякова стали рваться снаряды, мины, со свистом проносились осколки. Жители деревни торопливо одевали детей, хватали узелки с едой и снова бежали в укрытия. Лишь позднее они узнали, что фашисты бросили в бой резервы и потеснили наши наступающие части. Целых три часа длилось сражение на дьяковских улицах. Рвались снаряды, горели наши и немецкие танки, кипели рукопашные схватки – ничего этого Ольга Фёдоровна не видела: она сидела в убежище, прижимая к себе перепуганных детей.

В результате боя немцы снова захватили западную часть Дьякова, в восточной закрепились советские воины. Линия фронта огненным швом пролегла посередине деревни. Убежище оказалось на нейтральной полосе. В нем – женщины, старики, дети. Так начался для этих людей самый жуткий в их жизни кошмар, продолжавшийся 21 день и 21 ночь.

Александра Алексеевна Сырова из деревни Афанасово, вместе с другими находившаяся в убежище, вспоминает:

«Укрылось нас человек 30–35. Дней семь жили ничего, у кого были сухари. Мясо – делились. Но вот кончились все наши запасы. У кого-то нашлось около пуда ржи – сперва делили по

стакану на человека, затем – по полстакана. Вскоре и рожь кончилась. Мучили голод, жажда. Что мы пили? Набивали бутылки грязным снегом, какой удавалось собрать поблизости – ведь выйти нам было нельзя – и грели их на груди под одеждой, чтобы получилась вода…

Когда есть стало нечего, стали думать, нельзя ли выбраться из укрытия. Первой пошла Василиса Козлова. Только вылезла – выстрел. Ранило разрывной пулей в шею, и она умерла. Умер от голода и ее грудной ребенок. Также голодной смертью умерли Горвалева Матрёна, Сальникова Ольга…».

А наверху каждый день гремели бои.

«Противник продолжает упорно оборонять северо-западную окраину д. Дьяково. Части 379-й стрелковой дивизии в течение дня 31.12.41 г. Отбили неоднократные попытки противника, пытавшегося с танками вновь овладеть д. Дьяково. К исходу дня противник удерживался лишь в 7–8 домах на западной окраине этой деревни, прикрываясь двумя танками. От нашего артиллерийского огня разрушено 2 дома, 4 сарая и 3 сарая сожжены, в которых укрывались автоматчики противника. Для уничтожения занимаемых противником построек в Дьяково высланы саперы с авиационными ампулами», – говорится в оперативной сводке № 15 штаба 379-й стрелковой дивизии.

Многочисленные попытки обеих сторон полностью овладеть деревней оставались безуспешными. Фронт по-прежнему делил Дьяково посередине.

Шел январь 1942 года.

Умирал от голода отец Ольги Фёдоровны – Фёдор Иванович. Но еще невыносимее было видеть матери страдания своих детей. Особенно тяжело переносили голод трехлетняя Нина и младшая Оля. Видя, как мучаются сестренки, не выдержали старшие мальчики – одиннадцатилетний Вася и девятилетний Володя, решили рискнуть пробраться к своему дому (он был так рядом!) и там найти что-нибудь поесть. Ребята уползли, а мать со страхом ждала выстрелов, выстрелов по ее детям. Их не было, кажется все обошлось…

Вскоре ребята стали возвращаться. Старший – Вася двигался к убежищу ползком, а Володя, видимо решив, что опасности нет, побежал. У самого входа в укрытие в спину мальчика ударила пуля. В Володиных карманах было найдено несколько картофелин – он так торопился их принести.

Потрясенный гибелью брата, Вася, всхлипывая, приник к родному дедушке, но Федор Иванович настолько ослаб, что уже не вставал, только постоянно просил пить. Но пить воду, полученную из снега, перемешанного с землей и нечистотами,

мог не каждый. Жажда мучила людей не меньше, чем голод.

«…И ведь, главное, так легко было ее утолить – сверкающий белый снег расстилался подле окопов, стоит только выскочить и захватить горсть для того, чтобы освежить горящий рот. Обезумевшие люди за каплю влаги рисковали жизнью. Началась ужасная игра со смертью, игра, в которой принимали участие и взрослые, и дети – каждый старался как можно скорей захватить горсть снегу и с ней вернуться или взять ее в рот. Женщины хотели облегчить страдания малюток. Мальчики соперничали друг с другом в ловкости и быстроте, каждому казалось, что уж его-то минует фашистская пуля. Но пули настигали всех. Со спокойной методичностью следили часовые за блиндажами. Они тоже были увлечены этой адской игрой, тем более что они играли без всякого риска для себя. Число трупов у блиндажей росло. Если часовые играли без проигрыша, то осажденные в блиндажах, наоборот, без единого шанса на выигрыш. Потому что, если и удавалось иногда ускользнуть от пули с горстью снега, то это было только продлением страданий: утолена жажда, еще более жестоко мучит голод»…

В один из январских дней Ольгу Фёдоровну постигло новое горе – умер ее отец. Затем от истощения ослеп муж. На краю смерти находились младшие дети: Оля была без сознания, дыхание ее прерывалось.

Впадала в забытье трехлетняя Нина. Очнувшись, девочка твердила только одно: «Пить»…

В тяжелом положении находились дети и в других семьях. Екатерина Попкова выползла наверх набрать свежего снега, чтобы потом напоить своего ребенка. Пуля вражеского снайпера попала ей в голову. Был убит при попытке пробраться в свой дом Сергей Горвалев. Не пощадила фашистская пуля и мальчика Витю Козлова… У людей таяли надежды на спасение.

Наступила ночь 14 января. Васю Тынкова подозвал к себе отец, сказал: «Пойди, сынок, в огород, там есть ларь ржи». Отправляли мальчика, как на смерть. Поцеловали его родители и сами заплакали: страшно выпускать из убежища, а надо – иначе умрет вся семья.

С Васей поползла его ровесница Катя Тарасова. Прошла ночь, наступил день – дети не вернулись. Лишь на исходе второй ночи Вася возвратился. Он рассказал, что ему вместе с Катей удалось добраться до наших бойцов, передал обрадованным людям, чтобы они по очереди выбирались из убежища и ползли к нашим позициям, где их встретят. И люди поползли навстречу своему спасению. Это было в ночь на 16 января 1942 года.

Наутро советские войска полностью освободили Дьяково и

погнали врага дальше на запад. Но радость освобождения была омрачена для Ольги Фёдоровны новым горем. Ни тепло, ни забота не могли уже спасти Нину – дочка умерла на руках матери. Были приняты все меры, чтобы помочь маленькой Оле. В Озерецкое, куда переместился медсанбат, срочно направили санитара за лекарством для девочки. Через час привезли, но было поздно.

Антонина Андреевна Дулова

Трех своих детей Ольга Фёдоровна хоронила в Калицине. Их положили в братской могиле вместе с погибшими воинами и замученными фашистами местными жителями. Муж в это время находился в санчасти. Усилиями врачей к марту зрение его было восстановлено, и Андрей Нефёдович сразу же ушел на фронт,

чтобы мстить врагам за муки и смерть детей. Сражался храбро, был шесть раз ранен. После войны здоровье его резко ухудшилось – сказались последствия ранений и дни, проведенные в убежище. В 1946 году он умер.

Одной пришлось Ольге Фёдоровне растить и ставить на ноги осиротевших детей.

Сразу после освобождения военный фотокорреспондент запечатлел жертвы фашистских зверств в Дьякове и Калицине. Среди них и погибших детей Ольги Фёдоровны.

В. Ананьев «ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ»
(прислала Дулова (Танкова) Антонина Андреевна)

«За всё судьбу благодарю…»

Хочу рассказать о Клавдии Фёдоровне Семёновой – учительнице блокадного Ленинграда. Это был на редкость честный, мужественный и трудолюбивый человек. Более 35 лет отработала она в учебных заведениях Ленинского района, преподавала русский язык и литературу, пользовалась любовью у учеников, уважением коллег и была за педагогическую деятельность награждена орденами и медалями.

Клавдия Федоровна Семенова

Когда началась Великая Отечественная война, многие преподаватели школы № 284, где тогда работала Клавдия

Федоровна, эвакуировались из города, а она осталась здесь с двумя маленькими дочками-двойняшками (Вера и Надя родились в 1938 году) и пожилой матерью. Шила рукавицы и мешки для фронта, белье для госпиталя. Во время обстрела города зажигательными бомбами дежурила на чердаке и крыше шестиэтажного здания типографии им. Е. Соколовой, в помещении которой располагалась школа. Однажды зажигалка попала в склад типографии: загорелись бумага, книги. Пожар быстро потушили, а на другой день ленинградцы стали приносить в школу обгоревшие однотомники В. Маяковского – последнюю мирную продукцию типографии…

«Во время блокады мою семью спасало то, – рассказы-вала позже Клавдия Фёдоровна, – что жили мы вчетвером в девятиметровой комнатушке, и из-за малого метража ее хорошо согревала маленькая печурка. И, конечно, поддерживала нас помощь разных людей. Мои дочки были зачислены на питание в детский сад, который находился на Измайловском проспекте. А я стояла в долгих очередях за хлебом… Однажды несколько дней подряд не смогла отоварить карточки. Отчаявшись, обратилась к малознакомой соседке по дому. И она дала мне два кусочка хлеба и десять кусочков сахара. Как хорошо почувствовать в трудный час, что мир не без добрых людей!».

Да и сама учительница была очень отзывчивым человеком. Однажды к ней прибежала ее ученица – их дом разбомбило, мама погибла. И несколько дней девочка жила у Клавдии Фёдоровны, пока та устраивала ее судьбу.

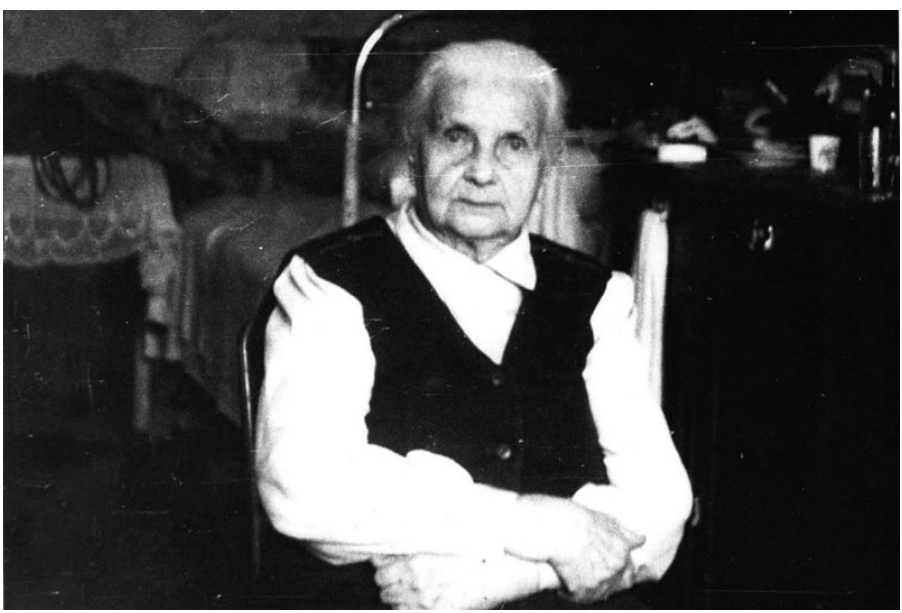
В это трудно поверить, но в самую суровую первую блокадную зиму, накануне 1942 года, в 272-й школе на 1-й Красноармейской улице для детей была устроена елка! Клавдия Фёдоровна получила два билета для дочек. Как же они обрадовались невиданным подаркам – конфетам, печенью и мандаринам!

В начале лета 1942 года учителя школы № 281, где тогда работала Клавдия Фёдоровна, копали грядки на пустыре у школы. Начался артобстрел, все поспешили в убежище, и только Клавдия Фёдоровна Семёнова продолжала работать. И вдруг… почувствовала сильное беспокойство. Она воткнула лопату в землю и поспешила в парадную школы. Через несколько секунд в место у грядки, где она только что стояла, ударили осколки снаряда. Просто чудо, что осталась жива!

В 1943 году Клавдия Фёдоровна стала преподавать русский язык рабочим стройотрядов, которые разбирали в разрушенном городе завалы, и они исправно посещали ее уроки! Одновременно продолжала учить детей, но теперь уже в школе № 280. В один из

осенних дней 1943 года она вела урок в 4-м классе и вдруг услышала отдаленный выстрел. Далее должен был последовать сигнал тревоги, но его не было. Вместо этого раздался грохот, и в смежный класс со свистом влетел снаряд, который застрял в межэтажных перекрытиях, но не взорвался. Клавдия Фёдоровна срочно вывела побелевших от страха, обсыпанных штукатуркой учеников из школы. Военные обезвредили снаряд и увезли. Если бы он взорвался, то не было бы ни здания школы, ни учащихся, ни учителей…

Было очень голодно, и учительница, чтобы спасти жизнь своей семьи, научилась печь лепешки из жмыха, варить щи из лебеды и крапивы… Она вообще не падала духом, несмотря ни на какие трудности. «Моральная устойчивость – это был тот духовный хлеб, который помогал выжить, – записала она потом в своем дневнике. – И везение тоже! Да, есть за что благодарить судьбу!».



Клавдия Фёдоровна Семёнова. 1998 г.

Клавдия Фёдоровна Семёнова часто говорила о том, что всегда будет помнить школьников времен блокады, их серые, как бы выцветшие лица, крайнюю худобу, скудную одежду. И добавляла с грустью: «Они вели себя очень тихо, и казалось, что и нельзя будет теперь уже никогда бегать и смеяться…».

А помнят ли ученики свою замечательную бесстрашную учительницу? Она прожила долгую достойную жизнь и ушла из жизни 23 октября 2009 года в возрасте 104 лет.

Жанна Киркина (Пасекова), друг семьи Семеновых

Пять килограммов надежды

Яцкевич Станислав Вацлавович

Когда я прихожу к папиной могиле и вытираю его портрет от налетевшей пыли и сора, он начинает улыбаться мне:

– Ну, что сынок, как тебе живётся, старенькому? Небось не помнишь, как подсмеивался надо мной, дряхленьким? То-то и оно! Я в свои девяносто был покрепче тебя, нынешнего. Если бы не инсульт проклятый, так я бы ещё тебя на пенсию проводил.

Возражать не приходится, потому как он действительно слегка не дотянул (семь лет) до моей пенсии. Продолжаю убирать внутри ограды и вспоминать отца.

Для меня главным и несомненным героем является мой отец! Он не из тех героев, кто рубился в Первой конной рядом с легендарным С. Будённым. Он никогда не был в оппозиции к существующей власти; не сдерживал в одиночку наступающего противника; не спасал тонущего. Может поэтому у папы не было правительственных наград. Извините, – была: – медаль «За оборону Ленинграда»! Эта медаль для ленинградцев весомее многих орденов, потому как любой награждённый, в разной степени проявил мужество в 900 дней Блокады.

Папа – прапорщик. Он только окончил юнкерское училище. Июль, 1917 г.

Отец – Яцкевич Станислав Вацлавович – родился в конце XIX века. Да-да! Именно в том веке, когда отменили крепостное право. Он успел послужить в Первую мировую войну, но, получив ранение, вернулся домой, в Симферополь. Отец благожелательно встретил революцию, и даже из царского офицера превратился в Красного командира – коменданта симферопольского вокзала. Там же он впервые столкнулся с диктатурой пролетариата, но выжив, отправился в Петроград. Уже в Петрограде он начал учиться в Инженерно-экономическом институте и закончил его. Полагаю, что как толкового специалиста и члена ВКПб, его пригласили на работу в Смольный. В мобилизационном отделе

Смольного оценили Яцкевича, а далее его направили в Красную Армию, в воинскую часть Ленинградской области, где он он возглавил службу связи.

Вышеприведённые биографические данные отца я получил частично от него, но и сохранившиеся документы и фотографии помогли мне. Лично мои воспоминания начались с далёкого 1936 года, когда на дачу в Сестрорецк прискакал на резвой кобыле (Такой «транспорт» полагался по службе.) майор Яцкевич. Все были счастливы, получив подарки, но утром папа ускакал. Много позже мама говорила мне, что я просто не мог бы запомнить этот папин приезд, потому как мне было 1,5 года. А я помню, как ревел, потому что мне хотелось получить и шашки, подаренные старшему брату. Глядя на портрет папы – командира – я просто вижу и сейчас детали того дня.

Родители встретились в начале 30-х годов, когда мама прибыла в Ленинград с маленьким сыном – Адольфом. Папа, видимо, не смог устоять перед такой красавицей и они поженились. Вот тут-то и проявились его высокие моральные качества: Он усыновил Долика, дал своё отчество и фамилию. Но главное в том, что позднее, невзирая на развод, он продолжал любить и заботиться о приёмном сыне. Меня же – родного сына – он просто обожал (Неумело скрывая чувства.) все 53 года нашей с ним совместной жизни.

Когда кончилась позорная советско-финская война и Красная армия отхватила Карельский перешеек, папа, в числе руководителей треста № 6, получил в Териоках (Зеленогорск.), в пользование большой, финский дом. Счастливая семья перебралась в эту «усадьбу», но… Но счастье длилось совсем недолго. В воскресенье 22-го июня началась война с Германией. Отец проживал в тресте (тогда это называлось «казарменным положением»), где проектировали и изготовляли средства связи для воинских частей. Все эти подробности я излагаю, вспоминая разговоры старших и позднее, ковыряясь в папиных бумагах.

Осенью 1941 года мне было шесть лет и многое важное я пропустил мимо себя. Зато артобстрелы, бомбардировки и ужасающий голод с холодом легли в память на всю жизнь. Я видел в окно, как горел Гостиный Двор, как почерневшие, истощённые блокадники везли на саночках своих родных в сторону кладбища, стояли в очереди за крошечной пайкой того, что называли тогда хлебом.

Отец всячески пытался помочь нам. Как сейчас помню, как нам передали бутылочку с чем-то и папину записку:

«Дорогие! В бутылке масло. Возможно – моторное. Я

попробовал и если не помру в ближайшие пару дней, то употребите. П.» Почему я запомнил эту малозначащую бутылку, да потому, что в те дни появление в доме любого продукта, делало нас счастливыми. Отец понимал, что мы на грани смерти и во имя спасения семьи однажды пошёл на служебное нарушение: В тресте погрузили на дряхлый ГАЗ военную продукцию и поручили отцу передать её в действующую армию, за Ладогой. В феврале 1942 года в области стояли жесточайшие морозы. И если лёд на озере был весьма крепким, то фашистские авианалёты и артобстрелы создавали множество воронок. Вследствие этого ночное передвижение транспорта (Днём транспортировка походила на смертельный номер.), при минимальном освещении, тоже напоминала гибельную лотерею. Водители двигались с открытыми дверцами машины, чтобы успеть выскочить на лёд, в случае попадания машины в воронку. Перед отъездом папа направился попрощаться с нами и во дворе встретил знакомого. Этот сосед до войны работал в гастрономе и, видимо, запасся продуктами. Узнав, что отец едет за Ладогу, «коммерсант» взмолился:

– Стасенька, вывези меня с семьёй за Ладогу!

Отец объяснил ему, что подобное запрещено, да к тому же весьма опасно. Тогда сосед пообещал оплатить вывоз семьи продуктами, и папа «сломался». Перед выездом мы получили от соседа крошечный пакетик риса, полбаночки засохшего варенья и малюсенькую банку шпрот. Весь этот набор я помню досконально и буквально ощущаю вкус супа, который сварила мама: В кипяток она положила лавровый лист, высыпала две рюмки риса и перед употреблением запустила две шпротинки.

– Японский суп! – объявила и украдкой заплакала.

Ночью они удачно форсировали Ладогу, но в Кабоне творилось невообразимое: Сотни машин скопились в этом эвакопункте и водители требовали, чтобы их пропустили в первую очередь. Офицер с красными глазами пытался навести порядок в этом скопище машин.

– Старче! – неожиданно обратился он к отцу. – Если не посплю хотя бы часок, – я покойник. Сядь у дверей и никого не пускай. Я тебе два сухаря дам! «Старче!» (Ему было 45 лет!) выполнил здание.

– У меня никогда не было более приятной зарплаты – говорил отец, спустя много лет. Он сдал военным продукцию треста, но не помчался обратно сразу. Понимая, что в Питере его ждут голодная семья и сослуживцы, хоть с какими-нибудь продуктами, он бросился в «коммерцию». У военных он просил, с местными жителями менял что-то из вещей на мороженную картошку и

даже выпрашивал съестное для блокадников у местного начальства. В Ленинград он вернулся очень во время: мы уже просто лежали в ожидании смерти в промёрзшей комнате. У мамы и брата не было сил, чтобы поколоть мебель для «буржуйки».

Те пять килограмм картошки и диск замороженного молока не только отвели смерть, но и вселили надежду на спасение.

Потом пришла весна, стало чуть-чуть легче, да и отца назначили директором маленького завода, производившего катушки для связистов. Связной бежал от одного штаба к другому, а на спине у него с катушки разматывался кабель. Прибежав, он докладывал: – «Товарищ капитан, связь есть!» Вот такие важные катушки выпускал папин завод. Единственный раз, когда я был на этом заводе, запомнился тем, что отцу непрерывно приходилось решать вопросы, отдавать приказы и требовать их исполнения. Он постоянно курил «Беломор», прикуривая от зажигалки, выполненной из гильзы крупнокалиберного патрона.

Я не знаю, сколько времени отец прослужил там, но вскоре он был отозван на крупный завод – «Красная Заря», выпускавший для фронта вроде бы пулемёты. (В этом я не уверен, но спросить не у кого.) Жили мы тогда с папой в служебной коммунальной квартире рядом с заводом. Отец уходил рано утром, возвращался к ночи, но периодически заскакивал домой – убедиться, что я сыт и делаю уроки. По воскресеньям папа тоже шёл на завод, захватив меня с собой. Он делал какие-то записи, осматривал оборудование, а я бродил по цеху, разглядывая диковинные (для меня) станки и трансмиссии.

Отвлекусь. В 1944 году в Ленинград прибыл с фронта мамин дальний родственник – Михаил С. Этот красивый молодой парень выделялся тем, что на груди сверкала «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Прибыл Миша поступать (!) в Высшее военно-морское училище им. Фрунзе. Совсем не помню его рассказа о своём подвиге.

Я ни на минуту не сомневаюсь, что Мишин подвиг был достоин столь высокой награды. Вот только сейчас я понимаю, что миллионы работавших в тылу, в невыносимых, как правило, условиях, есть тоже герои ВОВ.

\С папой. 1947 г.

В 1950 году у отца произошёл инфаркт. После больницы, оклемавшись, он покинул завод и стал преподавать «Экономику» в Электро-механическом техникуме. Начальство быстро разобралось, и Яцкевич был назначен заведующим учебной частью техникума, со всеми трудностями для руководителя. Собственно говоря, директор в техникуме тоже был, но этот старый коммунист появлялся днём и, собрав компанию преподавателей, разъяснял им политику Партии и правительства из свежих газет.

Самым трудным было составление расписания на семестр. Как ублажить три десятка преподавателей, имеющих свои, определённые пожелания, а порой требования. Отец умудрялся угодить всем, и заслужил любовь коллектива. К тому же он был избран парторгом техникума, что повлекло обязательное обучение в университете марксизма – ленинизма. Этот образцово-

показательный коммунист пытался и мне привить беззаветную любовь к КПСС. Он обижался на мои насмешки над большевиками, но, скорее всего, боялся за меня при нашем тотальном режиме.

Но папин «развод» с КПСС всё-таки состоялся. Большевики, как правило, кроме лозунгов создать ничего не могли, а каждому Райкому полагалось раз в месяц сдавать экономический отчёт по своему району. Отчёт следовало сдать в Обком и прокомментировать. Секретари Выборгского райкома зачесали в затылке, пока одного из них не осенило:

– Давайте поручим отчёт Яцкевичу. Он же экономист!

Чуть позже выяснилось, что Яцкевич давно на пенсии. И всё-таки папу уговорили и даже выдали проездную карточку. И вот старенький папа ежемесячно отправлялся в Райком и трудился, а потом направлялся в Смольный. Самое забавное было то, что папа даже гордился, что строит коммунизм семимильными шагами. Пока не произошёл казус.

Отступление: В те 80-е годы в стране было плохо с продуктами. Собственно говоря, с продуктами всегда было плохо, но люди закалились и терпеливо стояли в очередях за селёдкой. Партия и правительство постоянно заботились о народе, и были изобретены «заказы». Смысл открытия был в том, что на передовые предприятия доставлялись продуктовые наборы. Их разыгрывали как в лотерею, и каждый десятый передовик мог получить доп. питание. В набор входили сахар и крупа, баночка консервов и обязательная «палка» твердокопчёной колбасы. Получившие набор были счастливы, а остальные терпеливо ждали следующего подвоза.

В Райкоме «заказы» получали все и заметно чаще передовиков. Папа очень гордился тем, что доставлял домой дефицит. В жаркий июльский день восьмидесятилетний папа собрался и поехал с дачи в Райком, дабы создать, как я полагаю, никому не нужный отчёт. В тот день специальный снабженец раздавал «заказы». Папа уже закончил составление отчёта, когда мимо проскочил в кабинет секретаря «заказчик». Дверь осталась открытой и папа услышал:

–…раздал почти всем, но одного набора не хватает! Как быть?!

– Дай список… Вот тут в конце списка Яцкевич, так вычеркни его. Обойдётся старый хрыч!

Папа аккуратно сложил бумаги и больше в Райком не являлся. Зато после этой «колбасы», слушая по телевизору Брежнева он говорил:

– Разве можно так врать своему народу?!

Конечно, поднять в атаку свой взвод личным примером или броситься на амбразуру есть подвиг. Прожить полезную для страны, честную жизнь – это тоже подвиг!

– Папа, ты герой! – сказал я и мне показалось, что он улыбнулся.

Олег Яцкевич, сын

Председатель колхоза

Михаил Николаевич Родичев (1902–1947)

Михаил Николаевич Родичев родился в 1902 году, в деревне Большой Двор Сокольского района Вологодской области. В семье было пятеро детей: три брата и две сестры. В 1931 году Родичевы вступили во вновь организованный колхоз «Красный Борок». В колхозном движении Михаил Николаевич показал себя не только честным и трудолюбивым человеком, но и способным на самостоятельную деятельность. Когда для достижения результатов требуется не только следовать указаниям партийных органов, но и необходима инициатива. А так как данная инициатива чаще приносила пользу, то за нее особо не наказывали. Более того, даже стали продвигать по карьерной лестнице. В частности, сделали звеньевым.

Будучи звеньевым, Михаил Николаевич достиг самой высокой урожайности в районе и области – до 40 тонн с гектара, за что был отмечен наградами на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ, будущая ВДНХ) в Москве в 1939 году. Имя Родичева было внесено в «Почетную книгу» ВСХВ.

Перед началом Великой Отечественной войны Михаил Родичев работал в должности бригадира. С началом войны большинство мужчин ушли на фронт. Но армию необходимо было кормить, и многие мужчины остались в тылу, чтобы не только не снизить урожайность, но и повысить. Не все оставшиеся в тылу с этим справлялись, но Родичев, выбранный в 1941 году председателем колхоза «Красный Борок» Боровецкого сельсовета, был одним из тех, кто справился.

Несмотря на трудное время, хозяйство колхоза под его руководством только увеличивалось и укреплялось: были построены коровник, зернохранилище. Несмотря на трудности с оборудованием, развивалась механическая база. Колхоз первым в районе задолго до срока рассчитывался по всем государственным обязательствам. Под руководством Родичева колхоз стал одним из лучших в Вологодской области: высокие урожаи зерновых, овощей, яблоневый сад. Но главным богатством колхоза являлась знаменитая «боровецкая картошка», широко известная в Вологодской области и поныне. Многим людям эта картошка спасла жизнь в голодные военные годы. Интересно, что с тех пор традиционным стал районный праздник «Боровецкая картошка, слава и хвала тебе!», который всегда собирает массу людей.

Михаил Николаевич Родичев

Удивительный факт: в северных вологодских краях, в условиях короткого лета, в годы войны колхоз «Красный Борок» собирал по два урожая картофеля в год. Первоначально картофель сажали ранней весной и выкапывали в июле. Затем, на освободившихся полях начинался «второй сезон»: сажали скороспелый сорт картофеля, который выкапывали в начале осени. Такого до войны нигде не практиковалось. Михаил

Николаевич сумел организовать работу в колхозе так, что

даже в трудные военные годы, когда основной рабочей силой были женщины, старики, подростки, люди не голодали и активно участвовали в помощи фронту.

В то время, как работники других колхозов испытывали большие трудности, колхозники «Красного Борка» имели все необходимое для жизни. За «своих» молодой (а в 1941 году Родичеву исполнилось 39 лет) председатель колхоза «сражался» отчаянно. Полагая, что если невозможно облагодетельствовать всех, то уж те, кто под его рукой не должны испытывать слишком уж большие трудности. Даже в ущерб перевыполнению плана. За что партийные органы его поругивали, но вынуждены были терпеть: ТАКУЮ урожайность, которую показывал «Красный Борок» не показывал ни один колхоз ни в Вологодской области, ни в ряде соседних областей. Это его отношение к «своим» нашло отражение и в народном фольклоре того времени. «Боровчане» сочиняли и пели частушки: «Как в нашем колхозе пироги пшеничные, из колхоза «Пролетарий» ходят нищие». Мудрый хозяйственник и заботливый руководитель, Михаил Родичев считал важным заботу о каждой колхозной семье одной из главных составляющих успеха всего колхоза. За что пользовался уважением и большим авторитетом.

По воспоминаниям современников, в годы войны Михаил Родичев, несмотря на занимаемый высокий пост, не пользовался возможностями для повышения личного достатка. Всегда ходил в одном и том же костюме, с заплатами на брюках, как в поля, так и на совещания в обком. Да и на столе у него были те же «разносолы», что и в других крестьянских семьях.

Интересно, что после того, как приглашенный на совещание в обком М. Н. Родичев в очередной раз, пришел туда в своем заплатанном костюме, первый сек ретарь обкома направил его семье ткань с указанием заказать ему нормальный костюм, более подходящий для председателя передового колхоза области. Однако Родичев все равно ходил в старом.

Михаил Николаевич был очень прост и приветлив в общении с рядовыми колхозниками – его чаще всего называли просто Миша, а на просьбу простого колхозника выписать для выпечки хлеба зерна, прямо на дороге мог опуститься на одно колено и написать распоряжение в контору. Ежегодно после уборки урожая организовывался колхозный праздник, когда побригадно устраивалось застолье с домашним пивом, пирогами. Для праздника «лобанили быка», часть туши отправляли на Сокольский мясокомбинат для изготовления колбасы. Поощрялись лучшие работники, доставалось нерадивым. Для многодетных семей, пожилых и больных была организована

простенькая столовая, где готовилась скромная пища для особо нуждающихся. В страдную пору – посевная, сенокос, уборка – открывались сезонные детские площадки. Благодаря кипучей деятельности Михаил Родичева, колхоз был и долгие годы после войны оставался передовым в районе.

Три племянника Михаила Родичева, дети его старшего брата Николая Николаевича, были призваны на фронт в первые дни войны. Все трое погибли. Это Родичев Федор Николаевич (место захоронения неизвестно), Родичев Николай Николаевич (погиб 18.08.1941 г. под станцией Лоухи в Карелии), Родичев Леонид Николаевич (погиб 24.11.1943 г. под селом Колчашовка Житомирской области).

Михаила Николаевича знали как энергичного колхозного руководителя и организатора, отдававшего все свои силы укреплению колхозного хозяйства и повышению уровня жизни колхозников. В связи с достигнутыми успехами, на имя Родичева было получено благодарственное письмо Иосифа Сталина «За активное участие колхозников колхоза «Красный Борок» в сборе средств на танковую колонну «Вологодский колхозник». На эту колонну средства собирались из добровольных пожертвований, а не по разнарядке.

В 1950 году, за достижения колхоза в годы Великой Отечественной войны его преемнику Н. Г. Калину и двум свинаркам колхоза А. Н. Грачевой и А. А. Папуриной были присвоены звания Героя Социалистического труда. Жители района до сих пор уверены, что одно из званий должно было быть присвоено Родичеву, но к тому времени Михаил Николаевич, сильно подорвавший здоровье во время войны, уже умер. Он скоропостижно умер от сердечного приступа 14 сентября 1947 года.

О большом уважении к личности Михаила Николаевича свидетельствуют фотографии с его похорон: главная деревенская улица была заполнена теми, кто пришел проститься и проводить его в последний путь. Это были простые колхозники, жители самых отдаленных деревень и соседних колхозов.

Максим Родичев

Стахановке – ложку каши

За три дня до начала самой кровавой войны минувшего века – Великой Отечественной – Надежда Андреевна Ласточкина окончила школьную семилетку. И не какую-нибудь, а ту самую – на Невском проспекте, 14, где ныне висит мемориальная доска с надписью «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Свидетельство об окончании школы № 210 датировано 19 июня 1941 года.

«Умирать будем здесь»

Учиться дальше Надежда не могла: отец умер перед войной, и на руках у мамы остались четверо детей, причем Надежда – самая старшая. Самому маленькому (брату) – 7 лет, сестренке – 10, братишке – 13.

«Жила наша семья напротив Строгановского дворца, – рассказывает Надежда Андреевна, – в коммунальной квартире на углу Мойки и Невского проспекта. 14 лет было мне в июне 41-го. В школе сразу же организовали госпиталь. Колонны призывников шли по Невскому для отправки на фронт, за ними бежали провожавшие – родители, жены, дети».

Маму вскоре отправили под Лугу – рыть окопы. За старшую осталась Надя, умевшая делать по дому всё.

Кто-то в Ленинграде готовился к эвакуации, но мама Надежды сказала: «Умирать будем здесь. Родни у нас нет. Никому мы не нужны».

По законам военного времени

Вдруг – повестка из военкомата для Надежды (в июле ей исполнилось 15): «По законам военного времени вы считаетесь мобилизованной, следует явиться на сборный пункт: Фонтанка, 36». Ей выдали направление на работу в ГОМЗ (оптико-механический завод, позже – ЛОМО) токарем.

«Думала я тогда, – вспоминает Надежда Андреевна, – что токарь – от слова «ток», поскольку ударить током может во время работы. Девчонки-то чем увлекались? Шили, вышивали, стихи читали… А пришлось делать детали со сложной резьбой для самолетов. Поставили нас в цех, где трудились мальчишки 16–17 лет из разных городов и деревень, в том числе из Белоруссии –

они на год раньше пришли учиться в ремесленное. Учили нас работать, помогали (мастер-то один на весь цех), а жили мы в общежитии. В первую же блокадную зиму все приезжие пацаны умерли от голода: хлеб у них и воровали, и отбирали прямо на улице. Штабелями погрузили трупы на машину, а мы, девчонки, стояли и плакали, будто с родными прощались. Их увезли, мы же пошли в прачечную стирать оставшееся вшивое постельное белье.

Бомбежки, звук немецких «мессершмиттов», сбрасывающих бомбы, ленинградцы не забудут, кажется, никогда…

Сначала-то мы бегали в бомбоубежище, подвалы, а потом перестали. Однажды разбомбило подвал на углу Невского и Садовой. Повредило водопровод, и люди просто утонули, погибших было много. И потому мы боялись укрываться в подвалах».

Однажды пришли юные работники на завод, а его нет – разбомбило. Разбирали завалы до позднего вечера. С 6-го этажа спускали покойников, по 2–3 подростка несли каждый труп. Машины свозили их на Пискарёвку, там во рвах закапывали. Из семьи ходила на такую работу одна Надежда – шинель до пят, ботинки, папина шапка. Брат – несовершеннолетний, мама трудилась в другом цехе. Зато дома топили буржуйку, кипятили на ней воду.

Суп из… тряпки

Маме и Надежде выдавали паек по карточкам – 250 г хлеба, дрожжевой суп… 125 граммов хлеба, половинку куска, Надя съедала во время работы, остальное разрезала на кусочки, и мама убирала в шкаф. По 125 г, по детской карточке, получали младшие брат и сестра, да еще разные добавки – к примеру, шоколад.

Как-то на три дня осталась Надежда без хлеба – украли карточку, девушка никому не сказала и чуть не умерла. В другой раз она на улице замерзла, начались галлюцинации – стало тепло. Очнулась, когда ее сильно трясла прохожая: «Ты умираешь!». Волоком поволокла и спасла.

Зимой 1941–1942 годов Надежда точила снаряды для «катюш», смена – 12 часов, с 8 утра. В день следовало выточить 60 снарядов. Она же умудрялась норму перекрыть.

Надежда Андреевна Ласточкина

«Как стахановке в столовой мне дополнительно выдавали ложку каши, которая была тогда на вес золота, – вспоминает Надежда Андреевна. – Нам, голодным, казалось, что самая вкусная и сытная каша – гороховая, ее можно и на хлеб намазать. Мечтали: вот кончится война – наедимся!

А однажды брат с сестрой принесли домой объедки, которые выбросили из столовой, где питались партийные товарищи. Мама из очистков картошки сварила вкуснейший суп. Еще шустрый малыш принес белую холщовую тряпку – видимо, в нее была завернута рыбная икра. Эту тряпку сварили в кастрюле. И такой суп оказался вкусный!

Сестренка умерла от туберкулеза в 13 лет, старший брат эвакуировался в 1942-м, младший всю блокаду провел здесь.

18 августа 1943-го председатель Ленгорсовета П. С. Попков

вручил Наде медаль «За оборону Ленинграда». Увидев худых, изможденных ребят, он сказал: «Немцев мы победим уже потому, что здесь в первых рядах сидят дети, которым мы вручаем медали».

Настоящая!

«Что помогло выжить в блокаду? Взаимовыручка, отсутствие зависти, а еще здоровье, заложенное с детства. В семье же не курили, не пили. Хоть и жили скудно до войны, но все продукты были натуральные. Да и работа по 12 часов, кажется, помогла выжить, потому что уставали, но все время двигались. Физически работалось тяжело, болезней я приобрела немало. Но мы верили, что должны победить! Какими были патриотами – не передать. Возмущались: почему фашисты пришли на нашу землю?»

…После войны Надежда Андреевна получила профессию инженера-экономиста. Трудилась на совесть. Позже проводила уроки мужества и в своей родной школе. Радовало, что детей тема блокады и войны интересовала. Спрашивали, к примеру, какие животные жили в блокаду (отвечала, что всех их съели, остались одни крысы) и настоящая ли она блокадница. Наверное, от родителей слышали, что блокадники бывают разные. Надежда Андреевна – самая что ни на есть настоящая-пренастоящая, хлебнувшая горя сверх всякой меры.

Ирина Королева

Несколько раз вывозили на расстрел

Я родилась в 1938 году 18 января в городе Петрозаводске.

Отец, Верещагин Василий Романович, 1907 года рождения.

Мать, Верещагина Татьяна Александровна, 1912 года рождения.

Брат, Верещагин Альберт Васильевич, 1936 года рождения.

С 1938 по 1939 гг. всем семейством находились в поселке Лендеры Ребольского района Карело-Финской ССР (отец был пограничником).

С 1939 по 1941 гг. находились в городе Брест-Литовск на границе.

В мае 1941 года отец был назначен комендантом пограничного участка на литовско-немецкой границе.

Отец и мама с двумя детьми собрались на новое место жительства. Мама была на пятом месяце беременности.

Когда добрались до города Каунас, отец получил документы на место службы где-то 100 километров от Каунаса. 21 июня отец был назначен комендантом пограничного участка на литовско-немецкой границе в звании капитана (только что присвоенном). Прибыли на место только к ночи. Оставив семью на ночлег в домике, отец сразу же ушел на командный пункт знакомиться и принять дела. А ночью 22 июня в 4 часа началась война. По рассказам мамы все пограничные вышки были заняты литовцами, вооруженными пулеметами, которые не давали возможности выйти солдатам и командирам. Мама оставила нас в доме, а сама попыталась проникнуть к отцу, но пройти ей так и не удалось. Она только слышала команду, чтобы все уходили из поселка на Вильнюс. Так отца больше мы не видели, он остался на границе вместе с другими военными отстреливаться. Из окружения вырвался один солдат, который пытался спасать население и помогал с эвакуацией. Пока мама ходила к отцу, все уже на машинах и телегах уехали. Мама не успела даже ничего взять с собой и распаковать вещи. Они так и остались в доме на границе. Солдат нашел еще телегу с лошадью, помог маме поднять нас с постели, посадил на телегу вместе с мамой и погнал лошадь по дороге от границы. Еще было неизвестно, война ли это?

Поэтому все беженцы направились в город Вильнюс, чтобы разузнать обстановку. А над местной дорогой начали летать самолеты, которые открывали огонь по беженцам. Нам постоянно приходилось останавливаться и убегать в лес, прячась от самолетов. Приближаясь к Вильнюсу, стали встречать литовцев, которые всех направляли на переправу к реке. Но когда все

собрались и переправились на другую сторону реки, застрочили пулеметы. Большая часть беженцев были расстреляны. Нас спасал солдат. Течением нас отнесло вниз по реке, с нами плыла и лошадь. Когда мы вышли на берег, солдат предложил взять одного ребенка, на лошади проскакать через поле до леса и там подождать маму со вторым ребенком. Алик от мамы не отцеплялся и солдат взял меня. Так мы поскакали через поле. Снаряды взрывались со всех сторон. Лошадь от страха сбросила нас, и мы добирались до леса пешком. Ждали маму с братом, но так и не дождались. В такой суматохе мы растерялись.

Две недели я ночевала с солдатом в лесу, питались тем, что находили. Солдат, оставшись с маленьким ребенком, искал выход на какой-нибудь поселок. Так он встретил женщину, которая приютила его у себя, а меня – русскую девочку 3,5 лет – держала как придаток и старалась всеми силами отучить от русского языка, так как сама была латышкой. Она не давала еды, если я просила по-русски, держала в сенях, как собачку, неодетую, голодную, немытую. Солдат стал у нее работником, и украдкой поддерживал меня то коркой хлеба, то водой.

А тем временем мама добралась до местечка под названием Ленторово, это 18 км от Вильнюса. По очередям искала свою дочь и пыталась достать немного хлебушка, чтобы как-то продержаться с пятилетним сыном. И так рано утром, когда они стояли в очереди за хлебом, их арестовали и привезли в город Вильнюс. Всех, кого арестовали из очередей, заключили в тюрьму, где мама пробыла 3 месяца.

А затем, рассортировав арестованных, маму с братом перевели в организованный лагерь для русских женщин с детьми (жен офицеров) на улице Субачяус. Лагерь был организован в школе. В большом зале были построены нары в три этажа. К окнам подходить не разрешали, часовой мог убить. Еду давали через окошко в дверях всегда с причудами, издевательством.

Хлеба давали по половинке от полного ломтя, да и то только на работающего, детей не учитывали. Сваренная бурда – вода, заправленная кислой капустой. Похлебка была или пересолена, или вообще не соленая, или кипяток в железных мисках без ложек и тому подобное. Когда женщины потребовали, чтобы их с детьми вывели на прогулку, немцы-охранники выбрали жаркий солнечный день и в самый солнцепек вывели всех во двор, где находился цементированный сарай с цементированным полом, без крыши. Закрыли женщин с детьми в этом помещении, где через 5–8 минут от жары, как в печке, под солнцем, от которого не спрятаться, у всех разболелись головы и из носа пошла кровь. Все стали стучать в дверь, чтобы их увели обратно, а немцы

надсмехались: «Что, нагулялись?»

Весь двор был обнесен двойным рядом колючей проволоки, и в каждом углу были вышки с вооруженными немцами. К проволоке иногда подходили поляки, приносили картошку, хлеб и бросали через проволоку. Мама очень переживала за утерянную дочь и все время просила встречи с комендантом тюрьмы. Когда все-таки удавалось с ним встретиться, она умоляла отпустить ее поискать ребенка, и после нескольких встреч ей удалось добиться разрешения. Немец был пожилой и не такой агрессивный, как охранники. Ее выпустили на поиски дочери через полгода вместе с сыном на две недели. На руках был документ, в котором было сказано: «Если через две недели не вернется обратно, то грозит расстрел на месте, где бы она ни была». Мать ходила по очередям и селам, спрашивала: «Не видели ли где девочку 4-х лет без родителей?» И вот ей дали адрес, где появился ребенок похожий по описанию. Когда мама приехала в этот хутор и встретила девочку, она ее не узнала. Только брат твердил: «Мама, это наша Светка, давай ее заберем». И только когда мама стала искать приметы, узнала в этой девочке свою дочь. А я уже не разговаривала, понимала только по-литовски, вся грязная, голова покрылась коркой болячек, босиком, полураздетая. Так мама нашла меня и забрала с собой в лагерь. Не вернуться в лагерь было нельзя, так как мы были на чужой земле среди чужих людей, без средств к существованию.

Светлана Васильевна Верещагина

В лагере мама родила третьего ребенка, но его у нее сразу

забрали. Сначала сказали, что мальчик родился здоровый, но на следующий день ей сказали, что он умер и не показали его. Мама всю оставшуюся жизнь верила, что его немцы забрали в Германию на воспитание, так как они считали, что русская нация сильная и крепкая здоровьем, а немецкие женщины рожали мало. Нам мама всегда говорила, что у нас есть братик в Германии. В лагере была организована партийная ячейка, которая была связана с волей. Писали листовки, сообщали продвижение наших и немецких войск. Но в результате нашлась женщина, которая выдала узницу, руководившую ячейкой и руководительницу расстреляли. Через некоторое время половину лагеря увезли в Германию, а другую половину погрузили в товарные вагоны и возили впереди отступающих немецких эшелонов, чтобы партизаны их не взорвали. Несколько раз вывозили на расстрел, в душегубки сажали, но видно Бог берег нас.

Привозили на еврейское кладбище для расстрела. Там тоже подолгу держали около ям, нагнетая страх. Мама все говорила: «Света, это ты счастливая. Тебя Бог бережет, а чтобы ты жила, должны выжить и мы». Но к этому времени немцы старались награбить как можно больше и отправить на свою родину. Так приходил приказ брать с евреев выкуп за освобождение. Но как только они откупались и выходили на волю, их снова ловили и отправляли в лагерь. И так до тех пор, пока нечем уже было платить.

Итак, в лагере мы пробыли до освобождения города Вильнюса в 1944 году (август или июль). Было лето. Уже подросла и немного помню, как освобождали город. Рядом с нашим лагерем был немецкий дзот. Освободительные войска вели его обстрел, и некоторые снаряды, попадали в наше здание. Тогда охранявшие нас немцы уже бежали, оставив все. Пленные выбегали и старались спрятаться в соседних домах, где были подвалы. Я очень хорошо помню, как все перебегали узкую улицу, а кругом свистели осколки. Некоторые люди падали от смертельных ран, остальные перешагивали через них и стремились спрятаться. Но все были рады, что наши близко. Горели здания и магазины, по земле текли расплавленный сахар, горелое масло. А когда мы освободились, то оказались без средств, без одежды, без жилья, без документов. Маме пришлось устроиться на работу и просуществовать там еще полгода, пока приобрели паспорт, свидетельства о рождении. Вот тогда мы смогли выехать обратно в город Петрозаводск к маминым родителям. Отец у нас числился как без вести пропавший. Так мама осталась одна с двумя детьми на руках. 27 лет. Родители и родня ей помогали растить детей кто чем мог. Но в то время после войны был голод. Спасибо

родным, что приютили под крышу. Мама работала в военном госпитале медсестрой в глазном отделении и там же подрабатывала. Видели маму редко, так как она работала и день, и ночь. Подрабатывала, чтобы поднять нас. А домашние дела были на нас с братом. Благодаря таким маминым усилиям мы с братом закончили школу, 10 классов. Алик в Ленинграде закончил военное училище, служил, но во время службы облучился и комиссовался, вернулся в Петрозаводск. После школы я поступила в техническое училище на чертежника. В 1958 году его окончила и пошла работать на онежский тракторный завод. Была активисткой. Завод несколько раз отправлял на учебу в Москву в МАМИ. Но я долго не могла поехать и поступать, так как мама к тому времени стала часто и тяжело болеть. Она меня не отпускала. Но в 1961 году уже не стала задерживать и я поступила в институт МАМИ на отделение автомобили и трактора. В 1965 году вышла замуж, а в 1966 году закончила институт и приехала в подмосковный город Дмитров. Так как муж был отправлен на учебу с Дмитровского экскаваторного завода, то туда же и вернулся. Я тоже стала работать на этом заводе. Проработала инженером-конструктором II категории 26 лет – до 1992 года. Но никогда и нигде не смела упомянуть о том, что находилась в концлагере во время войны. Нас мама предупредила с детства, чтобы мы не говорили и не писали в анкетах об этом. Только в 1992 году, когда была уже на пенсии, узнала, что вышел указ и льготы для узников. Вот только с этого времени окружающие меня друзья и знакомые узнали о моей жизни.

Светлана Васильевна Верещагина

Желтые кувшинки на реке

История партизанской семьи

Воспоминания разных людей, складываясь в своеобразный пазл, помогают лучше представить себе историю страны. Люди, годы, жизнь… Вот только одна судьба из многих…

Зинаида Степановна Горелик живёт в Выборге сравнительно недавно. Несколько лет назад она приехала из Белоруссии к сыну, а родилась под Гродно, на территории, которая до 1939 года, принадлежала Польше. Получила высшее физико-математическое образование и преподавала геометрию в Гродненском государственном университете. Имеет множество опубликованных научных работ, название которых даже выговорить непосвященному человеку сложно. И при этом всегда была образцом красоты и элегантности. Впрочем, почему «была»? Встретив эту даму на аллее парка, вы сразу обратите внимание на ее осанку и прямую спину – вылитая королева Елизавета!.. А между тем, жизнь ее не баловала.

Бабушка, мама и Зинаида. 1948 г.

Бабушка Зинаиды Степановны, Екатерина Кондрусевич, прожила более ста лет. Работать начала с семи лет, и чего только не приходилось ей делать в жизни – ухаживала за скотом, мяла лён, пахала, боронила, родила девятерых детей. Вставала с первыми петухами, а заканчивала свой трудовой день далеко за полночь. Вместе с мужем они жили в стороне от деревни Могиляны, между оврагами и перелесками на Хуторе Кондрусевича – так прозвали односельчане эти места. Когда грянула вой на, бабушке было 67 лет. Пришли немцы, хуторок

притих, но партизанам всегда находили здесь отдых, пищу и одежду. Анастасия и Анна, дочери Кондрусевичей, помогали секретарю подпольного горкома комсомола Ольге Соломовой, сообщали сведения о передвижениях немцев.

До этого ушли в партизаны их сыновья – Владимир, Григорий, Иван и Василий. Вместе с другими пускали под откос эшелоны, участвовали во многих боевых операциях отряда «Комсомол Белоруссии» бригады имени Кастуся Калиновского Белостокского соединения под командованием генерал-майора Капусты.

А Пётр и Николай сражались с врагом на фронте. Пётр служил на Карельском, затем на Восточном фронте, участвовал в разгроме Квантунской армии. Николай был в составе первой польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, принимал участие в штурме Берлина.

После войны сын Григорий стал врачом, Пётр – мастером в училище, Василий и Владимир жили и работали в Литве. Все ветераны этой партизанской семьи удостоены боевых и трудовых наград. У Екатерины Яковлевны много правнуков, а внуков, многих из которых она помогала растить, – 18, среди них и Зинаида Степановна..

Судьба старших Кондрусевичей была нелегкой: Михаила Антоновича немцы забили до смерти, хутор сожгли, а Екатерину Яковлевну отправили в концлагерь Равенсбрук. Зинаида Степановна рассказывает:

– У меня бабушка была верующая, в концлагере её молитва спасла. В лагере пленных рассортировали на тех, кто хочет работать и кто не хочет, куда бабушка и встала сначала. Но потом сработала интуиция, и она перешла на другую сторону. Тех, кто работать не захотел, погрузили в машины и сожгли заживо. Узников зимой в 5 часов утра вызывали из бараков на пересчёт, они стояли полуодетые, в шелковом белье, чтобы вши не заводились… У американцев открылись глаза на все зверства, когда они вошли в лагерь, а Европа считала, что это политическая пропаганда… Бабушка прожила более 100 лет, только в церковь ходила, а в остальное время находилась дома.

Во время войны в нашем доме находили приют многие красноармейцы, бежавшие из фашистских застенков. Бабушка всех встречала, обогревала, кормила. Постепенно наладилась связь с партизанами. Хотела и мама уйти вместе с братьями, но нужны были свои люди на месте, и она стала связной отряда «Звезда».

В одну из ночей в деревне остановились партизаны. Командир отряда и Ольга Соломова ночевали в одном, а

остальной отряд в другом доме. Нашёлся предатель, который донёс на них. Постояльцы увидели приближающихся полицаев, выскочили через окно и побежали в лесок, который был за домом, началось преследование. Другие партизаны услышали автоматные очереди и успели уйти в настоящий лес. А вот командир, и Ольга погибли в перестрелке… Мы с родителями быстро собрались и побежали в деревню моего отца. Но у командира фашисты обнаружили список, в котором, мой дядя Володя был записан под кличкой «Калядин», так нашу семью называли. Поэтому и пытали деда и бабушку, и хутор сожгли…

Потом мы жили в другой деревне, в небольшой местной школе. Мама доставала лекарства у сочувствовавшего партизанам аптекаря, который не скупился и давал всё в нужном количестве. Был случай, когда деревню оцепили, а мама уже получила медикаменты, нужно было срочно доставить их в лес – что делать? Она не растерялась: положила лекарства в ведро, а сверху прикрыла картошкой. Так и вынесла…

Один раз, когда за лекарствами пришла партизанская медсестра, вдруг, страшно вспомнить, утром по деревне в три шеренги, чтобы никто не смог убежать, шли полицаи в чёрном. Они заходили в каждый дом, всё тщательно осматривали, проверяли у людей документы, во дворах копны сена пробивали, залезали в сараи. Из домов забирали людей и никто потом не знал, куда они пропали… Когда фашисты зашли в дом к родителям, то бабушка, папина мама, представила их как сына и невестку. Один полицай полез на чердак, где висели домашние колбасы, потом позвал второго, они забрали колбасу, не стали проверять документы и ушли. Убежище в школе, где мы тряслись от страха, они тоже не нашли.

Помню польского врача, которого звали Доха, он был очень милосердным человеком, все сараи в его дворе были заполнены больными. Их кормили так называемой «затиркой», которую варили вёдрами. Муку затирали водой, делая клецки, и заправляли все это молоком. Когда доктору не могли заплатить за лечение, он отмахивался: Пан Бог заплатит… После войны он сразу уехал в Польшу. Доха вылечил и маминого брата, раненного в руку разрывной пулей. Взялся помогать, предупредив: говорим только по-польски, а если будут спрашивать, отвечай, конь, мол, ударил. Всё сделал сам, не подпуская медсестру.

Родители прятали от немцев двух партизан, раненных в перестрелке, в болоте, где после добычи торфа остались ямы. Туда, в шалашик, переправили и дядю. Помню, как-то отец заметил неподалеку фашистов, и предупредил прятавшихся.

Оружие у них, конечно, было, но ситуация тупиковая, в бой вступать бессмысленно. И все-таки они подготовились – договорились, кто в кого и как будет стрелять… К счастью, немцы просто искали убежавших лошадей и раненых не обнаружили. На этот раз повезло…

Ещё был такой эпизод, которым поделилась Зинаида Степановна. Приехала семья из Ленинграда в деревню на отдых: муж, жена, которую звали Зоя и маленькая дочка. Там и застала их война: муж ушёл к партизанам, Зоя тоже хотела в отряд. Она была учительницей немецкого, но её не взяли в лес из-за ребёнка. Когда муж погиб, то она отомстила фашистам, взорвав немецкий военный объект.

Прохожая указала немцам, куда та побежала, Зоя до последнего отстреливалась, но спастись ей не удалось. Я слышала, как она пела песни, когда её повезли в Гродно на расстрел…

Когда наши войска заняли соседнюю деревню, родители Зинаиды и партизанская медсестра решили ночью перебраться на другой берег вместе с ранеными. Они перешли реку вброд, женщины ушли вперед на разведку, оставив девочку, ее отца и троих раненых ожидать их. С вражеской стороны их заметили (Зинаида Степановна и сегодня думает, что выдали стёкла бинокля, блеснувшие в ее в руках) и начали стрелять. Но и тут обошлось…

Зинаида Степановна Горелик. 2005 г.

– Я до сих пор помню эти лилии и жёлтые кувшинки на реке. Когда мы шли вдоль берега, отец поддерживал одного раненого, а дядя – другого. Так и шли до деревни.

Летом 44-го советские войска освободили Гродно.

Сегодня о Зинаиде Степановне заботится сын, навещает ее ежедневно, а она балует внуков и правнуков всякой вкуснятиной, приготовленной по рецептам подруги, ведь раньше, когда была занята своей любимой аналитической геометрией, на кулинарные изыски времени не оставалось – готовила мама.

Ольга Набатова, корреспондент газеты «Выборг»

Моя героическая мама

Лембрикова Хава Беила Ицковна (1905–1975)

Когда началась война, мне было четыре года, моему брату – восемь. Отца забрали на фронт, и все тяготы тех страшных лет легли на плечи моей мамы. Как и многим женщинам, ей приходилось не только поднимать двоих маленьких детей практически безо всякой помощи, но и работать для Победы.

«Красная Москва»

Моя мама, Лембрикова Хава Беила Ицковна, родилась в 1905 году в городе Стародуб Брянской области. В быту ее называли Берта Исааковна.

Ей удалось получить всего лишь начальное образование, но она сумела приобрести необходимые знания об окружающем мире, научилась читать и писать.

Больше учиться ей было не суждено…

Лембрикова Хава Беила Ицковна

Мама казалась мне самой красивой на свете – невысокого роста, с большими черными глазами, густыми черными волосами; небольшой, с горбинкой, нос придавал ей особое очарование. Я помню, что до войны мама всегда прекрасно пахла – она пользовалась каким-то необыкновенным парфюмом. Лишь спустя много лет я узнал, что назывались эти духи «Красная Москва».

Даже во времена моей юности эти духи все еще были очень популярны. Сегодня в моем семейном архиве я храню в сумочке мамы эти духи и очень модные в то время мужские духи «ШИПР».

Однажды, проходя по одной из улиц Петербурга, я почувствовал такой же запах, запах детства – мимо меня прошла старушка моего возраста и на меня нахлынули воспоминания… Мы идем с моей молодой красивой мамой по улице, на голове у нее – белый берет, вокруг ореолом распространяется этот прекрасный запах.

Однажды мы так же шли с мамой по улице, она забрала меня из очага (детского садика) и вела домой.

Навстречу нам попалась женщина, она с удивлением посмотрела на нас и сказала: «Вы, что, не знаете – война

началась!». Мама не сразу поняла, о чем она говорит, настолько невероятной казалась война в такой солнечный и беззаботный день. «Какая война?» – переспросила она. – «С Германией, по радио объявили». Так я впервые услышал это проклятое слово – ВОЙНА.

Отец

Отца я едва помню. Помню очки с толстыми стеклами и винтовку через плечо, когда он уходил на фронт. Мама его провожала, а он всё время оборачивался. Никто тогда и не думал, что отца мы больше никогда не увидим. Мама не получит от него ни одного письма и ни одной весточки, а однажды придет извещение, что отец пропал без вести… В тот страшный день мама очень плакала, и я вместе с ней – я всегда плакал, когда видел маму в слезах, а во время войны это случалось довольно часто.

Хождение по мукам

До 1942 года мы с мамой и братом находились в блокадном Ленинграде, пережив все ужасы того времени (я написал об этом в сборнике «Как мы пережили войну»).

В то время всех – и детей и взрослых – обучали тушить «зажигалки», на крышах постоянно дежурили жильцы, организованные в команды МПВО. С красными повязками на рукавах добровольцы по очереди дежурили у ворот и парадных. Всюду были патрули.

Мама тоже иногда по ночам дежурила на крыше – сбрасывала зажигательные бомбы. Зажигательная бомба весила всего килограмм, но их выкидывали с самолета кассетами, сериями.

Пробивной силы «зажигалки» вполне хватало, чтобы прошить крышу, покрытую кровельным железом. Потом на чердаке срабатывал взрыватель – и «желатин» вместе с плавящейся, тоже горящей оболочкой, расплескивался кругом, прилипал к стропилам, и они загорались.

В сентябре на Ленинград было сброшено 6327 зажигательных бомб. Они вызвали 178 пожаров.

Такие дома начинали гореть сверху. Пожарные команды во время массированных налетов поспеть всюду не могли, да и воды не хватало (а ближе к зиме водопровод и вовсе замерз – холода начались необычайно рано).

Маме приходилось дежурить на крыше, иногда под ураганным огнём вражеской артиллерии. Участвовала она и в строительстве оборонительных сооружений, рыла окопы, таскала мешки с песком.

Когда по радио объявляли «Воздушная тревога, мама хватала нас с братом и мчалась в бомбоубежище, а потом мы опять возвращались наверх, в квартиру, сил и здоровья спускаться в бомбоубежище в следующий раз не хватало. Мама говорила: «Если что-то случится, значит это судьба».

Где-то рядом с нами поймали шпиона, посылавшего сигналы ракетами с чердака дома.

Я помню, как мама произносила: «Когда же кончатся муки и наступит ли вообще жизнь? Когда будут сыты мои дети, когда у меня перестанут болеть сердце и пухнуть от слез глаза»?

Благодаря маме мы пережили самую страшную блокадную зиму 1941–1942 гг., а потом нас отправили в эвакуацию.

О том, как мы жили в эвакуации, мама рассказывала редко, и лишь после того, как ее не стало, меня охватила такая грусть и ностальгия, что я стал записывать по памяти ее воспоминания, чтобы не забыть.

В 1942 году нас эвакуировали в город Хасавюрт, расположенный в 40 километрах от города Грозный.

Там, в Хасавюрте, куда мама приехала с нами, двумя маленькими сыновьями, нас разместили в здании кирпичного завода. Первой работой мамы в эвакуации было мыть это большое грязное помещение. Зарплата мизерная, не говоря уже про бытовые трудности. Спать мы ложились голодными. Затем мама устроилась на завод. Работала с полной отдачей – ее портрет висел на Доске почета.

Удивительно, но мы с братом в эвакуации ничем не болели. А бедная наша мама переболела малярией, а потом и тяжелейшей формой сыпного тифа, но, к счастью, выздоровела, поднялась на ноги. И опять ее мучили болезни, я уже и не помню, какие.

Помню, как мама уставала, когда приходила с огорода. И еще она, как и многие, заготавливала в лесу дрова на зиму.

Ночью в нашу комнату в Хасавюрте прибегали жирные крысы и начинали бегать. Еды у нас не было, и мама боялась, что они нападут на нас и загрызут до смерти. Поэтому она время от времени бросала полено в угол комнаты, опасаясь нечаянно задеть какого-нибудь зверька и разозлить всю остальную компанию. От шума крысы ненадолго разбегались, потом их бесконечный хоровод возобновлялся.

Как маме было тяжело! Болели перебитые суставы пальцев от колки дров. В голове вши. Сырые дрова не могут за два часа

нагреть маленький котелок, мы живем впроголодь. Чтобы решить какой-то вопрос, приходится бродить от конторы к конторе и подолгу стоять в очередях в полутемных коридорах. Нет мыла. Нечем стирать. «Неужели когда-нибудь кончится эта ужасная жизнь?» – плакала мама.

Хава Лембрикова с сыновьями (слева Лев, справа Лазарь)

К этому времени относятся одни из первых моих воспоминаний. У меня не было такого трагического ощущения жизни, как у мамы, ведь мирных дней я почти не помнил. Кроме того, в детстве радости и огорчения совсем не такие, как во взрослой жизни.

Сегодня я бы сказал, что моя мама – герой нашего времени. Каждый человек выбирает своего героя, так вот мой герой – это моя мама. Она была добросердечной, отзывчивой к другим людям, ответственной и трудолюбивой. А также кристально честным человеком. У нас с братом мама пользовалась непререкаемым авторитетом. Она нас очень любила, но не баловала, учила быть честным и порядочными во всем, учила добиваться успехов. Благодаря ей мы понимали, что получаем именно то, что заслуживаем. Мы очень любили маму и жалели ее.

Как-то уже подростком в разговорах с мамой я упоминал об отдельных эпизодах войны, и она очень удивлялась, что я их помню. Сама она почти никогда о войне не говорила.

Иногда мы с братом обижали маму своими поступками. И сегодня, по прошествии многих лет, меня мучает чувство вины, вспоминать об этом очень тяжело. Прости меня, дорогая мамочка!

Чтобы не было войны!

Через много лет после войны мы побывали на родине матери,

в Белоруссии, в городе Стародуб. Пришли на то место, где во время немецкой оккупации были замучены и уничтожены многие ее сверстники и родные. Узнав о том, что мы приехали из Ленинграда, местные жители приходили поздороваться, вспоминали довоенные и военные годы, женщины плакали, когда рассказывали о том, какого горя они хлебнули в этом городе. Горько плакала и моя героическая мама. Ведь в этом городе немцы сожгли заживо ее мать, отца, сестер и многих других родственников.

Проходят годы, а память как будто приближает прошлое, взывает к душе. Мою жизнь безоблачной никак не назовёшь, уж очень много утрат и среди родных, и среди друзей, однако она, память, хранит не только горестное, трудное, но и радостное, светлое, порой счастливое – всё, что выпало на мою долю.

В послевоенные годы поднимали главный тост: «Чтобы не было войны!» Со временем всё меньше становится тех, кто помнит войну. Так хочется, так нужно, чтобы никогда на нашей земле не было такого жуткого повода вспоминать этот тост.

Лев Горбунов

С надеждой на победу

Война от первого лица

Мои родные – бабушка – Любкина Зинаида Васильевна и дедушка – Любкин Дмитрий Георгиевич – внесли свой вклад в разгром врага в Великой Отечественной войне и строительство страны.

До войны 1941 года они жили в Петрограде. Дедушка работал в Педагогическом институте им. Покровского – заведующим лаборатории экспериментальной физики и являлся доцентом физического факультета. В тот же период там работал И. В. Курчатов. Они дружили. Курчатов бывал в нашей квартире на Литейном проспекте. (тогда проспект Володарского). Дедушка в летние каникулы вместе со студентами занимался альпинизмом на Кавказе. Он поднимался на Эльбрус.

Дмитрий Георгиевич Любкин 1940 г.

Когда началась война и наступила блокада, дедушке дали бронь и предоставили место в самолете на вылет из блокадного Ленинграда. Он отдал это место студентке с ребенком. Радиоприемники по распоряжению властей были сданы на спецпункты. Бабушка эвакуировалась со своей железнодорожной школой, где она работала, и со своими детьми – дочерью (моей мамой) и сыном 11 лет. Около города Тихвина состав разбомбили, всех выживших разместили в общежитии, а раненых поместили в госпиталь. Сын моей бабушки был контужен. (Он остался инвалидом 1 группы пожизненно. После смерти дедушки ему была начислена пенсия за дедушку – работника науки). Люди думали, что война скоро закончится, даже не брали с собой зимнюю одежду.

Зинаида Васильевна Любкина. 1940 г.

Дедушка в сентябре – октябре 1941 года участвовал в оборонных работах по направлению на Ораниенбаум, организовывал студентов на рытье окопов, дежурство в институте, дежурство в Жакте по месту жительства. Учеба началась 1 октября. Дедушка переписывался с бабушкой через её сестру, которая жила в Саратове. Остались письма и документы, подтверждающие происходящее. Вот выдержки из этих писем.

Из писем Д. Г. Любкина

4 авг. 1941 г. …Вчера уехали в 10 ч. 30 мин. по направлению к Ораниенбауму. Приехали на конечный пункт часа в 2 ночи. Ночь до 7 утра шли. Прошли км 20. Сейчас передохнули в деревне. Скоро двинемся к месту работы. Пока все спокойно…

5 авг. Сегодня весь день работали, распорядок дня такой. В 6 утра встаем, пьем чай и в 8 приступаем к работе. В час перерыв до 15 час. С 3 ч. Работаем до 8 вечера….

25 авг. 1941 г. …У нас в Ленинграде пока спокойно, несмотря на близость неприятеля. Мы все твердо уверены, что он не войдет в наш прекрасный город. В моей судьбе пока еще никаких перемен не произошло. Работаю в педагогическом ин-те, дежурю и т. д. После отъезда своих я не чувствую себя здоровым. У меня

болит правая нога, которую я повредил на труд. работах. Немного хромаю на неё. В остальном все идет своим чередом.

1 сент. 1941 г. …В последние дни положение нашего города стало хуже. Есть вероятность того, что будет прервано сообщение со всеми Вами. Надо быть готовым Зине и детям к длительной разлуке. Вы имейте это ввиду и не сообщайте пока им. Настроение бывает часто очень плохим, но стараешься быть бодрым и даже веселым. В квартире все как было. Постепенно все покрывается пылью, некогда заниматься домашними делами. У нас начались в Институте занятия. Это поднимает дух. За делом не успеваешь раздумывать и приходить в плохое настроение…

11 сент. 1941 г. …Я рад, что вы сейчас далеко от Ленинграда. Как бы плохо Вам не было все же это лучше, чем то, что мы испытываем сейчас в Ленинграде. Не говоря о различных продовольственных недостатках, нам приходится сейчас испытывать ужасы бомбежки с воздуха. Вот уже три ночи мы переживали её. Сколько будет таких ночей – неизвестно. Наш дом пока цел, если не считать нескольких стекол. Несколько домов уже разрушено. В ночь с 10 на 11 у нас упали две бомбы. Одна попала в дом на углу Жуковской и Надеждинской. Другая упала на пр. Володарского против больницы жертв революции, очень недалеко от нашего дома… Тревоги бывают чуть не каждый час. Особенно жутко в ночные часы от 10 до 1 часу. На наше несчастье погода благоприятствует врагу. Стоят светлые ночи, облачность небольшая. Все это заставляет радоваться за вас. Я уже просмотрел всё что Вы оставили мне и жалею, что Вы не взяли Фотоаппарат, часы, готовальню и примус. Ведь это все бы вам пригодилось. В институте идут занятия, но очень плохо, мешают тревоги, студентов мало. Теперь не до ученья.

В школе к работе не приступал. Занятий там нет и следовательно денег не получил. Сам пока здоров, хотя чувствую усталость от непрерывных нервных напряжений. Питаюсь в столовой иначе и не знал бы, что делать. Сегодня останусь ночевать в институте, здесь не так жутко. От Вас получил последнюю открытку от 26 авг. Пишите на институт.

9 окт. 1941 г. …Вчера получил твое письмо от 9 сентября. Оно шло целый месяц. Многое в твоем письме мне кажется просто наивным. Ты воображаешь, что жизнь в Ленинграде такая же, как тогда, когда Вы уезжали. У нас уже давно ничего нет в коммерческой продаже. Магазины давно закрылись. Ничего нельзя купить помимо карточек. Даже обедали за счет карточек –

вырезали талоны на крупу и на мясо. Но все это пустяки по сравнению с тревогами и бомбежками. Некоторые ночи не удается уснуть… Благодарите судьбу за то, что вы уехали. Спокойно живете там. Что касается денег, то я посылал вам телеграфом 2 раза… Книги посылать вряд ли смогу, посылки не принимают…

У нас в доме пока все цело, а другие уже лишились квартир. Портвейн я выпил, а то, что вы оставили, понемногу ем в добавлению к пайку. Без этого я уже наверное обессилел бы. Жалко, что сухарей мне не оставили. Ну ничего. Как-нибудь проживу. У нас, к сожалению, стоит хорошая, хотя и холодная погода, которая увеличивает наши тревоги. С сожалением вспоминаем о дождях и туманах. …Помни о сыне и для него перенеси все горести. Они ведь ничтожны по сравнению с тем, что переживают люди здесь.

14 окт. 1941 г. … В настоящее время люди обнажаются в своем внутреннем – я-. Раскрываются черты, которые обычно не замечаешь…

Теперь все страдают и переживают много горя. Не следует увеличивать эти страдания всякого рода мелкими неприятностями, раздражительностью и проч…

17 окт. …У нас в Ленинграде, несмотря на тяжелую обстановку, школы начинают работать, хотя и не совсем в обычной форме и месте. Мне передавали, что младшие классы будут заниматься в бомбоубежище… Тревога!.. Пришел после тревоги. Прошла спокойно. Это третья с 8 ч. вечера. Они начинают у нас с половины восьмого и иногда продолжаются до 3 ч. Старшие классы будут заниматься в школах. Около той школы, где я работал, упала бомба в полутора метрах от стены. Все стекла вылетели. Были раненные осколками стекла, там последнее время жили беженцы…

Опять тревога! Дописываю письмо утром 18 окт. Для нашего дома ночь прошла благополучно. На институт упало 12 зажигательных бомб, все потушили. Вот так и проходят наши ночи… В комнате у меня сравнительно тепло – 9—10 гр. Я начал топить печку в большой комнате. Во время тревоги открываю внутренние рамы, поэтому выстывает помещение… Питаюсь преимущественно в столовой и немного дома. Со стиркой уладил – нашел мне прачку и недорогую…

25 окт. 1941 г. …Вы редко пишете мне. Письма идут долго. Пишите наряду с письмами открытки, они приходят быстрее…

У нас в Ленинграде сейчас стало немного тише и спокойнее. Погода стоит холодная, облачная, недавно был дождь. То ли вследствие погоды, то ли в связи с московскими делами вот уже несколько дней не было воздушной тревоги, и мы спим почти спокойно. …Вообще в квартире плохо. Приказано забить окна фанерой или картоном. Я пока забил только верхние стекла, для чего разломал чертежную доску. Завтра постараюсь купить ящик и забить все остальные. Затем наружные рамы замажу, а внутренние оставлю, чтобы открывать во время тревог. Придешь часов в 5, истопишь печку, вскипятишь воду, кругом темно, убирать невозможно. Воскресные дни тоже заняты, то дежуришь в институте, то вступаешь на дежурство. Вот и завтра надо провожать студентов на окопы. Едва-едва вырвешься в баню. Представь себе, у меня зацвел «коровий язык» и перед носом у меня торчит стебель. В комнате не очень тепло +11. В институте занятия идут плохо, студенты часто не посещают лекции, а приходят только пообедать в столовой. Холодно у нас там и у меня даже пальцы опухли на руках. Работы… много: приходится, и лекции читать, и студентов отправлять на труд, и выполнять множество требований учебной части. Кроме этого дежурить в институте и также в жакте, покупать по карточкам и т. д. Неудивительно, что всего не успеваешь сделать. С продовольствием дела всё также. Обедаю по карточкам в ин. Столовой. Суп можно брать без выреза талонов, за кашу вырезают 25 г крупы, а за мясное блюдо 100 г мяса. Всего в этом месяце я ел мясо восемь раз. Дома ем хлеб и варю что-нибудь из того, что вы мне оставили. Без этого мне было бы очень худо. Овощей нет, ничего коммерческого не продается. По совету опытных людей за последнюю декаду октября взял вместо кондитерских изделий 150 г какао и теперь пью его как чай, вприкуску. Нахожу, что это полезно и практично. Из промышленных товаров ничего не покупал и карточка моя не использована. Хотел было купить носков, но не нашел. …Нашел в сундуке перчатки. Буду носить сам. Очень жалею, что у меня нет валенок, они так теперь необходимы. Теплое белье отсутствует. …Вечерами сижу один. Ведь 5–6 ч. у нас уже позднее время. Примусом пользуюсь редко, берегу керосин, которого совсем мало, за октябрь дали ½ л. Дрова колю топором без распиливания и топлю одну печку. Хожу в зимнем пальто и галошах, которые редко снимаю, т. к. ногам холодно. Ну вот, все написал про свою жизнь. Здоровье ничего, только кашляю сильно, а лечиться некогда. Горчицу берегу. У нас даже из неё ухитряются печь лепешки. Я пока ещё не дошел до этого. Школы как будто начали работать….

30 окт. 1941 г. Опять от вас давно уже нет писем. Последнюю открытку получил 3 окт. Я пока жив и здоров. Ждем все праздника. Может быть он принесет что-либо радостное, хотя бы в смысле еды. Тревоги стали реже, но усилился обстрел, что не менее опасно.

Сейчас у меня сидит Нина (племянница). Мы с ней немножко поели. Суп из звездочек, которые остались после вас и кисель. Кисель я варил из какао без сахару.

У нас наступила зима, выпало порядочно снегу. Сейчас потеплело, на улицах скользко, вероятно снег растает… У нас в школах начинаются занятия с 3 ноября, об этом была статья в Лен. Правде. В институте занятия продолжаются, но студентов ходит мало. Нина находит, что я сильно похудел, да я и сам чувствую. В квартире и доме всё пока благополучно и так тихо-тихо, ни примус не зашипит, ни радио не говорит. За окном нет-нет да и рухнет. У нас стало рано темнеть, уже в пять часов наступают сумерки. Вечера такие длинные, длинные и все сидишь один. На праздники, вероятно, будем работать на каком-нибудь воскреснике. В воскресенье 2-го тоже будет воскресник, будем работать в школе. На ноябрь нам предлагают желающим сдать все карточки в столовую и там получать пищу три раза в день. Я пока решил не сдавать. Надо ездить в институт к 8 часам, а домой возвращаться после 6 ч. Посмотрю, что будет дальше.

7 нояб. 1941 г. Поздравляю с праздником, который мы столько лет проводили вместе, а теперь проводим вдали друг от друга… В ночь с 6 на 7 я дежурил в институте. Было две тревоги, но сравнительно короткие. Конечно сбрасывались бомбы, но наш дом и институт не пострадали. Этого нельзя сказать про других. Утром был обстрел из дальнобойных орудий. Пришлось, спустится в нижние этажи. К празднику нам кое-что выдали – по 1,2 литра вина, 100 г шоколада. Хлеба получили в прежней норме. В институте дали завтрак и такой же обед, щи и кашу. Мы и за это были благодарны. Я сейчас сижу дома, вытопил печь и сварил себе кисель из какао. В комнате 10 гр. В квартире тихо. У наших соседей были гости, но уже ушли… В институте работа начинает сворачиваться. Уже сократили до 30 % число часов и занятий. Теперь студенты занимаются 4 ч. вместо 6 ч. Говорят, что и штат сократят до 30 %. Сколько времени я продержусь неизвестно. …В институте уже холодно, у меня от холода опухли пальцы на руках. Одеваюсь я так – белье, двое брюк-гольфы и обычный свитер и пиджак, двое носков и все же большей частью сидим в пальто и шапке. На ночь кое-что снимаю. Сижу долго до 12 ч… У нас полная зима. Снег и мороз. Сегодня падает снег и,

может, вероятно, поэтому в 7 ч. не было обычной тревоги…

15 нояб. 1941 г. ….Здесь сейчас люди лишаются всего в один миг, а часто и жизни. Настало опять беспокойствие и тяжелые дни и ночи тревог. К этому прибавляется и лишения. Хлеба мы получаем почти втрое меньше вас. Купить или сменять не возможно. …Наш дом пока цел, а написать сколько их разрушено уже нет возможности. День или два тому назад лишился своей комнаты Дм. Як. Сперанский. Имущество сохранилось, а жить в комнате уже нельзя – дом разрушен. Сам он и его жена остались живы…

Час тому назад сильно переживали, так как была тревога и бомба упала в угловой дом нашей и его улицы… Многие из сотрудников ин-та лишились своего жилища… Все мы здесь живем мыслью, что блокада Ленинграда будет недолгой и вражеское кольцо разорвется. Люди теперь закалились и у всех большая ненависть к врагу за его бесстыдные деяния…

У нас здесь полная зима. Снег. Были морозы, довольно сильные. Сейчас немного потеплело. Ночи ясные, небо звездное, вот враг и пользуется этим. Прошлую ночь пришлось спать не более 4-х ч., было тревожное дежурство в институте. Я забил наши окна фанерой – здесь все так делают. Оставил свободной форточку в одно звено. В комнате темно даже днем…

20 нояб. 1941 г. …Жизнь наша в Лен-де становится труднее с каждым днем… Дела с пищей ухудшаются. Мы уже все в той или иной степени это переживаем. Часто чувствуешь слабость, ходить по лестнице стало трудно. Стараешься меньше двигаться. Как хорошо было, если бы хватило сил пережить все это и вернуться к мирной жизни, которую только теперь оцениваешь полностью. Несмотря на все лишения мы не теряем надежды на победу. Если нужно будет пойти на то, чтобы преодолеть новые трудности, мы готовы. Весь вопрос лишь в силах.

1 дек. 1941 г… Я не уверен, что это письмо дойдет до тебя, хотя бы через долгое время. Но тем не менее пишу тебе его, чтобы ты, может быть, узнала относительно меня несколько больше, чем обычно и подготовилась к возможным случайностям. Ты меня знала как человека здорового, сильного. Теперь я далеко не тот. Дело в том, что за эти три с лишним месяца я сильно изменился. Я это чувствую сам, и многие мне говорят об этом. Мой организм, оказывается, имеет особенности. Ты знаешь, что я не чуждался самой простой пищи и имел хороший аппетит. Он и сейчас есть,

но удовлетворить его нечем… Достать и купить что-либо для меня нет возможности, да и для большинства других тоже. Вот и представь, что может быть. Я сейчас только принял порошок от головной боли, а помнишь, я негодовал по поводу того, что ты принимаешь порошки, теперь я сам принужден делать это. Пишу это письмо, пользуясь некоторым прояснением сознания. Конечно, я не хочу пугать тебя тем, что я обязательно погибну, но все же в наше суровое время и в моем положении это возможно… Я очень огорчен, что так быстро стал сдавать… Помочь мне здесь некому, так как и все мои сослуживцы в таком же положении. Каждый борется за жизнь как умеет… У нас пошли разговоры об эвакуации. Я в этом вопросе не имею определенного решения. Что мне делать, если будет возможность выбраться отсюда. С одной стороны, хотелось бы этого, но с другой – мысль, о том, что все придется бросить, меня удерживает и заставляет колебаться. Впрочем это только слухи и разговоры, которые пока не имеют реального основания. Несмотря на трудности, ленинградцы держатся стойко. Вот недавно я стоял в очередях и ни от одного человека, я не услышал слов уныния или упадничества или пораженчества. Говорили о непорядках в торговле, о том и другом, но никто ни слова не промолвил о подчинении врагу. Ненависть к врагам – вот самое главное, что было ясно из разговоров. Как бы мы хотели быть снова со всеми вами без этой проклятой блокады! Ну, я написал все, что меня волновало. Ты знаешь теперь о моем состоянии и если что случится, то не расстраивайся, не огорчайся. Мы долго жили с тобой и хотя последние годы ты много огорчалась и была недовольна мной, но право напрасно я никогда и ни при каких обстоятельствах не покинул бы тебя. Тебе нечего было страшиться и волновать себя. Не говори ничего детям, для чего им знать все это. Пусть они представляют меня таким здоровым, как прежде, а не одиноким и слабым. Как сейчас. Возьми себя в руки, не плачь. Если мне будет лучше, я сейчас же напишу тебе об этом…

11 дек. 1941 г. Дорогая Зина!

Одновременно с этим письмом посылаю тебе 250 руб. Это уже шестая посылка. О судьбе предшествующих 5 посылок сведений не имею… Жизнь у нас сейчас тяжелая. Вы, там вряд ли можете её представить. Самый главный недостаток в плохом питании. …многие из нас ослабели, и я последнее время чувствую себя неважно. Сердце стало плохо работать. Пока сидишь дома или лежишь – ничего, а когда приходится ходить, то это совсем трудно. Но все же регулярно хожу на работу, хотя она совсем надоела и плохо клеится. Испытываю и другие недостатки

в связи с зимним временем. Холод и отсутствие света. Твоя лампа мне очень пригодилась, сейчас пишу при её свете. Страдает и трамвайное движение. От холода страдаю меньше, чем другие. У меня все же есть дрова. Но зябну на улице, так как зима довольно суровая. Сильно тяготит полное одиночество, вечера такие длинные, длинные. Спать ложусь рано, но и просыпаюсь тоже рано. А дни у нас ты знаешь, наступили самые короткие. Ждем с нетерпением, когда день будет прибавляться. Тревоги сейчас стали реже, удается поспать ночь спокойно. Знаешь, зима делает свое дело с проклятым врагом. Последние успехи нашей армии поднимают наш дух и наши надежды на скорое установление связи с вами, но когда она установится, не знаем. Многие стремятся уехать или уйти, но я не могу этого сделать. Наше учреждение не эвакуируется, кроме того, все время нуждаюсь в деньгах, без которых не может быть и речи о длинном зимнем пути. Таким образом, я должен перенести все, что предназначено нашему городу. Выдержу ли это, не знаю… Будьте здоровы и бодры. Крепко всех целую.

21 дек. 1941 г. Дорогая Зина!

Пишу тебе снова, не надеясь, что и это письмо дойдет до тебя. От вас я ничего не получаю уже давно. Давно и это обстоятельство ещё более ухудшает мое и без того плохое состояние. Если бы я знал, что вы живете благополучно это бы сняло бы с меня часть угнетенного состояния и я легче бы смотрел на своё положение. Дела мои идут совсем неважно. Чувствую часто сильную слабость. Потерял трудоспособность. Сердце сдает сильно… Не я один в таком состоянии, а весьма многие. Когда идешь на службу, то видишь много печального, и невольно является мысль, что может быть завтра твоя очередь. Все это тяжело, но я думаю, что лучше, чтобы ты знала об этом и была подготовлена ко всему. Ждать помощи мне не от кого, так как все сами сильно нуждаются и не могут её оказать. Как трудно сознавать, что мы были наивны в июле и в августе, когда была полная возможность избежать всего этого. Теперь же приходится представить все своему течению… Одиночество так тяжело, так тягостно, особенно когда чувствуешь себя беспомощным и слабым… Трудности нарастают с каждым днем. Вот уже недели две сидим без света, сегодня перебои с водой, несколько дней не ходили трамваи. Единственно, что меня еще спасает, это возможность топить и поддерживать сносную температуру. На улице сильно зябнут руки и ноги. Вечерами сижу дома. Ложусь спать в 8–9 часов, дальше сидеть не могу. Да и надо беречь свет. Сегодня у меня было несколько светлых минут. Искал ножницы,

которые у меня потерялись, между прочим залез в ёлочные игрушки и (О радость!) нашел целых 23 конфеты и 8 орехов, да мыльного деда мороза. Жаль, что он не съедобный. Конфеты превосходны – их едва берут зубы, но зато с одной можно пить чай или кофе сколько угодно чашек. Кроме того, на шкафу нашел пачку махорки и немного табаку. Все это сильно порадовало меня. Как жаль, что нигде не завалилась хоть бы одна копченая колбаска или хоть бы какой-нибудь крупы. Но и за это спасибо. Видишь, каким пустякам я способен радоваться сейчас. Как много всяких вещей осталось здесь, кому все это пойдет, если меня не будет. Ведь до сих пор все сохранилось, как и при вас. Только никому они не нужны. Город пестрит объявлениями и все о продаже. Но все ищут только продукты и хлеб. Ходить на рынок я не пытался, сил нет, а вероятно придется, может удастся что-нибудь сменять из посуды, кажется в ней большая нужда. Советовался с доктором в институте, она мне выписала стрихнин для поддержания сердца. Сего дня принимаю первый раз. Вместо чая пью кофе натуральное, взял сто грамм за счет кондитерских изделий т. е. конфет. Сам жарил его, сам толок. Вечером, когда выпьешь чашки две-три, конечно, не очень крепкого (ведь завариваю немного) некоторое время самочувствие улучшается. Сегодня у меня даже был маленький кусочек мяса, но увы все же обед только из одного блюда. Это блюдо все суп и суп, а твердой пищи-то и нет… Столовая наша работает отвратительно. Очереди огромные, теряешь 2–2,5 часа. А выйдешь голодным. Последние два дня кормили дурандой (жмыхом), да и то в очень незначительном количестве. Все это очень и очень снижает настроение. Дирекция наша мало заботится и думает, а люди уже из последних сил выбиваются… Грустное мое письмо, Зина, но ты не расстраивайся, если его получишь, что поделаешь, такова моя судьба. Ведь я всегда был унылым и грустным. Это от того, что мои желания и стремления никогда не соответствовали действительности. Все же судьба подарила мне несколько светлых дней, которые теперь кажутся мгновениями и такими далекими, далекими. И сама ты, вероятно, ещё помнишь их… Главный наряд – валенки и телогрейка… Держитесь тесно, помогайте друг другу всем, чем можно, – и материально, и духовно… Не горюйте обо мне, может, как-нибудь я и вытяну…

31 дек. 1941 г. Дорогая Зина, Милочка и Лелик! Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам встретить его, как можно лучше, светлее, радостнее. Желаю Вам в Новом году исполнения самых заветных дум и надежд. Желаю, чтобы скорее прошло это тяжелое время и мы бы вновь были вместе. Я встречаю новый год в

одиночестве и неприглядных условиях. Отметить чем-либо эту встречу нет возможности. Ни один год, кажется, не ждали так страстно, так желанно. Но, наверное, ни одна встреча не была беднее для жителей Ленинграда. Наш институт ничего не мог для нас сделать. Единственное что – это дали нам несколько дней назад по куску конины, за что мы, конечно, очень благодарны. Я разделил её на три маленьких части. Одну сварил и съел. Уже завтра буду варить другую. Это и есть мой праздник. Больше ничего нет. Опять пока остается надежда на будущее. День 31 провел в непрерывной работе. Дежурил в институте, затем выдавали карточки. Пришел домой к 6 ч. Комната остыла, истопил печку. Но и сейчас в комнате холодно. Сижу в зимнем пальто, изо рта пар видно. Идти некуда, никто не приглашал. Решил написать вам новогоднее письмо и лечь спать. Здоровье мое немного улучшилось, только ноги еще плохо ходят, да силы в теле нет… Дела мои идут по-старому. Каждый день в институте, хожу пешком, что является большой нагрузкой. К сожалению, декан мой заболел и меня назначили исполняющим его обязанности. Обещать за это ничего особенного не обещали. Занятия теперь закончились, и началась экзаменационная сессия, но мне работы не убавилось… Лишь бы рассеялась эта черная туча, что нависла над нашим милым Ленинградом. Скоро ли это будет? Ждем все с большим желанием. Бодрость поддерживают наши сводки, но хотелось бы поскорее, народ сильно истомился и страдает…

18 апр. 1942 г. Дорогая Зина! Вот уже неделю как я лежу в городской больнице в Ессентуках, 19 марта наш институт эвакуировался из Ленинграда, поехал и я, бросив все на произвол судьбы. К этому времени я уже плохо ходил. Дорога продолжалась 21 день в теплушках и в холоде. Я еще больше ослаб. Недалеко от Сталинграда я упал, ушиб бедро и лишился способности ходить. Кое-как меня довезли до Ессентуков и положили в городскую больницу. Здесь мне лучше. Кормят прилично, тепло, кое-какой уход и лечение. Но ходить, ещё не хожу. Мучит меня желудок и нога, которая все ещё болит. Лежу на спине и одном правом боку. Сильная слабость и истощение. Когда выйду из больницы, не знаю… Целую вас всех и мечтаю увидеться. Доживу ли до этого часа?

6 июля 1942 года Любкин Дмитрий Георгиевич умер от дистрофии в Ессентуках в больнице.

Зинаида Андреевна Ткаченко

На женских плечах

Воспоминания Марии Васильевны Постновой (в девичестве Аргуновой)

Родилась 12 августа 1937 года в дер. Пруды Коммунистическорго района Московской обл. Закончила вечернюю школу, пошла в педагогический класс в Клину. По окончании стала работать учителем начальных классов во Внуковской школе, в Семеновской школе, В Александровской школе работала до 1986 года. Потом школу закрыли и работала помощником бригадира на ферме до пенсии. Имеет сына, дочь, двух внучек, двоих правнуков.

Немцы шли от Клина по направлению к Рогачево и от Покровской деревни прямо к нам в Пруды. Летели самолеты, бомбили. Мы в это время сидели в убежище, там места много было, соседи к нам тоже пришли. Как бомбежка затихла, мы решили выйти и домой сходить погреться. А наши солдаты в это время вели перестрелку с немцами. Было начало декабря. Домой пришли, на печку залезли. Вдруг мама вбегает и кричит: «Слезайте быстрее, одевайтесь теплее и бегом на улицу. Мы горим!»

Солдаты бегали с факелами, бросали в каждый дом и убегали. А у нас во дворе было сено, факел в сено бросили, и сразу все вспыхнуло. Мама на двор выскочила, стала козу отвязывать, никак не получается, солдата попросила, он подергал, подергал – никак и убежал. А дом вовсю уже горит. Мама сунула буханку хлеба брату Мише (ему тогда 6 лет было) и кричит «Бегите от дома! Бегите за народом, а я немного с собой соберу». Но мы от дома никуда не побежали, плакали, маму звали, боялись, что она там сгорит. Мама все бросила, все с народом вместе побежали. А народ весь за нашими солдатами бежал, они отстреливались, отступали к деревне Аревское. Там овраг был, нас в овраг не пустили – заминировали, чтобы немцы подорвались. Пули мимо нас так и летели. И так странно, что деревенских никого не убило. Солдаты падали. Побежали обратно в деревню, там все горит. А с другой стороны, возле леса, было подземное картофельное хранилище. Мы все туда пошли, собралась там вся деревня. Сколько сидели – совсем не помню. Вышли, а наша слободка вся дымится, много домов сгорело. Стали думать, куда идти. У кого дома́ остались, соседей к себе забирали. Нас взяли Степновы, а у них самих было трое или

четверо детей, да нас с мамой трое. Тетя Поля с нами делилась, чем могла. Избушка у нее в селе самая маленькая была, с одним окошком. Все равно у нее немцы поселились. Мы все спали на печке. Немцы спали на полу на соломе да на кровати. До войны света в деревне не было, были лампы керосиновые. В туалет надо было ходить на улицу. А мороз был сильный. Однажды мне в туалет понадобилось, а ночь. Мама говорит – терпи. В избе темно, немцы на полу – как идти. Я свое. Полезли тихонько с печки. Мама тихонько идет, меня ведет, на руки взять не может – ходила на последних месяцах третьим ребенком. Я как ни старалась, наступила в темноте одному на голову, он спросонья буркнул «Матка, спать!». Но все обошлось.

Как-то помню такое – я раскапризничалась, никак не успокоюсь. Немец дал мне хлеба с тушенкой, а я его бросила. Тогда немец меня кнутом успокоил. Залезла на печку и притихла.

Потом у мамы родился третий ребенок, брат Шурка. Немцев попросили выйти, тетя Маня принимала. Когда рассказываю, мне многие говорят – немцы у вас какие-то хорошие были. У них начальник хороший был, они его слушались.

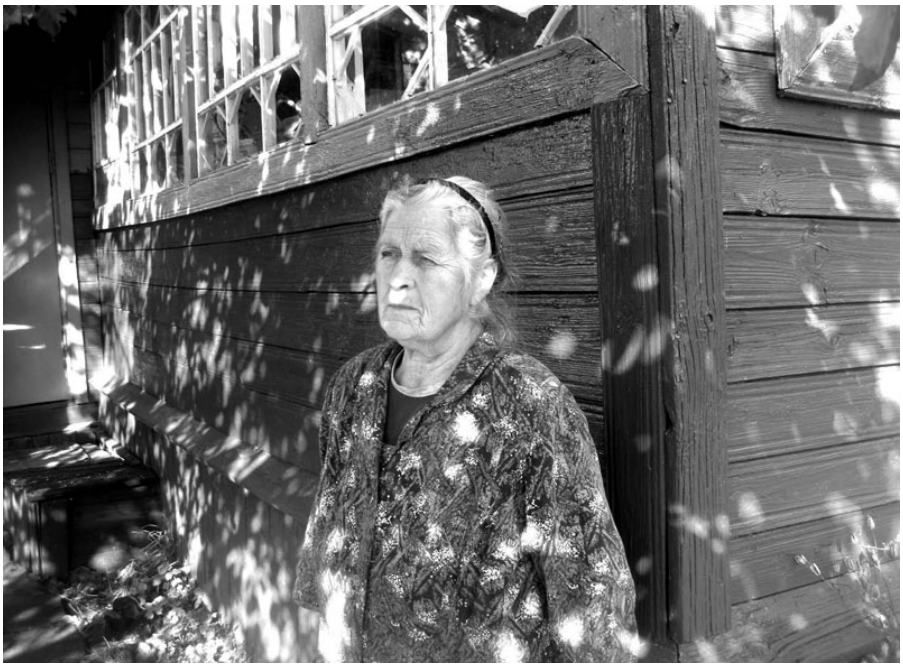
Немцы прожили в нашей деревне 2 недели. Наши пришли ночью. Мы встречали их, плакали от радости. Пока немцы были, всю еду отобрали. У нас была картошка зарыта и мамина одежа. Картошку и одежу мамину откопали, а нам одеть нечего. Кто не сгорел, с нами поделились, одели нас, малых.

Бабушкин дом почти не сгорел, пошли мы туда. Грязно после немцев было, стекла побиты, мебели никакой, все немцы в печке сожгли. Мама пол начала мыть, а он тут же льдом покрывается. Потом окна заколотили, за дровами сходили, печку затопили, но тепла надолго не хватало. Спали мы на печке все четверо. Мама с утра в колхоз на работу уходила… Пока шла война давали рабочим на 1 трудодень немного хлеба или картошки. Мы весной по полям ходили, мерзлую картошку собирали, мама драники пекла. Масла не было, они к сковороде прилипали, комки получались. В колхозе лошадей не было, два быка было. Маме быка Яшку закрепили, Вот мама на нем и пахала, бороновала. Мама целыми днями на работе, мы на печке. Прибежит в обед, нас покормит и бегом обратно на работу. Мы все одни.

На следующий год картошка уродилась хорошая, на нашем участке. Возили в Москву, продавали. Картошку продали, а козленочка маленького купили. А картошку мы ели только мелкую, крупную всю продавали. Хлеб мама свой пекла. Чистили картошку, с мукой мешали и пекли. Вкусно получалось.

Приходила к нам в гости соседская девочка Тася, она моложе меня была на 2 года. Мы с ней к тете Лене, что в соседней избе

жала, ходили. Тася у нее картошку крупную все просила, она ей давала. А мне так хотелось крупной картошки, да все попросить не смела, Но тетя Лена не догадывалась меня угостить. Зато она все подкармливала нашего младшего – Шурку. У них на сына извещение пришло «Пропал без вести». Вот они и привязались к нашему Шурику.



Мария Васильевна Постнова

Когда он маленький был, мама отдала его в ясли. Однажды тетя Лена пошла его навестить днем. Подошла к двери тихонько, заглянула, а он ползает под кроватками один в одной распашонке. Тетя Лена давай ругаться, а ей объясняют – мама очень бедная, ей и так тяжело, пусть лучше Шурка умрет. С тех пор он долго болел, но не умирал. Была какая-то бабка. Мама к ней сходила, та травы дала, велела поить и купать. Мама так и делала. Сашка на поправку пошел. Но ноги застужены были, до 3 лет не ходил. Я за ним ухаживала, даже в школу меня мама не пустила в 7 лет, я с 8 лет пошла.

Потом маме извещение пришло, что Павел, мой отчим, погиб под Курском. Мы с ней обе сильно плакали. Так мама одна и осталась с нами троими.

Козочка у нас подросла, поросенка купили, кур. Мама гусей выращивала на сдачу государству, это обязанность была – сдавать столько-то молока, мяса.

Война кончилась, в деревню мужиков мало вернулось.

Вся работа на женских плечах была – и косили, и жали, и молотили… После войны лошадей дали, потом уже трактор появился. Жизнь налаживаться начала…

Мария Васильевна Постнова

Донос соседки привел в партизаны

Война застала девятилетнюю Веру в Ленинграде. После того, как в городе стала ощущаться нехватка продовольствия, ее вместе со школой должны были эвакуировать в центральную часть России, но на семейном совете ее решили отправить к родственникам в деревню под Лугой. Так и сделали, но только к тому моменту, когда она приехала в деревню Заполье, там уже хозяйничали немцы. В доме ее тети расположился на постой немецкий офицер, однако это не мешало ее тетушке активно помогать партизанам. Но об этом немцам донесла соседка. Семью приговорили к казни.

Чудом Вере удалось уйти незамеченной по лесной дороге, чтобы избежать смерти. Тетушкин наказ идти до развилки она запомнила, а вот куда идти дальше – не знала. Пошла наобум и, как оказалось, выбрала верный путь. Попала в расположение 5-й партизанской бригады. Конечно, для 9-летней девочки в партизанском отряде не самое лучшее место, хотели ее переправить в Ленинград к родственникам, но в блокадном городе жизнь была еще тяжелей. Так и прожила в расположении 5-й партизанской бригады Вера Михайловна практически всю войну – до того момента, когда была окончательно снята блокада Ленинграда.

Кроме нее в отряде был еще 13-летний подросток. В партизанских операциях они, конечно, не участвовали, но принимали активное участие в организации быта своего отряда. Ведь 5-я партизанская бригада была огромным формированием, в состав которого входило 5 полков. Здесь была строгая воинская дисциплина, партизаны представляли серьезную опасность для фашистов, они срывали вражеские операции, наносили удары по противнику с тыла, взрывали дороги, мосты, железнодорожные пути. Однако в глубоком тылу люди жили годами, создавали семьи. Вера Михайловна вспоминает, что она вместе с 13-летним мальчиком помогала варить мыло, шить. Тканью служила парусина от использованных парашютов. Они их аккуратно распарывали и затем шили штаны. В ее партизанском «гардеробе» тоже были такие парашютные штаны.

Особенно тяжело пришлось осенью 43-го года, когда немцы объявили приказ об эвакуации населения в Германию. Люди массово пошли в партизаны, чтобы оказать ожесточенное сопротивление фашистам. В это время состав 5-й партизанской бригады увеличился с 800 бойцов до 7 тысяч. Партизаны делали все возможное, чтобы предотвратить угон людей в рабство.

Именно на это время пришлись самые громкие и отчаянно-смелые партизанские операции, серьезно помешавшие фашистам осуществить теорию «выжженной земли» на территории Ленинградской, Новгородской, Псковской и других областей Северо-Запада.

Самые яркие впечатления от партизанской жизни у Веры Михайловны остались, конечно, после того, как бойцы 5 партизанской бригады торжественным маршем вошли после снятия блокады в освобожденный Ленинград. На шее у нее висел автомат, и она шла по улицам родного города как победитель. А ведь было ей тогда всего 14 лет…

Вера Михайловна Дюнина

Послевоенная трудовая биография Веры Михайловны Дюниной связана с объединением «Пирометр» – предприятием оборонно-промышленного комплекса России. Здесь она проработала более 36 лет. А представители старшего поколения жителей Комендантского аэродрома знают Веру Михайловну Дюнину как председателя Совета ветеранов 5 микрорайона. За

заслуги перед Родиной Вера Михайловна награждена орденом Красной Звезды и многими правительственными наградами.

Записала Марина Горская

Белое золото

Я – москвичка. Родилась в Москве 24 февраля 1928 года. 22 июня 1941 г. застало нас в Горках Ленинских, где мы проводили каникулы на опытной станции Академии Сельхознаук, где работал мой дядя, агроном по профессии. Разумеется, мы, дети (мне 13 лет), считали, что война будет короткой, и мы немцев победно разгромим.

Но с 22 июля немцы начали бомбить Москву, а к середине августа стало ясно, что столица под угрозой. Всех, кто не мог воевать, предложили эвакуировать. Дядьку мобилизовали. Мать (она врач) работала в госпитале (с отцом она развелась ещё в 1932 году, когда мне было 4 года, а с 1937-го он сидел в лагере, получив 10 лет «за контрреволюцию»).

Было решено, что мы едем в Ташкент, где с 30-х годов жила ещё одна сестра матери. Мы – это тётя Лиза, её сын Владик и я, её племянница. Мои дядья (братья матери и тёти Лизы) были кадровыми военными: дядя Илюша – артиллерист, дядя Миша – лётчик-истребитель, дядя Мотя (Матвей) – тяжёлый бомбардировщик.

Уехали мы из Москвы где-то в конце августа. Самым страшным воспоминанием августовских бомбёжек был случай в московском метро, которое стало лучшим убежищем для москвичей и всех, кто бежал в Москву, уходя от немцев. Оно (метро) строилось таким глубоким с прицелом на будущую войну. Мы (мать и я) переждали бомбёжку. Дождались отбоя (вой сирены) и, стоя на платформе, ожидали возможности двинуться вверх по неподвижному эскалатору. Вдруг крик: «Выход завален! Всё горит!» И сверху вниз, сбивая людей, бежит какой-то мужик. Визг, крики, люди падают, давя друг друга. Мать отодвинула меня за колонну, приказав: «Стоять! Не двигаться!». Затем заорала: «Стоять! Всем стоять!» И кинулась поднимать упавших. Паника утихла. Люди опомнились. Потом мы долго шли туннелем по рельсам к другой станции, где и вышли в город. С тех пор остался ужас перед толпой.

Дорогу в Ташкент помню смутно, так как умудрилась прищемить палец руки дверью купе. Была дикая боль. Ноготь сошёл. И для меня эта забинтованная ноющая рука была главной заботой. Кажется, ехали дней 10-ть. Стояли, пропуская составы с солдатами, техникой, лесом, скотом, цистернами, углём… Всё это шло на запад. А мы ехали на восток. Помню долгую стоянку на станции Арысь, где увидела верблюда, жевавшего что-то около будки стрелочника. Помню бег с чайником за кипятком на

каждой крупной станции. Помню длинные очереди в туалеты, грязные, мокрые и страшные. Помню ужас, когда вернувшись с кипятком, не обнаруживали своего состава, который за это время отогнали в тупик или на другой путь. И бег по рельсам с криками и слезами, пока кто-нибудь не подсказывал, где стоит поезд. Помню, что после Урала людей стало меньше и дышать в вагоне стало легче.

Ташкент ошеломил своей красотой: журчащие арыки вдоль улиц, зелёные скверы, всё цветёт и очень тепло.

Тетя Броня в столовой одшефного детдома, который опекал «Хлоптрест»

Тётя Броня жила в центре, в доме Хлоптреста, стоявшего на углу улиц Пушкинской и Гоголя. Вход в дом был через единственный подъезд, где сидел вахтёр. Вход в подъезды – только со двора. Двор – огромный, зелёный, красивый и совершенно закрытый. Жильцы знали друг друга. Бабушки

следили за маленькими детьми, остальные группировались по играм и интересам. В этом дворе-саде можно было и спать, что я частенько и делала, когда комната была забита. В квартире – 2 комнаты, кухня и ванная, общая с соседней квартирой напротив. Никогда раньше такой планировки не видела. У тётки комната в 18 квадратных метров с большим балконом на 3-м этаже (дом 4-этажный), выходившим на улицу Гоголя. У соседки комната в 16 квадратных метров, почти квадратная. Соседка – главбух Хлоптреста. Её звали Софья Михайловна. Одинока. Строга. Но не зла.

Тётя Броня – экономист-плановик. Кончила экономический факультет САГУ (Среднеазиатский Государственный Университет). Жила с сыном, которому было 9 лет. Её муж, Павел Григорьевич Останков, жил отдельно у своих родителей, так как был болен: открытая форма туберкулёза лёгких. Паска (лекарство от туберкулёза) тогда ещё не было. Боялись заразить сына. И он (дядя Павел) ушёл жить к своим старикам. А они удивительны. Мать – высокая, статная, громогласная казачка с Кубани. Нрав жуткий: только приказной тон, всё по команде, всегда всем недовольна, и только она знает, как надо. Когда Павел (старший сын) привёл однокурсницу – Брониславу Гинзбург как невесту, был страшный крик и полное неприятие. Но тут отец дяди Павла, бывший будённовец, всегда тихий и кроткий, взбунтовался и поддержал сына. Грозная бабка смирилась и невестку приняла. (У них был дом с садом на берегу Салара, быстрой и бурной реки.) Однако тётя Броня тоже была дамой с характером. Пожила немного у свекра и свекрови да и ушла, будучи уже хорошо беременной. И дядя Павел за ней. Молодой семье, комсомольцам, дали комнату. Родился сын. Но туберкулёз всё сломал. И дядя Павел ушёл к родителям. Умер он в 1945-м году.

А Ташкент всё принимал и принимал беженцев. И принял миллион. Всех уплотняли, вселяя эвакуированных. К Софье Михайловне вселили семью польских евреев, бежавших из Варшавы. Их было трое. В кухню вселили артиста ГОСЕТа (Государственного Еврейского Театра). Мы встретили его в штыки и пытались не пустить, вопя, что мы не можем жить без кухни. «Обойдётесь», – сказали жилищники. И обошлись. Стали готовить во дворе (или на балконе) на мангалах, так как керосина для примуса и керосинки просто не было.

Мангал – это жестяное ведро, в котором сбоку вырезалось окошечко, а внутрь вставлялось 2 решётки. На нижнюю сыпали или клали всё, что могло гореть: сучья карагача, хлопковые семена, кизяк… Кизяк – это высушенные экскременты животных (лошадей, ослов, верблюдов, ишаков, буйволов, быков). Был,

конечно, и каменный уголь, но он был дорогой и для нас недоступный. Если удавалось где-нибудь подобрать (на железной дороге, например) или украсть (около больницы или какого-нибудь учреждения) несколько кусков каменного угля – это была большая удача. Так вот – на нижней решётке топливо, а на верхней – кастрюлька или сковородка с едой. Раздуть огонь в мангале – пытка. У меня несколько раз были обмороки от дыма, напряжения и голода, так как именно я, как старшая, должна была приготовить какую-нибудь еду на всех.

В Ташкенте я проучилась 4 года: 6-й, 7-й, 8-й и 9-й классы. Сначала в школе № 50, а с 1943-го – в школе № 44. Это после разделения школ на мужские и женские. Зачем это понадобилось в разгар войны, в 1943-м году, когда мужчин-учителей в школах реально не было – не понимаю до сих пор.

Но в 6-м и 7-м классах мы ещё учились вместе. Это 1941/1942 и 1942/1943 годы. Это школа на Хорезмской улице. Огромные классы по 40 человек. Среди учеников – новички из эвакуированных. Ребята из Москвы, Ленинграда, Киева выделялись начитанностью, хорошей грамотностью, развитой речью. Но стычек не помню. «Выковыренные» – так местные нас называли. О великий русский язык! Надо же так точно обозначить эвакуированных, действительно выковырнутых из своих родных мест шквалом войны! Из учителей 50-й школы запомнила только двоих: математика Ивана Ивановича Малиновского и Анну Григорьевну, которая вела русский язык и литературу. Иван Иванович объяснял так, что даже я, к математике не склонная, всё понимала и усваивала. А Анна Григорьевна обладала идеальным литературным языком и умела показывать красоту слова и образность жизни через книги. Она была одинока. Очень строга. Одета как классная дама в старых гимназиях: белая блузка, чёрная юбка до пола. Всегда прямая спина. Учила сидеть, стоять, ходить. Учила хорошим манерам, о коих мы имели самые смутные представления. И учила говорить, объясняя как строить фразу, что такое тональность речи, какова роль мимики, взгляда, пауз… Никогда больше я не встречала в школе такой работы литератора. Мы её обожали и спасли, когда в 1942/1943 годах она свалилась с дистрофией. В школе нам давали завтраки – 3 пончика с повидлом каждому. И часто мы ходили в школу из-за этих пончиков. Время было голодное, всё по карточкам. (Если сжать то, что называлось хлебом, текла зелёная жижа. На улицах «Ташкента – города хлебного» умирали бездомные и голодные. Но по праздникам вместо сахара давали сахарную свёклу. Мы её варили, резали на кусочки, пропускали через мясорубку и из этого фарша делали «пирожные», катая шарики в порошке какао,

который получали по ленд-лизу из США). Так вот, узнав о болезни Анны Григорьевны, мы навестили её и ужаснулись, увидев, как она похудела и ослабела. И я предложила ребятам скинуться по 1-му пирожку, продавать их на Алайском базаре и покупать на эти деньги продукты.

В результате – мы её подняли и вернули в школу, принося каждый день всё, что могли купить: кусочек баранины, стакан муки, лапшу, яичко, мёд, хлопковое масло, виноград. Готовили. Заставляли есть. Она пыталась сопротивляться вначале, но сдалась, приняв нашу заботу и опеку. Потом школы разделили, и Анна Григорьевна и Иван Иванович остались в мужской, 50-й, а я оказалась в женской и потеряла их из вида.

Но помню и своё злое лидерство. Мы травили учителя, кажется, биологии. Видимо, 7-й класс. Это был высокий, тощий, очень некрасивый еврей. По-видимому, больной, с глазами, как у Крупской, т. е. базедовой болезнью. Школа была для него каторгой. Заставлять себя слушать он не умел. И мы творили на его уроках чёрт знает что. Я, например, выезжала на парте через окно во двор. Он даже спросил меня после урока, за что я его так ненавижу. И я честно сказала: «Вы не учитель! Вы не умеете держать класс». Но поняла что-то и приструнила класс.

Самым памятным остались поездки на уборку хлопка. Ездили все: школьники, студенты, служащие, солдаты. «Белое золото», как газетчики называли хлопок, было главным богатством и проклятием Узбекистана, так как всё засевали хлопком, истощая почву и ухудшая качество. Но тогда никто об этом не думал. «Всё для фронта! Всё для победы!» А хлопок – это и бельё, и порох. Украина и Белоруссия под немцами. Средняя Азия должна была возместить всё. И мы ездили на хлопок ежегодно. Для нас выделялись продукты. Из местных узбечек кто-нибудь брался за готовку, и в огромном казане варил для нас затируху (как мы называли бурду, считавшуюся первым блюдом) и какую-то кашу по утрам. Голодны были всегда. Воровали всё, что можно было жевать. Бедные узбеки стонали, так как эта приезжая городская саранча обрывала всё. Так я заработала брюшной тиф, поев то ли ворованную грязную морковку, то ли пожевав кусок брикета жмыха на станции. В итоге – с температурой 40 – сумела добраться до железной дороги, доехать до города (Ташкента), дойти до дверей квартиры и позвонить. Когда открыли, рухнула на пол без сознания и провалялась так две недели (как говорили). Помню, что была больница, клиника в ТашМИ (Ташкентский медицинский институт), где я лежала на страшной железной кровати на плоском грязном матрасе без всякого подобия белья. А ночью полезли стада клопов. Все спали. А я вскочила и стояла, в

ужасе глядя на этих тварей. Но нашла выход: спала на столе в ванной комнате ночью, а днём досыпала в больничном саду под деревьями. Мать достала драгоценные ампулы гамма-глобулина, и я вылезла из брюшняка, получив на всю оставшуюся жизнь атонию кишечника.

Там, в Ташкенте, мать, работая, кроме госпиталя, ещё и в клинике имени Семашко, встретила Ивана Ивановича Смирнова, ленинградца, историка, который был её пациентом и стал её мужем. Это изменило и мою судьбу. Я оказалась в здании балетной школы имени Тамары Ханум, в которой разместили эвакуированных сотрудников Ленинградского отделения Академии Наук. И с 1944-го года я стала членом семьи Ивана Ивановича, а в мае 1945-го оказалась в Ленинграде, где окончила 10-й класс, а потом и исторический факультет Ленинградского университета. И пошла в школу, где проработала учителем истории 31 год. Очень счастливо, так как мне очень везло на учеников.

Белла Михайловна Рубежова, учитель истории в прошлом, сейчас – счастливый пенсионер.

(прислал Ворончихин Виктор Анатольевич)

Звериное царство

Николай Афанасьевич Сотников (1900–1978) был драматургом, критиком, публицистом, сценаристом. Работал в издательствах «Прибой» и «Пролетарий», в Доме печати. На ленинградских киностудиях ставились фильмы по его сценариям. Он был участником обороны Ленинграда – военным корреспондентом, фронтовым переводчиком. Закончил войну в Берлине. Николаем Афанасьевичем было написано немало очерков и фронтовых репортажей. Некоторые из них к печати готовил уже его сын – Николай Николаевич Сотников. И эти воспоминания – тоже.

Николай Афанасьевич Сотников

…В зоопарк на Петроградской стороне я попал не по своей

воле: шел мимо, и вдруг начался артиллерийский обстрел. Слышу – разрыв еще разрыв Подбегаю к стенке вольера и падаю в сугроб. Дождался отбоя тревоги огляделся по сторонам Все знакомо и незнакомо одновременно: разбиты беседки, павильоны, клетки, вольеры, перевернутые скамейки…

Зверей я пока не вижу но люди уже появляются Вот работница зоопарка Степанова закутанная в белый широкий тулуп прижала к груди винтовку Притоптывая ногами обутыми в громадные валенки она поглядывает на термометр – на шкале больше тридцати градусов ниже нуля! Но люди работают Пожилой маляр тоже закутанный в овчину тащит к страусиному домику охапку дощечек для ремонта. Но вновь гремит металлический голос: «Внимание, внимание! Артиллерийский обстрел района продолжается…».

Степанова укрылась в кирпичной постройке. Я бросился туда же. Совсем близко раздался оглушительный разрыв бомбы.

– Где же звери? – спрашиваю у женщины. – Остались ли они в живых?

– Сейчас увидим, – отвечает она и идет в ту сторону, где только что разорвался немецкий снаряд.

Заглядываю в заснеженный вольер с пробитой осколками крышей и глазам не верю: там стоит рослый страус эму с веером перьев на хвосте! Иду дальше. За одной из загородок торчат оленьи рога. Жив северянин! Тут же прыгает пушистый заяц. Я подумал: «Добыча ведь! Лакомая пища в блокадном городе!». А голодные до крайности люди сберегли живность, не съели.

* * *

Отправляюсь в бегемотник. Довольно шустро поднялась с места знакомая всем ленинградским ребятам Красавица. Исхудала бедняжка! Увидев меня, она словно рассчитывала на угощение, но у меня с собой – только журналистский блокнот и карандаш…

Подоспела служительница зоопарка Евдокия Ивановна Дашина с кормом – маленькой охапкой сена и кучкой капустных листьев. Красавица с удовольствием начала пожирать эту хряпу: не до жиру, быть бы живу!

Но бегемотов не зря называют речными коровами – без воды им совсем беда! У Красавицы от безводья потрескалась толстая шкура. Экзотическое животное страдало и жалобно ревело.

Дашина очень жалела бегемотиху – она к ней привязалась еще с детских лет: ведь за Красавицей ухаживал еще с 1911 года

отец Евдокии Ивановны, да и все ее детство прошло в зоопарке. И вот для спасения своей любимицы Дашина по несколько раз в день отправлялась с двумя ведрами на Неву, с превеликим трудом черпала воду, тащила ведра к бегемотнику, подбирала щепки, разводила костерок – нельзя же ледяной водой животное поливать! Зато как была счастлива Красавица, когда ее добрая няня поливала ее огромное тело теплой водичкой и смазывала целебной мазью!

* * *

В зоопарке все знали, что надо делать, и в каждодневном инструктаже не нуждались, но общее руководство здесь было, и осуществлял его зоолог Николай Леонидович Соколов. Он сидел в маленьком кабинетике в промерзшем домике-времянке. Я застал его склонившимся над огромной канцелярской книгой. Он писал свой блокадный зоодневник, не сняв шапки-ушанки и полушубка. Соколов позволил мне прочесть несколько страниц своих записей.

«9 января 1942 года. Сильный артобстрел. Ранен олень-изюбрь в левую плечевую кость. У самки козерога осколком пробито левое ухо. Помощь пострадавшим животным оказана на месте».

«1941 год. Девятый день войны. Сегодня мы отправляем в глубокий тыл наибольшие ценности нашего зоосада…»

Оказывается, на баржу были погружены львы, тигры, черная пантера, ягуар Феликс, носорог Милли, зебра, редкие обезьяны с берегов Амазонки… Оставить пришлось наиболее громоздких животных. Что же стало с эвакуированными? Значительно позднее я узнал, что баржу с редкими зверями потопил вражеский бомбардировщик в одном из каналов Мариинской системы.

Листаю наугад страницу за страницей: «10 сентября 1941 года. У слоновника разорвалась фугасная бомба. Смертельно ранена слониха Бетти. Убит сторож. Многие годы ухаживал он за ней, холил ее, нежил и не пожелал уйти со своего поста…».

Е. И. Дашина у бегемотихи по кличке Красавица. 1943 г.

На слоновьем мясе довольно долго продержались звери-хищники. Смертельно голодные сотрудники не взяли себе ни кусочка.

Мое знакомство с блокадным дневником прерывает Дашина. Она буквально врывается в кабинет Соколова:

– Николай Леонидович! Что делать? Мелкие хищники наотрез отказываются от пустой похлебки. Чернобурки и куницы третий день ничего не едят!

– Придется прибегнуть к хитрости, – отвечает, поразмыслив, Соколов и направляется в небольшой зоомузей. Там он берет чучело тетерева, извлекает из него опилки и набивает растительной смесью. И вот лжететерев стоит перед чернобурой лисицей, как живой. Цап! И наша лисичка с урчаньем пожирает макет птицы вместе с перьями.

* * *

…Тем временем артобстрел прекратился полностью, а бомбежка еще не началась. Антракт. Да и мне пора по моим кинематографическим и журналистским делам. И все же ближе к весне я опять заглянул в это волшебное царство.

Первое, что я услышал, – беседу двух пожилых рабочих:

– Ничего! Одолеем… Солнышко начало пригревать. Травка покажется. Оживет наше звериное царство!

* * *

Блокадная история Ленинградского зоопарка широко известна. И все же его нынешние сотрудники решили сделать ее «зримой». В одном из павильонов они создали маленький музей.

Открываем дверь и… попадаем в комнатку смотрителя зоопарка в военные годы. Слева от узкого прохода стоит обычный канцелярский стол. На нем – пишущая машинка, документы, чертежи, открытки, письма и брошюры времен блокады. Есть репродуктор и даже телефон. Среди книг в музее почетное место занимают издания блокадного времени.

Кстати, в годы блокады в нашем зоосаде произошло редчайшее даже по мирным временам событие – тигрица Нади принесла потомство. Но… кормить малышей не стала. Тогда научный сотрудник В. Александров взял малышей к себе домой и нашел им кормилицу – собаку. С большим трудом удалось выходить и вырастить тигрят, которых назвали Тигрюля и Василек. К сожалению, во время очередного артобстрела их убило взрывной волной…

А вот еще удивительный факт: в блокадном зоосаде была организована выставка рыб. Подобного в довоенные годы вообще не случалось.

При зоосаде был также создан маленький театр зверей. В нем работали дрессировщики И. К. Раевский и Т. С. Рукавишникова с группой дрессированных животных – медвежатами, собачками, обезьяной, лисицей и козликом. Выступали они не только в самом зоосаде, но и в школах, детских домах.

…Музей зоопарка так мал, что в нем будет тесно даже трем-четырем посетителям. Зато сколько впечатлений!

Ботаники вступают в бой

Да, именно так, причем, не совершив при этом ни единого выстрела и оставаясь сугубо штатскими людьми. Несомненно, в истории войн были случаи, когда воюющим сторонам приходилось прибегать к помощи биологов, в частности и ботаников, но такой добровольной мобилизации на борьбу с врагом, как в годы блокады Ленинграда ботаническая наука еще не знала!

Если при всей моей любви к живой природе я все же оставался и остаюсь любителем, то о царстве растений мне приходилось писать и как очеркисту, и как киносценаристу еще с довоенных времен. Продолжил я эту дорогую для меня тему и в послевоенные годы в видовых фильмах «По Нижнему Амуру» и «По Среднему Амуру». Вот почему мое появление в блокадную пору в Ленинградском ботаническом саду никого из сотрудников не удивило – меня уже там знали и довольно быстро и охотно, что называется, ввели в материал.

Ленинградские ботаники сражались с врагом. Да еще как сражались! Фашисты почувствовали силу их сопротивления и даже наступления и непрерывно били из дальнобойных пушек по этому самому мирному островку Невской дельты.

Буквально два слова о предыстории этого царства редких и редчайших растений, рожденного по велению Петра Первого в 1714 году. Этот царский указ учреждал «аптекарский огород», поначалу исключительно в лечебных целях. Спустя сто лет сей «огород» был объявлен уже Ботаническим садом, а еще через сто лет он стал отделом Ботанического института и наконец-то – институтом Академии наук СССР.

Так здесь появились исследовательские лаборатории, гербарии, музей, библиотека… Чего здесь только нет! Пройдя по дорожкам и аллеям, вы совершите путь от заполярных широт до экватора, путешествие от болот до пустынь… Впрочем, тогда, зимой 1941 года, вопрос стоял о самом существовании этого дивного рая для растений. Заснеженный парк был изрыт земляными траншеями, виднелись стрелковые бойницы в стенах… Крона одного из старейших дубов снесена снарядом. На светлой коре красавицы березы зияют глубокие порезы, нанесенные острыми осколками. У подножий израненных деревьев торчат обломки ветвей, словно руки, взывающие о помощи!

Неисчислимы были богатства института: пятнадцать миллионов листов гербария, сто пятьдесят тысяч томов

ботанической литературы, свыше ста тысяч живых растений и примерно столько же музейных экспонатов… Всё это не эвакуировать. Задача немыслимая, но частично выполнимая. И вот рука с молотком заколачивает очередной ящик с ценнейшей поклажей. Это рука ученого. В руке другого биолога – малярная кисть. Она выводит на ящике надпись: пункт отправления – «Казань».

…Когда обстрел затих, я навестил директора Ботанического сада Шипчинского. Профессор работал в своем кабинете при свете коптилок и днем: стекла были выбиты, их заменяла фанера, рука в перчатке торопливо писала: «Мировая коллекция растений тропиков и субтропиков не может быть никуда убрана. Они должны оставаться здесь, в оранжереях с искусственным климатом, отвечающим природе каждой группы растений…»

Профессор взволнованно поведал мне о страшной бомбардировке сада 15 ноября, когда фашистская бомба, разрушив две оранжереи, погубила самую высокую пальму северных широт, доставленную сюда еще во времена Екатерины Второй!

Мы прошли к месту катастрофы, и вот какая картина разрушения предстала перед нами: Обнаженные балки Большой оранжереи воздеты к небу, мертвый остов без единого стекла, большой купол покорежен… Мы поднялись на груду битого стекла. Гигантское пальмовое дерево уже оледенело, понуро свесились листья-веера, обломленные взрывной волной.

К нам медленно подошел престарелый садовод Курнаков. Он взял с земли юную пальму и, укутав ее обнаженные корни полой своего полушубка, унес из оранжереи, ставшей кладбищем растений.

До начала блокады в саду расцветало около шестнадцати тысяч видов растений. К концу первой блокадной зимы удалось сберечь ценой неимоверных усилий и совершенно немыслимой изобретательности едва лишь около пяти тысяч нежных созданий природы.

Надо было отправлять драгоценный груз на Большую Землю – ученые становились столярами, плотниками, стекольщиками и грузчиками. Прекратилась подача электроэнергии – и печниками становились кочегарами. Но при этом ни на мгновение не забывали о научной работе – главном Деле жизни. Профессор Шипчинский при свете коптилки продолжал свою монографию «Озеленение пустынь». У него дома зимовали юные пальмы и орхидеи. А Курнаков стеснил себя и членов своей семьи до предела, взяв на дом в качестве постояльцев две с половиной тысячи кактусов! Я побывал в гостях у Курнакова и могу лично

засвидетельствовать: не был такого места в его квартире, где можно было бы укрыться от уколов этих своенравных гостей. Я ушел на передовую весь утыканный «кактусиными» колючками! Удивительно, но факт, который я готов засвидетельствовать как очевидец: в блокадной квартире ученого впервые в истории растительного мира зацвел дивный кактус, у которого не было еще ни латинского, ни русского наименования. А зацвел этот кактус яркой рубиновой звездой!

…Ранней весной 1942 года я снова оказался на Аптекарском острове. Пальмовый рай оживал: появились стекла, был наведен относительно возможный в тех условиях порядок. В сохраненной оранжерее была устроена своеобразная больница для растений. Умиравшим растениям, прежде всего пальмам, были сделаны операции, которые я безо всякого преувеличения готов назвать хирургическими.

Курнаков при мне высаживал своих колючих питомцев, доставленных из его квартиры. По соседству ботаник Правдин спасает японский виноград. Ботаник Щеголова на практике проверяла свою методику стимулирования роста с помощью так называемого «укороченного дня».

Наряду с больницей для растений, появился и… детский сад для крошек-эвкалиптов, кипарисов, пальм… Окрепнут – войдут на равных в мир взрослых растений.

Продолжая образные сравнения, назову еще и санаторий для ослабевших растений – их пересаживали на воздух, под солнечные лучи, под первые весенние дождики.

Вы скажете: «Это всё – внутриинститутские работы!». Да, но, во-первых, без них не было бы и работ внешних, во-вторых, все они были залогом и важнейшим морально-психологическим фактором для других деяний в области научно-прикладной.

Питание есть жизнь. Эта формула стала для ботаников руководством к действию. Чирков вывел наиболее хладостойкий сорт брюквы, получивший номер 110. Корякина показала мне рукопись своего научного труда «Воздействие светового фактора на быстрый рост овощей». Не считайте это название слишком специальным – весной и летом весь наш огромный город превратился в необозримый огород, а Ботанический сад дал горожанам девять миллионов кустов рассады, выращенной по всем правилам высокой академической агронауки!

В спешном порядке решались проблемы повышения урожайности овощей. Биолог Николаева развернула работу шампиньонной лаборатории. Этими вкусными и полезными грибами снабжались госпитали и стационары. Специально на повестку дня был поставлен вопрос, какие дикорастущие травы

более всего содержат витамин С, а этот витамин – неустрашимый борец с цингой! Ботаник Никитин обнаружил в сорняке купыре витамина С во сто раз больше, чем, например, в морковке! Подлинной сенсацией стала выставка съедобных дикорастущих растений, заставивших посмотреть на них новыми глазами. А Никитин, продолжая свои начинания, пропагандировал салаты, супы и приправы из питательной растительности, настойки витаминов из клевера, крапивы и иван-чая. Добавим к этому перечню хвойный напиток, получивший скромное название «С». На себе испытал его целебное действие, когда меня лечили в госпитале от дистрофии.

Лекарственные растения выращивал в убыстренные сроки профессор Монтеверде, и не только выращивал, но и производил тут же из них лекарства для города и фронта. А профессор Голлербах открыл и внедрил вещество, заменяющее дефицитную при массовых ранениях вату. Этим веществом оказался препарат из… торфяного мха.

Лечили больных и… насекомыми. Были получены стерильные личинки мух для быстрейшего заживления ран, которые лечили также чудодейственным пихтовым бальзамом.

Огороды блокадного города

Ботаники, как и биологи других специальностей, разумеется не очень-то приветствовали курение но раз уж положена бойцу махорка, а ее недостает так они стали ее выращивать в пальмовой оранжерее. Как это поется в нашей фронтовой? «Давай закурим товарищ, по одной! Давай закурим товарищ мой!». И мало кто знал из бойцов что благодарить за этот «закур» надо ботаников с Аптекарского острова!

Как-то мне довелось не только повидать но и попробовать сей деликатес: для праздничных новогодних столов изготавливались

на первое блюдо разваренный лишайник а на десерт – желе из водорослей! Вполне съедобно и даже по-своему вкусно.

Я уже не говорю о том, что Ботанический сад стал общегородским консультативным пунктом для огородников. Ботаник Иванов учил наших земляков (здесь это слово – особенно уместно!) разводить картофель методом «отводок».

Не стану останавливаться на том, что сотрудники Ботанического сада жили и работали среди несметных запасов пищи – одних образцов семян было свыше ста тысяч! Но никто не съел даже зернышка!!! ТАК вопрос даже не ставился. Зато за блокадные годы было защищено десять диссертаций, созданы научные труды о флоре Ирана и Памира. И это тоже был вызов врагу!

Но помогали ленинградские ботаники фронту и самым непосредственным образом. Вот военный летчик поднимается в воздух для аэрофотосъемок, а ученый-ботаник занимается дешифровкой, изучая снимки природных явлений, фронтовых ландшафтов, уточняя, где лес, где болото, какова проходимость местности на пути нашего грядущего наступления, где сгоревший лес, как изменилась флора за военные годы. А она порою менялась неузнаваемо!

А вот прифронтовой аэродром, место командировки опять же ботаника. Он советует, как сделать, чтобы маскировочные ветви не пожелтели раньше времени и не демаскировали бы самолеты на фоне свежей зелени.

Но и это еще не всё! Ботаник на борту разведывательного самолета обнаруживает пожухлую зелень и передает по радио нашим артиллеристам:

– Здесь вражеские орудия! Бейте их, товарищи! За Родину, за Ленинград!

Воспоминания военного корреспондента, фронтового переводчика, участника обороны Ленинграда

Николая Афанасьевича Сотникова (1900–1978).

Тексты «Звериное царство» и «Ботаники вступают в бой» подготовил его сын, писатель Н. Н. Сотников.

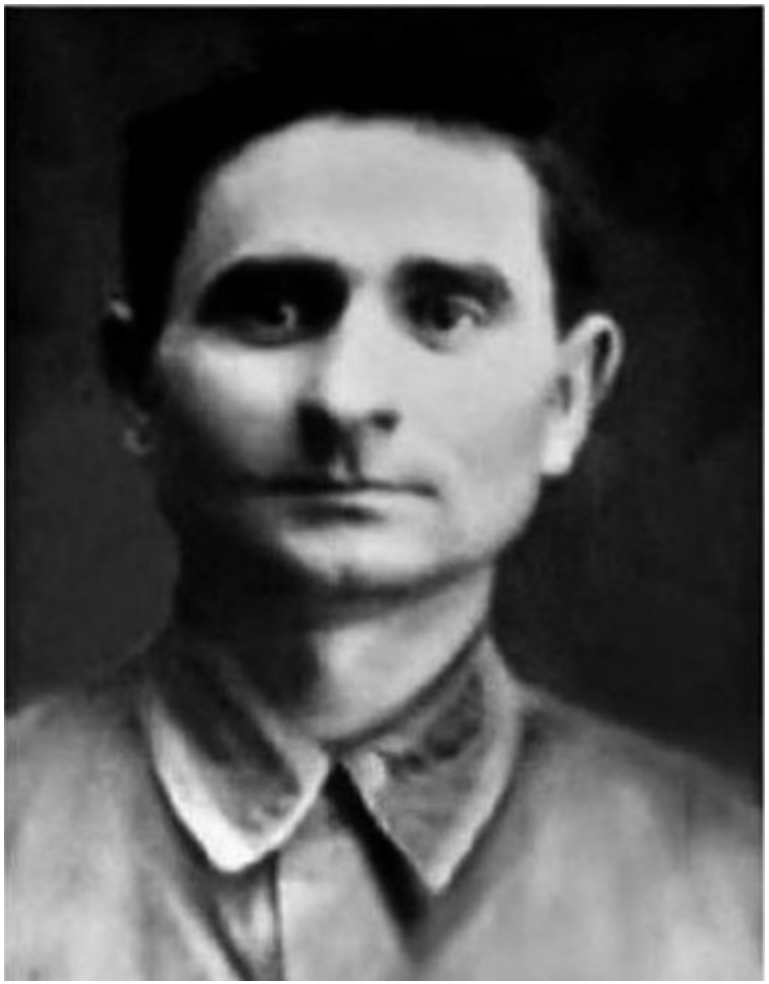
За себя и за ушедших на фронт

Пащенко Александр Васильевич 1927–2016 гг.

Когда началась война Александру еще не исполнилось 14 лет. Отец, Василий Васильевич Пащенко был шофером, после объявления о войне, в селе Баланда Саратовской области началась мобилизация, как и по всей стране. Всех шоферов собрали с полуторками и отправили эшелоном сначала в Харьков, а затем и на фронт.

А уже 24 июня приехал «представитель» из Саратова набирать ребят в ремесленное училище при Авиационном заводе, с проживанием в общежитии по адресу ул. Чернышевского, 50. Нужны были рабочие руки, замена ушедшим на фронт рабочим.

Александру, самому старшему из пятерых детей, до 14 лет не хватало месяца, но он приписал себе один год и его приняли в училище. Началась суровая трудовая жизнь.



Василий Васильевич Пащенко

Жили мальчишки в общежитии – старом холодном здании. Питание было скудным, постоянно мучило чувство голода. Но упорно учились рабочим профессиям, в частности Александр – специальности слесаря широкого профиля. Курс обучения был ускоренный и почти одновременно ребята работали в цехе № 43 авиационного завода, № 292 – так назывался завод в военное время, на котором разворачивалось массовое производство военных самолетов – истребителей. В цехе к учащимся были прикреплены наставники, которые помогали овладеть рабочей профессией.

В ноябре 1941 года был митинг, на котором директор авиационного завода И. С. Левин и авиаконструктор А. С. Яковлев обратились к учащимся ремесленных училищ с речью и призывом:

«Вся надежда на вас! Работать за себя и за ушедших на фронт»!

В своей книге «Грозные годы» И. С. Левин вспоминал об этом суровом времени:

«По просьбе завода к нам направляют большую группу учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ Саратовской области. 15—16-летние подростки пришли на завод, где им предстояло освоить профессию слесарей, токарей, фрезеровщиков, столяров, сборщиков. Их необходимо было принять, устроить с жильем, научить работать. И, самое главное, – воспитать преданными патриотами своей Родины».

Выдающийся советский авиаконструктор А. С. Яковлев в своей книге «Цель жизни» рассказал о происходившем в начале войны разговоре со Сталиным.

«Имейте в виду, – сказал И. В. Сталин, – что нам сейчас очень нужны истребители. Это главная задача. От этого зависит положение на фронтах… Поймите, что истребители сейчас – это главное. Нам нужны истребители, как воздух, как хлеб. Мы требуем от вас истребителей».

И мальчишки самоотверженно работали наряду со взрослыми, выполняя производственное задание, приближая Победу.

Фотография от 1 сентября 1941 года

В семье берегут фотографию от 1 сентября 1941 года, которая была отправлена на фронт отцу семейства – Пащенко Василию Васильевичу – и дяде – Кирносову Ивану Ивановичу, и «хранилась» в нагрудном кармане солдатской гимнастерки и во время обороны Москвы, и во время штурма Кёнигсберга, на фронтах и дорогах войны, которые с честью прошли старшие мужчины семьи.

Пащенко Александр Васильевич – справа, в форме учащегося ремесленного училища, с мамой, братом и сестрами.

Фронтовая переписка с дядей, лейтенантом – танкистом Кирносовым Иваном Ивановичем, письмо из Москвы от 22.

01.1943 г. (после госпиталя).

На обороте треугольника написано: «Где Валя, где Толя, как там мои ненаглядные голубки-племяннички. Вышлите фотокарточки».

Фрагмент письма

Здравствуй мой дорогой племянник Шура!

Так прими ж мой привет и самые наилучшие пожелания в твоей жизни, здоровьи и работе.

Да, ты молодец, наконец ты начинаешь понимать и сожалеешь, что не учишься. Ладно, помогай маме, а там видно будет.

Получил я три письма от тебя, от тети Шуры и от Васи Кирносова.

Почему не пишет мама?

Нюра, почему молчишь? Дай адрес Васи.

Живу в Москве по-старому. Хожу каждый выходной к тете Насте и тете Оле. Тетя Оля живет очень бедно. Что там за товарищ ищет меня?

Если Кремко В., то это девочка, с которой я был связан в Ленинграде.

Если сумеете, то пришлите посылочку или две, только побыстрей, а то после госпиталя дрянновато. Поправиться надо.

Пишите. До свиданья. Крепко всех целую.

Ваш брат и дядя Ваня.

22.01.43 г.

В июне 1943 года закончил ремесленное училище № 14, сдал экзамены на хорошо и получил специальность-слесарь 3-го разряда. Так как не было 15 лет, направили на Саратовский завод щелочных аккумуляторов учеником слесаря.

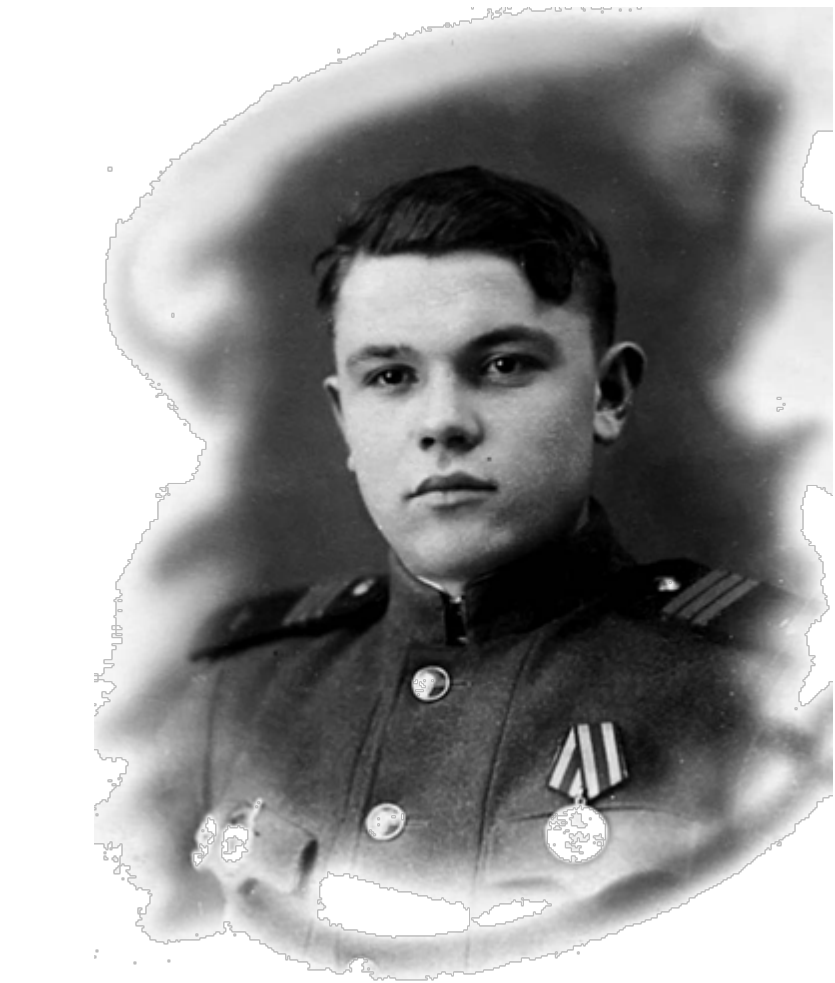
Первая запись в трудовой книжке от 9 июня 1943 года: Зачислен слесарем, как мобилизованный в Государственные Трудовые резервы, завод № 195.

Выпускников ремесленного училища поселили в общежитии рабочего поселка Пролетарка в деревянном холодном двухэтажном бараке. Местная шпана встречала и била заводских пацанов. Хоть мальчишки были худые, тщедушные, но яростно защищались. Но потом все-таки перестали ходить в общежитие – это было опасно, работали посменно и часто надо было добираться домой ночью. Они поселились на чердаках заводских корпусов. Готовили еду, спали вповалку. Затем тяжелая работа у

станка в три смены.

Администрация завода, узнав о бедственном положении молодых рабочих, переселила их в другое общежитие, ближе к заводу.

По достижении 18 лет Александра 15 октября 1945 года призвали в армию. Он был зачислен в 128-й ордена Суворова стрелковый полк, который базировался в пос. Татищево Саратовской области. Очень скоро он стал командиром отделения мотоциклистов, так как научился мастерски управлять мотоциклом.



Александр Пащенко. Служба в СА 1945–1953 гг.

Александр неоднократно принимал участие в мотоциклетных соревнованиях по Приволжскому военному округу, в 1947 году на соревнованиях в Сызрани занял второе место.

В армии Александр повзрослел, возмужал, проявил себя как отличный командир, спортсмен. Он продолжил сверхсрочную службу в армии до декабря 1953 года.

После демобилизации, в январе 1954 года Александр Пащенко вернулся на родой Саратовский завод ще лочных аккумуляторов. Он работал слесарем, затем наладчиком электродного отделения.

На заводе он и нашел свою любовь, молодую работницу Галину. Они создали крепкую семью, родили и воспитали двоих детей.

Александр Васильевич продолжил повышать свой образовательный и профессиональный уровень. Закончил вечернее отделение техникума электронных приборов им. Яблочкова.

Вскоре молодому специалисту доверили возглавить участок, а позже он стал инженером-технологом по производству аккумуляторов КНТБ-80.

В 1968 году году по производственной необходимости А. В. Пащенко был переведен старшим мастером в цех 35, где проработал до 1976 года, передавая свои знания и опыт молодым специалистам.

После выхода на пенсию Александр Васильевич продолжал трудиться.

Работал приготовителем в цехе активных масс № 21 и на участке 60.

Окончательно расстался с родным заводом в 77 лет в 2004 году. Его трудовой стаж составлял 61 год.

В 1991 году он получил звание «Почетный ветеран труда завода».

Всю свою трудовую жизнь Александр Васильевич и его жена Галина Викторовна отдали производству на Саратовском заводе щелочных аккумуляторов. Их сын, Игорь Александрович, продолжил трудовую династию, овладел профессией химика-технолога и поступил на работу в Научно-исследовательский институт химических источников тока при Саратовском заводе щелочных аккумуляторов.

Так плодотворно и счастливо сложилась судьба одного из представителей многомиллионного поколения детей войны, прошедших суровые испытания, выстоявших, восстановивших после войны промышленность, заложивших основы обороноспособности нашей страны.

Награжден медалями: «За победу над Германией»; «30 лет Советской Армии и Флота»; «За трудовую доблесть»; Юбилейная медаль: «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.»

Наталья Буслыгина

Боевые подруги

У моей бабушки, Смолиной Татьяны Мелентьевны (1913 г. р.), было 6 сестер и 6 братьев (Алексей 1902 г. р, Федор 1909 г. р., Максим 1911 г. р., Леонид 1915 г. р., Василий 1922 г. р., Виктор 1926 г. р.)

Родом они из Санкт-Петербургской губернии Ямбургского уезда (деревня Выползово, Волосовский район, Ленинградская область).

Родители их – крестьяне.

Все дети, кроме старшего брата, который был репрессирован в 1937 году, и младшего, который был в деревне с родителями, жили в Ленинграде.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года нарушило мирную жизнь советских людей. В этот день в Ленинграде, как и во всех других городах страны, было введено военное положение. Началась мобилизация военнообязанных.

Четверо братьев бабушки – Фёдор, Леонид, Максим и Василий, ушли на фронт. Из семи сестер две (Вера 1914 г. р.) и Зинаида (1908 г. р.) были эвакуированы из Ленинграда с предприятиями, а пять сестер остались в Ленинграде (Ольга 1904 г. р., Ираида 1906 г. р., Татьяна 1913 г. р. Анастасия 1918 г. р. и Клавдия 1920 г. р.). Ольга работала на заводе «Большевик». Ираида – на швейной фабрике, Татьяна – в кукольном театре под руководством Е. Деммени, Анастасия – в ЦКБ «Электромортрест», Клавдия – на заводе «Русский дизель» чертежницей-копировальщицей.

Сестры Смолины. 1932 г.

8 сентября 1941 года немцы захватили Шлиссельбург. Ленинград оказался блокированным с суши. С этого дня началась героическая оборона Ленинграда в условиях блокады. Враг решил сломить ленинградцев длительной блокадой. Стремясь осуществить свои чудовищные планы по захвату и уничтожению города, фашисты подвергли Ленинград варварским обстрелам и

бомбардировкам. Ленинград превратился в город-фронт. А когда во время одной из бомбежек сгорели основные запасы продовольствия для жителей города и была установлена дневная норма хлеба на человека по карточкам: работающим – 250 гр., неработающим – 125 гр. – начался голод.

С первых дней войны особо важной задачей была организация противовоздушной обороны города. Наряду с кадровыми частями противовоздушной обороны, были созданы команды МПВО.

Клавдия Смолина. 1941 г.

Самая младшая сестра моей бабушки, Смолина Клавдия

Мелентьевна, вступила в формирование МПВО в апреле 1942 года. Она стала бойцом 356-го отдельного городского батальона МПВО. А 5 июля 1943 года все формирования МПВО были переведены на положение военнослужащих. И Клавдия Мелентьевна стала красноармейцем медикосанитарной роты 20 батальона (Выборгский РВК г. Ленинграда), где служила до августа 1945 года. Располагались на Выборгской стороне в помещении Выборгского ДК.

Бойцы МПВО занимались не только ликвидацией последствий воздушных налетов (дежурство на крышах домов, на постах на вышках, тушение зажигательных бомб), им приходилось работать и в очагах поражения, возникающих при артиллерийских обстрелах и бомбежках. Из разрушенных домов они вытаскивали раненых и искалеченных людей, оказывали им медицинскую помощь. На плечи бойцов МПВО легли и страшные печальные обязанности хоронить умерших от голода и болезней. В квартирах, в снегу – на улицах и дворах, были тысячи трупов, завернутых в простыни, или одетых в легкую одежду, или полураздетых. Чтобы захоронить умерших, надо было рыть траншеи на кладбищах. На Выборгской стороне для этой цели использовались карьеры у Богословского кладбища и на Пискарёвском поле. Команды МПВО на грузовых машинах подвозили к карьерам собранные в городе трупы, и бойцы при помощи экскаваторов засыпали их песком. Получалась гигантская братская могила.

Где брали силы и смелость молодые девушки? Что пришлось им увидеть и пережить? Знают только боевые подруги.

В июне 1943 года бойцам МПВО была вручена медаль «За оборону Ленинграда».

До августа 1945 года (до демобилизации) Клавдия жила в казарме на Выборгской стороне. Две сестры, Ираида и Анастасия, жили на улице Чехова в большой коммунальной квартире (почти все жильцы были эвакуированы). Ольга жила на проспекте Обуховской Обороны. Татьяна – на Васильевском острове. Как и все ленинградцы, сестры, кроме основной работы, принимали участие в оборонных мероприятиях города.

Татьяна с 4-летней дочерью Алевтиной (моей мамой) проживала на Васильевском острове (16 линия) с семьей мужа (свекровь, брат мужа (невоеннообязанный) с женой Анной и 4-летней дочерью Инессой. Первой не выдержала блокадных ужасов свекровь. Затем умер брат, а потом – и моя бабушка Татьяна, ей было 29 лет. После смерти Татьяны ее дочь Алевтина (моя мама) оставалась с женой родного брата мужа Анной, пока та не умерла в апреле 1942 года. Оставив сиротой и свою дочь Инессу.

Сестры моей бабушки – Ираида и Анастасия – решили взять обеих девочек к себе на улицу Чехова. Но привезти их с Васильевского острова в центр оказалось по силам только Клаве. Она пришла с Выборгской стороны на Васильевский остров (16-я линия), собрала девочек и на санках через Неву (прямо по льду) привезла их на ул. Чехова к своим сестрам. Обе сестры работали, а девочки посещали очаг (детский сад), который находился на Озёрном переулке, д. 3. Впоследствии Инессу забрала родная сестра ее отца. А Алевтина (моя мама) со своими тетями, Ираидой и Анастасией (по возможности приходила на ул. Чехова и Клава), прожили безвыездно на ул. Чехова до конца войны. У мамы многое сохранилось в памяти о жизни в ту блокадную пору. Помнит, как в очаге во время воздушной тревоги все дети спускались гуськом по лестнице в бомбоубежище; как дети прятались в шкафчики для одежды во время бомбежек. Днем спали, сидя на стульях за обеденными столами, облокотившись головой на руки. Помнит, как выступали перед ранеными в госпитале, расположенном на ул. Восстания, но с условием: не брать никаких угощений, т. к. раненым самим надо поправляться. А раненые предлагали свернутые из газеты кулечки с сахаром. Дети сразу убегали, чтобы не взять.

В бомбоубежище мама с тетей никогда не ходили, так как оно было расположено далеко, на третьем дворе. За водой ходили через три двора на Литейный проспект и затем на р. Фонтанку (к проруби). Чаще всех ходила Клава, когда бывала у сестер. Ей лучше всех удавалось подняться по скользкой лестнице на 3-й этаж и пролить меньше воды. Пролитая вода застывала в момент, т. к. дома не отапливались. Мама четко помнит размеренный стук метронома и сообщения о воздушной тревоге и об отбое воздушной тревоги. Помнит, как топили ломаной мебелью буржуйку, как раскладывали на буржуйке нарезанные мелко-мелко кусочки хлеба, чтобы их подсушить и затем подольше сосать; как дворник ходила по улице и кричала по фамилиям тех, у кого плохо были вечером занавешены окна и с улицы заметны щели со светом от керосиновых ламп. Дворник дома знала всех жильцов, кто остался в Ленинграде и чьи окна выходят на ул. Чехова.

Из еды маме особенно запомнились жмых и дуранда (если разжевать эти серые лепешки, то во рту получалась масса со вкусом семечек). Вкуснее ничего не было.

Когда закончилась война, был всеобщий праздник и ликование. Победа – это мир и свобода! Знакомые и незнакомые люди обнимались, целовались, радовались и плакали.

Постепенно стали возвращаться воины с фронтов. Из

четверых братьев моей бабушки, ушедших на фронт, вернулся только один. Федор, Максим и Леонид погибли. Василий вернулся домой. Служил в Кутаиси на аэродроме. Ремонтировал боевые самолеты. Из семи сестер Смолиных остались в живых пять. Татьяна и Ольга умерли от голода и болезней в январе 1942 года. Татьяна – в возрасте 29 лет, Ольга – в возрасте 38 лет. Ираида и Анастасия (вместе с дочерью Татьяны – моей мамой) выжили в блокадном аду. За участие в обороне Ленинграда Ираида и Анастасия награждены медалями за «Доблестный труд в ВОВ» и «За оборону Ленинграда».

Клавдия, прослужившая в МПВО до августа 1945 года, награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». В 1985 году ей был вручен орден Отечественной войны II степени.

Две сестры, Вера и Зинаида, возвратились из эвакуации.

Моей маме помогли выжить в блокаду три тети: Ираида, Анастасия и Клавдия. 1 сентября 1945 года мама пошла в 1 класс 198-й школы, расположенной на ул. Чехова. Отец моей мамы вернулся с фронта больным (туберкулез легких). Умер в 1948 году.

Мама хранит в себе безмерную благодарность своим родным, сохранившим ей жизнь. Сейчас ей 79 лет, также живет в Ленинграде-Санкт-Петербурге. 40 лет проработала в ВПК. Она – ветеран труда, награждена медалями: «Жителю блокадного Ленинграда», «Ветеран труда», «300 лет Российскому флоту».

А Клавдия Мелентьевна заменила мне мою погибшую в блокадном Ленинграде бабушку Татьяну. Я росла и жила вместе с бабушкой Клавой. Она умерла в 2000 году. Пока сестры Смолины были живы, мы вместе ежегодно посещали Пискарёвское мемориальное кладбище, где среди тысяч умерших ленинградцев покоятся и наши родные.

Эту блокадную историю моей семьи я буду свято хранить в памяти. Награды всех родных (участников ВОВ и блокадников) сохраню для потомков.

Сегодня, когда ветеранов и блокадников становится все меньше, важно сохранить даже самые малые по дробности живой еще памяти об Отечественной войне и блокаде Ленинграда, о тех людях, кто не выжил в блокадном аду, о тех, кто выжил и не отдал наш город врагу, о тех, кто шел к победе через смерть и лишения ради мира, свободы и нашей жизни.

Татьяна Вячеславовна Белоусова,
учитель английского языка ГБОУ ЦО № 133 Невского района г. Санкт-Петербурга

История – жизнь, а жизнь – история!

Самый страшный год

Я, Белая Евгения Николаевна, родилась в Ленинграде в самый, пожалуй, страшный год в истории нашей страны – 1937-й. Недели через две после этого мамин старший брат был арестован по какой-то совершенно нелепой причине. Его отправили на 10 лет под Воркуту. Там он вначале на шахтах – уголь добывал, а потом начальники лагерные узнали, что он прекрасный портной, и стал он их всех обшивать. Тем самым, как он сам и говорил, сохранил себе жизнь. Когда его освободили, уже после войны, он там и остался, приезжал к нам раз в несколько лет. У него там вторая жена и сын младший.

Вообще мы не коренные ленинградцы – и со стороны отца, и со стороны мамы – все крестьяне. В начале века родителей моей мамы ещё мальчиком и девочкой послали «в люди». Они приехали и стали работать у портных, обучаться швейному мастерству, где-то встретились, познакомились и в 1904 году поженились. В 1905 году у них родился старший сын, в 1906 – мама, потом три ребёнка умерли, а в 1911 году родился ещё один мамин брат – дядя Лёва.

В Первую мировую войну дедушка был «ратником», как тогда называли народное ополчение. Ну а потом, когда был военный коммунизм, они уехали на родину к дедушке в Яро славскую область, построили там дом и там какое-то время жили. Потом начался НЭП, в Ленинграде стало всё хорошо и они туда вернулись.

А маму мою в 17 лет выдали замуж за сына кулака. Она не хотела, но – так была воспитана, бабушка была – «крепкий орешек»… А потом семью мужа раскулачили, ребёнок у них умер, а мужа она не любила и просто от него ушла. Вернулась в Ленинград. Стала бухгалтером, встретилась с моим папой, который на главном телеграфе работал. Его отец, мой дедушка, приехал с Украины, из Каменец-Подольского, а бабушка – из Луги, её тоже «в люди» отдали, в прислуги, а потом она стала прекрасной кухаркой и работала у господ. Я не знаю, чем они занимались, когда свершилась революция, но мама мне рассказывала, что, когда у знакомых были какие-то юбилеи, торжества, её всегда приглашали готовить, потому что она очень вкусно готовила.

Шли на врага с пустыми руками

22 июня началась война, 3 июля мне исполнилось четыре года. Папу, младшего лейтенанта Николая Ефимовича Яковова, взяли на войну 10 июля в должности командира роты 599-й отдельной телеграфно-эксплуатационной роты. Боевое крещение отец получил под Нарвой. Было страшно. Он маме рассказывал потом, что чуть ли не три винтовки всего на десять человек давали. Сказали: «В бою добудете!» Шли на врага с пустыми руками!.. Кто-то добыл, кто-то нет… Кто остался жив, а многие так и всё…

Потом их часть стояла в Вырице, на юго-восток, он иногда приезжал или кого-то присылал. И, наверное, мы выжили в ту страшную зиму ещё и благодаря тому, что он делился с нами своим пайком. И ещё он маме присылал конину… Мама однажды спросила: «Откуда?» – «Это убитая лошадь…»

Мамин брат, дядя Лёва тоже нам при любой возможности продукты передавал. Вообще если кто-то из ленинградцев с фронта ехал, их всех нагружали: «Зайди к моим, передай моим…» И все абсолютно честно всё, что привозили с фронта, передавали.

В черных шинелях по белому льду

Дядя Лёва служил в морской пехоте. Он участвовал в первых попытках взять левый берег знаменитого Невского пятачка. В ночь с 18 на 19 ноября. В чёрных шинелях по белому льду… Из 182 человек в живых осталось только восемь, в том числе и он – раненый. Невский пятачок существовал с 41 года по 44-й. И там, как немцы считают, погибло 500 тысяч наших солдат, наши говорят – 50 тысяч… До сих пор там земли нет. Только ржавый металл от снарядов и пуль.

Он рассказывал, что в ночь перед боем один матрос, Коля из Одессы, всё плакал: «Меня убьют в этом бою, я своих детей не увижу…» А он ему отвечает: «А я ведь даже не знаю, кто у меня родится – сын или дочь». Жена дяди Лёвы была в это время на восьмом месяце беременности. Коля-одессит действительно погиб в том бою… А дядя Лёва своего сына увидел.

Мальчик родился в самый страшный месяц блокады. У нас было письмо, написанное его мамой моей маме, которая ходила к ним в роддом, носила какие-то продукты. Ведь за январь – февраль 1942-го умерло больше всего людей за всю блокаду – почти 200 тысяч! В письме было: «…никогда не забуду, что ты сделала для нас, и мы хотим, чтобы ты и Коля (то есть мой папа)

были крёстными у нашего мальчика…» Но не пришлось – папа погиб…

Младший брат отца, Лёня его звали, тоже без вести пропал…

В марте папа ещё был жив, он помог эвакуировать бабушку – мамину маму. А в конце апреля его уже не было…

В блокадном Ленинграде

Мама зимой работала где-то бухгалтером, а меня устроили в детский садик.

Помню, что давали нам как-то весной салат, зелень. Мне от него так плохо было!.. Организм не принимал.

Мы жили на Малой Охте, это за Смольным, а бабушка с дедушкой на Лиговке, от Московского вокзала пройти немножко. И мама ходила в блокаду через этот промёрзший город, их навещала – пересекала Неву, выходила на Старо-Невский, потом по Лиговке. Пришла в январе, а дедушки уже нет… И бабушка сказала: «Я не смогла его похоронить – сил нету, приходили дружинницы – я его отдала…» В общем, где он похоронен, мы так и не знаем.

В блокадном Ленинграде осталась Люся – дочь старшего маминого брата, который был сослан в Воркуту, и её мама Зинаида. Когда мы уезжали, бабушка и Люся – ей было тогда 15 лет – пришли нас проводить. А нам перед выездом давали полный обед – горячая ячневая каша с подсолнечным маслом. И мама весь обед отдала им. «Мы, говорит, уезжаем, нам ещё дадут. А им никто не даст…»

У Люси судьба во время блокады складывалась страшно. Мама её устроилась работать в какую-то столовую, и вот – для своего ребёнка она попыталась вынести что-то из продуктов… Её поймали, посадили на полтора или на два года. И 15-летняя девочка осталась совершенно одна в блокадном Ленинграде. Никого уже не было из родных. Но она выжила. И мать её выжила, но получила в тюрьме туберкулёз и в 1951-м году умерла. А тогда мы сидели на эвакуационном пункте… И бабушка сказала, что она не поедет, хотя мама её очень звала. Она сказала: «Я не поеду. Ну, куда ж они придут? Вот они объявятся и придут… И прийти будет не к кому. Я буду их ждать.»

И она осталась ждать своих пропавших без вести сыновей. А у неё были плохие вены, и в 1944 году началась непроходимость. В блокадном Ленинграде ей сделали операцию! Но она не выдержала и вскоре умерла.

Мама ей писала письма, но она их не получала. И она писала

маме, но и мы не получали… И вдруг «Здравствуй милая Саша (мама моя – Александра Михайловна, она её Сашей звала) и милая Женюрочка (это я), шлю я вам привет и от души желаю быть здоровыми. Саша, писем от тебя нет. Я тебе писала, я вышла из больницы 25 числа, мне делали операцию. (…) Спасибо мне очень помогали – я очень была слабая и так нельзя было жить. Я решила сделать. (…) очень долго делали, я всё терпела, устала. Мне четыре раза вливали кровь. Очень хорошо сделали (…) Лежу сейчас дома. (…) От Лёни нет ничего (это от младшего сына). Привет тебе от Пани (это, видимо, какая-то знакомая). Она здорова. Саша, пиши, как живёте. До свидания, будьте здоровы, целую вас. Как Женечки здоровье?»

И мама ей начала писать, а от неё опять ничего. И вот получаем мы письмо от родственницы, тётки отца: «Шурочка, письмо твоё получили, за которое благодарим. Ты пишешь, что мама не отвечает на твои письма. Но мама приказала вам долго жить… Она умерла 2 апреля 1944 года. Хоронили мы её 6 апреля на Волковом кладбище. И давно бы написали, но не знали твой адрес».

Пальто из бушлата

Я с мамой оказалась в Красноуфимске. Ещё перед эвакуацией дядя Лёва, которому уже больше не был нужен матросский бушлат, отдал его сестре и сказал: «Сшей Жене пальто». Так что День Победы я встречала в пальто, сшитом из бушлата дяди Лёвы. Когда мы были в Красноуфимске, мама сдавала кровь. Вот, – показывает она клочок бумажки, – справка донора, остаточек… Было прямое переливание какому-то лётчику.

Евгения Николаевна Белая (фото автора)

У мамы была первая группа крови, высокий, несмотря ни на что, гемоглобин, и её попросили сдать не 200, а 400 грамм. Сдала, пошла и упала. Конечно, мама сдавала кровь ещё и потому, что давали обед, что-то она несла и мне… В Красноуфимске мы прожили с 1942 по осень 1943 года, и у меня там начался туберкулёз бронхиальных желёз – климат там резко континентальный. А организм был ослабленный. И врач сказал: «Если хотите, чтобы ребёнок выжил, надо ехать в какой-то более спокойный климат. И вот мы уехали в Ярославскую область, на мамину родину. Там уже бабушка, мамина мама жила, её туда эвакуировали, и мы до 1946 года там и прожили. Там было очень много ленинградцев, был и ленинградский детдом, и дети из него вместе со мной в первый класс пошли. Летом 1946 года для них был организован пионерский лагерь, и меня туда взяли, как дочку работницы. И там меня в первый раз приняли в пионеры. Когда мы потом переехали в Таллинн, и я пришла в школу, никого ещё не принимали – только к годовщине Октябрьской революции. А я говорю: «Я уже пионерка!» – «Как это так? Не может быть!» И меня заставили вступать второй раз…

Но перед Таллинном было возвращение в Ленинград. Вернулись мы слишком поздно. Незадолго до этого вышло постановление о том, что если комната занята семьёй погибшего фронтовика, то она не возвращается… Так мы остались без

жилья. Бабушка – папина мама – умерла, её комнату в 1944 году, конечно, тоже уже забрали. Мамина мама тоже там больше не жила, также потеряв за время эвакуации свою комнату. Её потом взял к себе дядя Лёва. А нам некуда было деться. Мы какое-то время жили у своих соседей, а потом мама встретила своего земляка. Он её запомнил ещё молоденькой девушкой там, в Ярославской области. Она вообще была очень красивой. Он к ней подошёл, разговорились. Он в это время был разведён, она потеряла мужа. И вот от этой безысходности она согласилась выйти за него замуж, и мы уехали в Таллинн, где я прожила 20 лет, а мама – 43 года. А потом ещё 17 лет в Риге. Так что мы, по сути, «прибалтийские русские».

Много лет с мужем-военным я прожила на Камчатке, а в родной мой Ленинград мы больше так и не смогли вернуться. Но я смогла осуществить свою мечту – стала учителем истории…

Записал Алексей Сокольский, г. Дмитров

Мои родители были репрессированы

Любимая Россия! Как много тебе пришлось пережить трагедий, взлетов и падений. Я родом из Советского Союза, в котором было все: тяжелые годы «культа личности», Вторая Мировая война, в которой одержали Великую победу, потеряв многие миллионы человек. Моей семье не пришлось участвовать в этой войне, так как мои родители были репрессированы.

Моя мама Вера Федоровна Епачинцева (в центре), справа – мой папа Константин Иванович Епачинцев, слева – Константин Иванович Быценко (отец мужа)

Маме, Ковальчук Вере Федоровне, проживавшей со своими родителями в Славутском районе Каменец-Подольской области Украинской ССР было всего 16 лет, когда в 1933 году ее семью раскулачили и отправили в город Красновишерск Чердынского района Свердловской (ныне Пермской) области. Там она трудилась на целлюлозном заводе разнорабочей, вышла замуж, сменив фамилию на Гарбузюк, ждала ребенка, когда 2 января 1938 года ее арестовали за «контрреволюционную деятельность». Теперь трудно сказать, в чем заключалась эта «деятельность», ведь беременные женщины обычно готовят приданое для будущего малыша и думают только о нем. Но 22 февраля 1938 года на основании приговора Особого совещания НКВД Вера Федоровна Гарбузук была осуждена на десять лет лишения свободы. Моя сестра Нина родилась в тех местах, где лишают

свободы, 10 июня 1938 года и пробыла там вместе с матерью до 13 июля 1944 года, так её тоже наказали за «контр-революционную деятельность». 27 февраля 1962 года дело мамы было пересмотрено Военным трибуналом Уральского военного округа и прекращено «за отсутствием в её действиях состава преступления», она была реабилитирована. 22 ноября 2002 года была реабилитирована и моя сестра Ермошина Нина Константиновна. Наверно, и в её действиях не нашли «состава преступления».

Мой папа, Епанчинцев Константин Иванович, 1900 года рождения, уроженец Батуми, русский, гражданин СССР, член РСДРП с 1917 года, был в рядах революционного подполья, затем работал на грузинской таможне, окончил Тимирязевскую академию. В 1937 году был исключен из партии как «участник антисоветской организации», осужден по многим статьям УК РСФСР – 58-7, 58-10, 58-11 и приговорен к десяти годам лишения свободы. Через два года его освободили в связи с прекращением дела Верховным судом СССР и направили работать директором Чернакской МТС в Сары-Агачском районе Южно-Казахской области. 9 августа 1940 года его вновь арестовали за «антисоветскую деятельность». Приговором Южно-Казахстанского областного суда 26 октября 1940 года он снова был осужден по статье 58–10 ч. 1 УК РСФСР и приговорен к десяти годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет. Приговор был отменен Постановлением Президиума Верховного суда Казахской ССР от 30 сентября 1957 года, а дело прекращено «за недостаточностью собранных улик», отец был реабилитирован.

Жизнь продолжалась: мои родители познакомились в местах лишения свободы, 26 марта 1945 года родилась я. Сейчас их уже нет, но я знаю, что даже после всех этих незаслуженных лишений они оставались патриотами своей Родины.

Елена Константиновна Быценко

Партизанский обоз и его герои

Хочу рассказать о моем друге – Василии Михайловиче Данилове (1924–2007 гг.), который во время Великой Отечественной войны сопровождал обоз с продовольствием, предназначенный для жителей блокадного Ленинграда.

С Василием Михайловичем я познакомился в середине восьмидесятых годов, когда ежегодно начал гостить в деревне Борок Любытинского района Новгородской области у моего друга, Павлова Владимира Никитовича.

Я сам пережил блокаду с первого до последнего ее дня, но до знакомства с Василием Даниловым мало что знал об этом героическом событии. А ведь обоз с продовольствием, который сопровождал мой друг, спас жизни многим ленинградцам, и мне самому помог выжить.

Но обо всем по порядку. Когда началась война, на границе между Псковской и Новгородской областями (в Лужском и Порховском районах) образовался Партизанский край на площади более десяти тысяч квадратных километров! Пересеченная местность, густые леса, непроходимые болота и многочисленные озера делали этот край труднодоступным для фашистов. А местное население, невзирая на бедность, было настроено очень патриотично. И когда в феврале 1942 года сюда прилетел начальник Политуправления Северо-Западного фронта А. П. Асмолов, и сообщил о крайне тяжелом положении блокадного Ленинграда, то местное население сразу откликнулось на призыв о помощи. Полуголодные люди, в ущерб себе, стали собирать продукты для ленинградцев.

Встал вопрос – как доставить продовольствие в осажденный Ленинград. Продукты планировали отправить на санных подводах с запряженными в них лошадьми. Но для управления лошадьми и защиты обоза от немцев нужна была многочисленная вооруженная охрана. Ведь фашисты были осведомлены о формировании обоза и в отместку стёрли с лица земли ряд деревень Партизанского края, жители которых помогали собирать продукты для блокадного Ленинграда.

Мой друг и стал одним из таких сопровождающих обоз.

Родился Василий 4 марта 1924 года в деревне Никандрово Любытинского района в многочисленной крестьянской семье. Семья жила в достатке, но, как и многих, Даниловых раскулачили и сослали в Сибирь. По дороге дед Василия умер, так и не добравшись до пункта назначения. А добротный двухэтажный дом

Даниловых (мне довелось увидеть его полуразрушенным) сейчас увы, разрушился окончательно!

Несмотря на имеющиеся причины не любить и даже ненавидеть советскую власть, в самом начале войны семнадцатилетний Василий решил пойти на фронт – защищать Родину! Однако, призывной возраст начинался с 18 лет. Кроме того, сельским жителям вместо паспортов выдавали только справки! Василию удалось получить такую справку, где был указан 1924 год рождения, а после этого и паспорт, дающий право на мобилизацию в армию! В действующую армию его из-за возраста и недостаточной подготовки направлять не стали, держали в качестве резерва. Но волею судьбы к месту дислокации новобранца Данилова приближался партизанский обоз, и Василию выдали трехлинейную винтовку, комплект патронов и научили стрелять. А вскоре определили в подразделение по охране обоза.

Хотя обоз двигался только ночью, а днём прятался в лесах под покровом деревьев, немцы были в курсе примерного направления его движения и целей. Однако, рельеф местности, огромное количество болот, речушек и холмов, отсутствие дорог, делало невозможным для фашистов остановить его движение. Обоз преодолел более 200 километров, двигаясь по направлению к мысу Кобона, расположенному на юго-востоке Ладожского озера и являвшемуся одним из концов Дороги жизни. Точное расстояние вычислить невозможно, так как маршрут движения обоза проходил преимущественно по бездорожью, дабы не дать возможность фашистам его обнаружить и уничтожить! Если посмотреть по карте, то по прямой расстояние между начальной и конечной точками его движения составляет около 180 километров! Но обоз двигался обходными путями.

Необходимо было заранее выбрать безопасные места перехода Варшавской, Витебской и Московской (Октябрьской) железнодорожных магистралей, находящихся под немецкой оккупацией. Эти магистрали периодически использовались для передислокации фашистских войск. То же самое относилось к автомобильным дорогам и шоссе, которые также приходилось пересекать обозу. Под покровом ночи обоз подходил к заранее намеченному месту пересечения, чтобы как можно быстрее преодолеть его. Времени было в обрез, а общая длина обоза достигала полукилометра!

Я с 1988 года каждое лето провожу в деревне Борок Любытинского района и могу себе представить, с каким трудом обоз преодолевал бездорожье. А ведь это была ранняя весна 1942 года. Вспоминая Блокадную зиму 1942 года, могу сказать, что

таких лютых морозов – доходящих до 40 градусов – с января по март, не помнят даже старожилы. Однако при этом толщина снежного фирнового покрова была небольшой и позволяла даже колёсному транспорту зачастую проезжать по бездорожью, а что уж говорить о санном! И 223 подводы под руководством начальника обоза Фёдора Ефимовича Потапова, зав. снабжением партизанских отрядов Дедовского р-на, смогли преодолеть необходимое расстояние по незнакомым местам сложнопроходимой пересечённой местности!

Василий Михайлович Данилов

Василий Михайлович рассказывал, что дважды во время пути на них нападали немцы и ему вместе с другими красноармейцами приходить вступать с ними в бой. Основной задачей было задержать нападающих немцев, выиграть время и дать возможность обозу оторваться и спрятаться в лесу. После этого им самим приходилось с минимальными потерями отрываться от врага, догонять обоз и продолжать охранять его с тыла. Василию повезло – он остался жив и продолжал охранять обоз до пункта назначения – Ленинграда! Обоз двигался только ночью, а днём он скрывался в лесу. В это время возничие обоза и охрана получали возможность согреться у костров, принять пищу и отдохнуть. Но отдыхали не все – небольшая группа бойцов надевала поверх полушубков маскировочные белые халаты, и на лыжах отправлялась в разведку. Перед бойцами стояла задача – разведать трассу для дальнейшего продвижения обоза ночью! Складывается такое впечатление, что этому способствовало и Покровительство Свыше! Обозу удалось без потерь достичь мыса Кобона, пересечь по льду Ладожского озера тридцатикилометровую Дорогу жизни до мыса Осиновец! Далее груз, общий вес которого превышал 40 тонн, благополучно перегрузили в железнодорожные вагоны и грузовики и доставили в погибающий от голода Ленинград 29 марта 1942 года. И этот, не имеющий аналогов в истории переход занял меньше одного месяца! Наверно, не случайно, в то же время пайка хлеба по карточкам в Ленинграде была увеличена со 125 до 250 грамм! Без сомнения, обоз спас жизни многих блокадников Ленинграда ценой жизни жителей Партизанского края, снарядивших его!

Василий Данилов охранял обоз до конца пути, затем его направили в другое армейское подразделение для продолжения службы в Ленинградском военном округе. В 1944 году после полного освобождения Ленинграда от Блокады рядовой Данилов вместе с Красной армией преследовал стремительно отступающих фашистов, но в Прибалтике получил ранение и попал в госпиталь. После этого его комиссовали, и он был демобилизован!

За участие в Великой Отечественной Войне Василий Михайлович был награждён орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Общество ветеранов ВОВ города Кировска Ленинградской области, где он проживал до конца жизни, ходатайствовало о представлении ему почетного звания Героя Великой Отечественной войны, но получило отказ по причине утраты соответствующих документов. К сожалению, такая

аргументация нередко используется до сих пор в качестве причины отказа признания истинных подвигов героев Великой Войны!

А мы с Василием дружили до самой его смерти в 2007 году.

Лев Шервуд,
ветеран Великой Отечественной войны,
житель блокадного Ленинграда

Польские и немецкие коровы

Родилась я 26 апреля 1926 года в деревне Васенево Дмитровского района Московской области. К началу войны уже работала в колхозе. В овощеводческой бригаде выращивали картошку, лук и другие овощи.

Я была комсомолкой, но когда пришли немцы, никуда не убегала, а жила в своем доме со своей семьей. Немцы были спокойными, они даже предупреждали нас о перестрелке и заставляли прятаться в подвале. Семья наша многодетная была. Только один финн был противный и злой – все ругался и норовил детей ударить. Потом немцев выгнали из деревни, наши тоже ушли, а мы работали всю войну в колхозе.

В конце войны 14 марта 1945 года меня вместе с другими девчатами уговорили поехать за скотиной. Говорили, что пригоним быстро, но гнали мы скотину с границы Восточной Пруссии и Польши больше полугода.

Александра Васильевна Орешкина

В Польшу ехали 2 недели. Все больше паровоз ждали. Нас был целый эшелон из Московской области, а с нашего района (он тогда не Дмитровским был, а Коммунистическим назывался) 36 человек было. Гнали мы коров 6 гуртов, 1200 голов. На территории Польши нас военные охраняли, а от Брест-Литовской границы военных отозвали, и мы гнали уже без них, одни. А на

границе мы письма из дома получили, вот радости-то было. Мне сразу 6 писем пришло.

От польско-германской границы мы погнали коров только 1 мая, а весь апрель там жили – гурты собирали. Сначала мы приучали коров идти понемногу – 2–3 км в день, а ближе к дому уже проходили и по 40 км в день. По дороге и кормили коров, и доили. Если корова ногу сбивала или начинала болеть – оставляли в колхозе, где находились. Председатель давал нам справку, что корова у них осталась. За время перегона оставили почти половину гурта.

Домой вернулись мы только 10 октября 1945 года, так что День Победы встретила я в Смоленске.

Коровы были польские и немецкие. Потомство того стада и сейчас можно найти на фермах в Куликово и Синьково. А меня за этот перегон наградили коровой, и хотя она была старой, но была нам кормилицей много лет.

Александра Васильевна Орешкина

Ожившие страницы

Наверное, к этому параду я шла много лет: может, вспоминая детские годы и ту многоликую восторженную толпу людей с флагами, транспарантами и цветами, идущими мимо нашего дома к площади Ленина на демонстрацию 1 мая, или годы юношества и демонстрации на праздник 7 ноября. Это уже не важно.

Сейчас важным стало другое – шествие «Бессмертного полка» 9 Мая по Красной площади столицы.

«Впервые я увидела людей с портретами дедов и прадедов на Поклонной горе в Москве ещё в 2012 году.

Это было необычно – в наши дни молодые люди в гимнастёрках военных лет или в простых футболках с надписями «Спасибо деду за Победу» шли к памятным стелам разных фронтов, чтобы возложить цветы, поздравить ветеранов, спеть военные песни и главное – вспомнить тех, «кто уже не придет никогда», минутой молчания, разделив радость их Победы под праздничным фейерверком салютов, освещающих разные точки Москвы. Наверное, именно тогда и мне захотелось стать участником этого шествия с фотографией своего деда, а может, и не только его…»

Мой дед… О нём я знала очень мало. И, видимо, именно суровые военные годы наложили свой отпечаток на то, чтобы о нём мало вспоминали.

Мой дед, Райков Гаврила Афанасьевич, 1902 года рождения – Председатель Железненского сельского совета в Заокском районе Тульской области в годы Великой Отечественной войны, не дожил до победного мая 1945 года всего восемь месяцев.

Какой для него была та война, где в боевых сражениях принимали участие его брат Алексей Афанасьевич, братья его жены – Петр Степанович и Алексей Степанович? Как ему удавалось обеспечивать выполнение сложной задачи – «всё для фронта, всё для Победы» – теперь уже рассказать об этом некому.

Но в моих стихах и коротких рассказах остаются мои детские воспоминания о нём, а на стареньких фото, потёртых от времени, «оживают» страницы семейных историй военного времени, о котором иногда рассказывали мне бабушка и мама.

Мама… В этом году ей бы исполнилось 85 лет! Но её уже нет с нами 10 лет…

9 мая в родной деревеньке моей мамы в Заокском районе Тульской области, где в суровые военные годы на её детские плечи выпала нелёгкая судьба – война и годы лихолетья, и где,

начиная с 1943 года (тогда ей было всего 12 лет), она трудилась в колхозе имени 20 лет РККА наравне со взрослыми, помогая нашему фронту и нашим солдатам. Там она выращивала и собирала на полях урожай, когда над полем кружили немецкие самолёты, трудилась на лесозаготовках и каменоломне с ровесницами-подругами.

В феврале 1942 года семья мамы потеряла родного брата моей бабушки – он погиб в боях подо Ржевом.

В 1944 году, когда война «откатилась далеко на запад», и казалось, что тяжелым испытаниям пришел конец, – в семье произошла еще одна трагедия – умер отец моей мамы.

Но и после его смерти не обошли семью драматические события – за выполнение дедом служебных обязанностей по военному учёту, нередко подававшим списки военнообязанных в райвоенкомат, на семью обрушился гнев вдов и новых исполнителей власти, а работу 13-летней девчушке подыскивали потруднее.

Особенно тяжёлыми оказались эти годы ещё и из-за того, что по деревне ползли слухи о том, что родной брат Евдокии Степановны перешёл на сторону предателей, там в глухих лесах Калининского фронта, в лесах ныне Тверской области.

Это уже потом, спустя многие годы после войны, найдутся документы о погибшем в суровом феврале 1942 года брате моей бабушки – Панове Петре Степановиче, о его патриотическом поступке в день рождения Красной армии, а также документы, подтверждающие беспримерный подвиг сельских тружеников под девизом «Всё для фронта! Всё для Победы!».

И тогда семье моего деда вроде бы и воздадут должное: бабушке увеличат государственную пенсию, как жене служащего во время войны и выполнявшего политические задачи в военное время, а мама будет удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Да и сын Райкова Гаврилы Афанасьевича, Николай, покинувший семью ещё в 1939 году, прошедший дорогами войны до Берлина в составе 724-го штурмового авиаполка, напишет трогательное письмо «сестрице Леночке» с добрыми воспоминаниями о родительском доме.

Я никогда не видела, чтобы мама даже в праздничные дни 9 мая, когда собиралась вся родня, чтобы вспомнить погибших на фронтах Великой Отечественной и воздать дань уважения Победителям-орденоносцам, надевала свои медали – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда».

Скромная труженица, пережившая войну, отдавшая более

тридцати лет тяжёлому труду на хлопчатобумажном производстве подмосковного города Серпухова, думаю, что и она заслужила, чтобы её портрет пронесли по Красной площади на шествии «Бессмертного полка» в её юбилейный год.

И мне удалось это сделать. Я горжусь своей мамой, своей семьёй, своей Родиной – малой и большой.

Мамонтова

Думаю, что и дед мой был удостоен каких-либо наград или знаков отличия за свой трудовой вклад в дело всеобщей Победы, но то ли время, то ли деревенский пожар, а может ещё какие-либо другие причины стали источником исчезновения некоторых документов того времени – они не сохранились.

Вот такая она – моя малая родина – деревенька Железня в Тульской области, в которой родилась и выросла моя мама, откуда родом и мой дед.

Создавая свои стихи о близких мне людях, открывая страницы солдат на сайте «Бессмертного полка», я хотела не

только увековечить в них память о том военном времени, но и вспомнить о заслугах мамы и её семьи в годы Великой Отечественной войны, чтобы о суровых годах жизни того военного поколения узнали внуки и родственники, вспомнили подруги мамы и односельчане, боевые друзья-курсанты.

Возможно, многих из них тоже уже нет в живых, как и моей мамы. Но я надеюсь, что кто-то из них или кто-то из числа их родственников – детей и внуков, перебирая семейный свой архив, тоже захочет не только вспомнить своего родственника – деда, бабушку, мать или отца, но и записать их в «Бессмертный полк», собрать, а не продать их награды за ратный подвиг и военный труд, найти забытый погост, восстановить или поставить новый памятник деду, став «Волонтёром Победы», приписав простое человеческое «Спасибо деду за Победу» или пронести с достоинством их портрет по Красной площади на шествии «Бессмертного полка» и превратить его, это шествие, в настоящий праздник Победы – 9 мая.

До встречи на шествии «Бессмертного полка»!

Галина Гаврилова-Мамонтова

Труд под названием «война»

Смирнов Василий Павлович (1909–1980)
Смирнова Анна Константиновна (1910–1992)

Это мои тёща и тесть. Похоронены на кладбище Жертв 9-го Января в Санкт-Петербурге. При жизни мало говорили о военных годах. Как-то исподволь я от них и других родственников услыхал отдельные эпизоды из их жизни в то время. Используя эти обрывочные рассказы и их письма военной поры, я постарался увидеть их глазами то, что им в то время досталось.

Анна Константиновна и Василий Павлович Смирновы

Анна Константиновна Смирнова

В мае 1941 года мы поехали отдохнуть на лето в деревню Вычерема Новгородской области к тёте Дуне. Нас пятеро: взрослые – золовка Клавдия и я; ребятишки – Лёня, сын другой золовки Нюры, мой пятилетний сын Славик, на два года младше Лёни, и дочь Наденька, четырёх месяцев.

Славик и Лёня в деревне стали своими. С деревенскими ходят на речку Мста, в лес.

Маминой сестре тёте Дуне я рассказала, что после детского дома училась в ФЗУ – это Фабрично-заводское училище, из

которого меня направили на текстильную фабрику. Работала, выполняла комсомольские поручения. Меня приняли во Всесоюзную Коммунистическую Партию большевиков – ВКП(б). Послали в партийную школу. Там я познакомилась с Васей. У Василия Павловича Смирнова брат и пять сестёр. Мы с ним приглянулись друг другу. Поженились. Его направили работать на Октябрьский вагоноремонтный завод в столярный цех. Он окончил ФЗУ по специальности столяр-краснодеревщик. Завод дал Васе комнату в трёхкомнатной квартире. Туда мы въехали с маленьким сыном Славиком.

В деревне свои хлопоты. Огород прополоть, в хлеву убрать, накосить траву, высушить её, стог сметать. Заготовка дров: спилить двуручной пилой деревья в лесу, которые лесник покажет, брёвна распилить, перевезти во двор, колоть и укладывать в поленницы. Я помогаю тёте Дуне.

Найти сына

Началась война с немцами. Надо срочно возвращаться в Ленинград. Нам дали подводу на станцию Любытино за двадцать километров. Там уже народ собрался. С поездами неразбериха. Расписание не действует. Кто-то сказал, что состав на втором пути как будто должен идти в Ленинград. Билеты не продают. Люди начали туда загружаться. И мы тоже.

Наконец прицепили паровоз. Поезд пошёл. Но тут по вагонам прошёл железнодорожник и сказал, что состав идёт в другую сторону. Ближайшая остановка ожидается часа через два. Поезд едва ползёт в гору. Кто-то предложил выходить и возвращаться в Любытино.

Вместе с другими из вагона выскочил и наш Лёня. Я подаю им с Клавдией наши катули. Слава подносит их мне. Вещи кладут на насыпь. Так же положили и спеленатую дочку.

Теперь всё надо собрать. Люди идут в Любытино. Ну вот, вещи в кучке. А где Слава? Ищем. Кричим. Другие тоже что-то кричат. Я в нашей группе старшая по возрасту. Мне и решение принимать.

Надо идти. Возможно, на станции найдём сына. Ветра нет. Жарко.

На станции народ суетится. С поездами ясности нет. Славу не нашли. Пошли в Вычерему. Хочется реветь. Солнце печёт. Но Лёня и Клавдия тоже нагруженные. Мокрые от пота. Хотят пить. Их поддержать надо.

Добрались в темноте. Обгорели. Еле отпились.

Как же я Васе напишу, что Славуля потерялся?

С утра работаем в огороде. Все разговоры о Славе. Как его искать?

После обеда прибегает соседка:

– Нюра! Славик нашёлся! Он в правлении.

Побежала туда. Славик усталый сидит. Улыбнулся мне. А я в слезах.

Уборщица рассказала, что его привели ленинградцы. Они ехали в том же поезде. В Любытино пошли к знакомым переночевать. А родственники, у которых жили – в деревне Боровщина. С утра пораньше, путь-то неблизкий, пошли. По дороге бредёт мальчик. По пути. Пошли вместе. Его оставили здесь, а сами чуток отдохнули, попили водички и дальше.

Я уже поуспокоилась и подошла к председателю:

– Здравствуйте. Нам не удалось уехать в Ленинград. Неизвестно, на какое время затянется война. У меня на руках трое детей. Мне нужна работа. В деревне я не работала.

– Вы член партии?

– С 1932 года. После партийной школы на фабрике занималась партийной работой.

– Давайте я вас запишу. «Смирнова Анна Константиновна. Из Володарского района Ленинграда». Надо посоветоваться. Я рад, что ваш сын нашёлся.

Мы со Славой пошли домой.

– Где же ты ночевал?

– После поезда я не мог вас найти. Пошёл со всеми на вокзал. С утра отправился в Вычерему.

– Ты, небось, голодный со вчерашнего дня?

– Вчера на вокзале мне дали хлебушка, три картофелины в мундире и луковицу. А по дороге тётя Даша на привалах кормила нас с дочкой Ниной.

Американский подарок

Председатель колхоза сказал, что завтра меня ждут в Райкоме партии. Лошадь с кучером и тележкой будут.

На заседании бюро Райкома партии зачитали мою характеристику из Ленинграда. Назначили председателем сельского Совета народных депутатов.

Васю призвали в армию. Он капитан, заместитель командира батальона сапёров по политической части на Ленинградском фронте. В обороне сапёры ставят проволочные заграждения, минируют наш передний край, строят блиндажи.

Васину маму, Наталью Ивановну, вместе с дочкой Анной эвакуировали под Новосибирск. Другую мою золовку, Валю, с её конструкторским бюро направили в Казань.

Горько сознавать, что Красная армия отступает. Немцы подошли к Ленинграду. Город в блокаде.

А здесь: обмолот зерновых, сдача сельхозпродукции колхозами, лесозаготовки, обработка льноволокна, подписка на займы и многое другое. Мой сельсовет в числе передовых.

Наступил 1943 год. Красная армия прорвала блокаду Ленинграда. Это радость ленинградцев и страны.

Мы здесь живём вне военной опасности. Знаем, чем наша помощь больше, тем наш фронт крепче. Я получила американский подарок. Детская одежда, а мне платье шерстяное. Спасибо простым американцам, которые шлют посылки советским людям.

Васю наградили медалью «За оборону Ленинграда». Нам приятно.

Василий Павлович Смирнов

Письмоносица Фрося ежедневно в любую погоду развозит почту по деревням. Мне от Васи уже три месяца нет писем.

…Наконец от Васи письмо пришло. Его наградили орденом Красной Звезды. Очень приятно, но нужно, чтобы письма приходили порегулярнее.

Ожидаем обещанный приезд Васи в отпуск. Надо посоветоваться. Мне предлагают перейти работать в Райком партии. Ответ пока не дала.

Уже больше двух лет я председатель сельсовета. Он обычно в числе передовых. Успехи даются упорным трудом. Подчас в ущерб здоровью. Так и инвалидом стать просто. Но ныть не время – война. Очень трудно выполнять распоряжение Райкома партии о выделении людей от колхозов на сплавные работы. Вязать брёвна в плоты и спускать их на воду. По реке их гонят на дрова для городов. Но в деревнях женщины и старики. У женщин дети – кто болен, а другие малы, чтобы их оставлять одних.

Зарплата в Райкоме в четыре раза выше моей сегодняшней. Но жить в райцентре в отрыве от семьи. А Красная армия уже в ста пятидесяти километрах от Берлина. После Победы – возвращаться в Ленинград. Работа в Райкоме, может задержать отъезд. Что же решить?

Телеграмма от Васи пришла неожиданно. Надо ехать в Любытино встречать мужа. Погода непонятная. На колёсах ехать или на санях? Встретили. Все рады. Надя пляшет, стихи читает, хочет вперёд всех быть около папы. Славик покраснел и старается вести себя степенно. Тоже хочет папу обнять. Тётю Дуню и Клавдию Вася обнял. Поцеловал.

За столом фронтовика спрашивают о боях, о победах. Он отвечает, что это не так интересно, как кажется. Больно, обидно и жалко, когда люди в бою рядом падают раненые и убитые.

Дома Вася и Славик листают школьные тетрадки, отцовские бумаги. Сын спрашивает:

– Папа, а за что у тебя орден Отечественной войны, и благодарность к нему. Всем так дают?

– Нет. Этот орден и благодарность мне перед строем батальона вручил командир нашей Ленинградской Краснознамённой дивизии.

Очередное совещание. Второй слева – В. П. Смирнов

Нашей дивизии поставили задачу: переправиться через небольшую речку и занять ближнюю деревню. Наш командир батальона собрал совещание. Задача сапёров – обеспечить преодоление дивизией речки. Очевидно одно решение: делать плоты для людей с пулемётами, миномётами, лёгкими пушками.

После совещания мы с Андрюшей, моим земляком, командиром роты идём, курим. Задача сложная. У плота скорость маленькая. Сколько-то плотов немцы разобьют из артиллерии во время переправы.

На следующий день Андрей сказал, что его ребята на реке нашли брод. Но сейчас вода большая и для техники его использовать нельзя. Глубина больше метра. Я потащил ротного к комбату. Он выслушал. Отпустил нас. Когда стемнело, вместе с сапёрами пришёл к реке и убедился, что это так. Андрею он сказал, чтобы с изготовления плотов перешёл на скрытную подготовку секций моста высотой больше глубины, а шириной, чтобы машина прошла. Основные работы по наведению переправы проводить тогда, когда начнётся операция. Я был в курсе всех дел роты по подготовительным работам.

Сигнальная ракета. Плоты пошли. Секции моста стали выдвигать. В это время Андрей упал раненый. Его санитары унесли в медсанбат. Я принял командование второй ротой на себя. Поставили дымовую завесу. Мост быстро собрали. По нему пошли машины с пушками, пехотой. Операция прошла удачно.

Дивизия задачу выполнила. Больших потерь людей и техники

избежали. Потом был строй моего сапёрного батальона, перед которым меня и наградили.

Чрезвычайное сообщение

Первомайские праздники 1945 года прошли тяжело. Умерла моя бабушка 30 апреля. И хоронили её в праздничный день. Мне надо вести торжественное совещание. Комок в горле. Тяжело. А дело своё делать надо.

Прошло несколько дней. Однажды в шесть часов утра пришёл нарочный:

– Анну Константиновну срочно к телефону.

Вскакиваю, собираюсь, думаю, по какому вопросу меня сейчас могут требовать. Перебираю в мыслях состояние проблемных дел. Всё идёт без сбоев. Тут что-то другое. Мелькнула радостная мысль. Она и подтвердилась. С фронта чрезвычайное сообщение: ПОБЕДА!

Такую весть надо срочно довести до всех людей. Собрали агитаторов, проинструктировали и отправили в колхозы для проведения митингов. Эти торжества перешли в массовое гуляние. Молодёжь танцует, веселится.

Следующий день солнечный, ясный. С энтузиазмом люди продолжили посевные работы – хорошую погоду надо использовать.

Мне Исполком выписал платье за 75 рублей.

Окончание войны 109-я стрелковая Ленинградская Краснознамённая дивизия, в которой служит Вася, встретила в Латвии на берегу Финского залива в населённом пункте Павилоста.

Низкий поклон

После демобилизации Василий Павлович Смирнов работал на Октябрьском вагоноремонтном заводе им. Кагановича Л. М., в паровозном депо. Был депутатом Володарского районного Совета депутатов трудящихся.

Анна Константиновна Смирнова работала руководителем небольших организаций в Володарском (после переименования – в Невском) районе Ленинграда. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Большая война требует огромных усилий людей на передовой. Каждый воин должен быть сытым, одетым, обутым,

иметь исправное оружие, достаточное количество боеприпасов. Всё это из тыла. А там работали, в основном женщины, под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!». Растили детей. Работникам тыла тоже нужно поклониться в ноги. Ведь и медали «За оборону Ленинграда» вручали не только тем, кто с оружием в руках дрался с врагом, но и тем, кто обеспечивал армию всем необходимым, работая в осаждённом городе. И воюющие, и работники тыла справились с этим огромным трудом под названием война. Бессмертный полк. Имя ему советский народ.

Анатолий Алексеевич Ворончихин

notes

Примечания

1

Канонерская лодка – класс небольших боевых кораблей с артиллерийским вооружением, предназначенных для боевых действий на реках, озёрах и в прибрежных морских районах, охраны гаваней.

2

Николай Доризо. Дочурка.